

The Lost Soul

Yekonie Sheldon

Annotation

Керри потеряла своего отца ещё в детстве. Отец девочки погиб в автокатастрофе. Девочка вместе с матерью выжили, но её мучают постоянные кошмары. И мать решает на большой и ответственный шаг — увезти дочь в другой город. Но кто же знал, что на новом месте начнут происходить странные события.

Ледяной морозный ветерок проскальзывает сквозь щель открытого окна. Гуляя по салону в собственном направлении, он касается каштановых волос маленькой девочки, которая сидит на детском синем сидении, пристегнутая крепким ремнем безопасности. Она разглядывает зелеными большими глазенками бегущую полосу из деревьев. Девочка трясет своими ножками и извивается на кресле, поднимая руки вверх, как будто хочет выйти из этого крепкого замка, обвитого вокруг ее маленького тельца.

— Кроха, не пинай папу, — мягко проговаривает мужчина, сидящий впереди нее за рулем красной машины. Девочка с каштановыми волнами на голове издает легкий смешок и ее хихиканье раздаётся по всему салону.

— Сиди тихо, малышка, — уговаривает ее женщина с волнистыми локонами орехового цвета, угрожая указательным пальцем. Малышка сразу замолкает и перестает пинать отца. Женщина с волнистыми, волосами цвета ореха и небесными глазами улыбается ей, протягивая свою руку, которую девочка так упорно просила на протяжении всей дороги. Ветерок все еще играет с волосами маленькой принцессы, из-за чего та вздрагивает, крепко сжимая руку матери.

— Дорогой, прикрой окно, а то Керри простудится, — просит его жена. Мужчина, поворачивая руль направо, кивает головой.

— Сейчас.

Он дотягивается до своей стороны, где располагался пульт регулирования. Мужчина потянулся к черной кнопке и окно девочки закрылось, не давая ветру выход на волю.

— Неть, отклой! — завизжала малышка сзади.

— Дорогая, сейчас не время, — пытается успокоить ее мама, ловя пухлую ручку девочки.

— Кроха, потерпи, — Отец девочки кидает быстрый взгляд на зеркало. — Не долго осталось.

Малышка заглядывает в серые глаза своего отца, смиренно кивает ему в зеркале. Девочка откинулась назад в кресло и повернула головку в окошко, где снежинки танцевали на ветру в быстром темпе, как будто куда-то спешили. Колеса скользят при каждом повороте. В Техасе вообще всегда так, когда приходит зима. На улице постоянно лежит снег, а на дорогах гололед из-за сильного холода. За окном лежал, будто одеяло, белоснежный снег.

Здания в городе стояли сплошной высокой стеной, как будто хотели от чего-то защитить жителей города — как и девочку с ее родителями. «Стена» из высоких стеклянных зданий хотела обезопасить их от того, что угрожало им по ту сторону штата. Головка девочки приподнялась; ее закрученные в маленькие кудряшки локоны чуть запружинили. Глазами она наткнулась на облезлые слова, которые возвышались на стенде при въезде в город:

«Сохраняйте Остин необычным» — напутствовала старая надпись.

Маленькая Керри, при виде надписи, указала пальчиком в стекло, тыкая и крича во весь голос:

— Мамь, смотри! — Она все стучала пальчиком в окно, привлекая внимание своей матери. Девочка так хотела, чтобы она увидела эти слова, хотя Кара читала их в сотый раз. Женщина повернулась в ее сторону и слабо улыбнулась.

— Что, детка? — Она приподняла бровь и проследила за ее пальчиком.

— Смотри, — говорит девочка. Женщина с усталым видом нагнулась пониже, чтобы четче разглядеть стенд. Ее лицо просияло, а на лице показалась улыбка.

— Что там, милая? — спрашивает отец свою жену, которая случайно задевает его плечом.

Женщина старалась не отвлекать своего мужа, она чувствовала себя не в своей тарелке. Предчувствие о плохом не покидало ее, пока отец девочки не повернул на право с многочисленными ругательствами. Девочка все еще осматривала город; улыбка не сходила ее лица. Глаза сияют, как огни на елке в рождественскую ночь. Мать девочки поворачивается к мужу, который выруливает на другую сторону красную машину.

— Черт! — кричит мужчина с каштановыми волосами и серыми, как тучи, гуляющими на лютой стуже сегодня, глазами. Малышка подпрыгивает с места; ее сердце бешено бьется, в глазах читается ужас. Она поворачивает голову то в одну сторону — к окну, то в другую — к родителям.

— М-а-а-а-мь, ма-а-мь, — зовет она дрожащим голосом, бегая глазами по сторонам. Девочка напугана, она хочет, чтобы это все закончилось. На глаза потихоньку наворачивались слезы.

— Эй, Керри... — Мама тянется к испуганной девочке. Маленькая Принцесса тут же хватается за руку женщины, как спасательный круг. На лице Кары испуг, но она не хочет, чтобы дочь это видела. Она хочет, чтобы она оставалась спокойной. Но как здесь можно быть спокойной, спросите вы.

Да, «спокойной» — слово не то.

Женщина пыталась защитить своего ребенка, который плакал, не понимая, что происходит. Отец девочки увозил свою семью в безопасное место. Красная машина развернулась в левую сторону. Руль в руках у мужчины задрожал и машину уносило на обочину. Однако, он не терял хватки. Сильными руками он схватился за дрожащий круг и резко повернул в противоположную сторону.

— Держитесь! — предупредил он, выруливая на заснеженную дорогу. На пути встретилась легковая машина. Отец Керри сигнализировал ей, но водитель не слышал его писка.

— Эй, с дороги! — твердит он, не сбавляя скорость. Мать малышки потянулась к руке мужа. Ее голос дрожал как при огромной тряске.

— Джон, разверни машину, пока не поздно! — щебетала ему она, дергая за рукав куртки.

— Нет, пусть сам уезжает! — упрямылся муж. Он нажал на газ так, что машина засвистела задними колесами и рванулась с места.

— Джон, проезжая часть не для глупостей! Сейчас не самое подходящее время! — упрекала мать девочки.

Но муж не слушал свою жену. В нем сейчас играл азарт и, как он думал, везение, что сейчас он проедет грузовик, показывая свою власть, и ничего не приключится. Он хотел спасти свою семью, но помутненный разум не давал осознать всю картину происходящего.

— Керри, закрой глаза! — кричит мать, чтобы она этого не видела. Она боялась, что это картина запомнится ей раз и навсегда. Девочка как будто была глуха; она завизжала и стала бить розовыми босонжками папино кресло, не жалея, что они испортятся.

— Джон, хватит, остановись! — пригрозила ему жена, кидаясь на него с кулаками. По лицу женщины катились жгучие слезы.

* * *

Резкий толчок. Машины врезаются друг в друга, а оба водителя ударяются головами об лобовое стекло.

Водитель фуры оказался старым дедом. Он был в клетчатой поношенной рубашке, меховой куртке и в утепленных джинсах, с ковбойскими сапогами на ногах. Все его лицо было в царапинах, из головы сочилась алая кровь. Проходящая молодая пара, увидев это, запаниковала. Девушка с рыжими, как огонь, волосами побежала к старику и склонила голову.

— Эй, вы меня слышите? — Она пыталась достучаться до пожилого человека. Обеспокоенная девушка с огненными волосами вскрикнула, когда увидела красное пятно у себя на руке.

— Дэрэк! — Девушка позвала своего парня. Он оказался перед ней как только перешел дорогу. Низкий паренек с волосами цвета луны сгреб ее в охапку и оторвал от земли.

— Нечего нам здесь делать, пошли отсюда! — рявкнул парень ей в лицо. Легкий ветерок дунул в ее сторону и она поморщила свой милый носик.

— Господи...

Она оторвалась всеми силами от парня, выбираясь из его хватки, и подбежала к группе бессознательных людей, которые покоились по разным сторонам от проезжей части.

Мужчина с каштановыми волосами лежал на капоте машины с закрытыми глазами. Его тело не дышало, одежда вся мятая. Ноги, как у солдата, лежали вместе. По телу пробежались мурашки, когда на её глаза попала милая девочка лет одиннадцати.

Половина каштановых локонов закрывало ее лицо, остальная часть была разбросана на асфальте. Веки маленькой девочки так же как у мужчины, были закрыты. Рыжая не знала, что делать, но помочь она была обязана. Сквозь шум ветра слышались шаги парня, который брезгал всем, к чему прикоснется или что-то ему не понравится. Такие типы парней, увы, бывают в этом мире...

— Маргарет, идем, что мы тут забыли? — в его голосе слышалось недовольство. Парень дотронулся до руки девушки, чтобы увести ее отсюда.

— Нет! — гневно прыснула она, уставившись на девочку. — Мы должны позвонить в скорую и вызвать полицию.

Плечи Маргарет задрожали и из горла вышла горечь. Парень гневно выдохнул, достал мобильник и после недолгих гудков в трубке послышался мужской голос.

— Здравствуйте, скорая?

Парень на что-то кивнул, смотря на тела умерших.

— У нас тут авария.

— Говорите адрес. — Мужской голос был резок и на слух не приятен.

— Конгресс-авеню.

— Мы выезжаем. — Голос стих и последовали гудки.

— Скорая скоро будет здесь, — оповестил он свою девушку.

Маргарет с сочувствием оглядела тела: старика, который лежал на капоте своей синей машины; окровавленного мужчину с каштановыми волосами, и девушку рядом с ним. На щеке женщины остался след засохшей слезы. И, наконец, на маленькую девочку. Вроде в ней не было ничего такого, но признаки жизни она все-таки не подавала. Можно было подумать, что она просто спит, если не замечать ее не поднимающейся груди и отсутствие сопения.

— Почему ты не вызвал полицию? — оторвав взгляд от девочки, Маргарет вернулась к

парню. Тот лишь пожал плечами.

— Тут уже никакая полиция не поможет, — с горечью в голосе проговаривает он.

4 года спустя...

— Керри, завтрак готов! — слышу ее голос. Нехотя скидываю ноги на прохладный пол, зевая. Потянувшись, я прохожу к зеркалу, рассматривая себя. Румянец на щеках, яркий блеск в зеленых глазах и вечное гнездо в волосах говорили о том, что кто-то не выспался.

Я прошлепала к соседней комнате, которая была оборудованна под ванную, чтобы освежить дыхание и привести себя в чувства. Когда теплая вода согрела меня, приводя обезвоженное тело в стабилизированное состояние, я вышла из душа, оборачивая себя мохровым полотенцем.

Через минуту — одев на себя серую футболку и первые попавшиеся на глаза джинсы — я уже спустилась на очередной зов мамы с первого этажа.

— Доброе утро, мам, — все еще сонно лепечу я, садясь напротив нее.

Мама — с пучком на голове и китайскими заколками по бокам, которые торчали у нее возле ушей — готовила и порхала передо мной. Ее осиную талию идеально подчеркивал бежевый халат. Мама проплыла сзади меня и, взяв очередную тарелку, поставила на стол завтрак, который уже через минуту оказался перед моими глазами.

— Доброе, солнышко! Как спалось? — спрашивает она, смачно целуя в лоб. Мой ответ на ее вопрос был долгий и протяжный зевок, на что мама мягко рассмеялась.

— Приятного аппетита, дорогая, — Она похлопала меня по спине и принялась уплетать в обе щеки.

В этот дом мы переехали четыре года назад, после того, когда случилась та страшная и губительная авария. Авария, которая забрала у меня Его — безвозвратно.

Я не знаю, что мне делать теперь и как дальше жить, но мама постоянно мне говорила и продолжает говорить, что это жизнь и нужно продолжать путь, каким бы он ни был тернистым и кого бы он ни забрал — в любом случае не падать духом, а смотреть смерти прямо в глаза. По началу я ей не верила, но со временем это привилось в памяти, и я стала просыпаться с этими словами каждый день. Увы, как бы прискорбно это не звучало — это жизнь и нужно продолжать жить что бы не случилось.

Наш дом был первый в списке часто продаваемых домов и маме тогда улыбнулась удача. Она купила его сразу с помощью своей сестры Фиби и папиного брата. Это пристанище с двумя этажами, большой гостиной, уютной кухней, теплыми комнатами сверху и ваннами, которые были встроены в моей комнате и родительской спальне как дополнительный бонус.

— Ну, как, готова к новой школе? — спросила мама, улыбаясь и возвращая меня в настоящее.

Убрав тарелку в сторону, натянула улыбку на лицо и кивнула.

Я зачислена в новую школу Бремсберг и отныне новые друзья, новая школа, новая жизнь — мой девиз на оставшийся год.

Вытерев салфеткой рот, встаю из-за стола, убирая тарелку в раковину. Поблагодарив за завтрак, поцеловав маму в щеку, я поднимаюсь к себе. Уже через две минуты я готова к новой жизни.

* * *

Сев в нужный автобус, надеваю наушники и включаю первую попавшуюся песню в плеере. На грязных стеклах ручьем бежали капли дождя, а размытость снаружи все никак не

хотела уходить. Сизтл всегда — насколько я знаю — казался темным и мокрым городом. Каким-то Хмурым Существом с вечно плохим настроением на всё и всех. Его прозвали городом дождей, потому что каждые сутки, семь дней в неделю, здесь льет, как из ведра. Он чем-то смахивал на меня: такой же вечно пасмурный, ходячая серость, в то же время интригующая личность.

Наконец, доехав до остановки, я расплачиваюсь за проезд и выскакиваю из автобуса. На лице появляется улыбка, когда я вижу высокое кирпичное здание с большими окнами и широкими двойными дверями. Двери то открывались, то захлопывались со стуком, впуская и выпуская юные дарования.

Окунувшись в этот омут, я попробовала прошествовать по длинному захудалому коридору, где сидели работающие Пчелки с одинаковыми конскими хвостами на макушке. Постукивания по клавиатуре резали ушные перепонки. Яркий свет падал на их тонкие черты лица, отдаваясь синим оттенком.

Подхожу ближе к самой близкой ко мне Пчелке. Шаги оглушают монотонные звуки и удары от их пальцев по клавиатуре. На меня смотрит женщина лет тридцати пять с собранными в хвостик секущимися волосами. На ней берюзовая блузка, на спинке кресла аккуратно уложен чёрный пиджак, а ноги закрыты рабочим столом. Я откашливаюсь, теребя лямку рюкзака на одном плече:

— Простите, — лепечу я. Она улыбается, оставляя клавиатуру в покое.

— Здравствуйте, я новенькая.

— Привет, как тебя зовут? — спрашивает она с улыбкой на лице, сцепливая руки в замок на столе, чуть поддаваясь вперед.

— Меня зовут Керри... Керри Скилеф, — отвечаю и пробую улыбнуться, но получается слабо. Женщина хлопает в ладоши и ныряет в кипу бумаг за своей спиной.

— Так, посмотрим, — шепчет она между перерывами. Наконец она достала толстую папку и тонкую бумагу, возвращаясь ко мне с сияющим личиком. Тонкую бумагу, что держала в левой руке, женщина протянула мне.

— Держи, — поправив резинку в волосах, Пчёлка кивнула на бумагу и посмотрела на меня. — Это твоё расписание на неделю. Расписание периодически будет меняться, так что ты не переживай, ладно? Что ещё?

Она стучит пальцем по подбородку, сощуривая глаза.

— О, и последнее: твой первый урок будет в Б2. Успешного дня, Керри Скилеф!

— Спасибо.

Ещё раз взглянув на врученный мне листок, одарив Пчелку улыбкой и ещё раз поблагодарив за помощь, выхожу на поиски Б2.

Кабинет оказался большим и просторным. Все парты, естественно, заняты, кроме одной — возле окна.

— Здравствуйте, Мисс... Скилеф.

Ко мне подходит мужчина средних лет, криво улыбаясь. Я откашливаюсь.

— Здравствуйте, я новенькая. — Делаю шаг к нему и улыбаюсь на все лицо. Он отмахивается и закатывает глаза.

— Да, я знаю, меня уже предупредили. — Он всовывает мне учебник и проводит рукой по ряду. — Садитесь, осталось последнее место.

Я молча киваю и прохожу в шумный поток новых одноклассников. Останавливаюсь возле парня, сидящего за единственной свободной партой возле окна. Сажусь рядом, но он

даже ухом не ведёт.

— Итак, продолжаем лекцию. — Мужчина ткнул себя пальцем в грудь и поднял подбородок. — Меня зовут Мистер Маршал и я буду вести у вас предмет по биологии. — Он повернулся к доске и начал царапать по ней белым мелом.

К сожалению, тема урока была молекулярная анатомия, которую я изучала — от корки до корки — в предыдущих школах. Однако вздыхаю и продолжаю слушать и записывать в сотый раз.

Черноволосый по-прежнему смотрит в оконце. Казалось, его больше привлекала ситуация снаружи, чем внутри. Случайно локоть увернулся вбок, задевая локоть соседа. Он резко вздрагивает, испепеляя своими ярко-зелеными глазами. Короткие чёрные волосы зашелестели, как трава после дождя; он отодвинулся дальше, пренебрегая. Почему-то из-за этого чувствую себя виноватой. Я опустила глаза и заслонила себя густыми волосами.

После прошумевшего звонка кое-как выбираюсь из кабинета и двигаюсь в шумный коридор, где, надеюсь, Черноволосый меня не словит.

Внезапно тело начинает потряхивать. Я прохожу ещё пару шагов — мимо меня проносятся женские голоса и гоготания парней — и краем глаза замечаю железные ряды школьных шкафчиков. Дрожащей рукой прислоняюсь к одному из них и опускаюсь спиной, когда чувствую, как ноги подкашиваются. В ушах образуется звон. Состояние как при обмороке и мне становится страшно. Неужели, снова приступ? Нет, только не это... Голова в одну секунду откидывается назад, лямка рюкзака слетает и падает вниз. Воспоминание, как раскаленное железо, всплывает в мозгу и я морщусь.

Стою возле Его могилы. За спиной подавленная и убитая мать, которая всхлипывает и что-то лепечет на своём языке. Я шмыгаю носом, но слёзы не стекают по щекам как у многих здесь присутствующих. Он лежит здесь, пока мы должны продолжать жить без него. Мамина рука сжимает мое плечо и уводит к родственникам. Из них я знаю только её сестру Фиби и папиного брата Уолта. Она бережно усаживает меня на одну из лавок и укрывает клетчатым одеялом.

— Я скоро вернусь, милая. — Она погладила меня по бледной, холодной щеке. — Пока побудь с Тетей Фиби, пожалуйста. — Я лениво кивнула и заморгала. Она поцеловала меня и отдала на попечение своей сестре. Тётя Фиби улыбнулась, хоть и слабо, и крепко прижала к себе.

— Все будет хорошо, — смачно целуя, заверяет тетя.

Я сидела на скамье, всеми фибрами души желая оказаться в другом месте. Тётя Фиби отошла в сторону, уверяя меня, что скоро вернётся. Я наблюдала за своей мамой и слушала, как она сквозь слёзы просила своего мужа вернуться и никогда так не шутить. Однако он её не слышал. Уже не слышал. Я глотала внутри слёзы, пытаюсь бороться с дрожью во всем теле.

— Джон, любимый, я всегда буду верить, что ты оберегаешь меня... — Мама осеклась, вглядываясь в меня среди бесконечных рядов. — Нас. Мы тебя будем помнить. Спасибо судьбе, что свела наши пути воедино. Ты собрал меня в одну мозаику. Но теперь же снова сломал и раскромсал пополам. — Она снова всхлипнула, но на этот раз поддалась слабости и больше не сдерживала себя. — Если бы не эта авария...

С её щёк потекли горячие слёзы и моё сердечко сжалось. Вслхлипнув в последний раз, мама собрала горстку земли и бросила в яму, засыпая весь периметр.

Когда могила была выколочена и опущена по самое дно, я поняла, что это конец. Я

потеряла то, что раньше думала, никогда не потеряю. А Он всегда будет со мной до самой старости.

В тот злополучный день я потеряла своего родного человека. Своего отца.

С осознанием этого, взбунтовались и проснулись мои эмоции и на меня нахлынуло чувство горечи и мрака.

— Эй, очнись, — Сквозь звон в ушах слышу приятный голос, но не понимаю откуда он доносится.

Одна острая пощечина, как лезвие по венам, сразу освежает. Я морщусь, вздрагивая. Подпрыгиваю на месте и осматриваюсь по сторонам. Плечи поддергиваются и понимаю, что потеряла сознание.

Черноволосый сидел на корточках передо мной во всем своем величии. Его яркие зелёные глаза всматриваются в моё лицо. Длинные пальцы, как у опытного врача, поглаживают меня по поечам.

— Ты как? Можешь встать или тебя донести? — спрашивает он с озабоченностью в голосе, но на последнем слове усмехается и тянется к моим ногам. Я шлепнула его по рукам и зашипела.

— Не смей! Я смогу справиться сама, — огрызаюсь я. Он усмехается и поднимает в стороны руки, сдаваясь.

Поднимаюсь, но снова падаю, однако меня ловит Сосед по парте. Он смеётся, подхватывая меня.

— Что с тобой? Неужели ПМС? — соркастично заявляет он, оттряхивая мой рюкзак и приподнося его хозяину — то есть мне. Я фыркаю и закатываю глаза.

— Не твоё дело, чувак.

Я презрительно оглядываю его и замечаю, что — для середины осени — он одет более чем легко. Тёмная футболка висела у него на плечах, обтягивая плоский живот, брюки, цвета слоновой кости, тянулись вниз.

— А ты значит из тех парней, которым нравится издеваться над бедными девушками?

Парень закатывает глаза и в миг его усмешка исчезает. Он выпускает меня и указывает на себя, затем на меня.

— Если ты такая умная, значит поймёшь с первого раза: не суй нос куда тебе не следует, хорошо?

Он с минуту молчит, но в глазах читается раскаяние. Я киваю, пригвождая глаза к полу и удерживая себя, чтобы не рассмеяться. Парень отходит назад и кивает.

Я прохожу мимо него, но уже в пару километров он догоняет меня и прямо по коридору мы оба идем нога в ногу.

— Эй, прости меня.

Он ловит мой локоть и пытается улыбнуться. Черноволосый протягивает мне руку.

— Питер. А как твоё имя? — Я усмехаюсь и пожимаю плечами.

— Керри.

Следующие два урока мы сидим за одной партой: я слушаю учителя, а Питер временами что-то черкает у себя в блокноте. К концу учебного дня я уже не так вдавалась в подробности, пытаюсь кое-что запомнить на слух, а что-то записать конспектом.

На последнем уроке нас отпустили раньше положенного времени, так как у Миссис Фс оказались более важные, семейные дела.

Под ногами шуршат листья, лужи блестят от солнца, а вой ветра сливается с пением птиц.

Дойдя до дома, я открываю входную дверь и захожу внутрь. Сняв с себя куртку и сбросив грязные кеды, сжимаю в кулаке лямку рюкзака и поднимаюсь к себе.

В комнате царил вечный хаос, но не он мне нравился. Здесь, куда не посмотришь, на каждом углу были прикреплены рисунки и отпечатки каждой руки, включая и отпечатки моих друзей из прошлого и некоторых родственников.

Рисунки никем не примечательных людей, даже мне не знакомых, многочисленные списки мечтаний и достижений, а также строки неясных стихов.

С левой стороны обитало несколько штук английской литературы, а с другой — аккуратно уложены вещи на краю кровати.

Светлые, но слабые лучи солнца, пробивающиеся через тёмные тучи, падали на прикроватные тумбочки и на фотографию возле кровати. Моему сердцу она была самой ценной. На ней мы по-прежнему вместе.

Я сидела на качелях, а по бокам стояли счастливые родители — живые и здоровые. Папа качал меня из стороны в сторону, пока к маме не пришла идея запечатлеть этот момент. Отцу очень понравилась эта мысль и он позвал соседа — Гарольда, который в тот день подстригал свой небольшой саморучный сад.

Мне было известно только то, что Гарольд работал садовником и был в почете у постоянных клиентов.

Тогда сосед подошел к нам с отцом под руку. Папа отдал ему фотоаппарат и сказал куда и как нажимать. После долгого знакомства с устройством Гарольд, присев на корточки, щелкнул на кнопку и оттуда вылетела "птичка", ослепляя нас всех своим сиянием.

Папа счастливо улыбался сбоку от меня и крепко обнимал за плечи. Мама радостно смеялась и держалась за свободную руку отца.

Когда этот момент был заснят, я снова продолжила хихикать, мама потянулась за просмотром сделанной работы Садовника, а папа прижал меня к своей мощной груди и зажмурил глаза, тихо нащёптывая на ухо:

— Спи спокойно, моя девочка. Никто и никогда не потревожит твои сновидения, пока я буду рядом.

Я огорченно вздыхаю и мотаю головой, отгоняя воспоминания. Мне не хватает тех моментов, когда мы все были вместе. Почему мы привязываемся к людям, при этом зная, что они всё равно нас покинут?

Почему мы настолько глупы? Как сдерживать эмоции, если они отчаянно вырываются наружу? Есть ли от них противоядие?

Переодевшись в шорты и серую майку, я спустилась вниз и пошла на кухню. На холодильнике висел листок с каракулями. Оторвав от серебряной ручки записку, прочитала пару строк и поняла, что она от мамы.

«Дорогая, когда придешь из школы, не волнуйся, я на работе.

P.S. Не удивляйся.

Лазанья в духовке. Поговорим вечером, когда я приеду.

Люблю.

Мама»

* * *

Съев лазанью, очистила с тарелки остатки еды в мусор. С посудой трудиться долго не пришлось.

Часы показывали одиннадцать и дверь отворилась, когда я сидела за книгой и пыталась вчитаться в текст. Это была мама.

— Привет! — спускаясь по лестнице, радостно кричу и искренне за весь день улыбаюсь. С мамино пальто стекают капли, образуя под ногами прозрачную лужу. Она отряхивается и смеётся.

— Этот город не перестаёт меня удивлять!

Она заносит в коридор пакеты и бросает на меня внимательный взгляд, приподнимая бровь.

— Поможешь?

Я киваю головой и затаскиваю пакеты продуктов на кухню.

Через пару часов мама обсохла и наконец сидела подле меня и щебетала о новой работе.

— Прихожу я на собеседование и начальник, Мистер Вудли, предупреждает, что, мол, я такая эдакая и мне нельзя сувать свой нос куда не надо.

Я удивляюсь, хотя прокручивая свой собственный денёк в голове, улыбаюсь.

— И чем же все закончилось? — интересуюсь, ловя её презрительный взгляд. Она усмехнулась и заиграла пальцами по столу.

— Конечно, без пререканий с обеих сторон не обошлось, но мы сошлись на том, что если примем обоюдное решение, то, возможно, дело пойдёт в гору. Меня назначили главным помощником или же правой рукой администратора внутренних дел, а также я веду дела в интернете; нахожу то, чего не знают другие и советую то, что замечаю.

— Одним словом: помощница в трудных делах или... ищейка?

Мама смеется и кивает.

— Можно и так сказать. А как у тебя прошёл денёк? — интересуется она, изгибая бровь. Я поперхнулась, но вовремя пришла в себя.

— Ничего особенного. Один парень помог с приступом и... — Мама откашливается, хватая ртом воздух. Я пытаюсь помочь, но она отставляет руку, отклоняясь назад.

— Не нужно. Подожди, они опять начались? — спрашивает она в лоб. Я вздыхаю и туплю глаза на край стола, бросая голову в руки и сжимая пальцы по самые корни волос.

— Да... Я думала, что переехав сюда и начав новую жизнь — они пройдут, но оказалось, что от них не убежать.

Мама взяла меня за подбородок и серьёзно вгляделась в лицо.

— Потерпи, дорогая. Скоро они уйдут. Просто не думай о них. Время лечит раны.

Она склонилась надо мной и прильнула губами к моему лбу. Встала и очистила стол, складывая всю посуду в раковину.

Я долго ещё думала над её словами, шмыгая носом. Затем встала и приобняла её со спины, вдыхая аромат лаванды.

— Спасибо, мам.

3 глава

Второй день оказался лучше, чем первый. Я встала раньше обычного; с лёгкостью и улыбкой на лице. На кухне, на холодильнике, снова ожидала записка.

В школе на уроке английской литературы Миссис Фо поставила сценку по трагедии Ромео и Джульетта. Меня выбрали играть роль Джульетты, а Питера Ромео, однако он ухмыльнулся, но сказать ничего не успел, потому что Миссис Фо упрекнула его, указывая пальцем:

— У вас схожие судьбы, мой дорогой. — Она махнула на доску и улыбнулась, — Прошу на сцену, юные актёры.

Я вздохнула и пожала плечами. Пока мы искали с Питером ту сцену, где Джульетта выходит на балкон, тем временем на середину класса вышла девушка и прокашлялась. Отвела глаза от нас и поиграла рыжеватыми концами локонов.

— Сцена 3, дубль 1. — Она хихикнула, но, увидев грозный вид учителя, кивнула. — Хорошо. Итак, Джульетта выходит на балкон и там встречает своего суженного.

Она отходит в сторону, однако только я открываю рот, а Питер поправляет свои волосы, преобразаясь, Миссис Фо указывает на стул возле окна.

— Джейк, будь добр, принеси сюда стул, пожалуйста.

Парень через секунду перешёл весь класс и поставил деревянный стул в центр. Миссис Фо улыбнулась, поблагодарила его и указала на него мне. С помощью мужских рук соседа я встала и вздохнула, приступая к своей игре. Питер улыбается и поднимает на меня томный, почти удивленный взгляд.

— Но что за блеск я вижу на балконе?

Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!

Стань у окна, убей луну соседством;

Она и так от зависти больна,

Что ты ее затмила белизною.

Я откашливаюсь, озираясь по сторонам. Весь класс смотрят на нас с открытыми ртами, упиваясь картиной. Учительница машет руками в лицо и щебечет:

— Продолжайте, продолжайте...

Питер кивнул, поднимая в воздух руку, почти касаясь моих волос.

— Оставь служить богине чистоты. Плат девственницы жалок и невзрачен.

Он не к лицу тебе.

Сними его.

О милая! О жизнь моя!

О радость!

Стоит, сама не зная, кто она. Восход.

Стоит одна, прижав ладонь к щеке.

О чем она задумалась украдкой? О, быть бы на ее руке перчаткой, Перчаткой на руке!

Я открываю рот и слова вылетают сами собой:

— О горе мне!

— Светлый ангел,

Во мраке над моею головой

Ты реешь, как крылатый вестник неба

Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленной толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Я улыбнулась, словив огонёк в глазах Черноволосого. Он пожимает одним плечом, ожидая моей реплики. Миссис Фо ударилась в воспоминания, сморгнув слезу, или это наша игра её так растрогала? Но она по-прежнему умилялась нами, как на выставке картин. Я снова глянула в книгу, бегло пробегаясь по строкам.

— Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!

Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Питер приложил руку к уху, будто прислушивался. Весь класс ахнул, а некоторые особи женского пола захлопали в ладоши.

— Прислушиваться дальше иль ответить?

Я хмыкнула, замечая проблеск озорства в глазах у рыжеволосой бестии на задней парте.

— Лишь это имя мне желает зла.

Ты б был собой, не будучи Монтекки.

Что есть Монтекки?

Разве так зовут Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?

Неужто больше нет других имен? Что значит имя?

Роза пахнет розой, Хоть розой назови ее, хоть нет...

— Достаточно, ребята.

Я оборачиваюсь и пытаюсь слезть со стула, тот со скрипом отвечает своей покорностью. Джейк — парень который приносил его — относит его обратно.

Миссис Фо чуть ли не обнимает и не сдувает пылинки с нас от проделанной нами игры. Питер ободренно приобнимает меня, но я лишь одаряю парня мимолетной улыбкой и выскальзываю, усаживаясь на своё место.

Весь класс хором взвизгивает, солнечные лучи, как прожектора, прыгают на партах и ослепляют нас.

На физкультуре было так шумно, что мои перпонки готовы были взорваться. Как только дверь в спортивный зал открыли, позволяя нам войти внутрь, возбуждённая толпа тут же побежала в раздевалку.

Проходя мимо полуголых тел девушек в женской раздевалке, я дошла до самого последнего и самого дальнего шкафчика, забросив рюкзак на верхнюю полку.

Раздевалка девочек была разукрашена в синий цвет, а дверь постанывала при каждом прикосновении чужих рук. Здесь собралась чуть ли не половина учебного учреждения. Большинство из девушек тут были из параллельных классов, некоторые из других корпусов.

Когда я перевязывала второй кроссовок, послышался шорох над головой. Медленно останавливаюсь и поднимаю голову кверху. На меня смотрят блестящие, как камень, голубые глаза.

Хмуро разглядываю девушку и вспоминаю момент на литературе, когда она представляла нас с Питером. Рыжеволосая помахала рукой перед моим лицом и широко улыбнулась. Она присела рядом.

— Привет. Я Мэгги.

Она склоняет головку вбок и изучает меня. Когда она произносит своё имя, встаю в

ступор, потому что ещё с первого дня никто из девушек не обмолвился со мной словом.

— Ты здесь? — озадаченно спрашивает Мэгги и нервно смеётся. Киваю головой и пожимаю её руку.

— Да, извини. Я Керри. Рада знакомству. — Мэгги расслабляется и опускает плечи.

Долгое время она наблюдает за моими переодеваниями, за проходящими девушками мимо неё и спешившими на выход парней.

— Я заметила, ты познакомилась с Питером? — Неожиданно для меня спрашивает Рыжеволосая, оборачиваясь ко мне. Киваю, но ничего не говорю, хотя чувство любопытства и интерес узнать об этом парне побольше так и нарываешься выпрыгнуть наружу.

— А что такое? — выпаливаю на вздохе. Она пожимает плечами.

— Ничего особенного. Он славный парень. Как раз нуждается в друге, даже если этот друг — она, — смеётся девушка, поглядывая косо на дверь. Я пытаюсь не засмеяться.

— Друг? Я думала, за ним вся школа бегает и чуть ли не пятки целует. Разве это не так?

— Нет, Керри. — Она улыбается и качает головой. — Лично я с ним так-то не особо знакома, но слышала, что у него произошла какая-то трагедия в семье, поэтому он и ходит серой тучей по школьным коридорам. Правда, она случилась давно, но каждый понедельник он усаживается в кафетерии и наблюдает за лесом, который как раз возвышается напротив школы.

От девушки пахнет розой и сердце пропускает несколько ударов, когда она рассказывает предисловие о жизни Питера.

— Тогда почему он ведёт себя как уличный шут с калпаком на голове? — допытываюсь, подтягивая спортивные серые лосины. Мэгги затягивает волосы в крепкий хвост и вздыхает.

— Я считаю, что вечное веселье и улыбка — это маска. Внутри он также страдает как и раньше... Ну, по крайней мере, это моё мнение, — пожимает она плечами.

Через секунду в раздевалку вбегает девушка с двумя темными густыми косами и лепечет, грозно осматривая каждую из нас.

— А, вот вы где! Быстрее идите в зал, иначе Мистер Кит с вас семь шкур сдерет! — предупреждает Две Косички и исчезает в проёме двери. Мэгги закатывает глаза и заливается смехом.

* * *

Встав в самый конец ряда, я вздохнула. Сбоку от меня стояли трое девушек и что-то бурно обсуждали. Когда вошёл полный мужчина в тренировочных штанах, всё стихло.

— Джейк, здесь все? — спросил он парня, возглавлявшего ряд. Он вышел вперёд и отчеканил отчет.

Мужчина кинул сверкающий взгляд по всему ряду и по коже прошлись мурашки, когда гневный огонь дошёл до меня.

— Для начала разомнем кости, а потом проверим ваши способности в волейболе. — Мистер Кит одаряет зал полуулыбкой и свистит в свисток. Тогда половина ряда постепенно оборачивались боком, а через минуту уже все как один бегали по кругу.

Я бежала медленнее, чем остальные, полностью погрузившись в свои мысли.

Не заметив, как кто-то задел горячим плечом, уже лежала на полу.

Поднимаю взгляд и краем глаза замечаю высокого парня с бронзовыми волосами. Он махнул в сторону меня, что-то нашептывая другому парню. Ухмыльнувшись и иронично покачав головой, он двинулся дальше.

Свист снова покотился по всему залу и все остановились. Мистер Кит передал мяч

Джейку, ранее возглавлявшему ряд, и указал подбородком в сторону остальной группы людей.

— Выбираешь союзника к себе в команду, а ты, Сэм, — Он указал мизинцем на парня с бронзовыми волосами. — Набираешь своих. Все ясно?

Сэм хлопнул в ладоши, потирая руки перед носом.

— Я готов.

Чувствую себя как при отборе по принципу «Самый Лучший». Джейк забрал последнего человека и на выбор Сэму остались только я и Мэгги. Сэм оскалился, бросая Мэгги полосатый мяч. Она отскакивает назад, но крепко хватает мяч, будто это раненное животное.

— Значит, ты идёшь со мной. Так уж и быть... — вздыхает Джейк, вяло указывая на меня.

Процесс игры проходил стабильно, пока очередь бросать мяч не доходит до меня. Джейк передают его мне и отходит в сторону.

— Твоя подача Керри.

Я киваю и перехожу за желтую линию. Два первых броска оказываются неудачными: сначала он попадает в стену, затем выскакивает через входную дверь вон из зала. Мистер Кит перекидывает мяч через сетку и хмуро глядит в мою сторону.

— Не спи, Скилеф! — выплевывает он, усаживаясь по удобнее на судейном стуле.

Снова звенит свист в ушах и мне предоставляется второй шанс. Я вздыхаю, принимаю правильную позицию и замахиwaюсь, молясь, чтобы мяч не оплошал в очередной раз.

Когда мяч был запущен в воздух, пары глаз с замиранием сердца стали наблюдать за его полетом. Наконец он соприкасается с чертой и головы одноклассников возвращаются ко мне.

Однако, никакой враждебности я не ощущаю.

Двое парней из моей команды наоборот облегчённо выдыхают и кивают.

— Так не честно! Мистер Кит... — Кто-то из команды противников начинает скулить по ту сторону площадки. Мистер Кит предупредительно свистит и качает головой.

— Умей проигрывать, Сэм, — говорит он.

Следующие полтора часа голы забивала только команда Сэма, пока какой-то хилый парень в круглых очках не вздрагивает и мяч не соскальзывает с его рук.

Мистер Кит меняет нас площадками и место нападающего занимает парень с бронзовыми волосами. Когда он встречается со мной взглядом, то ухмыляется и наклоняется, готовый броситься в бой.

Мяч летит прямо через сетку, лавируя все препятствия на своём пути. Левая сторона пустеет, на другой сонливо зевают двое девушек. В голову что-то ударяет и ноги сами несут меня навстречу мячу, руки автоматически вытягиваются вперёд.

Но удар Нападающего оказывается сильным и мяч просто отскакивает от меня, как от огня. Я отлетаю назад, падая на спину.

Мяч касается моего живота и, когда затылок ударяется об деревянные дощечки, в глазах все потухает.

Пытаюсь бороться с темнотой, застилающей взор, но вместо звуков вижу только испуганные и обеспокоенные взгляды одноклассников.

Чувствую, как кто-то поднимает на руки. Остальные действия уже не воспринимаю, темнота полностью поглощает меня и разум отключается.

Просыпаюсь только когда в нос ударяет резкий и неприятный запах. Тут же вскакиваю и падаю на мягкую подушку.

— Лежите, юная леди, — велит пожилая женщина. На ней белый, длинный халат. Она садится рядом со мной на кушетку и долго разглядывает мои глаза.

— С вами все в порядке?

Я озираюсь по сторонам и киваю, когда не обнаруживаю в себе ничего необычного. Она встаёт, собирает две таблетки в ладонь и пересыпает мне, требуя, чтобы я запила их все.

Женщина подает стакан воды, и я заглываю зелёные таблетки, как конфеты. Она осматривает мои ноги, проверяет через фонарик зрачки, а затем отпускает.

— Будьте осторожны в следующий раз, — громко просит она за закрывающейся дверью.

— Надеюсь, следующего раза не будет, — шепчу себе под нос.

Когда оказываюсь на улице не успеваю и шагу сделать, как встречаю парня. Оглядев его лицо, хмурюсь.

— Сэм? — недоверчиво смотрю по сторонам, потихоньку отступая от него назад. Сэм делает два шага вперёд и касается моего плеча.

— Постой. Я хотел извиниться.

Я фыркнула и закатила глаза, съеживаясь от холода. Сэм улыбнулся и протянул руку, но я отошла назад.

— Если ты так не любишь новичков, то так и скажи. Я тебя и пальцем не коснулась. — Сэм отшатнулся и покачал головой.

— Это не так... Просто ты мне кое-кого напомнила и голова пошла кругом. Прости ещё раз. Я не специально. — Он вздохнул и закрыл лицо руками.

Голова начинала кружиться и хотелось просто уйти домой и пролежать весь оставшийся день. Мне не нужны были его извинения, действия показали мне, как реклама в газете, весь его характер.

— Ладно, это уже неважно. Лучше скажи мне, кто меня сюда донес? — указываю большим пальцем в сторону медпункта и хмурюсь. Парень кивает, глядит за мою спину и хмыкает.

— Надо же было мне как-то загладить свою вину.

После того как я узнала, что Сэм меня донес до больницы, единственное, что я сделала — это позволила ему довести меня, так как из-за наступающего головокружения не могла разобрать дороги.

Солнце спряталось за низкие серые тучи, предупреждая о дожде. Сэм всю дорогу молчал, только иногда подсказывал куда заворачивать.

— Ты и правда плохо ориентируешься на местности? — вздернул брови он, заглядывая в моё лицо.

Я тщательно пытаюсь скрыть красноту на щеках, но киваю. Боль снова усилилась и пришлось на секунду затаить дыхание.

— Если бы ты так сильно не подавал мяч, то этого не было, — шиплю я сквозь стиснутые зубы. Сэм вздыхает, но никакого чувства сожаления не испытывает.

Парень пожимает плечами и указывает подбородком в сторону корпусов, где несколько студентов что-то бурно обсуждали.

— Вон, твой спаситель бежит, — ухмыляется Сэм и ускоряется, опережая меня.

Питер моментально вырастает перед глазами и налетает на Сэма. Тот хрипит и вырывается, когда Питер хватается за края чёрной футболки.

— Ты совсем спятил, придурок! Ты же мог её вообще разума лишить, ты об этом думал? — рычит он.

Ветер усиливается и раздувает мои волосы. Питер замахивается, но Сэм вовремя освобождается и уворачивается.

— Сначала выслушай, что было, а потом выясняй, Питер, — хрипит Сэм, потирая шею. Я ловлю гневный взгляд парня и делаю шаг вперёд, заслоня Сэма.

— Оставь его, Питер.

Слова вылетают, словно ветер из губ. Не успеваю понять толком, что только что выпалила, Питер отходит в сторону и обеспокоенная складка между бровей исчезает.

— Хочешь сказать, что ты его простила? — Он качает головой, не веря. Мотаю головой и скрещиваю руки.

— Я этого не говорила... Он просто проводил меня, чтобы я не заблудилась и... — Но Питер не дал мне договорить. Он опустил плечи и быстро кивнул, будто принимал важное решение. Сэм поднялся на ноги и откашлялся мне прямо в ухо.

— Кажется, он не верит тебе. Я так и думал, Керри. Он просто думает, что защищает тебя, потому что беспокоится больше о своей душонке. Просто запомни.

Все тело напрягается, я опускаю глаза в густую зелень под ногами и опускаю руки. Не успеваю ответить, как Питер отводит меня в сторону.

— Держись от неё подальше, придурок! — Питер нависает над парнем, как тучи над нашими головами. Он уводит меня, а Сэм начинает злорадно хохотать.

— Посмотрим! — кричит он вслед.

Вернулась я домой поздно. Мама уже крепко спала в гостиной на диване. Я бесшумно прокралась и накрыла ее пледом, поцеловав в лоб, как она раньше это делала со мной в детстве.

Дойдя на цыпочках в свою комнату, закрываю дверь и только тогда скатываюсь по ней вниз.

Мне нужно скинуть с себя этот след сегодняшнего дня.

В душе тонкие струйки горячей воды стекают по коже и я успокаиваюсь. Звуки воды напоминали накрапывающий дождь в тропиках. Я закрываю глаза и представляю себя в другом месте. В месте, где нет этих скучных правил и каждый делает то, что он сам хочет.

Выйдя из душа, укутываюсь в полотенце и захожу в комнату.

Хоть вода и скинула с моих плеч давящий груз, воспоминания в голове никуда не исчезли, а вспыхнули с удвоенной силой. Я считала, что Сэм ненавистник женщин, поэтому он ударил меня. Однако это оказалось не по его вине. Конечно...

Поведение Питера вообще привело в ступор; почему он так отреагировал на слова Сэма и взбунтовался, будто я для него глоток воздуха или целая жизнь?

Решив подумать об этом завтра, скидываю полотенце в угловое кресло и облачаюсь в широкую, большого размера, белую футболку и лосины.

Как только голова касается подушки, сразу проваливаюсь в сон.

Я стою по середине поляны, а вокруг бродит волк. Угольно-черная шерсть касается моей щеки, когда он что-то начинает лепетать, сипло рыча. Я не понимаю его, и все тело начинает трястись. Не успеваю вымолвить словечка, как волк растворяется и перед глазами встаёт пустой переулочек.

Передо мной возвышается одинокий дом. Иду неспеша к калитке и захожу внутрь.

В доме пусто, но по ногам и плечам гуляет тёплое дуновение. Прохожу дальше и замечаю белые стены, а по середине комнаты стоит камин. Из него выбегают языки пламени, теряясь в комнате.

Откуда-то сверху доносились звуки фортепьяно, и уже через секунду бегу по прозрачной лестнице. Когда ступеньки заканчиваются, вижу перед собой сидящего в полном молчании парня. Осторожно сажусь рядом с ним и смотрю на его отточенный профиль.

— Привет, — пытаюсь поговорить с ним, но он будто в рот воды набрал. Сжимаю кулаки и чувствую, как испаряется терпение.

— Я Керри, а как тебя зовут?

Мелодия обрывается и парень замирает. Его огненно-рыжие волосы колышутся, хотя ветра в доме нет. Что-то шепчет мне в ухо: "Хватай ноги в руки и беги, не оборачиваясь".

Но мне некуда.

Парень устремляет глаза на какой-то высокий стеллаж, но я не вдаюсь в подробности. Все внимание посвящено Ему.

— Кто ты? — спрашивает он, все ещё не смотря на меня. Качаю головой и пытаюсь улыбнуться, но губы не хотят слушаться.

— Керри. Я тебя знаю? — интересуюсь, осматривая его. Но он встает и отходит к окну.

— Тебе нельзя тут находиться. Уходи!

Он хочет уйти, но я хватаюсь за его руку. Она ледяная, словно лёд, но мне не особо это

важно.

— Подожди... Почему мне нельзя тут находиться? — Встаю позади него и недоуменно смотрю на затылок парня.

— Просто нельзя. Уходи. — Повторяет он холодно, резко отдергивая свою ладонь.

— Нет, постой! Кто ты? — кричу ему в спину, пока меня полностью не затягивает в бездну.

Я резко спрыгиваю с кровати, оглядываясь по сторонам в холодном поту. Смотрю в окно, но все черным-черно. На часах ровно двенадцать ночи.

Под окном стучат звонкие капли, издавая некую мелодию, будто ночь играет с природным явлением.

Откидываюсь на подушки, перебирая увиденное. Когда так и ничего не нахожу, заходя в тупик, спускаюсь вниз. Мне нужен глоток кофеина, чтобы откинуть напрочь жуткий сон.

Тихо прохожу к кухне и дотягиваюсь до кофеварки. Сажусь за стол, подгибая ноги под себя и неосознанно попиваю тёплый какао. В ушах звенит, сердце замедляет темп и когда гром разрезает небеса, вздрагиваю.

Нужно забыть их. Это всего лишь сны. Иллюзии.

Мама посапывает в гостиной. Шум дождя с завыванием ветра просачивается в дом через створки двери. Когда веки слипаются, снова плетусь к себе.

В комнате достаю старый плеер и запускаю мысли в пляс, когда в наушниках слышится успокаивающий мужской голос.

Утром не успеваю даже засунуть кусок колбасы. Боясь опоздать, я быстро натягиваю через голову теплый свитер, темно-синие джинсы с серыми носками, расчесываю копну волос и накидываю пальто.

В школе Сэм почти не попадался на глаза, Питера и вовсе не было. Весь оставшийся день я просидела за партой одна, лишь краем уха слушая голоса учителей.

Под окнами стучат тонкие ветви деревьев, птицы прячутся в свои гнёзда, а небо страшно сгущается и начинает выжимать свои невидимые дождевые слезы.

Вся школа кипит от любопытства о том, что случилось на физкультуре. Однако не один из них не решается подойти и спросить, хоть и видны их обеспокоенные и косые взгляды.

На обеденном перерыве Мэгги садится возле меня и улыбается.

— Ты как? — Я моргаю и озираюсь по сторонам. Кучка девушек из параллели выбирают, что поесть, мельком поглядывая на наш столик.

— Ты это мне? — усмехаюсь, указывая на себя. Мэгги хохочет и кивает.

— Если ты волнуешься из-за чужого мнения, то забудь. Они все знают, что произошло, но спрашивать конкретно об этом не станут. Они просто боятся.

Мэгги подает мне кусок бутерброда, и я благодарно принимаю первый завтрак на сегодня.

— Почему-то я так и подумала.

Мы заливаемся смехом, что группка девушек из параллели испуганно наблюдает за нами. Между перерывами она задаёт вопросы каждый интереснее предыдущего.

Сначала про семью, затем о моих увлечениях. Заканчиваем очередной шуткой, что Сэм, когда мы с Питером оставили его одного, был похож на избитое животное. И когда один парень захотел помочь ему подняться, пострадавший откинул его в сторону, бурча что-то себе под нос.

* * *

После столовой мы пошли на математику. Как только я оказалась в кабинете, сразу же заняла самую дальнюю парту, чтобы не показываться на глаза учителю. Мне не хотелось сегодня ни с кем общаться и отвечать на бессмысленные вопросы одноклассников. Стул рядом со мной издает скрип, когда я пытаюсь вчитаться в первые строки книги.

— А где Питер? — спрашивает Мэг, бегая глазами по классу.

— Не знаю... — пожимаю плечами. Мэгги дергается как от грома.

— Но вы же вместе пришли в школу, так?

— Нет. На самом деле я не видела его с самого утра. Что-то не так, Мэгс? Я должна каждый шаг его проверять? — Качаю головой и возвращаюсь к книге. — Нет его сегодня, значит придет завтра, — бурчу в ответ.

Мэгги испуганно поглядывает на меня. Я вздыхаю, откладывая книгу в сторону. Толку от нее все равно мало.

— Прости меня. Я не знаю, что на меня нашло.

Мэгги понимающе улыбается и сжимает мои пальцы.

— Ничего. Все скоро утихнет, не переживай, — быстро проговаривает она.

Звенит звонок на урок, и девушка убегает на свою сторону. Все занимают места и надевают маски равнодушия. Входит учитель в клетчатой рубашке, закрывая за собой дверь.

— Всем доброе утро. Ну что, приступим?

Когда он открывает журнал, пробегаясь по списку, я полностью зарываюсь в книгу в своих руках.

На последнем уроке я снова сижу одна. В висках начинало пульсировать от ударов под окнами.

Погода не радовала душу. Ледяной, пронизывающий до костей ветер проходит до самых внутренностей, не давая покоя моему сердцу. От этого приходится идти быстрее обычного.

Когда я добираюсь до своего крыльца, захожу в дом, быстро захлопываю дверь, чтобы скользкий ветер не зашёл внутрь.

Переодеваюсь в черную футболку с большим красочным портретом Bob Marley, натягиваю на себя серые махровые чулки и стягиваю с кровати одеяло. Натягиваю его на себя и снова спускаюсь вниз.

Сидя за столом, смотрю на тучи, быстро пробегающие перед носом. Что-то все равно манит выйти наружу и словить каждую каплю. Делаю последний глоток чая, одеваюсь, пишу, на случай чего, записку, и оставляю на столе.

Под ногами хрустят ветки и шуршат листья. Осенний ветерок гуляет по лесу словно полноправный хозяин. Вдруг между стволов деревьев пробегает некто, как огненная стрела. Я не обращаю на это особого внимания, ссылаясь на буйную гамму красок.

Ноги приводят к одинокой поляне. Что-то притягивает сюда; зарождается желание просто поселиться на ней, чтобы жить с самим собой и обитателями леса.

Одна нога застревает в небольшой яме, и я падаю на шелковистую траву.

Закрыв глаза, потихоньку восстанавливаю дыхание. А вдруг это не иллюзия и рыжее пятно, похожее на острую стрелу, которое я видела в чаще, реально?

Тишина, как постоянный житель этого места, селится в моей душе. Открываю веки и смотрю на густое серое небо. Ледяные капли режут щеки, лицо, но это меня не волнует.

Снова закрываю веки, запоминая в голове картинку, но слабый свет исчезает, и передо мной возникает силуэт. Я передвигаю голову в бок и всматриваюсь перед собой.

— Питер?

Он перекрывает серое полотно, заслоняя крупные капли своей спиной. Лицо парня растягивается и он хлопает глазами. Волосы темнее, чем обычно, густые брови соединены в обеспокоенную линию.

— Что ты здесь делаешь? — выкрикивает он, затем поднимает меня, удерживая за локоть. Я хмыкаю, смахивая капли со лба.

— Дышу свежим воздухом. Что ты здесь забыл? — Питер качает головой и прикрывает глаза.

Деревья качаются в разные стороны, страшно подгибаясь к траве.

— Одна в такую погоду? Чем ты думала? В лесу не безопасно. Разве тебе мама не говорила о серых голодных волках? — Он замолкает, сжимая кулаки.

— В каком смысле «не безопасно?» — повторяю слова парня, хмуро поглядывая в его глаза.

— Разные звери гуляют в лесу, Кер, — вздыхает он.

— Какие еще звери? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам. Но кроме высоких стволов деревьев ничего не вижу.

— Просто звери. Они опасны. Особенно в такое время года, — отчеканил он, становясь все ближе ко мне. Поднимаю руки вперед и отхожу назад.

— Ладно, извини.

Питер качает головой, но глаза по-прежнему испепеляют во мне дыру.

— Ничего. — Парень делает глубокий вдох и разжимает кулаки.

— Это я должен просить у тебя прощения. Сэм не прав. Я пытаюсь защитить тебя, не потому что волнуюсь за свою жизнь, а потому что твоя жизнь важнее моей.

Несколько мгновений хлопаю глазами и как замороженная смотрю на него.

— Ты серьезно? Почему ты это делаешь? — растерянно бегаю глазами по его лицу и подбородку, дабы найти хоть что-нибудь. Что-нибудь, что объяснит без слов его поступок.

Он качает головой и отходит от меня на шаг. Тут же скользкий ветер проходит по моим рукам и становится холодно.

— Никто из нас не идеален. У каждого есть свои скелеты в шкафу, Кер. У меня свой скелет — это постоянное беспокойство о чувствах людей, совершенно мне не знакомых.

Питер сбрасывает с плеч капли дождя и махает в сторону деревьев за своей спиной.
— Пойдем. Нужно выбираться отсюда, иначе захлебнемся от дождя в скором времени.

Я металась между выбором: сказать ему или промолчать? Двойное мнение разделилось на две стороны. Дождь утих, оставляя после себя легкое дуновение, расу на траве и листьях деревьев. Шелест под ногами остановился, когда Питер резко замер и чему-то улыбнулся.

— Где это мы?

Питер вздыхает полной грудью и указывает в щель между деревьями.

— Если пройти через эту щель, можно увидеть место, где ни один Серый Волк не поймает нас.

— Я видела одного.

Слова вылетают так быстро, что не успеваю понять, как ляпнула что-то лишнее. Он переводит на меня глаза и хмуро оглядывает. Впивается пальцами в плечи и хмурится.

— Где? Как он выглядел?

Я вздыхаю и закрываю веки. Подул ветерок, придавая долю храбрости.

— Я и не видела его толком. Сплошное рыжее пятно, а потом он убежал в глубину леса, видимо, когда услышал мои шаги.

Питер стискивает мою руку.

— Он... заметил тебя? — будто не дыша, шепчет он. Я качаю головой и пожимаю плечами. Питер кивает и уводит меня в сторону, обхватывая за плечи. Я вздрагиваю, когда представляю эту картину.

— Хорошо. Пойдем-ка, кажется, дождь начинается.

Когда мы вышли из леса, на небе громогласно раздался гром. Питер довел меня до крыльца дома и только тогда выпустил из объятий.

— Не волнуйся об этом, договорились? Это твой мираж, — сказал он и ушёл, исчезая в дожде.

Всю ночь я не могу сомкнуть глаз, продолжая переворачиваться с одного бока на другой.

Предсказание Питера подтвердилось, и, когда я закрыла за собой дверь, на улице пошёл нескончаемый ливень, давя на макушку.

Только через три долгих часа мне всё-таки удается заснуть, а удары по подоконнику расплываются сами собой.

Утром мне просто пришлось заставить себя встать и двинуться в Город Знаний.

Когда я переодевала грязные от грязи и промокшие от луж кроссовки, сменяя на высокие чёрные ботинки, краем глаза замечаю Сэма. Его выражение лица было мрачным как и сам Сиэтл.

Однако, когда снова поднимаюсь со скамьи, его больше не видно.

Остальные несколько уроков Питер не сидел со мной, а продолжал хохотать с компашкой девушек из группы поддержки. Только под конец, когда я выходила из школы, он виновато посмотрел на меня, одними губами шепнул:

— Подожди меня.

Я кивнула и отошла в сторону от входной двери. Пока Питер собирал вещи, ко мне подбежала Мэгги и широко улыбнулась.

Фиолетовое платье до колен облегалo ее миниатюрное тело, а на ногах балетки в тон платью. Золотые локоны рассыпались водопадом до плеч, а концы были рыжими, и от этого казалось, что они горели.

— Привет, — пропела она, — Уже готова?

Я раскрываю рот и снова закрываю, не понимая о чем она.

— Сегодня какой-то праздник? Рождество? День Валентина?

Она изумляется и показывает на запястье, будто на нем висят наручные часы.

— Сегодня вечеринка у Джейка, Керри. — Она поднимает руки вверх, затем опускает и подмигивает. — Хотим повеселиться как следует, — Мэг делает круговые движения правым плечом. — Будет весело. Идем, Керри. — Мэгги вешается на шею и качает из стороны в сторону.

— Я? Как-то я не очень... с танцами, — мямлю я обескураженная.

— Ну, пожалуйста! — Мэгги отходит и складывает руки вместе, будто хочет произнести молитву. Я закатываю глаза и выдыхаю; уголки губ расплываются в улыбке.

— Ладно-ладно.

— Класс! — Она подпрыгивает и хлопает в ладоши. — Приходи после уроков домой к Джейку. Ты ведь знаешь, где он живёт?

Я мотаю головой и девушка смеётся.

— В любом случае спроси у Питера, он тоже идет туда.

Девушка уходит, а я продолжаю смотреть на Питера удивленными глазами.

* * *

Питер наконец выходит со мной из школы и всю дорогу молчит. Ветер слабо воет в деревьях, играет с моими волосами. Мне не нравится тишина. Тишина убивает. Она словно съедает изнутри, а ты ничего с ней поделать не можешь.

Ты просто корчишься в комочке и кричишь удушающим криком.

— Так значит ты идёшь к Джейку? Я думал, ты будешь дома в это время? Ты знаешь, что там будут не совсем законные вещи? — подает голос Питер, предупреждаяе смотря на меня. Я начинаю смеяться, сжимая кулаки. Я уже не маленькая, если он об этом.

— Знаешь, даже ботанику нужно расслабляться. — Пусть даже этот процесс и продлится целый день, — откликаюсь я, отдергивая подбородок кверху. Парень фыркает и закатывает глаза.

— И ты знаешь, где он живёт?

Я останавливаюсь, сомнительно чешу затылок. Ладно, тут он меня подловил.

— Если честно, хотела попросить у тебя. Доведешь бедную девочку к дому Злодея? — хихикаю, поднимая глаза на Питера. В его взгляде пробегается что-то новое, будто он расстерялся, но берет себя в руки и кивает.

— Конечно.

* * *

Как только я ступила на крыльцо, залетаю в дом и хлопаю дверью, быстро поднявшись на верх.

В комнате перед зеркалом надеваю чёрное платье — не слишком короткое, чтобы не открывать всем на показ зад, и не слишком длинное, чтобы не доказывать Питеру, что его соседка по парте монашка.

Делаю хвост и затягиваю высокие кеды. Не успеваю надеть куртку, как внизу слышится стук в дверь. Я спускаюсь и подхожу к двери.

— Кто там? — спрашиваю громко, поправляя платье.

— Это Питер, — отзывается голос снаружи. Я облегчённо вздыхаю. Не медля больше ни минуты, открываю дверь на распашку.

На крыльце в свете мигающего фонаря, который висит над дверью, стоит парень с темными волосами. Сегодня он совсем не похож на себя самого.

Кое-как отступаю в сторону и махаю рукой, приглашая гостя. Его глаза распахиваются, рот сжимается в одну линию. Он поправляет плечики, как истинный джентельмен, а потом проходит внутрь. Я запераю дверь, но не успеваю обернуться, замечаю ошарашенный взгляд Питера.

— Что? Что не так? — Я забеспокоилась, бегая глазами по атласу платья. Он качает головой и на его губах появляется слабый намёк на улыбку.

— Нет, все хорошо. Нет... Замечательно, Кер.

Я опускаю плечи и искренне улыбаюсь.

— Спасибо. Ты тоже, смотрю, не плохо приноровился. — Улыбка становится шире и я склоняю голову. — Хм, для местной-то вечеринки.

Он одет просто, но со вкусом. Ничего лишнего. Белая рубашка, на которой одна пуговица растёгнута. Чёрные брюки отлично подчеркивали его бедра и крепкие ноги. На запястье висел какой-то браслет. Шевелюра подчеркивала весь его образ и придавала очарование с лёгкой дымкой сексуальности. Приподнятые волосы вверх создавали лёгкий беспорядок, но этот "беспорядок" ему даже шёл.

Он ухмыляется.

— Ну, что, готова к местной вечеринке Злодея? — отзывается он, привлекая к себе внимание.

Моргаю, но не подаю вида. Сердце готово уйти в пятки, а я сама нуждалась в глотке воды.

— Да, — шепчу от волнения.

Мы доходим до высокого, с коричневыми подставками и не большими окнами, закрывающими всё шторами, дому, и Питер нажимает на маленькую кнопку, от чего по всему дому проходит гулкий звон.

Открыла нам дверь девушка. Кажется, Кими. Она увлекается, как мне говорила Мэгги, макроэкономикой.

— Входите! — Она махает руками, впуская нас.

Кими выглядела сногшибательно. Если это слово было уместным для её образа. Черные, длинные до самой поясницы, прямые волосы обрамляли ее личико, голубые глаза сияли как у ребенка. Платье цвета морской волны обтягивало ее фигуру. Вырез на спине подчеркивал все изгибы тела, показывая всем идеальные ноги и прямую спину.

Мы зашли в самый центр коридора. С разных комнат доносятся знакомые мне песни и веселые возгласы ребят. Мэгги, переступая через всю толпу и отмахиваясь от каждого, как от мух, проскочила к нам.

— Привет, Керри! Как я вас рада видеть.

Она обнимает меня и сияет счастливой улыбкой. Питер тянется ко мне ближе и грозно наблюдает за остальными. Мэгги отдергивает его за рукав, но тут же жалеет. Питер тянет меня на себя, шипя на неё, как на приближающегося медведя. Та округляет глаза и нервно смеётся.

— Успокойся, приятель. Просто хотела сообщить, что твои друзья давно ждали тебя.

Я дотрагиваюсь до его плеча. Он осматривает меня, затем осторожно переводит дыхание и качает головой. Парень отпускает меня и отходит, благодарно кивая Мэгс. Он уходит все дальше к двоим высоким парням. Его тепло встречают, каждый обнимая одной рукой.

* * *

Музыка оглушает и я почти ничего толком не слышу. Боже, где его соседи? Здесь вообще живёт кто-нибудь поблизости?

Неожиданно Мэгги хватает меня и тащит на импровизированный танцпол. Мы встаем в самый центр, где руки молодежи сами собой качались и "гуляли" в своём направлении, и начинаем полностью отпускать свои души.

Закрыв глаза, начинаю танцевать, отключив разум и падая в поток песни "seconds of luv". С закрытыми глазами я представляю, что никого нет.

Узнаю следующую песню и бедра начинают двигаться активнее, а ритм, который издает чёрная большая колонка, совпадает с моим ритмом в сердце.

После двухчасовых плясок захотелось глотнуть холодной воды. К горлу подступает тошнота и я останавливаюсь. Хочу спросить у Мэгги, где можно найти туалет, но её и след простыл. Решив, что она где-нибудь танцует, или даже с кем-то, бросаю поиски и оставляю подругу в покое.

"Найду кого-нибудь другого и спрошу," — подумала я.

Выбравшись из толпы, глазами цепляюсь за Джейка. Прохожу через толпу уже совсем не трезвых людей, задерживая дыхание от запаха спиртного. Чуть приближаюсь к Джейку с белокурыми локонами и дотягиваюсь до его локтя. Он вздрагивает, но выпрямляется и ухмыляется, когда видит меня.

— Где у тебя тут тихое место?

Он пожимает плечами и отпивает бутылку пива.

— Милашка, в этом доме его не существует, — хохочет он, и его поддерживают ещё двое парней за спиной. Я вздыхаю и делаю голос жестче.

— Мне нужно в туалет. Пожалуйста.

Он долго разглядывает меня и ставит бутылку на стул рядом с собой.

— Ладно, я отведу тебя.

Он доводит меня до закрытой двери, отпирает ее и заводит внутрь.

— Думаю, разберешься без меня или подсказать, как там все работает, Милашка? — Он явно пьян.

Я делаю усилие не вырвать прямо на него и качаю головой, вежливо улыбаясь.

— Спасибо.

Он хмыкает. Хочет что-то сказать, но его окликают неприятный женский голосок.

Он прикрывает веки и судорожно вздыхает, когда на его плече появляются наманикюренные пальчики.

— Джеки, мне нужна твоя помощь.

Джейк закатывает глаза и указывает в сторону уборной.

— Иди и не обращай внимания на звуки, ясно? Это вечеринка и здесь можно делать всё, что угодно.

Я недоуменно смотрю на него. Когда девушка приближается, он пихает меня внутрь и прикрывает дверь. Я вздыхаю, умываюсь и глубоко дышу. Когда позывы исчезли, осторожно выхожу в коридор.

Снизу ещё гремела музыка, отчего сильно отдавало в висок. Алкоголь, дым дешёвых сигарет и запах чего-то мокрого окутал, словно одеяло, весь дом.

Вдруг с соседней комнаты слышатся женские стоны, затем сильный удар, мужской, почти звериный рык, затем снова стоны и сильный удар кровати об стену, который нарастал с каждым темпом. Мои щёки вспыхнули, когда я поняла, о каких звуках предупреждал Джейк.

Отбросив эти мысли в сторону, ноги понесли меня искать место потише. Там, где нет этих стонов и сильных оглушительных битов снизу.

Бегаю глазами по рядам дверей, пока не замечаю ту, которая выделяется из всех остальных. Она окрашена в светло-ореховый цвет с чёрными крапинками по всей высоте.

Открываю ее и осторожно заглядываю внутрь. По середине стоит небольшая кровать с помятыми покрывалами, старая тумбочка, обставленная всякими рамками для фотографий.

В комнате жила темнота. Лишь белая прозрачная ткань, похожая на штору, колыхалась из стороны в сторону. Интересна эта комната не производила никакого. Мрака мне хватало и в своей жизни.

Когда за спиной остается достаточное количество дверей, похожих друг на друга, рука самовольно дотягивается до самой последней.

В этой комнатке стоял рояль. Белый рояль. Сбоку небольшой узорчатый диван с полукруглым столиком. Здесь пахло прохладой и дождём.

Неосознанно, я начинаю буквально лететь к роялю и глажу рукой по гладкой поверхности. Сажусь на жесткую длинную скамейку с изогнутыми ножками.

Провожу пальцами по черно-белым клавишам и потихоньку погружаюсь в мир чистых и глубоких звуков.

Каждый звук от моих пальцев переходил в нечто более красивое и душевное, тем самым переливаясь в красивую мелодию.

Музыка — это язык, который поймёт только наша душа. Как и в моём случае — Это неповторимо.

На секунду чувствую, как отделяюсь от души. Будто моя душа и рояль стали разговаривать с друг другом на одном понятном им языке.

Не успеваю насладиться красивыми, ласкающими сердце, звуками, дверь со скрипом открывается. Оттуда видится мужской силуэт.

Я медленно оборачиваюсь, чтобы встретить гостя, но когда узнаю, кем является этот гость, музыка резко обрывается.

* * *

В дверном проеме стоял Сэм.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю, резко вставая.

— Это была твоя игра? — Он чуть улыбается, кивая на рояль. Я не отвечаю и сильнее хмурюсь. Медленно иду к двери, сжимая кулаки.

— Что ты тут делаешь? — повторяю более громче.

— Услышал музыку и хотел проверить, откуда она доносится. — Парень окидывает меня задумчивым взглядом с головы до пяток.

— Неплохо выглядишь... Для ботаника, Скилеф, — замечает он, показывая на

обтягивающее платье, которое удивительно четко подчеркивало каждый мой изгиб тела.

— Спасибо.

Чувствую, как щеки вспыхивают, однако я понимаю, что это всего лишь в его голове гуляет алкоголь. Поэтому беру волю в кулак и продвигаюсь дальше. Сэм стоит в проёме двери и скрещивает руки на груди.

— Отойди, Сэм, — убедительно четко проговаривая, делаю шаги на свет. Он не шевелится.

— Нет. Мне надо у тебя кое-что спросить, — Сэм показывает на маленький диван с узорами.

— Что?

Он вздыхает глубже, усаживаясь на диван.

— Сядь.

Я повинуюсь и поворачиваюсь к нему.

— Ты встречаешься с Питером? — прямо выпаливает он, глядя в глаза.

— Нет! — Что на него нашло? Руки нервно дрожали, когда мне пришлось пригладить край юбки. — С чего ты вообще это взял?

Он хмурится.

— В школе есть стены, а у стен — уши.

Почему это ему так интересно? Я вздохнула глубже.

— Значит эти слухи врут. Питер только помогает мне не заблудиться, понимаешь? Обычно я настолько путаюсь в чужой местности и не понимаю, где нахожусь. — Я хмыкаю. — Ты забыл, что я новенькая?

— Прости, — скулит он, опуская голову. Я качаю головой, затем встаю и напрувляюсь к выходу.

Не успеваю перейти порог, как Сэм хватает меня за локоть. Я поворачиваю голову и перевожу взгляд от отчаянного лица парня к его пальцам, сильно сжимающим кожу.

— Подожди... — шепчет он.

— Что ещё?

— Хотел кое-что подарить...

Сэм достает что-то маленькое из кармана. Только сейчас замечаю, что его серая футболка вся в пятнах, джинсы — в прямом смысле — висят. Он протягивает небольшую цепочку и улыбается.

— Держи. Теперь он твой.

Я перевожу озадаченный взгляд на своеобразный подарок, и осторожно смотрю на него.

— Что это? — с интересом говорю, бережно принимая его как редкое растение.

— Что-то типо амулета. — Парень чешет затылок в смятении и ухмыляется.

— Тётя передала его мне и сказала... — он осекся, кашляя в кулак. — Говоря яснее: амулет долго искал своего хозяина и теперь он по праву твой. Давай надену, — предлагает Сэм, тихо посмеиваясь.

Я передаю ему цепочку и отворачиваюсь. Он осторожно убирает мои локоны на одну сторону и защелкивает замок на шее.

— Готово.

Я оборачиваюсь к нему лицом, разглядывая овал на груди. Цепочка, хоть не такая уж и новая, выглядела презентабельно. Цепь на шее была тонкой, как нитка, а на ней висел огромный, овальной формы, медальон.

— Спасибо, он бесподобен.

От нахлынувших эмоций, я кидаюсь ему на шею и повисаю словно он ветка старого дерева. Тело парня вздрагивает от неожиданности, и он слегка отскакивает назад. Опустив голову в изгиб моей шеи, едва слышно шепчет:

— Не за что. Только никогда его не снимай и не теряй.

По середине пиршества возвышалась огромная кастрюля с пуншем, по сторонам от него бутылки с водой и несколько блюд, приготовленных, видно, на скорую руку.

В горле пересохло. Оконув стакан в фиолетовую жижу, делаю глоток.

После одного последовал еще один, за ним еще, пока перед глазами не появились звездочки, а губы не растянулись в счастливой улыбке.

Было приятно получить от него подарок, хоть это и была старая цепочка.

Однако внутренний голос подсказывал, что что-то тут не так. Зачем ему дарить какие-то подарки мне?

После еще одного глотка фиолетовой жидкости ноги сами несут меня к импровизированному танцполу. Я хватаюсь за угол столешницы, стоявшей по середине гостиной, и останавливаюсь. Сомнения одолевали меня, словно ураган в зимнюю стужу.

Музыка сменилась на песню "Bad for you." Лёгкость, темнота в глазах и музыка — это все, что мне было нужно на данный момент. На этот раз я отбрасываю все дурные мысли и следую зову сердца, полностью отдаваясь песне.

Пребывая в легком дурмане, чувствую себя на седьмом небе. Всё искрится и переливается в разные цвета. Люди улыбаются и разводят руки так же, как и я.

Неожиданно чья-то массивная рука накрывает мое плечо. Мое тело откликнулось на жест; из уст вышел вздох. Обернувшись, сладко расплываюсь в улыбке и машу рукой перед парнем.

— Привет, — неохотно улыбается Питер.

Его волосы сильно взъерошены, будто парень уже где-то успел сильно надраться. Рубашка, которая ранее аккуратно была приглажена, уже вся помятая, и на рукаве красовалось красное пятно.

— Вижу, успел всё здесь попробовать? — кричу сквозь музыку, тыча в пятно на его рубашке.

Он качает головой и хмурится. Но Питер не успевает ничего сказать, так как мои руки уже обвили его шею и я притянула парня ближе.

— Давай, Питер. Я чувствую твоё напряжение, — шепчу, хихикая. Он отстраняется и вглядывается в меня.

— Ты пьяна? — Я качаю головой и улыбка растягивается до ушей.

— Нисколько. Давай лучше потанцуем.

Я увожу его в самое пекло и начинаю качать бедрами в такт музыки. Питер удивленно смотрит, оглядывая мой внешний вид.

Я знала, что мои волосы были паклей, а на щеках присутствовал розовый румянец и, может быть, чуть опухшие губы.

Когда снова поманила его, он всё-таки, закатывая глаза, сделал несколько шажков ко мне, позволяя себе дать слабину. Он ухмыльнулся чему-то и обхватил мою ладонь, осторожно кладя на своё плечо.

Не успела я войти в поток следующей песни, как музыка перешла на более плавную и спокойную. Мои глаза заметно расширились, а губы моего партнёра растянулись в улыбке.

Половина людей разошлись, остальные танцевали по парам, а некоторые потягивали пиво в сторонке. Питер улыбнулся краешком губ и прислонился к моему уху.

— Потанцуем? — иронично проговорил он. Я кивнула, слегка смутившись и чувствуя, что попала в западню. Питер шагнул первым и увел меня в танец, погружая нас в мир сказки.

Он так плавно всё делал, что на его фоне я казалась улиткой на каблуках. Его рука крепко сжимала правую руку, а другой он вцепился мне в талию, будто это единственное, что было для него сейчас главное.

Моё тело.

Я мысленно просила себя не упасть или хотя бы не испортить это мгновение рвотными позывами, которые начинали подступать к горлу.

Я не могла прочитывать на его лице и дольки негативных или каких-либо эмоции вообще. Питер кивнул и прижал меня ближе, а я позволила себе раствориться в нем полностью. Раствориться в музыке, стекающей по колонкам.

Когда музыка снова, неожиданно для всех, сменилась на более гроыхающую с привкусом рока, Питер увел меня в сторону. Он отпустил мою руку и спросил:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

Я кивнула, озираясь по сторонам в поисках шумного места.

— На твоё усмотрение.

Он скрылся в толпе, а я прошла дальше, к столику возле открытого окна. Ветер раздувал локоны Кими. Она мило улыбнулась и, привстав, встретила меня горячими объятиями.

— Освоилась, милая? — проговорила она, шумно дыша. Я кивнула и Кими помогла удобнее сесть на мягком диване.

— Столько народу... — говорю ей, обводя рукой крепких парней, стоящие передо мной.

Кими хихикнула и отмахнулась, делая большой глоток золотой жидкости в своём стакане.

— Это братья Джейка! — смеётся она. Я качаю головой, не веря своим ушам.

— Что-что?

Она кивает, глотая. Протягивая руку, девушка подавляет смешок и лучезарно улыбается. Её локоны пружинят на весу, когда Кими пытается убрать волосы с лица.

— Я младшая сестра Джейка. Рада знакомству.

Только сейчас весь смысл слов проходит через мой разум, оседая где-то внутри.

— Это же невозможно, правда? Ты такая, а он такой... — Не могу подобрать подходящих слов и замолкаю. Кими хлопает глазами, откидывается на спинку дивана, закатывая глаза.

— Ты не первая, кто так думает, Кэролайн. — Кими пожимает плечами, делая ударение на второй слог в моём имени.

— Извини, я просто не знала. Ты так не похожа на него. Ты более, что ль, воспитанная. — Кими сжимает моё плечо и с благодарностью в глазах улыбается.

— Спасибо. Но Джейк и мои братья тоже не хуже. По крайней мере на них можно положиться, — она подмигивает. Когда Кими делает ещё один глоток, перед моими глазами появляется бутылка с янтарной жидкостью.

— Только пей не спеша, — предупреждает Питер, затем переводит всё внимание к темноволосой, сидящей рядом со мной.

— Привет, Ким.

Делаю маленький глоток и сразу морщусь, глотая и давая горькой жидкости пройти внутрь. Хоть вкуса я и не ощущала, но мне было наплевать на это. Просто хотелось заглушить жажду. Питер сделал еще один, обжигающий язык, глоток.

— А что это за цепочка? — спрашивает он, чуть улыбнувшись. Я опускаю голову, хмурясь. Тут же по всему телу проносится дрожь.

— Подарок Сэма.

Питер хмыкает, делая ещё один глоток пива, затем облизывает губы и смотрит в сторону.

— Он сказал, что это амулет.

— Амулет? — переспрашивает парень, будто не расслышал. Я киваю. Рядом сидит Кими и громко хохочет, что-то обсуждая с девушкой, определённо она была из группы поддержки, последние школьные новости.

— Ты против? — говорю, осторожно кладя руку ему на плечо.

— Нет.

Он скидывает мою руку, но не смотрит мне в глаза. Я отстраняюсь от него дальше, замечая, как между нами вырастает глыба льда.

Какое-то время оба молчим, размышляя каждый о своём. Крики, шумная музыка, смех, звуки хлопающих дверей сверху и шаги — все пролетает мимо меня. Питер допивает бутылку, пока я собираюсь с мыслями.

Вся беззаботность улетучилась с его лица. Я понимаю, что сглупила или, возможно, обидела. Однако все равно чувствую себя противно.

Голова раскалывается, к горлу снова подступает тошнота, и у меня пропадает желание тут оставаться. Встаю с дивана и на полушатающихся ногах плетусь к выходу, проходя мимо Питера.

— Куда ты?

Он резко встаёт и хватается меня за локоть. Бутылка вылетает из рук и звонко разбивается на мелкие стеклышки. Никто этого даже не замечает и продолжает напиваться до потери пульса.

— Мне нужно уходить.

Парень ведёт меня за локоть через всю толпу до коридора.

На пороге я останавливаюсь, вспоминая, что мне нужно предупредить Мэгги. Я забираю куртку, одеваясь по пути к ней. Питер хмурится, но его голоса уже не слышно.

Она танцевала в толпе, полностью растворяясь в беспечном дурмане. Мне пришлось кое-как растолкать несколько девушек и прокричать во все горло, чтобы она меня заметила. Мэгги открыла веки, улыбнулась и протянула ко мне руки. Я покачала головой.

— Нет, мне нужно уходить.

Мэгги улыбнулась и в ответ крепко обняла. Выпустив из объятий, девушка перебежала глазами через моё плечо и ухмыльнулась.

— Хах, Питеру привет.

— Ты о чем?

Она махает за моё плечо и прикрывает рот, сдерживая смех.

— Я вижу его, как он шатается, стуча ногой по полу. — Мэгги ещё раз обнимает меня и

кивает головой. — Иди уже!

Девушка подталкивает меня, разворачивая к толпе. Я пробираюсь через всех, как кролик, пока сама Мэгги уходит с головой в ночную жизнь софитов, алкоголя и сигарет.

* * *

Питер молча шёл впереди меня, но временами оборачивался, когда понимал, что я отставала. Молчание нагнетало, больше накручивая меня.

Я слышу шум наших шагов, шелест листьев под ногами и слабый ветерок. Мне не нравилась тишина. Казалось, что кто-то вот-вот выпрыгнет из кустов и съест.

Из головы не выходили тревожные мысли и один вопрос, который постоянно крутился на языке. Почему он так отреагировал на цепочку, висящую на моей шее?

Я смотрю ему в затылок, пытаюсь словить его чувства. Но распознать сложно. Холод пробирается по коже. Руки, губы дрожат, а ноги совсем не держат. Я слышу шелест листьев от его ботинок и запах после дождя.

В кармане куртки телефон подает голос. Я включила и посмотрела в экран, осветивший моё лицо. Пришло сообщение от мамы.

«Керри, где ты? Позвони.»

Я резко останавливаюсь и шелест под ногами исчезает.

— Что случилось? — Питер подходит ближе, пытаюсь словить мой взгляд.

— Мама ищет, — на одном дыхании шепчу. Паника овладела мной: пальцы задрожали, глазами бегаю по сторонам, когда встречаюсь лицом с Питером, дыхание учащается.

— Дыши, Кер. Мы найдем выход.

Его глаза сверкнули ярким светом в тёмной ночи, и губы растянулись в довольной улыбке.

— Ты мне доверяешь? — спрашивает он, отходя назад и приседая, словно пантера.

Я качаю головой.

— Уже как-то не уверена. Питер, что ты задумал?

Он смеётся, закидывая голову назад.

— Мы побежим. Ты же хочешь попасть раньше своей матери домой? — Я киваю.

Сейчас она только отъезжала, по моим подсчётам, домой, и у меня неожиданно появляется шанс. Он закрывает глаза и спокойно кивает.

— Значит в путь.

Перед глазами все перетекает в одну невзрачную тень. Не могу точно разглядеть, куда ступаю, но чувствую каждой клеточкой запах земли, травы и шорох в кустах. Следующий шаг становится последним, потому что я падаю на землю, расстилаясь всем телом.

Хруст. Я точно слышала хруст. Неведение пугает. Корчась в муках на мокрой земле, аккуратно тянусь к голени. Боль протекает по всей ноге, когда нащупываю горящее место.

— С тобой все в порядке? — Голос Питера пробуждает меня, и я поднимаю глаза на Ночного Ангела. В темноте ничего не видно, но темный силуэт отличается и приближается ко мне.

Он обхватывает мою талию и подхватывает за ноги.

Закрыв глаза, я зажмурилась от боли. Не успеваю понять, что произошло, как уже оказываюсь в его крепких руках. От тела Питера исходят тёплые волны, проникающие мне прямо в сердце.

— Я, кажется, ногу подвернула.

Питер хмурится и встречается со мной глазами.

— Все будет хорошо, обещаю. Я тебя донесу, — шепчет он. Питер прижимает меня крепче и ускоряется.

Дуновение ночного ветра постепенно усыпляет меня и зрение становится не четким. Мимо нас рысью пробегают ряды пышных и высоких деревьев.

Невольно откидываю голову на плечо Питера, медленно закрываю глаза и уже через секунду я погружаюсь в мир Морфея.

* * *

Уснуть так и не удалось. Мне оставалось только крепко держаться за его шею, смотря вдаль.

Ветер развивал волосы и дул в лицо, обжигая горячие щеки. Под его все время поднимающейся грудью и учащенным прерывистым дыханием, сквозь пелену непрошенных слез замечаю, как виднеется крыльцо дома.

Питер опускает меня на землю, аккуратно держа за плечи.

— Сможешь идти? — спрашивает он.

Я делаю шаг, но, покачнувшись, руками хватаюсь за воздух, чувствуя невесомость. К счастью, Питер ловит меня и прижимает к груди. Парень глубоко вдыхает воздух в легкие.

— Я понял. Дыши глубже, Кер.

Приобняв меня за талию, другую руку повесив себе на шею, Питер делает маленькие шажки, пока такими темпами мы не доходим до крыльца.

С дверью мне пришлось немного повозиться: тыкала ключом в замочную скважину, но перед глазами все плыло.

Наконец Питер отстранил меня в сторону, выхватил ключ из рук и одним движением пальцев ловко повернул ключ. Дверь поддалась и со скрипом распахнулась.

Затем он осторожно уложил меня на диван, и я откинулась на изголовье.

Я рухнула на мягкие подушки и из уст вышел писклявый стон.

— Где у тебя кухня? — спросил Питер, отходя назад. Я махнула рукой в сторону коридора и через секунду он кивает, исчезая за стеной.

Через две минуты он снова возвращается ко мне, неся в руках синюю аптечку. В такой

ситуации любой другой человек заплакал бы от безысходности и жгучей боли в ноге, но не я. Мне почему-то наоборот хотелось улыбнуться.

— Питер, не стоит, я могла сама...

— Сама? — Он поднял глаза вверх, будто что-то прикидывал или представлял. Питер кивает, хмыкая.

— Доползла бы? — Он присел возле меня и протянул ладонь.

— Нет уж. Давай ногу.

Я покорно подняла ее, зажмуриваясь от боли. Когда пальцы Питера обхватили мою ногу и лед в пакете постепенно начал таять, боль поутихла.

— Легче? — тихо шепчет парень, длинными пальцами поглаживая мое колено.

— Угу.

Холод протекал по всей ноге, притупляя боль внутри.

Я наслаждаюсь его игрой пальцами на моих ногах, сердце уходит в пятки, по телу пробегает мелкий поток тока, отбивая пульсирующую боль внизу живота. Что это? Такого я не испытывала никогда.

Секунды перетекали в минуты, а минуты — в часы. Не знаю сколько прошло времени, но каждая мысль убивала меня. Хоть и боль в ноге становилась терпимее, однако волнение никуда не спешило уходить.

А если придет мама и увидит меня в таком состоянии? Увидев Питера, что она тогда подумает?

— Тебе, наверно, лучше уйти. — Мне нужно было его выпроводить, ради безопасности.

— Нет. Я не оставлю тебя одну.

Я издаю вздох, который превращает все дальнейшие идеи побега в прах.

— Ну, не вечно же ты со мной будешь здесь сидеть? — Я отдергиваю ногу и Питер недоуменно глядит на меня. — Я в порядке.

— Пустяки, — улыбается он, от чего сердце тает, а бабочки бьют крыльями в животе, не давая мне нормально дышать.

— Ты должен уйти. Не хочу, чтобы ты попадался под горячую руку моей матери, — ухмыляюсь я, кивая.

Парень задумывается, а это хорошо, мне удалось на секундочку всё переварить. Он долгое время, хотя казалось вечность, думал над моими словами.

Изо рта выходит вздох, когда он поднимает глаза.

— Наверное, ты права. Я, пожалуй, пойду.

Он дотягивается до моей руки, сжимая пакет со льдом. Прикосновение с его кожей заставляет мою кровь чуть ли не бежать галопом по венам. Он встает и указывает пальцем на меня.

— Сейчас вернусь. — Питер уходит в сторону кухни, тихо сдерживая смех.

— Куда ты? — кричу ему вслед, но он уже не слышит. Мне остается только считать минуты.

Неожиданный звонкий звук с кухни заставляет меня задуматься, что это было, и вздрогнуть. Питер махнул рукой и улыбнулся, когда выходил из кухни.

— Нашёл.

В правой руке он держал медицинский бинт. Питер сел на корточки, быстро разматывая его.

— Последний штрих и я уйду. Давай ногу.

Я сделала то, что он попросил, зажмурил глаза и медленно подняв ногу. От его прикосновений снова пошли мурашки.

Его пальцы обхватили мою ступню. Питер наложил бинт на больное место внизу ноги, затем перевязал тугим узлом, словно косички маленькой девочки в первый школьный день.

— Идеально, — сказал он, поднимая глаза. Я улыбнулась и попыталась встать.

— Нет-нет, сиди. Я закрою.

Он прошёл к коридору, схватил один ботинок и уселся на корточки. Облокотившись на ручки кресел, принялась наблюдать за ним, пока он собирался.

— Откуда такие познания в медицине?

— Ты о чем? — обувая второй ботинок, спросил он. Я киваю головой на ногу и Питер смеётся.

— А, это... Когда я был маленьким, каждый раз наблюдал за операциями отца. Ну, а потом записывал наблюдения. Он работает хирургом в местной больнице, — поясняет парень.

Я кивнула головой и тут же вцепилась в кресло, почувствовав пульсацию в ноге. Так и должно быть?

Питер улыбнулся, открыл входную дверь, невольно поглядев на меня.

— Больше лежать и полный покой, хорошо?

Я кивнула, но всё-таки попыталась встать, чтобы проводить Юного Доктора. Его улыбка исчезла и он подскочил на месте.

— Керри!

Я замахала руками, делая осторожные шаги к нему. Он ждал, но не двигался, прерывно дыша. Когда я наконец дошла до него, парень схватил меня за руки, замечая моё неожиданное падение.

— Больше так не играй, Кер, — вздыхает он. Я хихикаю, но соглашусь. Потом Питер несколько минут оглядывал меня и потрянул головой.

— Значит, помощь тебе не понадобится?

Пожав плечами, качаю головой.

— Видимо нет.

Он отстраняется от меня и уходит, оставляя со своими мыслями и бьющимся в груди сердцем.

Почему этот парень заставляет моё сердце так сильно биться, а бабочкам снова порхать внутри меня?

Ночью этого дня я успела убраться в доме и заснула только когда мама закрыла за собой дверь. В середине ночи, примерно к часу, очередной кошмар возник в голове, как некая картинка из прошлого.

Мне не хватало воздуха. Нужно было выбираться из дома, стены давили и душили.

Ноги уносят в самую чащу леса, я вдыхаю аромат ночи. Позади шелестят деревья, когда останавливаюсь на незнакомой поляне. Только лунный свет освещает верхушку травы, цветы пританцовывают на ветру, а где-то в кустах стрекочет кузнечик.

Неожиданно слышу чьи-то тихие шаги и резко замираю на месте. Наши глаза встречаются, и я окончательно убеждаюсь в своих догадках.

— Керри? Что ты тут делаешь?

Я смотрю на него, пытаюсь разглядеть в незнакомце знакомый лик. Постоянно поворачиваю в бок голову, но мешают крошечная темнота и туман, нависшие над поляной.

— Питер?

Я подошла к нему почти вплотную, щурясь; кончики волос пружинились при каждом движении. Щеки вспыхнули и я опустила голову на скрещенные в замок руки.

— Мне не спится.

Хотя его и не было так хорошо видно как днем, я все равно могла увидеть, как он молча кивает и сжимает кулаки.

— Все в порядке? — спрашивает он.

Голова немного кружилась. Мне хочется что-то сказать, объяснить, что на самом деле произошло и как я тут оказалась, но знала, что рассказывать про себя — самоубийство.

Лучше молчать, чтобы защититься от неизвестности. Опасно снимать маски и показывать свои истинные лица перед всеми.

— В полном. Спасибо, — улыбаюсь я.

Дунул прохладный ветерок; мои волосы развились на ветру, попадая на лицо. Я вздрогнула, дотронулась до своего воротника и приподняла уголки вверх.

— Холодовато, — сипло твержу дрожащим голосом.

Я могу слышать, как стучат собственные зубы. Глазами начинаю бегать по сторонам, боясь, что из неоткуда выпрыгнет мой кошмар из снов... Питер машет куда-то в сторону, неуверенно смеясь.

— Идем ко мне домой. Ночевать в лесу глупо. Поверь, тут недалеко. Если ты пойдешь одна, то... — Он заставил себя остановиться.

— Что будет тогда? — переспрашиваю, аккуратно подходя к нему.

— Страшное, — вздергивает он подбородком. Махнув рукой, парень отступил назад.

— А где твой дом?

— В паре шагов отсюда.

Я киваю, ступая к нему, но сомнения не отходили. Они постоянно подталкивали меня к неизбежному, тихо нашептывая, как ночной ветер на поляне: доверять ему не есть хорошо. Но было уже поздно...

* * *

На небе ни одной звезды, серые темные тучи и легкая дымка бегают по земле, как покрывало. Питер шел впереди, периодически останавливаясь, чтобы подождать меня. Мы

проходили всякие старые коряги, валяющиеся на мокрой и сырой земле.

Парню приходилось все время ловить меня, крепко удерживая на весу, чтобы я не падала лицом в грязь.

Когда начался дождь, одна ветка слетела с горы и рухнула перед нашими ногами. Я вздрогнула и цепко схватилась за его ладонь, но звука не издала.

Как только мы вышли из Северной части леса, дождь усилился и теперь беспощадно бил по головам, стекая ледяными струями по нашим лицам.

Через пару верст от леса мы завернули налево и уже подходили к какому-то смутно знакомому крыльцу. Одинокий дом бесшумно возвышался над ночной красотой.

С крыши дома стекали дождевые капли, падая на крыльцо и оставляя грязные лужи на асфальте. Питер открыл дверь, пропуская внутрь.

Как только дверь за нами закрылась, я смогла нормально выдохнуть. Свет озарил всю остальную часть дома, когда Питер включил свет.

Я медленно проходила по коридору, осматривая все углы и стены. Питер скинул с себя мокрую куртку и повесил в шкаф, попросив и мое пальто впридачу, с которого крупными каплями стекала вода.

— Ну, как тебе? — спросил Питер, засовывая руки в карманы джинс.

— Дом просто волшебный, — улыбнулась я, поворачиваясь и кротко смотря в его лицо. — Кажется, будто построен в восьмидесятые годы, верно?

Он усмехнулся, кивая головой.

— Я рад, что тебе понравилось. — Парень улыбнулся, кажется, признавая поражение.

Краем глаза замечаю довольно странную картину и указываю на нее, шмыгая носом.

— Что это?

Питер удивленно моргает, пожимая плечами. Мне нравились сами картины, а тем более их происхождение.

Я считала, что чем старше годы создания самой картины, тем интереснее ее история в целом. Питер подошел ближе и вдохнул больше воздуха, тихо-тихо перебирая какие-то слова.

— Это картина американского художника Виллема Де Кунинга (Виллем Де Кунинг — 1904–1997 является одним из самых дорогих художников конца XX века.) Она написана в конце XX века. Честно признаться — это любимая картина моего старшего брата Криса.

Имя его брата вылетели из губ Питера так, словно для него это было ядом. Может они не ладят между собой, а может просто в этом и заключается любовь между братьями? Но я просто киваю, слабо улыбаясь, и иду дальше.

На втором этаже света меньше, но чувствуется довольно острый запах. Более приторный. Каждая дверь приоткрыта, кроме одной. Последняя открыта нараспашку.

— Моя комната, — говорит парень, махая рукой в сторону, чтобы пропустить вперед. Я отхожу от ступора и делаю пару шагов.

Захожу в комнату и принимаюсь снова осматривать каждую полку до мельчайших подробностей, так что ни одна пылинка не проскочит мимо.

Напротив выхода стояли двери, подобные отдельному балкону. Оттуда выходил вид на высокие деревья; где-то неподалеку от нас журчала вода, слышалось пение птиц и стук дятла.

— Красиво, — шепчу, подходя к музыкальному уголку. — Это все твое?

Пораженная, обвожу рукой ряд дисков и стопку старых книг. Питер неуверенно кивает.

— Да.

— Что ты слушаешь?

Нажимаю на кнопку в дисплее и тут же в колонках слышится брэнчание гитары, начинает напевать тихий голос солиста, пробирая до самых костей и полностью смывая всё в голове.

Чувствую, как на меня смотрит Питер, но делаю вид, что не замечаю его. Закрываю веки и погружаюсь в песню.

— Тебе нравится? — осторожно задает вопрос Питер. Я киваю в такт музыке, наслаждаясь голосом вокалиста.

— Да, — через какое-то мгновение шепчу в ответ. Неожиданно у меня забурчал живот и я корчусь, накрывая его рукой. — Прости.

Я открываю веки и поднимаю голову в сторону парня. Он смеется: его плечи идут ходуном, как при скачке на лошади. Парень подходит, осторожно обхватывая мои плечи.

— Ничего-ничего. Это обычные человеческие потребности.

Улыбка снова появляется на его губах, и я чуть расслабляюсь. Он переплетает свои пальцы с моими, и мы вместе слетаем с лестницы, слушая лишь топот ног и сбивчивое дыхание.

Как только мы спустились вниз на кухню, Питер указывает на стул. Здесь было светлее, хотя за окном крошечная тьма.

— Садись. Что будешь: мясо или что-то повкуснее?

— Давай что-нибудь повкуснее, — ухмыльнулась я, усаживаясь поудобнее.

Он долго ещё копался в холодильнике, пока не появился с «No cone ada» от Ben & Jerry's (Бен энд Джерриз — марка мороженого, замороженного йогурта, щербета и продуктов на основе мороженого, производимых компанией Ben & Jerry's.)

Он ставит две тарелки на столешницу и вываливает все содержимое сначала в одну, потом в другую тарелку. Я улыбаюсь, принимая порцию.

— Это все мне? — говорю немного громче, давась слюной и забирая две тарелке с его рук.

Но Питер сжимает свою тарелку так сильно, не желая делиться.

— А-а-а! — Он отодвигает в свою сторону Ben & Jerry's, ухмыляясь мне в лицо, однако я все равно тянусь вперед.

Моё тело уже так близко к телу парня, что чувствую его теплое дыхание на своих волосах. С губ слетает вдох, когда сжимаю рот в одну линию и зажмуриваюсь. Что-то пошло не так...

Питер морщится и осторожно опускает голову. На его серой футболке красуется пятно, а кусок тёмного, с кусочками шоколада, мороженого, не спеша стекает вниз.

Он снова поднимает глаза на меня, но я лишь виновато моргаю. Языком облизываю нижнюю губу, затем кусаю верхнюю, при этом даже не осознавая, что задерживаю дыхание. Он макает палец в оставшийся кусок на футболке, протягивает его в сторону меня и изгибает бровь.

— Хочешь попробовать ещё? — Его голос тих, но слышу, как сердце Питера бешено стучит в груди.

Я молча качаю головой, хотя тело говорит совершенно иное. Рука ищет за что ухватиться и, к моему везению, находит полотенце и бросает в лицо парню. Тем временем я отбегаю дальше и звонко смеюсь.

Питер, стягивая со своего лица ненужную тряпку, растеряно оглядывается по сторонам. Видно, что он напуган. Однако, когда находит меня, тут же, странно, почему, успокаивается.

* * *

Дождь бьет по крыше, стекая по стеклу, говоря о том, что он никуда не собирается уходить.

Мы сидели за барной стойкой и доедали последние куски мороженого. После беготни Питер поставил условие, чтобы я так больше никогда не делала, а иначе мне не поздоровится.

На это я лишь хмыкнула, медленно прошла к нему и наклонилась, вглядываясь в его глаза. Тогда дыхание Питера остановилось, а зрачки в миг увеличились.

— Посмотрим еще, — шепнула тогда ему и сразу отстранилась от парня, сев на высокий стул. Затем погрузила ложку в лужицу мороженого и слизала его, смотря по сторонам, но только не на Питера. Он потом еще долго отстранёно смотрел на меня, но ничего не говорил.

— Так, как ты попала на поляну? — спросил Питер, отодвигая тарелку. Я ломала пальцы под столом, смотря в пустую посудину перед собой.

— Мне не спалось... И мне снился сон...

— Плохой или хороший?

Я вжалась в стул и сглотнула давящую тяжесть, пытаюсь скинуть её с плеч и снова открыла рот, чтобы разъяснить ситуацию.

— Это был кошмар... Он про Серого Волка. Помнишь, про которого я тебе рассказывала? — Я снова съёжилась и крепче сцепила руки в замок, чтобы не распасться на части.

— Да. Что он сделал? — Я заметила, как плечи Питера напряглись. Он сощурил глаза.

— Он, помню, стоял и... что-то говорил мне, а я снова и снова убегала от него прочь. Волк все время догонял меня и это было похоже на замкнутый круг: я убегала, он следовал за мной снова и снова и снова... Нескончаемый круг, как водоворот в черной дыре.

Питер сжал мое плечо, и я шмыгнула носом. На глазах встали слезы, но пока не собирались скатываться.

Сердце сильно сжалось, а в горле будто перекрыли кислород. Я вздохнула, закрывая веки, и перевела дыхание.

Питер накрыл мою бледную руку, тем самым разбивая воображаемый замок, и крепко сжал в своей.

— Не беспокойся. Это всего лишь сон, — кивая головой, говорит он сипло. Я судорожно киваю и крепче хватаюсь за его руку, тяжело хмыкая в ответ.

Молчание затягивалось и нам, казалось, нравилась эта тишина, ведь когда все сказано, что ещё нужно?

Однако тишину прерывает какой-то громкий звук, похожий на треск; моя рука дрогнула и, высвободившись из рук Питера, прикрыла рот ладонью. Парень посмотрел на меня и был удивлен не меньше.

Неужели Серый Волк узнал, где я нахожусь? Звук, если я не ошибаюсь, исходил со второго этажа.

— Что это было? — дрожащим голосом прошептала я, наклоняясь ближе к уху Питера будто боясь, что меня услышит некто, кто находится под нашими головами.

Он не ответил, лишь отрицательно покачал головой. Питер резко встает и поднимается на второй этаж, но не успевает ступить на ступеньки, как я встаю и следую за ним. Мне не хотелось оставаться здесь одной.

— Оставайся здесь! — шипит он вдруг, поднимая руку вперед. Но я сжимаю кулаки и уверенно обращаюсь к нему:

— Нет. Я пойду с тобой.

Резко хватаюсь за рукав его рубахи и сильно сжимаю в кулаках. Он глубоко вздохнул, выпрямив спину, поиграл плечами. Наконец одобрительно кивнул и нашёл мою ручонку. Он медленно склонился к моему уху; мое дыхание участилось, я опустила глаза в пол.

— Только не отставай.

Я молча кивнула, хотя знала, что крик внутри оглушает его голос.

* * *

Как только мы прошли пустой коридор и оказались возле комнаты Питера, по телу прошелся ряд мурашек, когда увидела, как на полу лежит ваза.

Она была полностью разбита, а осколки валялись по всей комнате, светясь при лунном свете. Рядом с разбитой вазой стояла фотография одинокой девушки, но я не придала особого внимания.

— Стой здесь, — велит он, отстраняясь.

Питер стал осматривать свою комнату, бегая глазами по блестящему от стекол полу, пока глазами не замечает широко открытую дверь балкона. Тонкие деревья качались на ветру и шелестели листья, будто стопку листов перелистывали в унисон секретари в приёмной.

Он принялся закрывать их, но когда налег всем телом, в комнату неожиданно ворвался ветер, и двери резко распахнулись, отбрасывая Питера назад.

Не успеваю толком разглядеть все происходящее, как парень уже валялся на полу с закрытыми глазами. Невольно вскрикнув, подбегаю к нему и падаю на колени.

— Питер, все в порядке?

Он, закрыв глаза, нахмурился, и что-то долго шептал себе под нос. Я утираю руками слезы, теперь уже катящиеся по щекам с новой волной снова и снова.

— Да.

Я помогла ему подняться и удобнее сесть на чистое место среди разбившегося повсюду стекла.

— Все нормально, — прошептал он, поворачиваясь ко мне и слабо улыбаясь. Он

закрывает глаза и теряет сознание.

От сильного натиска ветра снова что-то падает позади меня и разлетается на мелкие кусочки. Я не могу разобрать точно, что это было, потому что ветер оглушил меня и заложило уши.

Тело потряхивает. Хочу встать, но падаю на спину. Снова пытаюсь подняться и подхожу к дверям, откуда исходит ветер, пока Питер сидит без сознания. На небе грохочет гром, капли становятся острыми, словно иглы.

Я дотрагиваюсь до ручки двери, но некто опережает меня, закрывая дверь. Облегчённо выдыхаю и оборачиваюсь, когда понимаю, что Питер очнулся и с ним все в порядке.

Сердце безудержно билось в груди, пока по щекам текли слезы. Уже не было сил их скрывать. Я смотрю в одну точку, молча все взвешивая у себя в голове, обхватив себя руками. Мои плечи дрожали.

— Все хорошо? — спрашивает он взволнованно, всматриваясь в мои глаза. Рука пульсировала, однако я пожимаю плечами.

— Вроде да... — Я осеклась и замолчала. — Ты меня здорово напугал.

Киваю головой и морщусь. Он виновато опускает голову, затем хватает за мое запястье и раскрывает ладонь.

— Что это?

Я фыркаю и отдергиваю руку, прикрывая открытую рану здоровой рукой. Питер хмурится и качает головой.

— Это всего лишь царапина, — сухо выпаливаю и отворачиваюсь.

— У тебя кровь! — Он сжимает мое запястье сильнее, накрывая руку и прижимая к груди.

— Как можно так к себе относиться? — Парень вздыхает и уводит обратно вниз.

— Тебе надо её промыть. И как можно быстрее, — выговаривает он жестко.

В просторной гостиной Питер усаживает меня на мягкий диван, прося сидеть и ничего не трогать, в то время как сам скрывается за стенкой.

Не прошло и секунды, как он уже аккуратно выкладывает на столик самое необходимое. Мы молча промыли рану, затем парень аккуратно принялся перевязывать её бинтом.

Я наблюдала за его действиями, иногда зевая от усталости во весь рот. Через минуту из горла вырывается смех.

— Ты чего смеёшься? — Питер поднимает глаза, спрашивая.

— Просто, — легко отвечаю, поежившись на месте. — Заметила, что когда я рядом с тобой, то всегда попадаю во всякие неприятности.

На секунду он перестает перевязывать рану и поднимает на меня изумленный взгляд.

— Да, — кивнул головой он. — Сначала нога, теперь рука.

Я сморщила нос и сжала кулак на коленях, затем разжала и глубоко вдохнула. В голове висел вопрос, который не мог просто так дать покоя и нормально жить.

«Что если?...» — с этим вопросом каждый просыпается утром в новый день. И причем каждый раз буквально все обдумывают эти два слова по-разному: кто-то строит целый план, как осуществить это «если»; кто-то даже и не старается уделить этому вопросу минуту, потому что уверен, что это пустая трата времени.

— Почему ты так заботишься обо мне? — спрашиваю его, сама себя поражая. Он долго

разглядывал мою ладонь в тишине, потом качнул головой и усмехнулся.

— Я тебе уже говорил, — начинает он неохотно, медленно завязывая повязку. Закончив с ней, парень отодвинулся и улыбнулся.

— Я беспокоюсь за тебя.

Уголки губ поднялись вверх и я пожимаю плечами, хотя внутри не уверена — правда ли это? Время и вера — вот то, что мне остается.

В итоге веревки на узле бинта привлекали больше внимания; я начинаю играть с ним, как кошка с клубком ниток. В кармане Питера зазвонил телефон. Он таки как раз и развеял ту атмосферу вокруг нас.

Несколько раз он ругался, но делал это довольно тихо, видимо, чтобы не спугнуть меня, затем я слышала только его приглушённый голос и усталый голос из трубки. Он отключился, когда очередное сомнение попыталось снова облачить разум темными пятнами.

— Что-то случилось? — Я подпрыгиваю на месте, сильно сжимая руки в кулаки.

— Да.

Пока он собирался с мыслями, мой мозг уже вообразил нечто страшное. Неужели кто-то умер? А может кого-то нашли? Вдруг ему сообщили, что он смертельно болен? Взвинченная, подхожу к нему ближе, прижимая перевязанную руку к груди, и поднимаю глаза на парня.

— Что? — шепнула я, бегая глазами по его лицу.

Он отошел на шаг назад, оглядел меня с ног до головы, взвешивая в голове все «за» и «против».

Подойдя снова, он обхватывает мою ладонь в свою руку и медленно проводит пальцами. Я настороженно опускаю глаза, молча наблюдая за его рукой, рисующей невидимые узоры. Он лениво ухмыляется.

— У тебя опять кровь.

— Чёрт! — выругалась я неожиданно, выдергивая руку. Теперь я сама разглядывала красноватый бинт перед глазами.

— Ничего, — смеется парень, дотягиваясь до нового куска бинта. — Я все сделаю.

С той же осторожностью, что и раньше, Питер перевязывал рану. Пока проходила перевязка, я долго и внимательно разглядывала его лицо и прикидывала всевозможные варианты неизвестного звонка.

Может ему сообщили, что кто-то из семьи болен или скончался, а его просто забыли предупредить? А сейчас он просто делает вид, что ничего не случилось, дабы не покалечить меня или не сделать больно.

— Готово.

Я бегло осматриваю его работу и проверяю узел на прочность. Питер усмехается и склоняет голову.

— Теперь лучше? — задает он вопрос, глядя в глаза. Я долго изучаю его лицо. Почему он не говорит мне? Неужели он не доверяет?

— Более или менее, — наконец говорю. Щёки порозовели и я улыбнулась, хотя на самом деле мне хотелось делать совершенно другое.

* * *

— Что с тобой? — спрашивает Питер, хмурясь. Над нами висело облако напряжения, откуда могла выйти молния и разделить нас. Я подняла свои глаза полные вопросов и волнения, но сглотнула и замолчала.

— Эм-м, ничего, — сухо лепечу, опуская голову к рукам. Внутренний голос молчал. А мне нужны были ответы. "Как сдерживать эмоции, если они отчаянно вырываются наружу?" — думала я. — "Есть ли от них противоядие?"

Неожиданно для себя, начинаю смеяться, запрокидывая голову к Питеру. Он хмурится, усаживаясь напротив.

— Я решила, что ты от меня что-то скрываешь, — тихо выговариваю, все еще посмеиваясь.

Он задумчиво отводит глаза и упорно глядит на столик, где лежат бинт и блюдце с осколками.

— Я не могу тебе сказать, — обречённо наклонив голову вбок, мрачно заявляет он. Мои брови взлетают вверх от удивления.

Так это правда?

— Так все же у тебя есть тайна, которую ты не говоришь? — Глаза загораются, когда он кивает и вздыхает.

— Но... почему?

— Это опасно, — выплевывает резко парень. Я натянуто улыбнулась, скрывая истинные чувства, как недавно он проделывал со мной.

— Класс, Питер! — иронично смеюсь я. На глаза наворачиваются слёзы от нелепости, хлопая в ладоши. — Я думала, мы друзья и у нас нет секретов друг от друга.

Мой голос дрогнул и сел. Я отвернулась от него, качая головой. Почему мы привязываемся к людям, зная, что они все равно нас покинут? Почему мы настолько глупы? — пронеслось в моей голове мёртвым голосом. Мне было больно смотреть на него. Нет.

Неприятно.

— Так и есть, — горько продолжает Питер, наклоняясь ко мне ближе. Но я не реагирую. Я и так понимаю, что он — врун.

Закрыв глаза, поднимаюсь на ноги и постепенно ухожу прочь. Прочь из этого бездушного места. Прочь от него. Но, как только дверь открылась, Питер перегородил мне путь.

— Куда ты? — склонив голову вниз, спрашивает он.

— Иду домой, — не поднимая глаз, отвечаю, но голос отстранен. — Мне уже лучше.

Я сделала шаг, но он не дает мне шанса уйти, кладя руку на талию. Я замираю и смотрю на его руки.

— Прости, но я пока не могу тебе рассказать, — шепчет он тихо на ушко, но по-прежнему держа меня на вытянутой руке. Я вздохнула, смотря в пол.

— Почему? — в последний раз спрашиваю его, наклонив голову.

Он начинает перебегать глазами по моему лицу, но я жду. Я дала ему шанс, почему он молчит?

Я мысленно молю его сказать хоть что-нибудь, но нет.

Когда тебе дают шанс, что ты будешь делать в этот момент: исправишь ошибку или же оставишь все как есть, живя с той болью, которую причинили? Живот скрутило от боли и я покачала головой.

Почему ты открываешься мне, а потом снова заслоняешь себя бетонной стеной? — мысленно спрашиваю его.

— Ты не поверишь и не поймёшь что ли? — отвечает Питер.

Я фыркаю, вырываясь из его хватки, и осматриваю презрительным взглядом.

Теперь мне все ясно.

Делаю два шага в сторону, прохожу к двери, пусть это и не легко. С каждым шагом из меня выбивают воздух, причиняя адскую боль, которую не пожелаешь ни одному человеку.

— Тогда нам больше не о чем говорить. Прости.

Я открыла входную дверь и выдохнула, прижимаясь лбом к прохладному стеклу.

— Когда наберешься смелости, скажи, — кидаю на прощание, выхватывая свое пальто, и хлопаю дверью, оставляя парня ни с чем.

Иду, не разбирая дороги, подальше отсюда. Хочется смыть с себя всю ложь, как грязь, и забыться навсегда. Ветер разносит спутанные локоны в разные стороны, я не обращаю внимания, укутываясь в пальто с головой.

— Керри, погоди! Стой! — кричит Питер в спину, но я не слышу. Сейчас мне нужно разобраться в самой себе. Наконец тяжело вздыхаю, понимаю же, что он не отстанет, и медленно поворачиваюсь.

— Что? — устало выдыхаю. Он приближается ко мне; слабый лучик падает на его лицо, высказывая необъяснимую на словах всю боль, которую он, кажется, пытался мне донести у себя дома. Он перевел дыхание и облизал губы.

— Можно я тебя хотя бы провожу? — Голос был охрипшим и тихим. Наклонив голову вбок, он опускает плечи, будто ждет удара.

Я взглянула на него еще раз, изучая черты лица. Одной мне все равно далеко не уйти, поэтому опускаю взгляд, закрыв глаза, киваю.

* * *

С каждым шагом мне становилось все тяжелее и тяжелее. Я чувствовала с его стороны такую боль, будто в данный момент меня режут на куски.

После дождя асфальт превратился в одну большую лужу. Я, не замечая ничего перед глазами, просто наступала на лужи, давая ледяной воде оставить грязные следы на ботах.

— Керри...

Питер через каких-то пару часов тихой ходьбы подаёт голос, пряча руки в карманы джинс. Наблюдаю за трещинами на асфальте и привожу примеры, на что они были похожи. В результате на ум приходит только одно слово — боль.

— Что?

Я оборачиваюсь, но не замедляю шага. Он втягивает воздух: ноздри стали шире, рот превратился в полоску.

— Прости меня. Я хочу тебе рассказать, но не могу. — Питер сделал еще шаг ближе, чуть ли не наступая мне на пятки. Я поднимаю голову вверх, встречаясь с ним глазами, и качаю головой.

— Я знаю. — Уголок губ поднимается лениво вверх. — Ты хочешь, но не можешь рассказать, потому что это опасно.

Питер благодарно кивает.

— Да.

Я сглатываю ком в горле и оборачиваюсь к входной двери; в окнах светит свет, уже давно ожидая моего возвращения.

— Спасибо, — мой голос задрожал, и я откашлялась. — Что проводил.

Питер медленно отошел от меня, улыбаясь в ответ, но улыбка была через силу. Он пожал плечами.

— Не за что. Керри, я... — начал было он, но я перебила парня, подняв руку к его лицу, и покачала головой. Если бы он и правда хотел рассказать — он бы сказал уже там, в своем доме.

Три больших шага и я уже возле открытой двери, держусь рукой за ручку, неуверенно вертя её, как могу.

Затем глубоко вздыхаю и мучительно улыбаюсь, махая парню на прощанье. Питер улыбнулся в ответ, и я скрываюсь в двери, наглухо закрывая её за собой.

— Урок закончен и до свидания, — проговорил Мистер Маршал, не спеша собирая свою небольшую стопку книг и тетрадей с нашими работами.

Я вышла из кабинета и пошла в буфет.

Удивлению не была предела, когда я увидела, какая очередь столпилась возле входной двери в самый "котёл" — столовую.

Она продолжалась чуть ли не до самого коридора. Вздохнув, подтянула ляжки рюкзака и встала последней, в самый конец.

Передо мной стояла девушка из параллельного класса с рыжими кудрявыми волосами, которые лежали на её спине. На ней короткая серая юбка, балетки на ногах и светло-голубая блузка, которая облегла осиную талию девушки.

Девушка тронулась вперед, и я следом за ней. Так, маленькими шажками, мы дошли до столовой, пока не взяли по подносу.

Когда мой поднос уже был достаточно полон, я вышла и прошлась по ряду полукруглых столов и многочисленных учеников, которые, ничего вокруг не замечая, поедали пищу.

— Эй, Керри! — Я обернулась и увидела Мэгги, которая сидела за нашим столиком. — Идём к нам! — Она помахала рукой.

Я закатила глаза и пошла к ней, чуть улыбаясь. За столом сидели два парня и девушка, имён которых я не знала. Я уселась за небольшой стол и взяла вилку в руки.

— Привет. Познакомься, это — Дженни. — Мэгги указывает рукой на девушку, которая сидит возле меня. Я улыбнулась ей и кивнула головой в приветствие.

Её коротко постриженные русые волосы здорово сочетались с её чёрными глазами.

— Привет, — улыбнулась ей я. Она лишь мило помахала в ответ.

— А это... Саймон. — Подруга кивнула головой в сторону парня, который сидел возле неё и криво улыбался, смотря на меня. Серые глаза парня ярко сияли, а волосы были такого необычного цвета, что даже на секунду подумала, что этот парень вовсе седой.

— Ты седой? — выпалила я, не подумав. Как только поняла, что сказала, щёки покраснели и я потупила взгляд на свой поднос.

Саймон удивленно посмотрел на меня, закинул голову назад и расхохотался.

Мэгги стукнула меня ногой под столом, перевела глаза с меня на Саймона.

В её лице читалось удивление вперемешку со злостью. Я покачала головой и одними губами произнесла: «прости.»

— Нет! — ответил он, смахивая невидимую слезу.

— Ну, а это — Уилл. — Мэгг продолжила, жуя брокколи, кивнув головой в его сторону.

Уилл тихо сидел напротив меня, и когда наши глаза встретились, он только кивнул мне, на что пришлось повторить его жест.

Парень выглядел странным: одет в серую рубашку и тесные джинсы. Но моё внимание привлекла ни его одежда, а волосы. Его рыжие, до чертиков, взъерошенные волосы, и глаза цвета корицы.

Они настолько яркие, что можно было запросто в них утонуть. Я на секунду перестала дышать, но вовремя пришла в себя, когда позвала Мэгги.

— Это новенькие, — отозвалась она, привлекая моё внимание.

— Здорово, — рассеянно ответила я и кивнула головой.

Весь оставшийся обеденный перерыв мы общались — Мэгги задавала вопросы, а я молча кивала и лишь периодически что-то спрашивала, если мне действительно было любопытно.

Как оказалось позже, парни приехали из Норвегии, где всегда дожди и холод, а девушка, Дженни, переехала сюда из Канады.

— Там, где мы живём, нет никакого солнца, — говорит Саймон, пожав плечами. Мэгги хмыкает и перебегает вилкой с Саймона на Уилла.

— Тогда это объясняет вашу мертвую бледность на лице.

Саймон ухмыльнулся и подмигнул ей в ответ.

— Возможно.

Мы шли на литературу по длинному коридору, а парни исчезли, как только Саймону кто-то позвонил.

Я шла, полностью ушедшая в себя, но краем уха кое-как еще вслушивалась в разговор Мэг и Дженни.

— Джен, а почему ты сюда переехала? — спрашивает Мэгги, держа учебник в руках и прижимая к груди. Дженни замялась и нервно заправила локон за ухо.

— Ну... это сложно.

Мэгги будто не слышала. Она все равно смотрела на неё в упор, ожидая продолжения. Девушка выдохнула и опустила голову.

— Ладно, — она сделала паузу. — Я переехала, потому что там мне стало скучно. Мне хотелось чего-то нового, — улыбнулась Дженни и посмотрела на Мэгги.

Я изогнула бровь, тихо хмыкая. Врать так умело в лицо Мэгги — храбро. Но почему я сужу только по словам? Я ведь не знаю эту девушку на самом деле. Дав себе мысленно пощёчину, я зарываюсь в учебники и молча иду по коридору.

— Где же твои родители? — снова интересуется Мэгги. Дженни останавливается и долго молчит.

— Они умерли, — шепчет она.

Я врезаюсь в спину Мэгги. Та резко разворачивается и ловит меня. Я отступаю назад и разворачиваюсь к новенькой.

Я понимала эту девушку, так как сама выросла без отца. Понимала, что трудно жить в семье, где единственный родитель такой же, как и ты. Но кому интересно твое прошлое, если люди заботятся только о себе?

Я сжала губы в одну линию и нервно покусывала их, пока не почувствовала соленоватый привкус крови. Мэгги подходит к Дженни и медленно обнимает.

— Прости... мне очень жаль, — шепчет она ей в ухо. Дженни, прижавшись к ней, поднимает на меня глаза.

— Сочувствую, — мямлю я, когда голова Дженни покоится на плече у Мэгги.

Дженни отстранилась и мило улыбнулась.

— Ничего. Вы же не знали.

Я переварила её слова ещё раз и у меня возник вопрос, который я тут же задала, поднимая глаза и хмуро глядя на неё:

— А с кем ты тогда, извини, живёшь?

Её улыбка стала шире, и она облегчённо вздыхает.

— С дядей. Он классный, — кивает она в подтверждение.

* * *

— Эй, где вы были? Объяснитесь! — требует учитель литературы, резко вставая и подходя к Уиллу и Саймону, которые пихали в свои рты булочки.

Они перестали жевать, когда учитель стоял напротив и разглядывал их, как под микроскопом.

— Где вы пропадали? — повторила Миссис Фо. Саймон поморщился.

— Мы были в столовой, а погом заблудылись, — отчитался Саймон, все ещё жуя тесто.

Уилл только кивнул, но ничего не сказал, вытирая руки об собственную футболку. Она

ещё долго на них смотрела, затем развернулась и прошла к своему месту, говоря:

— Проходите.

Они похлопали себя по своим футболкам и, пихая себя через проём двери, пролезли в кабинет и сели за последние парты, что-то при этом между собой обсуждая.

— Олухи, — шепнула Мэгги, смотря в учебник. Наши взгляды пересеклись, она подмигнула в слабой улыбке и покачала головой.

— Да? — ответила на звонок я, прижимаясь к стулу и пряча себя от учителя, пока он царапал белым куском мела по доске.

У меня было время, чтобы разобраться и выслушать оппонента.

— Привет. Можно с тобой поговорить?

Я узнала. Узнала его. Этот голос. Неужели? Почему до сих пор у меня дрожат руки и потеют ладони? Я вздохнула и опустила ниже, скрываясь от посторонних глаз.

— Привет, Питер. Слушаю.

— Ты еще в школе? — Я покосилась на окно и снова посмотрела на спину учителя.

— Да.

Он вздохнул глубже и его дыхание, казалось, расплылось через трубку мне в ушную раковину.

— Я встречу тебя? — с надеждой в голосе спросил он. Я крепче сжала телефон и закрыла глаза, взвешивая все «за» и «против.»

— Давай, — наконец говорю. В трубке облегченно выдохнули.

— Тогда до встречи. — он поторопился завершить звонок, но мой голос внутри запротестовал.

Я резко открыла веки и покосилась на бездушную трубку в руке.

— Питер?

— Да?

Я перевела дыхание, собираясь с духом.

Однажды о тебе всё равно когда-нибудь забудут. Нужно брать все в свои руки, а иначе чужой украдет это у тебя. Поэтому я ловлю момент.

— Почему ты не в школе? В смысле... Где ты? — В голове крутилось, что он сейчас скажет: "я заболел" или "не захотел", но то, что он выкинул — ошеломило.

— По личным причинам, — выдохнул он в трубку. — До встречи, Кер. — И он отключился.

Я молча оторвалась от мобильного и тупо смотрела на чёрный экран, пока меня не пробудил стук по парте.

— Мисс, будьте внимательнее, пожалуйста, — еле сдерживаясь, проговорил учитель.

Я сглотнула и уставилась на доску, еле заметно кивая и давая понять мужчине, что слышала. Но на самом деле, это было совсем не так. Я полностью погрузилась в раздумья.

Почему он все ещё крутится в моей голове? Когда этим пыткам придёт конец?

Он со мной не разговаривал, да и я с ним тоже уже три с половиной недели. На самом деле, я потеряла счёт во времени. Мы редко виделись, конечно, не считая пару уроков, на которых он появлялся.

Я не знала, что с ним происходит; после быстротечных происшествий за последние недели я гадала, почему он постепенно отдалялся от меня? Для чего?

— «Я не могу тебе сказать...»

— «Я думала мы друзья?»

— «Так и есть...»

— «Когда осмелишься мне рассказать, сообщи.»

Этот момент отпечатался в моей памяти, как клеймо на теле, и оно вышло в

подсознание самовольно. Тогда я захлопнула дверь его дома и безвозвратно ушла.

По мне прошлись мурашки. Почему он сначала открывается, а потом огораживает себя от меня непробиваемой стеной? Может он все-таки хочет рассказать?

— Эй, Керри?

От нескончаемых раздумий меня оторвала Джен. Я подняла на неё глаза и слабо выдавила улыбку.

— Да? — рассеянно говорю я.

— Ты чего? — шепнула девушка, когда её короткий золотистый локон запружинил и накрыл одну сторону лица.

— Кто звонил? — К нам присоединилась Мэгги, полная противоположность нам обоим.

Эта девушка просто искрилась, как настоящий фейерверк. Она пожала плечами и косо взглянула на нас двоих.

Я вздохнула и опустила глаза, краснея, но не понятно от чего именно: от стыда или признания в том, что мне не всё равно.

— Питер, — ответила я только на второй вопрос. У них сразу заблестели глаза, по крайней мере, только у Мэгги, потому что Джен его пока ещё не знала.

Мэгги облокотилась на мою парту и подловила взгляд. Она заиграла идеальными бровями и хитро улыбнулась, будто ожидала большего, чем просто имя.

— Ммм... у вас роман? Вы встречаетесь? Он тебе нравится? — тараторила она без остановки, пока её вдруг не заткнул учитель.

Снова по классу возобновились ужасающе противные звуки. Теперь учитель царапал чем-то острым по доске.

Я вздрогнула и вжалась в своё место, цепляясь пальцами за края стула. Потом к нам подошёл учитель в помятой рубашке и шмыгнул носом.

— Милая леди, я вам не мешаю? Может расскажете, что вы там бурно обсуждаете? — его черные глаза зловеще блестели.

Он махнул в сторону всего класса, ученики тут же сделали вид, будто знали, что происходит, и повернулись к нашей тройке в ожидании продолжения чего-то сверхъестественного.

Мэгги поджала губы, развернулась, встала, с повеления учителя, и стыдливо опустила голову, дабы не встречаться с завистливыми глазами других учеников, да и не только.

— Нет, ничего. — Я её почти не слышала, но учитель кивнул в смирении и отошёл назад.

— Тогда вы можете сидеть тише? Или хотя бы слушать, о чем мы тут говорим? — не отставал Мистер Смит и лишь становился суровее и страшнее обычного. Она закивала.

— Могу.

Мистер Смит махнул ей на место через один ряд, дальше от нас, и отошёл в сторону, к доске. Повернув голову в правую сторону, он шикнул моей подруге:

— Садитесь, мисс.

Она села, быстро посмотрела на меня: ее глаза все еще блестели, но теперь не понятно из-за чего — то ли от Питера, то ли от стыда.

Как только Мистер Смит скрылся из нашего поля зрения, Мэгги зашевелилась и достала из сумки тетрадь, оторвала листок и что-то стала строчить.

Когда она закончила, передала мне. Ткнула сначала одного парня, потом Джейка, затем

еще одну девушку, пока та не передала записку.

— Эй, — тихо пихнув меня в спину, прошептала девушка и бросила взгляд на комок бумаги. — Держи, это от Мэг. — Она указала пальцем на мою подругу, которая сидела через ряд от меня.

Я развернула бумажку и стала быстро бегать по листку и её корявому почерку, пытаюсь понять смысл предложений.

«Ты с ним встречаешься? Он тебе нравится? Рассказывай! (:»

Ох, Мэгги-Мэгги...

Я повернулась к ней и закачала головой. Быстро взяв ручку, стала писать ответ.

«Ты чего? Мы просто друзья и на этом всё.»

Я снова поворачиваюсь к девушке, которая мне передала письмо, и отправляю обратно по ряду так, чтобы Мистер Смит не заметил.

Наша переписка затянулась. Мэгги все писала, а я активно отвечала, постоянно все отрицая.

Иногда она была довольно настойчивой особой, но это же Мэгги Фокс. И как с ней справляются остальные?

Снова толчок в спину. Ответ.

М: "Да ладно тебе! Я же вижу, как он на тебя смотрит."

К: "Никак он на меня не смотрит. Мы просто друзья."

Ручка остановилась на белом листе бумаге, руки задрожали, но я отбросила все сомнения и быстро начеркала:

К: «А тебе кто приглянулся?»

Через пару минут я с улыбкой, но уже вялой, прочитала:

М: «Пока никто, кто бы запал в душу.(;»

И что значит подмигивающий смайлик?

* * *

Прозвенел звонок. Я собрала сумку, накинула кофту и поспешила вдохнуть аромат наступающей осени.

Наша тройка вышла из здания школы, и как только я вступила на прохладный твёрдый асфальт, усыпанный жёлтыми листьями клена, резко остановилась: внутри всё светло и чувствовалось, как несколько узлов невидимой верёвки повезали меня с концами.

Это был он. И он изменился. Довольно непривычно видеть его с такой внешностью. По сравнению с тем, что было в первый учебный год, и с тем, что стало — просто небо и земля.

Питер сильно возмужал. Его взъерошенные чёрные волосы стали чуть темнее обычного, но все равно смотрелись очень притягательно. Он стоял, оперевшись на стенку школьного здания. Одну ногу закинул назад, а руки скрещенные на груди, то опускались, то поднимались вверх.

Белая футболка обтягивала выпирающие мышцы, а клетчатая рубашка развивалась на ветру.

Он смотрит по сторонам, пока не встречает меня. Когда наши глаза пересекаются — зеленые с черными — по мне пробегается электрический ток. Это пугает, но в то же время и притягивает.

— О, Питер! — Мэгги встrepенулась, поправила свои спутавшиеся волосы, и лучезарно улыбнулась. Она махнула ему в нашу сторону, чуть ли не прыгая при виде него.

Парень с минуту мялся, но когда снова повернулся на зов подруги, быстро кивнул ей и

зашагал в нашу сторону. Дженни подтолкнула меня и кивнула в сторону парня.

— А кто это? — спросила она.

Так как я была где-то в другой параллели, Мэг сразу рассказала ей, кто он и что из себя представляет, будто она была его близкой родственницей или даже яркой фанаткой.

Пока он преодолевал расстояние между нами, она уже заканчивала. И в результате Дженни стала еще одной фанаткой Питера.

— Привет.

Его глаза сияли, когда он встретился со мной, но я ничего не ответила. Лишь подарила ничемную улыбку и устремила в сторону поверх его плеча.

— Привет, Питер! — отозвались подруги. Я стояла как вкопанная, и всё ещё не могла поверить, что он тут. Наверное, это очередной сон. Да, верно. Еще одна иллюзия.

Он быстро одарил каждую идеальной улыбкой и снова вернулся ко мне. Но парень в миг помрачнел и указал в сторону.

— Можно тебя? — спросил он, чуть наклонившись, чтобы видеть мои глаза. Я перевела взгляд на парня, борясь с собой. А вдруг что случится?

— Э...ага, — Я кивнула.

— Девочки...я... — перевожу взгляд сначала на Джен, потом на Мэгги, затем снова на Джен, давая понять, что мне нужно собраться.

— Оу, да, конечно. Иди! — на мой призыв откликнулась Мэгги.

Она замотала руками, крепко обняла меня и поцеловала в щеку. Подруга подмигнула, кладя руку на плечо Дженни.

Дженни захихикала и встретила со мной взглядом, так же подмигнув мне, ещё раз улыбнулась и кивнула в сторону Питера.

— Увидимся!

Девушки скрылись за школой и я вернулась к Питеру.

— Пройдемся? — Питер махнул в сторону шумных улиц и проезжей части, где толпа людей живо перебежала дорогу.

Я кивнула и медленно вступила на солнечную сторону асфальта. Погода выдалась тёплой и солнечной. Поэтому я сняла кофту, оставшись в одной легкой белой майке.

Его шаги были тихими, а мое сердце стучало равномерно.

Повсюду чувствовалась жизнь: люди спешили куда-то, пряча свои круги под глазами от недосыпа.

Я словила маленький огонёк неподалёку от нас и уголки губ приподнялись вверх. Питер смотрел на асфальт, спрятав руки в карманы джинс. Он повернулся и улыбнулся мне.

— Ты как? — спросил он.

В голове пронесся рой слов, которые пытались вырваться: «было и лучше», «это сложно объяснить», «все сложно...» Но, закрыв глаза, я только покачала головой, натягивая идеальную улыбочку.

— В полном порядке.

Он что-то промычал и указал на ногу. Подул ветерок. Я поперхнулась попавшимся в рот локоном, и Питер расхохотался.

— Боль подутихла, — кивнула я. Парень ухмыльнулся и втянул воздух, расправляя плечи. От этого он стал выше.

— Ты хотел поговорить, — напомнила я ему, откашливаясь, ибо время не вечно.

Лёгкая дрожь по телу прошла по мне, когда Питер изменился в лице. Он почесал

затылок в смятении.

— Да-а... Я хотел тебе сказать... Помнишь, когда ты ушла, в тот день я не мог рассказать то, что должен был... — парень остановился, когда его голос задрожал. Глаза забегали по моему лицу.

— Да.

Он сделал глубокий вдох и выдохнул через нос, собираясь с силами. Он закрыл глаза и на одном выдохе выговорил:

— Пришло время знать тебе правду, Керри. Я хочу рассказать тебе всё.

У меня подкосились ноги, но я молча кивнула.

— Я готова.

Перед нами показалась лавочка с корявыми позолоченными ручками и ножками, сбоку изрисованными красной краской.

— Может, присядем? — мягко спросил он, указав на скамейку, и сел, раскидываясь на месте.

Я даже и не заметила, как мы уже давно ушли из школы и дошли до парка, где всегда обитают скейтеры и начинающие художники. Я присела рядом, озираясь по сторонам.

— Итак? — подтолкнула я.

— Итак, — дразня, подловил он и сделал два глубоких вдоха, прежде чем продолжить. Посмотрев на меня с полной серьёзностью на лице, я заметила, как другая его часть сомневалась. В глазах пробежалась искра уязвимости.

— Пообещай мне, что ты меня выслушаешь? — Глаза стали ярче и где-то внутри я чувствовала, как он боится моей реакции.

— Я обещаю, что выслушаю тебя, — с улыбкой приговорила я, еле сдерживаясь. Он распустил руки и потряс ими.

— Хорошо. Этот секрет... Обычный человек бы не понял, но ты, кажется, другая... Он про тех, кто обитает в чащах леса и, когда город окутывают сумерки, они выходят на лунный свет. — Он остановился, взглянул на меня, с опаской проверяя реакцию.

— Я узнал, что они живут на этих землях и не только здесь.

Я поёжилась и скрежетнула зубами. Плечи вздрогнули, когда в животе, подобно мандражу, пробежалось волнение.

— Это Бездушные, которые питаются лишь тем, что найдут, или душами людишек, которые пробегают неподалеку. Обычно к ним в лапы попадают наивные туристы, которые любят всё новое. Они живут стаями и редко выходят по одиночке. Исключение, если ты увидишь маленького волчонка, потому что они сами по себе. Дети тех тварей, которые не знают пощады. И в каждой стае есть вожак, — Питер вздохнул и надовил указательным и большим пальцами на переносицу.

— Вожак? — переспросила я.

В моей голове итак было предостаточно информации, но чтобы такое...

Голова шла кругом. Питер кивнул, и его глаза устремили взор куда-то далеко, за пределы реальности.

— Самый главный. Вожак — это человек (может быть и не человек), который имеет большую ответственность за свой народ. Обычно вожаки есть у народов Майя, индейцев. Так и здесь, только племя Майя, в нашем случае, стая Бездушных, которые только и знают, что истреблять и крушить перед тем, как исчезнуть или поселиться на другой части леса. Насколько они опасны ещё не известно. Мы это выясняем.

По моим венам забурлила кровь, а сердце стало работать в груди как бешеное. Я хватала ртом воздух.

— Опасны?

— Именно.

— Почему? — спросила я, хмурясь. Он покачал головой и пожал плечами.

— Без понятия. — Лицо парня исказилось болью. Он приблизился, навис надо мной, держа в воздухе сжатый кулак.

— Но вдруг они могут убить человека? Или же... загрызть его живьем? — Шепнул он.

— Уверен, Они не будут долго сожалеть.

Питер опустил глаза и посмотрел на скамейку. Я глядела на черное пятно, где тени деревьев колебались на ветру.

Прохладное дуновение пробежалось по моему лицу, я закрыла глаза.

Меня сразу же осенило: вот почему Питер пропадал и не появлялся в школе.

— Поэтому тебя не было? — все ещё смотря на чёрное пятно вдалеке, спрашиваю. Но мой голос, казалось, слился с тишиной и был еле узнаваем.

— Да, — Питер откашлялся тем самым привлекая мое внимание.

— И ещё, — он невинно поднял свои зеленые глаза. — Мои родители узнали, что эти Бездушные происходят из Южной Америки.

Я ахаю. Питер перехватывает мои сжатые пальцы на скамейке, переплетая со своими.

— Тебе страшно? — спросил он.

Я закивала и тут же покачала головой, передумывая. Он усмехнулся и покачал головой. Его пальцы играют с моими, указательным выводит круги на ладони.

— Поверь, страх — это лишь иллюзия в твоей голове, которая ставит барьеры. Именно из-за них ты не можешь нормально мыслить, тем самым ограничивая себя. — Он взглянул на меня краем глаза.

— Я имею в виду, что не нужно бояться. Тебя никто не тронет. Я не позволю.

Внутри всё затрепетало; я хотела улыбнуться, но лицо как будто онемело от холода. Мне казалось всё это сном, который вот-вот может закончиться. Поэтому просто вздохнула и кивнула.

Отпускаю страхи в воздух и закрываю на замок мир, где живут чувства.

После того, что я узнала, теперь каждая следующая мысль не проходила мимо без особого внимания. Теперь меня волнует один вопрос: что этим Бездушным нужно?

— И где же сейчас твои родители? — спрашиваю я.

Мы уже проходили мимо узких улиц, магазинчиков с редкими вещицами, где каждый из них освещался уличными фонарями.

— Они сейчас на Севере, — сказал Питер.

Теперь после того, как он рассказал то, что хотел, выглядел более расслабленным. Питер хохотнул.

— Ищут новую информацию о Бездушных. — Парень ускорился и добежал до пешеходного перехода, махая мне в свою сторону.

— Пошли, нам нужна еда.

— Но я не хочу есть, — возразила я, но как только подумала о еде, живот тут же дал о себе знать, забурчав. Питер только улыбнулся.

Забегаловка, куда привел нас Питер, выглядела довольно милой. Круглой формы столики окрашены цветом шоколада, бежевые стулья были похожи на бисквит.

На столиках таблички с тонким меню и на каждом стояли букеты темно-фиолетовых роз.

Через панорамные окна проходил солнечный свет и лучик солнца проникал внутрь, освещая все на своем пути: столешницы, полы, даже людей, которые сидели дальше нас. Лучики мягко касались их кожи, радужно переливаясь.

Мне вспомнилось детство. Когда родители приводили меня в похожее место и мы все вместе сидели, каждый раз пробуя что-то новое. Я вдохнула стоящий запах здесь и снова оказалась в детстве, пусть даже и не на долго. Чувствую, как меня трясут за плечо, и я оборачиваюсь.

— Что-то не так? — спрашивает Питер, наклоня голову.

— Все в порядке. Просто воспоминания.

Питер улыбнулся и кивнул. Он махнул вперед, подзывая идти следом. Мы уселись за скромный, овальной формы, столик с пышным букетом темно-фиолетовых роз, и Питер сразу сделал заказ, приглашая официанта.

— Расскажи о них, — просит Питер, упираясь локтями вперед.

Я приподнимаю бровь и озадаченно начинаю газеть на него. Он, скорее всего, шутит. Пожав плечами, качаю головой, но щеки пылают огнем.

— Воспоминания они на то и есть, чтобы о них вспоминать. Не больше, — проговорила я.

Питер минуту смотрел на меня, изучая, в глазах читался некий вопрос, но он отстранился от меня и покачал головой.

Парень дотянулся до серебряного ножа возле себя и стал крутить металл, стуча ногой под столом. Он приподнял густую бровь и поднял на меня сияющие глаза.

— Ты не хочешь говорить или просто не доверяешь мне? — сомнительно лепечет Питер.

Я выдыхаю, но все еще чувствую давление. Подтянувшись, всплескиваю руки в стороны, отрицательно мотая головой.

— Дело не в желании или доверии. Просто не хочу обжечься.

Питер удивленно пялится на меня, будто видит меня в другом свете, но только хочет что-то вымолвить, как к нам уже подходит красногубая, с пышными формами, официантка.

На ней висит шотландская юбка, белая блузка, которая вытягивала и подтягивала всё, что возможно, и серые боты.

Питер быстро сделал заказ, даже не взглянув на нее. Затем раздосадованная Мисс засемила в свой пчелиный рой, где кипела жизнь.

Ожидая заказ, мы оба молча глядели в окно, где блуждали люди, полностью заселенные в своем нескончаемом потоке мыслей. Я не знала, как начать разговор, а Питер, возможно, дулся на меня, лишь потому что я не такая открытая, как хотелось.

Я не могу говорить ежесекундно и при этом видеть, что меня никто не слушает. Да, я не выделяющаяся ничем личность, постоянно в себе, в книгах, и думаю иначе.

Но это я. Я такая, какая есть и, видимо, это уже не исправить.

Следующие пару часов все прошло, как в тумане: мы молча съели французские круассаны и запили крепким горячим кофе. Все было прекрасно, но я не чувствовала того же внутри. Я нутром ощущала, что он что-то не договаривает. Волки, Бездушные... За этими сказками есть что-то более важное. Я уверена в этом.

Официантка принесла счет. Питер расплатился и, когда Мисс забирала счет обратно из рук Питера, официантка все еще заигрывала с ним, но парень даже не обращал на нее внимания и мне так ничего не сказал.

Мы вышли на уличные аллеи, однако, сделав несколько шагов в сторону своего дома, Питер поймал меня за локоть.

— Послушай, если ты мне доверяешь, просто скажи.

Он выдерживает свой пристальный взгляд на мне, пока я пытаюсь совместить его слова в одну картинку и сопоставить предложения.

Я резко выдернула руку и указала на него, сощуривая глаза. Что ж, раз так, то пора бы выкладывать карты на стол. Причем все, а не частично.

— Ты говоришь это мне? А не хочешь ли ты мне рассказать, или точнее... досказать что-то, а? — кричу на него, уже не в состоянии что-либо сдерживать внутри.

Осенний ветерок пытался сдуть наши тела, пока Питер прожигал дыру в моей груди.

— Я не могу тебе что-либо сказать конкретного, это не мой секрет. Я сказал тебе основное, признаю, но второй части не скажу.

— Почему?

— Это слишком опасно. — Он опускает голову и делает несколько шагов назад, пряча длинные пальцы в карманы. — Видимо, я ошибался, соизволив рассказать тебе об этом и вообще объявиться, — говорит он натянуто.

Чувствую себя скверно, и перед глазами всё мерцает, растекаясь в одно серо-рыжее пятно.

Его слова, как пощечина, теперь горят во мне. Мне хочется сделать ему больно, как он сделал мне. Гнев застилает веки, не успеваю я даже распознать, где реальность, а где злые игры воображения. Я сжимаю кулаки и воплю, выгоняя "демонов" из себя:

— Тогда мы не можем находиться рядом, это неправильно!

Он смотрел на меня остекленевшим взглядом, будто на незнакомку, которая прокаркала ему что-то важное, но он не расслышал. Я все ещё стояла с кулаками и сводила челюсть, пока не услышала внутри хруст.

Парень размял шею, подскочил ко мне на несколько шагов вперёд и долго пытался высмотреть что-то на моем лице, только одному ему известное.

— Получается, ты согласна со мной?

Я кивнула. Питер промычал тихо в ответ о глупости и неверии, но я оставалась без каких-либо эмоций. Я пожимаю плечами и склоняю голову вбок.

— Если это был правильный выбор, ты бы сейчас не жалел, Питер, — говорю ему, отступая на приличное расстояние.

Питер прищурился и отвёл глаза к небу, пытаясь совладать с собой и просто произнёс:

— Я не жалею не о чем, Керри. Я просто думал, что ты другая, но, получается, это была ошибка.

Он развернулся ко мне спиной и поплелся в гордом одиночестве, куда глаза глядят, спустив голову к асфальту, усыпанному осенними, ярко-золотистой окраски, листьями.

Не помню сколько прошло времени после его ухода, но, как только пальцы онемели и ноги готовы были рухнуть наземь, я зашагала домой, обвиняя саму себя за сказанное. Мои щёки запылали, костяшки пальцев начинали пульсировать. Потом потекли слезы. И я поняла еще кое-что за этот день.

Нечто важное. Легче промолчать в нелёгкие моменты, чем потерять родного человека навсегда.

— Керри, это ты? — С гостиной послышался голос мамы.

Она вышла из-за угла, направляясь ко мне с улыбкой на лице и бескорыстной любовью в глазах.

— Привет, солнце!

Она протянула ко мне руки, крепко обняла и через секунду отпустила, ловя за подбородок. Мама хмуро оглядела моё лицо и покосилась.

— Ты плакала? — спросила она, отходя.

Сбросив с себя верхнюю одежду, я пустилась в бег, наверх, к безопасности. Но ноги до такой степени — как и все тело в целом — были ватными, что меняхватило только на медленные шажки по коридору.

Я покачала головой, получив за это недоверчивую ухмылку от мамы. Она закатила глаза и пошла по моим следам.

— Это из-за него?

Я не хотела отвечать. Мне ничего не хотелось. Я хотела спать. Мне нужен был отдых. Я не знаю, как она узнала, потому что я не говорила имени. Но мне все равно не хотелось выяснять это.

По крайней мере сейчас.

— Нет. Я просто устала.

Я прошла в своё единственное тихое место, охваченное полумраком, и скрутилась в клубок, накрывая голову руками. Но мне не позволили отдохнуть.

Мама щебетала вокруг меня и говорила, что надо было быть осторожной и не доверять ему себя. Однако я не слушала и, поэтому, женщина сдалась, усевшись на самый край кровати. Её тёплая ладонь накрыла моё плечо. Она тихо прошептала:

— Если ты кому-то доверяешься, просто помни, что рано или поздно за своё доверие тебе придётся платить очень дорогой ценой.

Она подарила мне ночной поцелуй и ушла, закрывая за собой дверь. Я осталась в полной тишине и полностью растворилась в себе, пока не почувствовала, как гнёт мыслей захватил меня и веки задрожали.

За окном начинался дождь. Я могла слышать каждую каплю; как они стекают по стеклу, барабаня по подоконнику.

Мне нравится дождь, он сам по себе: приходит, и, с первыми лучами солнца, уходит, будто его и не было вовсе...

С этими мыслями я уснула.

Утро оказалось, на счастье, тёплым и ясным. Запах после дождя радовал и поднимал настроение. Я вскочила с кровати и спустилась вниз.

Там меня ждала мама вместе с родным запахом её утренних и, как всегда, идеальных блинчиков с джемом.

Телевизор в другой комнате шумно передавал новости на всю квартиру, слабые лучики игрались с мебелью и мытой посудой на кухне.

— Доброе утро, дорогая, как прошла ночь? — Мама помахала мне лопаткой для готовки и улыбка просияла на её лице.

Я снова зевнула и, взяв яблоко со стола, упала на диван в гостиной и без всякого особого смысла перебегала с канала на другой, пока не наткнулась на нечто более интересное, чем мелодрамы.

На экране бегала синяя строка с текстом и в ярких красках говорилось о недавнем происшествии в соседнем городе.

— Ну-ка, сделай громче, дорогая, — попросила мама, садясь возле меня с полотенцем на плече. Я сделала громкость выше и с открытым ртом внимала все, что говорил корреспондент.

— Последние новости Вирджиния Мейсон медицинский центр. На 1100 9 авеню мужчина лет сорока пяти попал в автокатастрофу. Как говорят очевидцы, всё случилось стремительно, они даже не успели толком ничего разглядеть.

Некоторые утверждают, что водитель машины потерял сознание от странного нападения. Убийца явно действовал умышленно. Однако мед-эксперты никаких улик, которые подтверждали бы преступление, не обнаружили. Сам мужчина все еще не в состоянии с кем-либо говорить. Как сообщают его родные: «он находится в глубокой коме. Тело достаточно пострадало.»

Мужчина улыбнулся и кивнул в камеру.

— А мы будем ждать и верить, что он в скором времени поправится. И теперь к другим новостям. Саманта, вам слово.

Мужчина на экране передал слово другому, но что говорил следующий — я не могла распознать.

В голове отпечатались новости о пострадавшем. Кто это сотворил? С какой целью? И тут пришла мысль о словах Питера: его рассказы и бессмысленные легенды про Бездушных. Почему-то теперь они мне такими не казались.

Меня ни на шутку передернуло. Я жадно глотала воздух и хотела выйти из духоты.

— Кто же это? — отрешенно спросила мама, откидываясь на мягкую обивку дивана, находясь в таком же шоке, как и я.

Я медленно встала и поплелась к входной двери, даже не удосужившись переодеться.

— Пойду прогуляюсь, — говорю, смотря, как при гипнозе, на одну точку в полу.

— Будь осторожна. И, смотри мне, недолго! — обеспокоенно прокричала мать.

* * *

Освободившись из четырех стен на свободу, я побрела, не смотря под ноги, куда глаза глядят. Голова шла кругом от новостей, свалившихся на меня, как снег в середине мая.

Во-первых, о неких Бездушных, которые без всякого перебора жрут все, что шевелится.

Во-вторых, этот пострадавший рослый мужчина, попавший в аварию. Дыма без огня не бывает, как говорится. Вдруг это их рук, или лап, дело?

Мне снова стало как-то не по себе; а если они и правда опасны? В голове столько вопросов на которые нужны ответы.

Учуяв солоноватый запах, лесной привкус от смолы и коры стволов на макушках, я поняла, что в самой глуши безмолвного леса.

Под ногами шуршит желтая листва. Где-то похрустывала трава и от этого становилось спокойнее. Мне нравилась атмосфера, поселившаяся здесь.

Солнце осело в рядах старых стволов высоких, тончайших, размером с мизинец, деревьев и слабо поблескивало в воздухе, пробегаясь лучами по траве.

Бесцельно бродя по лесу, пробегаясь по незнакомым местам, я улавливала солнечных зайчиков, пробегала тонкими пальцами по верхушкам колких кустов, которых, видимо, мать-природа просто забросила или забыла от непостоянства и безумства, происходившего вокруг.

Вдруг, краем уха послышался жалкий писк позади. Я обернулась, но писк тут же исчез, возвращая меня к природе.

Трава ласкает ступни ног, пальцам становится щекотно от прикосновений пушистых кустов, и уголки губ содрогаются в довольной улыбке. Сердце трепетно бьётся в собственном такте и мне комфортно в чаще.

Но снова мое умиротворение нарушает этот писк, исходящий по другую сторону леса.

Я снова делаю оборот; вой становится громче, яснее. Все спокойствие улетучивается, когда до меня доходит, что этот вой начинает казаться волчьим.

Пытаясь быть тихой и оставаться незаметной, наступаю настолько тихо, чуть ли не на носочках подхожу к ближайшему, довольно крупному, дубу, прячась за ним. Вой слышится снова. Теперь он громче. Я заткнула уши и зажмурилась, прислоняясь к дереву.

Зверь приближается; его жалкий возглас — то ли помощи, то ли привлечения внимания — будит во мне что-то неизведанное. Медленно отступаю и наполовину выхожу на свет, наблюдая за происходящим.

Рыжий большой волк бродил на обширной поляне, загромождённой высокой, нескошенной травой и чёрно-жёлтыми, почти обгоревшими, листьями. Нарезая круги, зверь бегло пробегает по обвалу и семенит по обугленным кускам дерева. Такое чувство, будто он кого-то беспрестанно ищет...

Маленькие глаза — чёрного, как ночь, оттенка — бегают с одного ствола на другой, и становится не по себе. Сердце замирает, перед глазами встает пелена, которая не дает чётко высматривать Зверя.

Мои пальцы задрожали, когда из дальнего дерева вышел другой, пепельно-коричневой окраски, волк. Он выше Рыжего — примерно на голову — шерсть на конце вся выгорела и от этого создавался эффект выжженной древесины. Будто он только что вышел из полностью сгоревшего здания.

Вдруг Рыжий резко остановился и переместился к Пепельно-коричневому. Остальное трудно или даже невозможно объяснить словами, когда Рыжий сменил свой образ на облик человека. Всё произошло внезапно. Быстро. Как молния, ломающая дерево посреди поля в неясную погоду.

Рыжие локоны парня развивались на мелком ветерке, спина сильно выпирала, выделяя мышцы и все шрамы в виде полумесяцев и каких-то следов многочисленных порок от кнута. Жутковато это наблюдать, но мне ничего не остается. Иначе, эти двое меня заметят.

Но, что, если глаза меня обманывают и сейчас это все не по-настоящему? Вдруг это обман зрения?

Я делаю первый робкий шаг навстречу неизбежному, пытаюсь разъяснить ситуацию, но громкий хруст под ногами ломает все планы и я замираю на месте, ожидая, что же будет дальше. Я поднимаю глаза и вижу, как Рыжий оборачивается на шум. Его тёмные глазенки сверкают, сощуриваясь. Он ошарашенно смотрит на меня, когда постепенно приближается, чтобы разглядеть свою добычу, но я до такой степени напугана, что отступаю назад, и, через какие-то милиминуты, бегу, сломя голову, пытаюсь спрятаться или хотя бы не останавливаться. Не останавливаться, пока не окажусь в безопасности.

— Керри! Стой! — слышится в голове знакомый голос, но я не слушаюсь и ускоряюсь.

Лес оказывается просто огромным. Высокие деревья почти касаются небес, а через правую сторону от меня протекает река, название которой я не знала совершенно. Сильным течением река простиралась чуть ли не до самых гор, что возвышались поодаль от меня.

Казалось, это — страна чудес, а я — Странная Алиса, которая всё никак не найдёт выход из этого перепутья.

Почувствовав недомогание, я останавливаюсь и перевожу дыхание, падая на колени. Мочу руки в реке по локоть, пытаюсь прийти в себя. Но долго мне наслаждаться не удастся. Этот голос снова появился в моей голове:

— Керри...

Он становился ближе и ближе, пока не послышался мелкий гогот за спиной. Оказывается, что он не в моей голове. Странный голос в реальности. Откуда он знает моё имя? Кто тот второй Зверь?

— Вот ты где!

Я оборачиваюсь и плетусь на корточках дальше от него. Когда лучи солнца падают на лицо парня, я узнаю, кто это был. Его глаза стали ярче, зрачки уже, а губы искривились в ухмылке. Он попытался подойти ближе, прося оставаться на месте, но в ушах зазвенело, ноги затряслись, когда я уцепилась за что-то вязкое.

После чего, я просто рухнула на землю, прилично ударяясь об мокрую землю затылком. В глазах становится мутно, лицо парня переменялось и расплылось. Один щелчок — и мой разум отключился.

— Ну, что, как она? — Слышится медленный голос снизу. Голова сильно пульсирует, в глазах временами темнеет, но я не обращаю внимания. Ссылаю все на падение, однако, кто меня сюда привел, почему я здесь и почему ещё жива — понятия не имею. Осторожно перебирая ногами, я хватаюсь за поручни и спускаюсь к голосу.

— А как ты думаешь? Все так же: лежит и не просыпается, — отвечает раздражённо рыжеволосый парень. Он кажется мне знакомым, но его имя плохо помню. Он замирает на слове, когда натывается на меня взглядом.

Бутылка в его руках застывает, глаза останавливаются на рыхлом столике. Он не моргает и задерживает дыхание. Оба парня затаились, как мыши, и не хотят двигаться. Сэм оборачивается, поднимает глаза к лестнице и открывает рот. Рыжий подходит ко мне и протягивает бутылку.

— Вот, выпей.

В смятении чешу затылок. Мои волосы вздернуты к потолку, одежда не самой лучшей свежести и вся мятая.

— Не нужно, — прохрипела я. — Отвезите меня домой. Но парень трясёт бутылкой перед моим лицом, когда его брови соединяются, а плечи начинают дрожать.

— Тебе нельзя назад! — выпаливает он, но быстро берет себя в руки и выдыхает, пока не обретает самого себя.

— Пока нельзя, — спокойнее говорит парень, прикрывая веки. Что это значит? Я удивлённым взглядом перебегаю к нему, выставляя подбородок кверху. Замираю и молча гляжу на парня.

— То есть как нельзя?

— У тебя перелом.

Парень кивает в сторону моей левой ноги. Но я лишь бегло осматриваюсь и ничего не чувствую. Только размахиваю руками и делаю первые шаги к выходу. Раз он не хочет мне помочь, тогда я сама справлюсь!

— Ничего у меня не болит! — сурово сообщаю. Но только дохожу до двери, ноги начинают дрожать, и я падаю спиной назад в молчаливом крике. Однако, если бы не парень, успевший вовремя подхватить сзади, точно бы грохнулась.

— Под ноги научись смотреть, — процедил он в ухо. Я одариваю его холодным взглядом, и, молча отряхнувшись, встаю на ноги, отдаляясь от парня.

— Я же говорил.

Но я не обращаю внимание на его замечание и прохожу дальше. Боль можно пережить. Особенно физическую. Поэтому я снова делаю попытку.

— Постой!

Я резко останавливаюсь, медленно хромая, оборачиваюсь, и, сощуривая глаза, не подоброму пялюсь на Сэма. Он мне еще смеет указывать? Похищение несовершеннолетних — незаконно.

— А с тобой я вообще не разговариваю! — фыркаю на парня, указывая пальцем.

— Ребячеством делу не поможешь, Керри. Ты должна остаться здесь, хотя бы до тех пор, пока мы не поймём, что с тобой.

Я хмуро продолжаю смотреть на него, качая головой, упираясь, как самоуверенный

ребёнок. Сэм выдыхает и закрывает веки. Он махает в мою сторону, затем возвращается к парню, который поймал меня, устало уходя в другую комнату.

— Это твоя проблема, Уилл, я сделал всё, что смог, — выплёвывает он.

Значит, Рыжего зовут Уилл. А я гадаю, почему он кажется таким знакомым. Но что он тут делает? Тем временем Уилл пожимает плечами и указывает в сторону кухни.

— Ты должна хотя бы поесть, — говорит он. Я скрещиваю руки на груди и киваю головой.

— Отвези меня домой.

— Если ты поешь, — настаивает он на своём. Мне хватает минуты, чтобы всё взвесить. Наконец, приняв решение, я разочарованно киваю. Поем и сразу домой.

— Приятного.

Рыжеволосый ставит на столешницу тонкое блюдце, в котором недурно пахло спагетти. Нацепив на вилку несколько макаронин, вяло нюхаю.

— Это съедобно, — отозвался Сэм. Я фыркаю, но не раскрываю рта, оставляя колкости на потом.

Голова по-прежнему не переставала гудеть: ощущалось так, будто кто-то стучит по черепу кувалдой. Я не помню и половину дня, и как я тут оказалась — тоже. Всё как в тумане или как при амнезии, только без обезболивающих. У меня действительная амнезия.

— Как я тут оказалась? — пережевывая, спросила, махнув в сторону Уилла. Его имя я запомнила, когда Сэм случайно оговорился. Парень сидел в углу на деревянном стуле и держал бутылку, из которой всё время — как только он поднимал руку — плескалась жидкость.

— Ты упала, и нам пришлось принести тебя сюда, — выговорил он, глотнув из бутылки, и бегло переметнулся от меня к Сэму. Предположим, моя амнезия возникла от падения и из-за этого у меня небольшой провал в памяти. В замешательстве, указываю на него снова. Пусть я упала, пусть часть дня напрочь стерта из памяти, но желание подтвердить догадки не пропало.

— А ты кто такой? — спрашиваю неохотно. Он встал с соседнего стула и протянул свою руку.

— Я Уилл. Мы, кстати говоря, уже знакомы. Ты не помнишь?

На его лице появилась обеспокоенная складка, и он стал оглядывать меня. Но я лишь хмуро покачала в ответ. Что и требовалось доказать. Это был один из новеньких, который приехал... Но откуда? Видимо, у меня точно потеря памяти. Уилл перевел взгляд на Сэма. Тот молча покачал головой. Я почувствовала тёплую, почти горячую, грубую ладонь.

— А что ты помнишь? — спросил невзначай Сэм.

Я сделала вид, что набрала в рот воды и не могла её выплюнуть или проглотить. Я просто молча ковырялась вилкой в тарелке.

— Керри, ответь! — выпалил он, ударяя кулаком по столешнице. Я повернула голову в его сторону и пожалала плечами. Несколько минут все фрагменты, которые ещё остались, я собирала в одно целое.

— Я помню только то, как ударилась затылком. Ноги запутались, потом ослепил яркий солнечный луч и я потеряла сознание. На этом все. Лишь свет, а затем темнота.

Сэм озадаченно наблюдал за мной, Уилл все также попивал свою жидкость из бутылки. А я сидела и гадала, как так получилось.

Парни сидели — один на табуретке, возле столешницы, другой на ступеньке лестницы — и таранились на меня в сомнениях, пока я намывала посуду, как компенсация за моральный ущерб. Вдруг Сэм встает с табуретки и молча выхватывает из моих рук мыльную тарелку.

— Давай, я дальше сам, — сообщил он, отодвигая меня в сторону.

— Давай, я дальше сам, — сообщил он, отодвигая меня в сторону. Я чувствовала себя не есть хорошо; капли пота стекали по лбу, но я хотела помочь. Однако, перед Сэмом противится мне не в состоянии. Не успеваю и моргнуть глазом, он уже справился с посудой

за пару минут.

Парень обернулся и всплеснул руками. На его лице проскользнуло что-то похожее на улыбку. По крайней мере, я на это надеялась.

— Вот и всё, — заключает он. Я молча киваю в благодарность, и ретируюсь на верх.

Голос Рыжего, по пути к дверям на втором этаже, заставляет меня замереть. Я отступаю в темноту и прислушиваюсь. Через корявые перила пробивается свет снизу, поэтому могу разглядеть картину. Сэм стоял и тихо беседовал с ним.

— Что теперь? — подал голос Уилл, кашляя. Сэм развернулся и кивнул в его сторону.

— Ты о чем?

Он кивает в сторону лестницы, где я стараюсь не дышать, дабы не заметили снова.

— Что будем делать с ней дальше?

Сэм с минуту обдумывает его вопрос и шагает вперед, опуская голову.

— Сам не знаю, — шепчет он, закрываясь руками от Уилла. Он выдыхает и разводит руки в стороны. — Надо что-то предпринять. Главное, чтобы Керри ни о чем не знала. Если с ней все будет в порядке, я ее отпущу. Нечего навевать сюда еще и полицию, ведь будет только хуже.

Сэм вытягивает шею и лениво потирает.

— Давай лучше подержим ее здесь, для безопасности, — оповещает он.

— Ладно. Ну, а что потом? — Уилл сощурил один глаз, склоняя голову. Сэм отмахивается.

— А дальше поглядим, что будет.

Сэм поднимается на второй этаж и моё сердце начинает бешено отстукивать в груди. Пальцами вклиниваюсь в шаткие перила и сжимаю губы. К счастью, Рыжий вовремя хватается его за запястье и крепко сжимает. Я облегченно выдыхаю, но дрожь не проходит. Его глаза ничего не выражали, хотя было трудно сказать об этом точно.

— А как же ее память, ты забыл? — Парень поднимает бровь. Сэм напрягается.

— Значит, будем наблюдать. Что-нибудь то она должна вспомнить, — уверяет Сэм. Уилл кивает и отпускает.

— Знаю, что это все долго, но если вдруг — вызовем врача. Просто держи мобильник при себе.

Уилл встает на ноги и указывает бутылкой на Сэма.

— А, как же ты?

Слова Рыжего плывут в моем разуме, как лист бумаге в море. Что он имеет в виду? Я прижимаюсь ближе к перилам и, с замиранием сердца, прислушиваюсь к каждому следующему слову. Если только он не тот Зверь, которого я видела в лесу. Но это же бред сумасшедшего.

— Ты же не контролируешь себя. — Уилл делает глоток с бутылки. Сэм выдыхает и пожимает плечами.

— Уилл, я справлюсь. По крайней мере, должен.

Про себя начинаю истерично смеяться, что такой бред мог прийти в голову. Сэм же просто человек. Почему вообще такая мысль пришла в голову именно мне? Может это побочный эффект после падения?

Когда Сэм начинает подниматься по ступенькам ко мне, я как можно скорее спешу исчезнуть с лестничной площадке.

Лесной домик оказался настолько много комнатным, что, оказавшись по середине коридора, в голову что-то ударяет и я теряюсь в пространстве. Куда идти дальше и стоит ли вообще заходить в другие комнаты? Деревянные полы под ногами тихо поскрипывали, но ощущения были приятны. Огненной окраски стены придавали спокойствие и сердцебиение постепенно стабилизировалось.

Но в этом коридоре веяло опасностью. Воображение начинало играть со мной: вот сейчас отворится дверь и оттуда выскочит обезглавленный ребёнок, вечно просящий игрушку, которую он когда-то потерял.

Я осторожно осмотрелась и заметила на стенах картины, видно уже старые и обтертые, давно забытые и никому ненужные. Я подошла ближе к той, которая больше всех привлекала моё внимание.

На картине изображен мальчик — на вид лет семь — и женщина лет тридцати пяти.

Она держала его за руку и улыбалась в камеру, а мальчик, заметно по его лицу, что он не любит камеры, скривил лицо и показал язык. Оказавшись возле другой картины, что висела неподалеку от Мальчика с Женщиной, краем глаза замечаю ту же особу, что и на предыдущей картине, только на этот раз она одна.

Её лёгкое платье до колен застыло в воздухе. Она выглядела моложе своих лет, а распущенные прямые рыжие волосы развилась на ветру, когда та зависла в прыжке.

Она на что-то показывала худеньким пальчиком и улыбалась, а глаза сияли, отдавая небесным цветом. Но почему-то от этой картины — я прямо чувствовала — исходила волна негатива, несмотря на всю её красочность.

Я быстро отскакиваю от неё и бреду дальше по длинному коридору.

Меня охватило любопытство с головы до ног. Что спрятано в других комнатах? Насколько одна маленькая коробка — здесь лесной домик в глуши — может держать в себе столько всего необычного?

Я шла по коридору и заглядывала в каждую комнату, в каждый потайной уголок, который считала интересным. Двери — к какой я бы не подходила — были настежь распахнуты.

Но каждая комната, куда не глянула, выглядела одинаковой: от цвета стен до бессмысленных безделушках на тумбочках.

Однако последняя дверь, которую я уже с неохотой открывала, была сделана из красного дерева; ручка почти висела, качаясь в стороны. С замиранием сердца я зашагала к пугающей, на первый взгляд, двери, и дрожащими пальцами повернула ручку. Но дверь, увы, не поддавалась мне. Она оказалась запертой.

— Что ты здесь делаешь?! — послышался голос Сэма. Я подскакиваю на месте и только хочу обернуться, он оттягивает меня от двери и ошарашенно глядит в мое лицо. Я скрещиваю руки и опускаю голову, вздыхая.

— Мне было скучно. Отвези меня домой, Сэм. Мне нечего здесь делать. — Если не хочешь, чтобы я узнала то, что не следует, то лучше сделай так, как я говорю. Но я этого не сказала.

— Что это? — Сэм приложил палец к уху. — Неужели сама Керри Скилеф говорит со мной?

Я закатила глаза. Мне нужно уйти. А вдруг меня будут искать? Или уже ищут? Это ненормально — сидеть в лесу и прятаться от неизвестного.

Тишина навевала кромешный ужас: с одной стороны пугала, с другой успокаивала. Сэм барабанил по своей ноге, напевая что-то себе под нос. От удара голова не по-детски пульсировала, кожа на ладонях потела и хотелось быстрее оказаться в теплых и знакомых стенах дома. Мысли путались. В голове кавардак, который, казалось, никому не под силу собрать в полный порядок.

Вдруг мама уже бьётся об стенку, терзая себя самыми невероятными мыслями, которые могли прийти ей в голову? Или она уже обклеивает уличные столбы объявлениями о пропавшей девочке? Я обняла себя руками и вздохнула.

— Почему я здесь? — задаю вопрос Сэму, обращая взор на парня. Он чешет затылок, оглядывая меня с ног до головы, и возвращается к моему измученному взгляду.

— Ну, ты упала и потеряла сознание. Мы принесли тебя сюда, потому что до больницы находились довольно далеко, а если бы мы отправились в город, ты бы умерла на месте. Тем более моя машина, на тот момент, была в ремонте, а у Уилла ее вообще нет.

— А почему я не могу уйти домой? Сейчас же со мной все в порядке, и я умею самостоятельно передвигаться.

Сэм всплеснул руками, отошел назад и чертыхнулся, запуская руки в волосы.

— Ты, черт дери, еще никак не поймёшь, видимо?

Я нахмурилась и скрестила руки на груди.

— О чем ты?

Он дотронулся до виска и прищурил свои тёмные глаза.

— А вдруг у тебя потеря памяти? Ты же сама сказала, что ударилась. — Он молчит и сомнительно разглядывает меня. — Или нет?

Я поспешно киваю и пожимаю плечами. "Нужно доводить игру до конца." — шепчет внутренний голос в моей голове. Мое сердце забилось сильнее и тяжелым грузом пало вниз, подтягивая и меня саму.

— И какой твой план?

Сэм вздыхает, опуская глаза на деревянный скрипучий пол, и указывает на меня пальцем.

— Я привезу врача, на случай, если ты ничего так и не вспомнишь, и...

Я оторопела и поспешила остановить его, выставляя руки перед лицом.

— Что?

Отхожу назад и раскрываю рот. Сэм поспешил оправдать свои намерения, подходя ближе. Его брови нахмурены, еле заметные мышцы теперь выпирали на виду.

— Мы хотим проверить, правда ли, что ты потеряла память или нет. Нам надо убедиться. Если врач скажет обратное, то мы тебя отпустим. А пока ты пробудешь здесь до тех пор, пока мы не получим результаты.

Сэм кивает и отступает назад, все еще хмуро глядя на меня. Я задерживаю дыхание и выпускаю пар, говоря, даже не контролируя то, что выходит изо рта. Ну уж нет, этого не случится!

— Я не подопытная крыса, над которой можно ставить опыты!

Сэм фыркает и закатывает глаза, однако ничего не говорит.

Врача... Зачем мне он понадобился, если со мной всё нормально? Конечно, если не считать помутнений в глазах и пульсации в висках. Почему это должно их волновать? Если

узнает об этом врач, то тогда дела плохи. Даже если парней я смогла — по крайней мере на это надеюсь — обойти, то взрослого человека вряд ли удастся обвести вокруг пальца.

— Ну, всё. Нечего тебе здесь делать, идем!

Схватив за руку, Сэм уводит меня вниз, отрывая от раздумий. Мы уходили всё дальше из этого тёмного, бесконечного коридора, обвешенного старыми, облезлыми картинами, и от единственной запертой двери.

Хотя, где-то в глубине души я была даже и рада, что не открыла дверь. Внутри я знала, что не стоит открывать её, потому что, если бы я всё-таки открыла, случилось бы непредвиденное и даже, возможно, опасное.

Сердце тянется домой, когда как детское любопытство неудержимо желает узнать о тайнствах, что хранятся по ту сторону двери. У меня в голове не укладывалось одно: что там находится и почему она вся насквозь избита?

Мы сидели внизу на довольно компактном и мягком диване. Уилл сидел, жевал попкорн, закидывая в рот, даже не беспокоясь, попадает ли он в цель. Сэм сидел неподалеку от меня в кресле, распластавшись на нём так, насколько позволял его рост. Он тихо посапывал, закинув голову. Я улеглась на диване, собрав ноги под себя и обхватывая руками колени.

Наша троица молча смотрела фильм ужасов; на часах уже давно за полночь, но ни у одного не было даже мысли о сне. Ну, кроме Сэма, конечно. Он напоминал медвежонка, который уходил в зимние дни в спячку.

Почему-то сейчас — в этот самый момент — мне хорошо. Сердце умеренно бьётся, сливаясь с ровным дыханием и сопением Сэма. Теплая волна протекает по всему телу, согревая внутренности и кончики пальцев на ногах. Даже случай в лесу сейчас не пугал меня так, как раньше. Может это побочный эффект от фильма?

* * *

Визит врача оказался кстати. Он сразу произвёл на меня неизгладимое впечатление своим деловитым видом: типичный шатен с серыми, пронизывающими глазами. Он моментально поставил мне диагноз, лишь прощупав мою ступню. Сделав обезболивающий укол и веля проглотить маленькую таблетку, как он сказал, от головы, мне стало намного легче.

— Могу с точностью сказать, что это вывих, но хорошо, что не перелом, — огласил он.

На протяжении времени я была тиха, как мышка в норке, пытаюсь не выдавать себя. Но доктор просто этого не заметил. Однако вывих — не хорошо. Значит, придётся здесь задержаться.

— Но это не столь смертельно, — успокоил доктор, и на его щеках появились ямочки. Он погладил мое колено, склоняя голову.

— Вам повезло, милочка.

Когда Доктор закончил свой осмотр, парни поблагодарили его и благополучно проводили до выхода. Нога постепенно заживала, правда, пока больно наступать на неё, а так я чувствовала себя гораздо лучше. Головные боли и пульсации в висках постепенно проходили.

Я надеюсь, теперь-то уж они перестанут играть роль надзирателей. Я встала с дивана и молча побрела наверх. Усталость всё равно присутствовала и хотелось просто отдохнуть. Тело — не сталь. Тело — дом, за которым нужен уход. То же самое и с душевным состоянием; не сбережёшь — вовсе потеряешь.

— Куда ты? — послышался голос Сэма.

— Хочу прилечь.

— Сиди уж лучше здесь.

Он указал на диван, перегородив путь. Я нахмурилась и скрестила руки. Чего они от меня ждут?

— Почему?

Сэм фыркнул, пожимая плечами.

— Так ты будешь у нас на глазах, а мы будем знать, что ты не сбежала.

Я качаю головой, закатывая глаза, но сажусь, покорно усмиряя свой детский пыл.

— Когда я смогу вернуться домой? Доктор сказал же, что всё в порядке — простой вывих. — Озадаченная, я уложила ноги на диван, усаживаясь поудобнее. Либо этот диван слишком мал, либо мое раздражение влияет на обстановку.

— Когда полностью поправишься, — напоминает Уилл, как будто в тысячный раз. Я замолчала, теряясь в дальнейшей борьбе с ними. Тем не менее, такое положение меня не устраивало. А как же учёба? Родители? Я не могу вечно здесь находиться и питаться Святым Духом.

— Но мне нужно учиться! Мама будет волноваться, понимаешь?

Уилл закрыл лицо руками и громко промычал, не сдерживая эмоций. Сэм лишь усмехнулся, наблюдая в соседнем кресле.

— Ох, ну почему ты такая упёртая? Не понимаю...

Я ухмыльнулась, качая головой, и вздёрнула подбородок.

— Гены.

Но только эти "гены" проснулись в сознании, стало не хорошо. В голове закрутились воспоминания детства: роковая авария, отец, прошлая жизнь в Техасе, наш дом...

Прошное всё никак не хочет покидать меня. Может, просто смириться и отдаться ему? Пусть забирает. Мне уже всё равно.

Как-то резко всё переменялось после той аварии: вечный задор исчез, потухли глаза, а внутри притаилась печаль, которая становилась всё больше. Мамины слова не помогали. Она говорит, что время лечит. Но на деле это не так. Время не лечит. Время не может залатать твои раны, зашить, затянуть душевную дыру в груди или потушить боль. Время — это невидимый нож, режущий

внутренности на мелкие
куски.

Проходит третий день. Парни сидят и следят за каким-то глупым боем по чёрно-белому ящику, который и то слабо что-либо показывал. Тем временем я убиралась в комнатах, веря, что они сжальтся и отпустят на свободу, к родным.

Этот дом давно нуждался в женской помощи. Достаточно быстро запыхавшись, я поплелась на второй этаж. Скрип одной ступеньки, второй — и я уже наверху. В тишине и полной изоляции.

Проходя мимо израненной двери, трудно было не заглянуть. Ноги сами вели к ней, а поддаваться любопытству — я знаю — плохо. Но для меня интерес — превыше всего.

Рука повисает над ручкой, чуть дрожит, но всё-таки ложится поверх дверной ручки. Затем я проворачиваю её против часовой стрелки.

Чёрт! Дверь снова была наглухо заперта. Потерпев очередную неудачу, я сжимаю кулаки и прохожу дальше по коридору, в котором не было ни души.

Захожу в первую попавшуюся дверь, не разбирая, что где. Комната оказалась вполне — к моему удивлению — милой и довольно просторной.

В центре стояла небольшая кровать, рядом с кроватью тумбочка в стиле барокко. Вещи занимали здесь не много пространства, только добавляя элегантности или, скорее сказать, изысканности. Стены были обставлены древесиной из красного дерева. Скинув одеяло с кровати подальше от своих ног, я падаю на неё, моментально засыпая.

Слышатся где-то в соседней комнате — а может в коридоре — голоса парней, но я не вдаюсь в подробности и даже не пытаюсь прислушаться. Сон поглощает меня, окрашивая разум в тёмные пятна.

* * *

За окном начинало светлеть. В комнате стояла невероятная духота, от которой я успела вспотеть. Мои волосы оказались на лбу и щеках за ночь. Я встаю с мягкой и тёплой кровати и спросонья бреду в ванную. Точнее на её поиски.

Глаза толком не хотели открываться, когда я дохожу до неизвестной двери. Рука автоматически дёргает ручку. Когда я распахнула веки, сердце останавливается, но перед этим ещё успевает пропустить один гулкий удар.

Беглым взглядом пробегаюсь по всей комнате, пока смиряю частое сердцебиение. Панорамное окно разбито, осколки лежат по всему полу, Винтажные шторы, красиво висящие на перекладине, теперь превратились в клочья и разбросаны по всему полу. Время, видимо, здесь остановилось. Повсюду забытые вещи кучей, как после серьёзной бомбежки, покоились в разных углах комнаты, а на обоях ещё остались глубокие царапины, будто ножевые порезы.

— Кер, что случилось?

Краем уха слышу голос Сэма. Оборачиваюсь, даже не моргнув. У парня серые круги под глазами и легкий недосып. В правой руке он держит пульт от телевизора, как сковородку, которой хотел врезать. Я не могла ему что-либо ответить. Просто махнула рукой куда-то вперед. Сэм подошёл ближе, переводя внимание на комнату, и остановился, пребывая теперь в таком же состоянии, что и я. В голове пронеслось:

Беги!

Я, пошатываясь, ринулась обратно в комнату и, успев накинуть на плечо только свой рюкзачок, спустилась вниз. Обернувшись в последний раз на — как мне казалось поначалу — ванную комнату, заметила царапины на входной двери. Некоторые рубцы просто растворились в ней, оставляя после себя глубокую, телесного цвета, впадину.

— Керри, стой! Это недоразумение! — кричит в спину обеспокоенный Сэм. Но я не слышу его возгласы и мольбы. Если это всё правда и мои догадки не просто шутка, то что если и Уилл один из них? Господи, есть ли вообще в этом мире нормальные люди?

Добежав до края леса, я больше не слышу голос Сэма. Я стараюсь не останавливаться и бежать всё дальше и дальше от этого проклятого дома.

Я больше не могла оставаться там. Теперь и близко не подойду к той поляне. Да вообще больше никогда не зайду в лес. Единственный сейчас выход — выбраться из него.

Сумерки становились гуще, туман постепенно заселялся внутрь леса, с каждым разом всё больше заполняя территорию. Он постепенно скрывал все кромки деревьев, мхи и тропу, по которой я шла.

Нервы сдавали: я шмыгала носом, вытирая слёзы со щёк. Разбросанные вещи, расцарапанная дверь, стены — всё это до сих пор не уходило из головы.

Я потеряла счет во времени, бродя в своем направлении. Со своими мыслями в голове я не заметила, как потерялась и оказалась в самой тёмной части леса. И куда теперь?

Я осмотрелась по сторонам, но ничего не видела, кроме высоких деревьев, зловеще сливающихся с кустами. Я тронулась дальше, озираясь по сторонам. Я искала что-то наподобие рубильника, от которого появился бы свет, озаряя дорогу. Но его не всё никак не оказывалось. Напевая детскую колыбельную, которую мурлыкал мне перед сном отец, иду дальше.

Наконец на глаза попадает еле заметная щель, из которой проскальзывает слабый луч света между хрупких веток, сплетённых между собой, всё время стонущих от ветра. Оглядевшись в последний раз, глубоко вздыхая, осторожно протягиваю руку в дыру, пока полностью не проваливаюсь во мглу.

Оказавшись по другую сторону леса, я часто стала моргать; дыхание участилось, запах стал другим: более свежим и приятным. Под ногами ни грязи, ни глубоких луж или тягучих болот. Наоборот — длинная тропа вела только прямо и никуда больше. Тонкая полоса текла вдаль. Сердце подает два удара. Я снова трогаюсь за запахом манящей свежести.

Дорога пыльная и утомительная. Некоторые места я узнавала. Они выходили из глубокого подсознания, от чего я иногда морщилась из-за боли.

Когда я пересекла маленький овражек, обошла кое-как ямку и перепрыгнула с маленькой горки, сил становилось меньше: дыхание стало прерывистым, легкие сжимались, а грудь сковывало от нагрузки. Но мне нельзя останавливаться, ведь свобода — как рукой подать!

Воспоминания, хоть и не четкие, всплывали в голове, как кадры из фильма. Уголки губ потянулись вверх при виде знакомой полянки, где только начинал расцветать целый букет редчайших растений. Будто, кроме сказочных существ, здесь никто и не обитал вовсе.

Однако, когда поляна исчезла из моего вида, передо мной растянулся бесконечный океан. Я вдохнула знакомые запахи, и улыбка растянулась шире.

Волны бились о скалы, как будто хотели выбраться из морского плена; поднимались, соприкасались со скалой и снова падали вниз, рассыпаясь на мелкие брызги.

Здесь было прекрасно. Так и хотелось расправить руки и полететь, как птица, рассекая небесный покров. Рядом с обрывом я подметила два одиноких камня: один — потёртый и облезлый, другой — совершенно идеальный, как будто его всю жизнь вытачивали, как алмаз, чтобы на него смотрели и любовались.

Я усаживаюсь на один из них, сбрасываю — сбоку от себя — рюкзак, и закрываю глаза,

вдохнув полной грудью морской воздух.

Открываю глаза снова и вижу перед собой безграничный, чистый океан, серое небо и волны, бегающие по водной глади. Некоторые продолжали бороться со скалами, а некоторые бежали дальше, расплываясь по суше.

Так бы и осталась тут. Но пока я должна сделать одно дело.

Медленно притянув рюкзак — единственного свидетеля произошедшего — к груди, я поднимаюсь с места, собираясь с мыслями. Нужно двигаться дальше, каким бы скорополительным и тернистым не был путь.

Я прошла, наверное, километров сто, когда услышала урчание в животе. Сверху упала капля и приземлилась на нос, потом ещё одна и ещё...

Поднимаю голову к серому небу: тёмных, нагнетающих тоску, туч становилось всё больше и больше. Вскоре тучи извергались грозами и пошёл дождь, который с каждым следующим шагом усиливался, становясь мощнее и беспощаднее.

Через пару метров от обрыва, на глаза попался странный дом; словно вечный странник, принимающий дождевой душ. Нужно было где-то укрыться на время от ливня. Этот дом, как я думала, в действительности подходил лучше, чем какой-либо другой. Да и, по правде говоря, особого выбора у меня не было.

Я напрямик направилась к нему, опустив голову. Волосы начинали намочить, на одежде вообще сухого места не осталось. Прошлепав по лужам и поднявшись по ступенькам, я нажимаю на звонок возле двери. Шмыгаю носом, подтягиваю лямки рюкзака и жду, пока отворится дверь. Надеюсь, что здесь кто-то да живет, — размышляю я. К счастью, дверь открылась, и мне на глаза попался затылок Питера. Что?

— Сейчас! — крикнул он кому-то. Питер обернулся и на его лице проступило удивление.

— Керри?! — Он сделал шаг к крыльцу, присматриваясь, я ли это. Я не могла произнести ни слова; они просто не сходили с языка. Питер огляделся по сторонам и приволок к себе.

— Скорее, ты же так в ледышку превратишься, если уже такой не стала. Как ты вообще здесь оказалась?

* * *

Парень закрыл за нами дверь и помог скинуть верхнюю одежду. Меня всю трясло. Я не могла самостоятельно передвигаться или что-либо сказать. Пальцы ног и рук окоченели, с волос стекает ледяная вода, образуя лужу на полу. Питер легким движением помог добраться до гостиной, затем натянул на меня тёплый плед с коричневыми цветами и попытался согреть, потирая мои плечи.

— Лучше?

Я закивала, дую горячий поток воздуха на руки. Питер явно хотел узнать, как я тут появилась и начал разговор, но посторонний звук помешал ему. Я нахмурилась, оборачиваясь на странный звук. В гостиную зашёл, похожий на Питера, парень. Только он был выше и с рыжими волосами.

— Питер, куда ты... Оу, я вам не помешал? — Парень замялся при виде меня. Синяя футболка явно была ему мала, а тёмно-синие потертые джинсы свободно висели на бедрах. Я откашлялась, потупляя глаза на его ботинки. Питер закатил глаза и громко выдохнул.

— Познакомься, это мой брат.

Я попыталась приветливо улыбнуться, протягивая руку.

— Очень приятно. Керри.

Он целую минуту меня исследовательски изучал, разглядывая, подобно игрушке. Затем всё же потряс руку.

— Привет, я Кевин. — Парень плюхнулся в кресло, вытягивая свои длинные ноги на крохотный столик. Он снова зыкнул на меня; в его глазах пробежался игривый огонек.

— Так ты новая подружка Питера? — с широкой улыбкой спросил Кевин, подмигнув мне. Я почувствовала, как руки Питера на моих плечах сжались.

— Заткнись, Кев! — предупредил Питер брата. Мои глаза стали больше. Я спокойно выдохнула, качнула головой.

— Мы друзья.

Но Кевину, видимо, этого было мало. Он сощурился и медленно склонился.

— Хмм... — Он потёр подбородок, задумываясь. — Что-то не похоже.

— Кевин, она же сказала: мы просто друзья! — фыркнул Питер и махнул в сторону, закатывая глаза.

— Лучше принеси воды. — Кевин прыгнул с кресла, отряхнулся и пригрозил пальцем.

— Но ты мне все равно должен, братишка! — И его брат ушёл.

— Прости его. Он бывает иногда таким идиотом, что даже сам этого не замечает, — пояснил парень. Я отмахнулась, улыбнувшись.

— Не страшно. Он милый.

Питер смиренно кивнул. Его глаза загорелись любопытством и он подсел ближе.

— Так как ты тут оказалась? — спросил он.

Я замаялась, играя с уголком пледа. Сказать ли ему всю правду? А поверит ли он в неё? Я тяжело вздохнула, натягивая одеяло по самое горло.

— Задержалась в лесу. Пока искала дорогу обратно, уже успело стемнеть. Решила, что лучше не останавливаться, а потом, по случайности, нашла твой дом. Или мне просто улыбнулась удача, когда я совсем

не намеревалась её

ожидать, — усмехаюсь я.

— А что ты делала в лесу, да ещё и в такое позднее время?

Я пожала плечами. Питер переметнулся глазами поверх моей головы, когда что-то заметил и сильно нахмурился. Я обернулась, и на лице появилась улыбка.

— Возьми, — просил Кевин, вручая стакан воды. Я кивнула и взяла его.

— Спасибо. — Я сделала один большой глоток и почувствовала, как полностью восстанавливаюсь после обезвоживания. Кевин почесал затылок, зевая.

— Ладно, раз вам больше ничего не нужно, я пошёл, — он вытянул указательный палец и прищурился. — Только не шуметь!

Я хихикнула, а Питер устало покачал головой, раздраженно вздыхая.

На улице до сих пор лил дождь, стуча по крыше и стекаясь змейкой по окнам. Питер всё ещё спрашивал, почему и для чего я была в лесу. Ответив, что просто заблудилась, он ещё долго не верил. Парень не мог определиться, в чем же была загвоздка? Но потом он встал и обошёл беглым взглядом комнату.

— Есть только один выход: ты поспишь у меня. Не волнуйся, наутро отвезу обратно.

Я резко встаю, всё ещё укутанная пледом, растерянно всматриваюсь в его лицо.

— Ты шутишь? Может, я просто лягу на диван? Я не из гордых, Питер. Могу поспать и на диване.

— Не говори глупостей, Кер! Если ты беспокоишься о кровати, то будь уверена: никто, кроме меня, там не спит. Моя комната — святое для меня. Я даже своим сестрам не разрешаю заходить туда. — Питер испепелял меня взглядом. Я сглотнула, быстро кивая головой.

Я всё равно не в силах спорить. Мне хочется пережить этот по истине долгий день и забыть его, как страшный сон.

— Хорошо, я посплю у тебя.

Питер кивает; уголки губ приподнялись вверх. Он окончательно расслабился и повел меня на второй этаж, ведя по стеклянной лестнице.

Когда комнату осветили лампы на потолке, помещение стало приятнее на вид. В его комнате были те же панорамные окна, что и в гостиной. В левой стороне от окна стояла широкая кровать; над изголовьем висели странные фотографии одной и той же девушки с тёмными прямыми волосами. Она была схожая с небесным Ангелом.

На полу не было ни одного ковра. Заметив широкие двери, открытые настежь, сердце застучало чаще. Оттуда выходил вид на высокие, пышные деревья. От дуновения ветра они раскачивались в разные стороны. Питер открыл шкаф, достал футболку оттуда и кинул на кровать.

— Держи. Можешь спокойно переодеваться в чистое, — улыбается он, облокачиваясь на косяк двери. Я поморщилась и схватила футболку, прижав к груди.

— А ты мог бы...?

Я стала озираться по сторонам, переминаясь с ноги на ногу. Смущённая тем, что придется переодеваться перед парнем, щёки покраснели. Мне это не особо нравилось. Питер схватился за ручку, замечая мой намек, резко открыл дверь.

— Уже выхожу. Как переоденешься — постучись в дверь.

Только он вышел из комнаты, оставляя меня одну, я выдыхаю. Расправив футболку, откладывая её на кровать и быстро скидывая с себя свою мокрую одежду. Натянув футболку парня — она оказалась настолько огромной, что доходила до колен — поправляю в плечах.

— Вроде всё, — произношу в голос. Я постучала в дверь, и она тут же открылась. Из проема двери высунулась голова Питера.

— Закончила? — усмехнулся парень. Я быстро кивнула, отошла назад, пропуская Питера. Он оглядел меня и нахмурился, указывая на ноги.

— Джинсы тоже придется снять. — Я взглянула на мокрую ткань и помялась. — Мм, ладно, но для начала ты должен отвернуться.

Парень кивнул, закатив глаза.

— Конечно.

— Джинсы тоже придется снять. — Я взглянула на мокрую ткань и помялась. — Мм, ладно, но для начала ты должен отвернуться.

Парень кивнул, закатив глаза.

— Конечно.

Он громко выдохнул, но всё же, неохотно, отвернулся. Я расстегнула ширинку и быстро сняла джинсы. Только хотела скинуть их с ног, повернулся Питер. Он разинул рот, разглядывая меня с лукавой улыбкой на лице. Я быстро сбросила джинсы на пол, отшвырнув их подальше, взялась за края футболки и принялась натягивать до самых колен. Питер усмехнулся. Я попыталась собрать все свои вещи на кровати, при этом как-то умудряясь прикрываться.

— А это куда? — спрашиваю. Питер молча доходит до меня и забирает вещи, тихо произносит:

— Ты милая, когда смущаешься.

Я тут же вспыхиваю, хочу ответить, но парень уже стоит на пороге комнаты.

— Ты не должна стесняться своего тела. Это уникальное создание Бога. Не скрывай его. — Он кивнул на бельё и поднял глаза. — Я кину их в стирку, а потом вернусь. Можешь пока располагаться.

— А как же ты? Где ты будешь спать? — спросила я.

— За меня не волнуйся, я буду поблизости, — спокойно отвечает парень.

— Я не хочу тебя стеснить, Питер. Уж лучше будет, чтобы ты спал здесь, а я пойду туда. — Я указываю с кровати на лестничную площадку.

— Нет, — отрезал парень. Он склонил голову, лениво улыбаясь. — Но я могу постелить здесь, если тебе

страшно. — В его глазах появился слабый огонек, губы растянулись в ехидной улыбке.

Мои плечи задрожали, а руки вспотели.

— Нет. Ни капельки, — ответила я, придав голосу каплю храбрости. Он рассмеялся, одному ему понятной шутке.

— Ладно, — выдохнул наконец Питер.

Как только Питер ушёл, я вздохнула, проходя к распахнутым дверям, и посмотрела в лес, где идёт ливень. По ту сторону остались Сэм и Уилл. Я тут же вспомнила, как сбежала оттуда...

Быстро и без оглядки.

Расцарапанная дверь, стёкла, неизвестно откуда пятна, запах перегара... — всё произошедшее не хотело стираться из моего сознания. Меня неожиданно передёрнуло. Я покачала головой, прогоняя плохие мысли.

Комочком складываюсь на кровати, закрываю глаза и пытаюсь заснуть. Однако снова появляется та комната. Снова открываю глаза, резко поднимаясь. По щекам текут ручьи слез, а в груди нарастает удушающее чувство. Когда это все закончится? Дверь неожиданно распахнулась и зашел Питер с улыбкой на лице, облакачиваясь на дверь.

— Я положил твои вещи в стирку.

Я шмыгнула носом, кивая. Питер вздохнул, зашторил окна так, что комнату охватила темнота. Я откинулась на подушку и накрылась одеялом. Закрыв веки, пытаюсь перевести дыхание. Рука Питера накрывает мое плечо и всё тело напрягается.

— Спокойной ночи, Керри, — шепчет он. — Я буду внизу, если что вдруг.

После его ухода меня сразу накрывает темнота, и глаза закрываются. Мне снится странный сон, от которого я уже чисто физически не могу скрыться.

Я стою возле старого дома. Дверь открывается, приглашая зайти внутрь. Я на автомате шагаю к лестнице и захожу в самое пекло. Там меня встречает тьма и жуткий мороз, превращая тело в лёд. Внутри стоит старый, облезлый диван. Под ногами постанывают полы.

Мне не хочется тут оставаться ни секунды больше. Я разворачиваюсь и бегу к выходу, однако дверь резко захлопывается перед носом. Начинаю стучаться изо всех сил, но безуспешно. Краем уха слышу чей-то вой, похожий на раненную собаку.

По инерции поднимаюсь по лестнице и потом вижу картины на стенах. На каждой изображен мальчик с женщиной, схожий внешностью и улыбкой. А на другом холсте та же женщина, но без мальчика.

Странно, но этот дом был похож на тот, из которого я недавно сбежала. Стены начали постепенно подступать ближе. Я прохожу дальше. Иду до самой дальней двери, откуда всё ещё доносится вой. Дрожащими пальцами дотягиваюсь до ручки и медленно поворачиваю.

Дверь со скрипом открывается. Сердце замирает, когда на глаза попадает человек. Он лежит на полу и корчится от боли. На его теле росла густая шерсть, когда он орал до тех пор, пока крик не превратился в вой.

Я кричу во всё горло, когда встречаюсь с его карими глазами, узнавая в них того самого парня, которого встретила случайно в лесу.

Тем временем шерсть уже полностью отросла, а зрачок сузился и окрасился в угольно-чёрный. Он завыл и попятился назад, разбивая окно. Я следую за ним, чтобы помочь, но падаю в пропасть и громко кричу.

— Керри, проснись! — встревоженно просит Питер, тряся меня. Я озираюсь по сторонам и глотаю ртом воздух. Чувствую, как по лбу стекает пот, и чьи-то пальцы на затылке.

— Питер?

— Керри, это просто сон, слышишь? — уговаривает он, кивая.

Я часто дышу, всё ещё приходя в себя. В комнате распахнулись двери балкона и оттуда подул сильный и холодный ветер.

— Да ты вся вспотела! — изумился Питер и поднялся. — Сейчас вернусь. — Он выбежал из комнаты. Через пять минут он возвращался обратно, держа полотенце в руке. Я слегка привстала, чувствуя давление. Все мои волосы оказались на лице, футболка Питера прилипла к телу.

— Волк. Он был там... — Я говорила рассеянно, сквозь ещё сонный разум. Волнение нарастает и в конце концов я уже тараторю как ненормальная.

— Тише, тише. Это просто сон, — успокаивает Питер, качая меня из стороны в сторону. Он включает ночник возле тумбочки и подает холодный стакан воды, обтирая полотенцем мой лоб.

— Что тебе приснилось? — тихо шепчет парень, временами ловя с меня капли нервного пота. Я долго борюсь с дыханием, приходя в реальность. Дрожь потихоньку затихала, но я все равно смогла проговорить только полусшепотом:

— Я его видела.

— Кого? — Я обхватываю себя руками, защищаясь.

— Волка, — признаюсь, смотря на смятый уголок одеяла.

— Это сон, Керри, — разочарованно вздыхает Питер. Я качаю головой и закрываю глаза, сильно зажмуриваясь.

— Этот волк был необычным! — упираюсь я. — Сначала этот парень был человеком, а потом превратился в зверя и...

— Стоп! — опешил Питер, выставляя руку вперед, ладонью ко мне лицом. — Что? — Его брови взметнулись. Он отстранился от меня и нахмурился. Я нервно сглотнула, но молчала. Он сжал одеяло на моих глазах и я увидела, как заиграли его желваки.

— Керри, что на самом деле произошло? — требовательно спросил он. Он хотел знать правду.

— Что случилось на самом деле? Как ты тут оказалась? — Питер устало вздохнул и покачал головой. — Ты же сама твердила, помнишь, будем говорить друг другу только правду.

Глаза Питера полностью прикованы ко мне. Грудь опадала при каждом вздохе. Он в недоумении. Он хотел знать всё. Буквально. Я молчала, не поднимая глаз. Я не могла вымолвить ни слова.

— Посмотри на меня! — Его голос поднялся на несколько октав. Я вздрогнула от испуга, но всё-таки подняла глаза.

— Помню, Питер, помню. Я на самом деле гуляла...

— И?

— И заблудилась, — вздохнув полной грудью, я сильно зажмурилась. Была не была. Это больше нельзя тянуть. Хватит.

— Я на самом деле видела волка. Он был... не один. По правде говоря, двое... Их было, кажется, двое. — Мой разум не слушался, сердце остановило свой ритм. Я с опаской посмотрела на Питера, но он только ловил ртом воздух.

— Что? — Парень резко встал и сузил глаза в неверии. Я невинно смотрела на него. Ждала, пока он что-нибудь скажет. Хоть что-нибудь, кроме этого. Но он молчал, полностью пораженный. Питер стоял, как вкопанный. Я даже не знаю, сколько прошло времени, пока он не спросил:

— Где ты его видела? — Он стал ходить по комнате, измеряя шагами её размеры. Он завёл руки за спину, испепеляя горящими глазами белоснежный ковер.

— В лесу, — сглотнула я.

— Какого они были цвета?

Он остановился и перевёл свой взгляд на меня. Питер был холоден, твёрд, но спокоен, как море после шторма; такой же радушный, но всё ещё живой. Я сажусь на корточки и начинаю вспоминать более четкую картинку. А какой у них цвет шерсти? Попыталась углубиться дальше, но так ничего и не смогла вспомнить. Голова ужасно болит, как будто в неё вонзали наточенные ножи. Я морщусь от боли.

— Не помню. — Питер подошёл ко мне, присаживаясь напротив.

— Эй, что с тобой? — Он вытягивает руку и касается моего плеча.

— Всё в порядке, — отдергиваю я, хмурясь. — Питер, я правда не помню, как они выглядели. Помню, что их было двое. А когда я их заметила, ринулась со всех сил куда подальше. Потом зацепилась, наверное, за что-то, и упала.

— Упала? Ты мне не говорила. — Подбородок парня дернулся.

— Вот сейчас говорю. — Я попыталась натянуть улыбку, но он просто пожал плечами, закатывая глаза. Пусть Питер и опустил эту тему, но что-то подсказывало — он не оставит

это так просто...

— Ладно, давай пока не будем продолжать это. — Он оглядел меня и встал.

— Принести воды?

Я кивнула и Питер ушёл вниз. Что я наделала? Что теперь будет? Как я буду смотреть Сэму и Уиллу в глаза? Хотя, что я переживаю?

В школу я и так должна идти, а к Сэму и Уиллу я не буду подходить, даже разговаривать! Лучше держаться в стороне от них.

"Никогда не подходи к людям, от которых веет холодом и ужасом" — В голове невзначай пронеслись слова отца. Я приняла решение моментально, и груз сразу исчез с плеч. Пусть даже и на половину. Дверь открылась и вошёл Питер со стаканом воды.

— Вот, держи, — он протянул мне стакан. Я сделала маленький глоток и отставила стакан на прикроватную тумбу, попробовав улечься вновь. Питер стоял возле двери, облокотившись плечом. Меня всё ещё клонило в сон, но закрывать глаза боялась.

— Попробуй заснуть, — отозвался Питер. Его лицо помятое; красные глаза говорили сами за себя. Голос неожиданно стал подавленным.

— Прости, — шёпотом проговорила я. Питер уселся на край кровати, ловя мой отрешенный взгляд.

— За что ты просишь прощение? — Его лицо побледнело, и я сглотнула.

— Возишься со мной тут, как с маленьким ребёнком.

— Тебе не за что извиняться. Это даже весело. Так что не надо, — он усмехнулся, дернув уголком губ.

— Весело? — Брови вздернулись вверх. — Значит тебе весело? — прищурил глаза, спрашиваю. Питер смеется и встает.

— Ладно, попробуй заснуть. — Он снова становится серьёзным и вся беззаботность и ребячество стираются с его лица.

На улице до сих пор сплошная темень. После дождя стало холодно и брезгливо; вода теперь стекает по ржавым трубам, деревья в лесу шумно шелестят, и кажется, что сейчас проснется весь город.

— Ладно, попробую, — вздохнула я. — И... Питер? — Парень останавливается возле открытой настежь двери.

— Да?

— Спасибо тебе, — мой голос уже сонный и вялый. Он ухмыляется.

— Спи.

Дверь захлопывается, и я уплываю в сон. Мне снилась поляна, усыпанная розами и ромашками. Атмосфера в воздухе тёплая и приятная. Я стою посередине поляны и осматриваю каждое дерево. На конце травы сидела роса и поблескивала на солнце, как стрекоза. Не прошло и полминуты, как из чащи вышло совсем ещё крохотное животное. Оно приближалось к поляне тихо и практически незаметно. Силуэт становился всё больше и страшнее. От этого я попятилась назад и, быстро укрывшись за кустами, наблюдаю за существом.

На деле существо оказалось безобидным. Оно было похоже на маленького щенка. Чёрный и со светящимися, в виде пуговиц на рубашках, глазами. Неожиданно Существо заскулило, всё затряслось и упало на траву. Я выбежала из кустов напрямик к нему, падая на колени, поднимаю его — или кто бы он ни был на самом деле — на руки. Зверек заскулил ещё сильнее. Я встала на ноги и пошла к лесу, хотела отнести его подальше отсюда, но ко мне подошёл какой-то незнакомец, жадно схватил меня за локоть, бросил на землю и вырвал у меня существо из рук, пристально глядя в глаза. От незнакомца сочилась волна чистого гнева.

— Этот зверь не то, что ты думаешь! Убегай отсюда, пока ещё жива! — рявкнул Незнакомец в лицо и убежал вместе с маленьким Существом в никуда.

Я резко открываю глаза. Обстановка незнакома. Передо мной распахнуты широкие двери. Снаружи дует легкий, свежий ветерок, колышутся деревья так, будто танцуют. Я снова закрыла глаза, отдаваясь ветру. Ветерок был приятным и пробуждающим.

Но тут же открываю веки, когда до меня доходит, что на самом деле нахожусь вне дома. Мозг ещё только пробуждался, пока я искала выход. Стены, широкие двери, на стене, возле кровати, висят чьи-то плакаты и фотографии... А я сижу на чужой кровати. Высокие мягкие подушки, кофейного цвета одеяло, которым я была укрыта всю ночь... Однако, предчувствуя нечто вроде опасности, ответ появился через минуту.

Надо выбирать.

Я потихоньку встаю на ноги, чуть качаюсь, подхожу к двери и тихо открываю, осматривая обстановку. Ступив на ламинат, тихо, на цыпочках, прохожу по лестнице. На глаза попадает Питер, когда спускаюсь вниз. Он сидит на диване, весь погружённый в передачу ВВС. Видимо, услышав мои шаги, он встаёт и идёт ко мне.

— Доброе утро, соня! — Он улыбнулся.

— Доброе... — Я осеклась, щурясь от яркого света.

— Выспалась?

— Ага, — ответила я, но протяжный зев выдал меня. Питер рассмеялся, подтолкнул вперед, качая головой.

— Пошли завтракать.

Он прошёл по всей гостиной и завернул на кухню, ведя меня следом. Лампочки на потолке шли змейкой, освещая всю комнату. Столешница тоже, как и в гостиной, журнальный стол чёрного лакового цвета, а возле него стояли барные стулья.

За окном светлело. Солнце пробивалось через густые тучи. Прохладный ветерок проходил по ногам, а лучи солнца, пробивающиеся через тучи, падали на пол и на середину обеденного стола.

Питер был в белой майке и рубашке, горчичного цвета джинсы, а на ногах не было даже домашних тапочек. Питер прошёл по кухне, отодвинул высокий стул и вежливо окинул его рукой.

— Присаживайся.

Когда я уселась, он придвинул меня ближе к столу и приземлился напротив.

— Приятного аппетита, — выговорил он, широко улыбнувшись. Голова всё ещё болела и чуть кружилась, но я улыбнулась и мы принялись заполнять пустые желудки.

— Нравится? — спросил Питер, склоняя голову.

— Всё бы отдала за добавку.

Питер улыбнулся ещё шире.

— Учтём.

— Откуда ты научился так готовить?

— Мама научила, — сказал Питер, пережёвывая пищу.

— А где твой брат? — спросила я, вспомнив про Кевина.

— Он уехал к отцу. — Я улыбнулась в смятении. Мне не хотелось лезть в чужие дела, но безопасность была превыше всего.

— А твой папа где?

Его плечи напряглись, но виду парень не подал.

— Они с мамой сейчас в поиске этих собаках, — сказал сквозь зубы Питер. Я поперхнулась соком.

— Собаки? — переспросила я, хмуря брови. Питер усмехнулся.

— Собаки — это волки. Просто я и их так называю. Всё

равно же четвероногие

что те, что эти.

— Почему же?

Питер нахмурил брови, минуту помолчав. — Давай скажем так: мне они не особо нравятся. — Он грозно указал на тарелку. — Ешь, а то остынет.

— Твои родители узнали что-нибудь о них?

— Ммм, немного. Только то, что они живут в лесах, охотятся на животных. Некоторые бывают настолько опасными для людей, что... В основном одни банальности, Кер. — оповестил Питер и отпил ещё сока. Ему явно не хотелось об этом говорить.

Когда мы всё съели, я встала из-за стола и положила свою тарелку в раковину.

— Ты приготовил, я убираю.

Он кивнул, одарил меня кривой улыбкой и встал из-за стола. Я быстро помыла посуду, протёрла и положила в шкаф.

— Сколько время? — крикнула я в сторону. Паника, что меня ищут, до сих пор росла внутри меня.

— Почти обед, а что такое? — спрашивает Питер, сидя на диване в гостиной.

Закончив с мытьём посуды на кухне, я прохожу вдоль стены к лестнице, чтобы забрать вещи.

— Ничего особенного, — кинула я.

Прохожу ещё пол дороги, но ноги становятся ватными. Я покачиваюсь сильнее и чуть ли не падаю, но, к счастью, если бы не опора под руками, я точно бы упала.

— Керри! — откуда не возьмись возле меня оказывается Питер, хватая мёртвой хваткой.

— Что с тобой? Ты какая-то бледная. Опять нехорошо? — В его глазах была заметна

паника и не скрываемый ужас, смешанный с беспокойством.

— Я в порядке, — говорю, держа руку на лбу. — Просто голова закружилась. Наверное, ещё не проснулась.

Питер смотрит с беспокойством, но все ещё не отпускает. Он выдыхает и в скором времени кивает.

— Пошли, умоешься, и я отвезу тебя домой, — проговорил он, делая маленькие шажки.

Мы опять поднялись по стеклянной лестнице, дошли до двери и вошли в ванную. Питер посадил меня на крышку туалета и включил воду в раковине, затем поднял меня и подвёл к ней, будто маленького ребенка.

— Питер, я справлюсь и сама! — сказала я резко, чем хотела на самом деле, отходя в сторону.

— Ладно. — Парень выдвигает руки вперед, но всё ещё не отходит.

Он садится на крышку туалета и смотрит за мной. Я не стала его гнать, поэтому просто решаю не обращать внимания.

Наконец вода помогла мне, и я проснулась окончательно. В голову лезли непрошенные обрывки воспоминаний, а точнее, как я упала, ударяясь о ветку. После этого голова загудела ещё сильнее. Питер подал мне махровое полотенце, я вытерлась, и парень молча повёл меня в другую сторону. Мы поднялись в его комнату, и только после этого он меня выпустил.

— Сейчас я переоденусь и отвезу тебя домой, — выговорил он.

Комнату освещал утренний свет из окон, и дул прохладный ветерок. Кстати, а где моя одежда? Я помню, что Питер её забирал.

— Питер, а где моя одежда? — интересуюсь, потому что мне бы не хотелось объяснять маме, как я попала в такую ситуацию и почему на мне мужская футболка. Питер открыл свой комод, сделав задумчивое лицо.

— Загляни в ванную. Она должна быть там, — кинул он, несмотря на меня.

Оказавшись перед ванной комнатой, вытягиваю руку и открываю дверь. Это комната отличалась от остальных: кафельный пол, большая душевая кабинка, две раковины и большое широкое зеркало на всю стену — всё, казалось, сделано для людей с золотой кровью в жилах, а не для обычных горожан.

Я прохожу до стиральной машины, открываю крышку — там оказывается пусто. Открываю сушилку — ничего. Краем глаза смотрю в зеркало и нахожу батарею, схожую с настоящей змёй. Там и висела моя одежда.

* * *

— О, ты уже так быстро успела одеться? — удивлённо спрашивает Питер, замечая меня в проёме двери. На нём вязаный свитер и джинсы с карманами.

— Да. Я не из тех девушек, которые убивают целый час, чтобы наклепать на лицо тонну косметики, — усмехнулась я. Он краснеет, чешет в смятении затылок, прочищая горло.

— Что ж, тогда мы приедем вовремя.

Спустившись вниз по лестнице и взяв с собой ключи, Питер галантно открывает мне дверь, выпуская наружу. Оказавшись на улице, он махает мне рукой и я следую за ним, пока оба не скрываемся в темноте.

— Разве мы не пойдём пешком? — спросила я.

Питер открыл большие ворота на задней стороне дома, и зашёл внутрь. Флуоресцентные лампочки зажглись по очереди; помещение оказывается чересчур стерильным, а белый цвет ослепляет. Лампочка загорелась и осветила комнату. Здесь стояло несколько дорогих машин в один ряд, как солдаты, ожидавшие приказа командира.

— Нет. Мы поедem на машине. — Питер лучезарно улыбается. Он прошёл к самой последней машине чёрного цвета. — Так быстрее. Садись.

Я прошла к машине на пассажирское сиденье и нырнула внутрь. Питер зажёг зажигание и машина тут же завелась. Выехав из гаража и проехав аллею, мы оказались на шоссе. После дождя на улице прохладно, туман стал гуще, что даже дорогу не было видно.

— Да-а, дождь поработал на славу... — протянула я, сильно нервничая, хотя не зная, из-за чего точно. Похоже, страх оказаться дома и снова вернуться к старым привычкам овладевал мною, как туман на улице.

— Это точно. Смотри, как все люди, подобно крысам, спрятались в своих норах, — подхватил Питер и надавил на педаль газа так, что машина рванула с места, когда светофор окрасился зелёным. Мои внутренности все сжались, позвоночник прижался к спинке кресла и весь кислород куда-то испарился.

— Питер! — взвизгнула я. Он рассмеялся, и я ударила его в плечо.

— Это не смешно! — Я на всякий случай пристегнулась, бросая предупреждающий взгляд на него. Он осёкся и его плечи напряглись.

— Ладно, Керри, ладно. — Питер сбавил скорость до минимума. Он усмехнулся и вырулил на главную полосу. — Не умеешь ты веселиться, — заметил он. В ответ только фыркаю. Я не умею веселиться? Он меня не знает, чтобы судить. Он мне не отец.

Уткнувшись в окно, я наблюдала за окружающими, которых итак почти не было на улице. Все сидели дома, нежившись в одеялках или попевая крепкий чай. На улице пусто, и только деревья качаются из стороны в сторону. Машина остановилась на светофоре, когда на меня подул тёплый ветер. Повернувшись, я замечаю, что Питер включил печку. Так гораздо приятнее и теплее.

— Спасибо, — промямлила я. Он пожал плечами; уголки его губ всё ещё тянулись вверх.

— Покажешь дорогу? — спросил Питер.

— Да.

Машина тронулась с места, когда светофор дал добро.

— Здесь направо, — я указываю в сторону заброшенной больницы. Мы проезжаем ещё один светофор.

— Здесь прямо и налево.

Питер так и сделал, кивая головой и осторожно заворачивая на крутом повороте. Завернув налево, наконец показался мой дом. Питер остановил машину и заглушил мотор. Мы сидели внутри, упиваясь теплом и тишиной. Покой прерывало лишь наше дыхание. Я

открываю дверь машины, первая выходя из игры.

— Спасибо, Питер, что разрешил остаться.

— Не стоит. Всегда рад помочь, — улыбнулся он.

— Конечно, — улыбнувшись в ответ, я вышла из машины. Захлопнув дверь и отойдя на несколько шагов, Питер тронулся и уехал прочь. А я, как дура, смотрела вслед, пока он не исчез в тумане.

* * *

Сняв с себя кофту, я повесила её на вешалку, разулась и прошла на кухню. В животе урчит, хоть и ела пятнадцать минут назад. Выудив из холодильника вчерашний ужин, ставлю разогреваться. Расхаживая по дому, в ожидании полной готовности позднего ужина, замечаю какие-то бумаги на журнальном столе в гостиной.

По столу разбросаны объявления в хаотичном порядке, тоннами покоившиеся друг на друге; каждый листок как будто кричит и изнывает от безысходности. Они пропитаны бессонными ночами моей матери, которая не находила места в поиске своей дочери. Я уверена.

Она даже шла на крайние меры, предлагая довольно не скромную сумму для чужих, кто найдет меня. Господи, Мама! Мне срочно нужно ей позвонить и сообщить, что я жива.

Стремглав подбегаю к телефону, трясущимися пальцами набираю номер мамы по памяти и жду, пока в трубке не закончатся гудки

и я не услышу её

голос. После третьего гудка в трубке, наконец, ответили.

— Алло? — Голос у мамы подавлен и усталый. Она всхлипывает, но всё ещё держит себя в руках.

— Мама? — пропищала я. Она вскрикнула в трубку и послышались её удушающие рыдания, терзавшие сердце.

— Мама, это я, Керри. — У самой на глаза поступают слёзы, застилая взор. Но я пытаюсь сдержать их. Мне надо оставаться сильной. По крайней мере до прихода матери.

— Керри, девочка моя! Где ты? Ты дома? Где ты была? Как ты? С тобой всё хорошо? — не унималась женщина, временами всхлипывая. Я вздохнула, успокаивая и себя, и её.

— Мама, со мной всё в порядке. Я дома.

— Оставайся там, Керри, я уже выезжаю! — В трубке послышались другие голоса: мужские и более грубые.

— Женщина, распишитесь здесь... Как выглядит ваша дочь?

Мама резко оттянула трубку от уха, видимо приложив ладонью телефон, но я по-прежнему всё слышала.

— Моя дочь нашлась сама и без вашей помощи! От вас всё равно ничего не дождёшься, — рявкнула она мужчинам, захлопнула телефон, оставив меня наедине с гудками.

Мама резко оттянула трубку от уха, видимо приложив ладонью телефон, но я по-прежнему все слышала.

— Моя дочь нашлась сама и без вашей помощи! От вас все равно ничего не дождёшься, — рявкнула она мужчинам, захлопнула телефон, оставив меня наедине с гудками.

Оказывается, пока я была, так скажем, в гостях у Сэма с Уиллом, а потом ещё пролежала у Питера, мама не находила здесь места. Что бы было, если бы она меня так и не

нашла? Если я так и не объявилась сама? А если бы она написала заявление в полицию, то какие бы последствия потом были? Из беспокойных мыслей, тянущих меня в пучину ужаса, выдернул писк микроволновой печи.

Я сидела в гостиной, держа в руках стакан горячего чая. Еда не хотела входить в меня, и поэтому я спрятала её обратно в холодильник.

Пробую включить телевизор, чтобы хоть как-то разбавить эту гробовую тишину, хотя делаю громкость до минимума. Хотя, что говорилось по экрану, я так не разобрала. В голове было одно: мама бежит по городу, расклеивая объявления о помощи найти свою дочь. Делаю глотки горячего напитка, пока входная дверь в коридоре не открывается и я не слышу мамин осипший голос.

— Керри! — Я оставляю свой стакан на журнальном столике и бегу в коридор.

— Я здесь.

Выхожу навстречу ей, но только успеваю заметить её, как мама бросается на меня и стискивает в объятиях.

— Керри, дорогая моя, где ты пропадала? — В её глазах читается ужас; лицо истерзано мукой. Щёки покрылись красными пятнами, в уголках глаз застыли слезы. Она бежит обеспокоенным взглядом по моему лицу, осторожно осматривая и не смея дотронуться.

— Я...

А что я в действительности могу рассказать? Как я, гуляя, увидела то, что не должна была увидеть? Упала и потеряла сознание? Как лежала в незнакомом мне доме, а потом проспала у Питера? Как я могла рассказать ей такое? Пришлось придумывать новую историю со счастливым концом.

— Я была у Мэгги. Пошла к ней в гости и заночевала, а зарядка на телефоне села и я не успела тебя предупредить. — Я прильнула к её груди, шмыгая носом. — Прости, что не сказала.

Мама мягко обхватила меня за плечи, вытягивая на расстояние вытянутой руки.

— У Мэгги? Это твоя подруга, верно? — Я кивнула и попыталась улыбнуться.

— Мы учимся в одном классе.

— Ты мне не говорила про неё. — Она нахмурилась. — Да ты вообще мне про школу не говоришь ни слова, Кэролайн, — стонет мама, и я замечаю, как между её бровей пролегает глубокая морщинка. Она появлялась, когда она была чем-то недовольна. Например, как сейчас.

— Вся в отца.

Она слабо улыбается и проходит на кухню. Я следую за ней, усаживаясь на стул. Мама заваривает себе чай и разогревает еду, черпая лопаткой перед собой. Она молча передвигается, томно вздыхая.

— Керри, посидишь дома, пока всё не успокоится, — твердо сказала мама, не оборачиваясь.

Её волнистые, орехового цвета волосы прыгали, как пружины, когда она двигалась по кухне. За её спиной всё шипело, а запах стоял зверски манящим, привлекая меня, как голодную кошку. Всё тело напрягается и я готовлюсь отстаивать права.

— Почему?

— Ради твоей безопасности, конечно же! — повысив голос, выговорила она. Мама медленно оборачивается, указывая лопаткой на меня.

— Ты же знаешь, какая сейчас ситуация в городе. Из дома никуда не выходи. Только в

школу и обратно. Поняла?

Это не справедливо. Я вернулась. Я дома. Какие доказательства ещё нужны, чтобы она поняла, что со мной всё нормально? Однако проглатываю ком в горле и киваю.

— Поняла, — проямлила я сухо, в упор смотря на середину стола. Мама усаживается напротив меня, убирая лопатку в сторону. Затем протягивает руку к моей и сильно сжимает.

— Керри, милая, пойми, ты — всё, что у меня есть. — Её глаза блестят. Она кивнула, смотря в никуда. Телом находилась со мной, но душой была где-то, казалось, в другом мире. — После того, как твой отец умер, я не знала, куда себя деть. Я не хочу, чтобы и с тобой что-то случилось.

С её щеки скатывается слеза, но она успевает смахнуть её свободной рукой. Уголки губ изогнулись в полуулыбке, я обхватываю её руку и наклоняюсь.

— Мам, мне тоже его не хватает. Если тебе будет спокойнее, то хорошо, я буду себя беречь.

Мама одаривает меня своей лучезарной улыбкой. Она выпрямилась и подошла к сковороде.

— Будешь кушать?

— Да, конечно.

Мама всегда — после темы о смерти отца — сменяла тему, потому что не особо хотела ворошить прошлое. Да и я не испытывала огромного желания заглядывать туда. Слова отца отпечатались в моей голове, как клеймо, оставленное раскалённым железом. В последний день он будто знал, что скоро окажется по другую сторону этого мира. И он всё время твердил мне перед

сном:

— Я буду тебя любить несмотря ни на что. Выше неба.

А я вечно ему отвечала, улыбаясь насколько было возможно:

— Выше неба невозможно. Только если смерть не заберет одного из нас. — Он сипло посмеялся надо мной и склонил голову, крепко целуя в лоб.

— Моя мудрая кроха, любовь — вечна. И даже после смерти я по-прежнему буду любить и жить с тобой. — Затем он погладил меня возле бьющегося сердечка.

— Вот здесь.

Если бы не эта авария, то сейчас бы мы по-прежнему жили счастлива и навсегда. А главное — вместе. Но, видимо, жизни я не нравлюсь, поэтому она и отыгрывается на мне, как хочет.

Долго я не задержалась в ванной и спустилась к маме. Мой живот забурчал, требуя, чтобы его накормили.

— Керри, кушать! — позвала меня мама снизу. Мы вместе накрыли на стол и уселись на места.

Я намотала на вилку макароны и блаженно втянула аромат.

— Очень вкусно, — шепчу я.

— Конечно. Своё всегда вкусно, — усмехается мама, и я улыбаюсь в ответ. Мама быстро сменяется в лице и хмуро указывает на меня вилкой.

— Керри, я думаю, мы с тобой договорились? — прищурился глаза, спрашивает она. Я вздыхаю, вежливо улыбаюсь.

— Конечно. — Я чувствую, как меня запихнули в клетку, закрывая, подобно птице, на замок.

* * *

— Расскажешь мне про школу? — вдруг спросила мама. Мы сидели в гостиной. Она смотрела новости по ВВС, и я тут же вспомнила Питера. Её вопрос меня застал врасплох, и я чуть покраснела.

— Что рассказать? Там ничего интересного...

— Ничего? А кто тогда эта Мэгги? — Я расслабилась, облегченно вздохнув.

— О, она потрясающая; её заводной характер просто заразителен! — Я смеюсь. — Мы всегда болтаем. Точнее она меня постоянно с кем-то знакомит. Даже на днях к нам перешли новенькие в класс из другого города...

— Новенькие? — переспросила мама, моргая глазами, и боком смотря новости.

— Дженни, Уилл и Саймон, — перечисляю, загибая пальцы.

— Новенькие — это всегда весело. Новые друзья, новые знакомства, — улыбнулась мама, подмигивая. — Ты уже из них с кем-нибудь познакомилась? — Она вздёргивает тонкую бровь. Я пожимаю плечами, переводя взгляд на передачу.

— С парнями не особо, а с девушкой — Дженни — да. Она милая и в одно время что-то в ней такое есть, что отпугивает. И... — Тут в дверь позвонили, перебивая меня.

Мы обе оборачиваемся через плечо, и всё нутро кричит: не открывай! Но мама вздыхает и махает рукой в воздух.

— Глянь, кто там. — Она переключила на какой-то мексиканский сериал, прибавляя громкость.

— Здравствуйте, здесь живёт Керри Скилеф?

На крыльце стоял высокий парень. Его голос будничный и бесстрастный. На нём висит козырёк, лёгкая куртка и высокие лаковые ботинки. Он жевал жвачку, всё время пробуя надуть пузырь. Однако пузырь быстро лопался и от этого парень супился. Он держал большую коричневую коробку с безымянным отправителем.

— Да, здесь, — лепечу я. Интересно, от кого это? Паренек протягивает мне посылку, делая шаг вперед.

— Тогда это вам.

Я принимаю коробку и откладываю на ближайший маленький столик возле двери. Почтальон протягивает мне бумагу и снова начинает надувать пузырь.

— Распишитесь здесь, — он указал на галочку.

Я беру у него ручку и быстро чиркаю подпись. Он кивает и убегает на другую сторону переулка. Я закрываю дверь, беру таинственную посылку и возвращаюсь в гостиную, где мама спиной ко мне уже вздыхала и разговаривала с телевизором.

— Дорогая, кто это был? — спрашивает она, оборачиваясь в мою сторону. Я ставлю на журнальный столик коробку, тяжело дыша.

— Кто-то прислал мне подарок. А что самое интересное — ни адреса, ни получателя нет.

Мама встрепелулась, включила свет лампы возле себя, продвигаясь ближе к посылке. Она изучала каждый угол и сторону, но ничего не обнаружила.

— Так чего ты ждёшь? Открой и узнаешь, что внутри.

Я начинаю раскрывать её, скребя ногтем коричневую бумагу. После нескольких минут мне всё-таки удаётся открыть картонку. Но внутри лежала ещё одна коробка. На этот раз сделанная из бумаги.

— Ну, что там? — спрашивает мама, выглядывая из угла открытой коробки. Дрожащими руками открываю коробку, облачённую в фиолетовую бархатную ткань. В ней оказывается ещё одна коробка, но меньше и серого цвета, обмотанная белой лентой.

— Странно, но я ничего и никому не отправляла... — шепчу я в сомнениях, перебирая в голове предыдущие недели. Может, что-то путаю?

— Может, это подарок... — отзывается мама, постукивая длинным ногтем по подбородку. — От кого то?

Я качаю головой, еле слыша её голос.

— Не думаю.

Она хмуро вглядывается в раскрытые коробки.

— Тогда от кого же? — Женщина скрещивает руки на груди и встает с дивана, подходя сзади меня.

— Не знаю. — Я резко закрываю серую коробочку, затем всё прячу и склеиваю подарок коричневым скотчем. — Но очень хочу об этом узнать.

Мама зевает и улыбается, сонно собирая волосы в хвост.

— Я думаю, ты найдешь тайного воздыхателя, дорогая. — Она нежно обхватила моё лицо руками и поцеловала в лоб. — Спокойной ночи, кроха. Только не засиживайся, завтра тебе рано в школу. — Я киваю, подавляя зевок.

Пока мама мирно спала в своей спальне, я успела опустошить две кружки крепкого кофе, по-прежнему размышляя про этот, так называемый, подарок. От кого он? Зачем его прислали мне? Но я была уже слишком усталой, чтобы углубляться и выяснять. Хватит на сегодня приключений.

Проснулась я снова от звона дешёвого будильника. Поморщилась, стуча по прикроватной тумбочке.

— Чёрт, где же он? — твержу, все ещё прибывая во сне. Будильник умолкает, когда всё-таки нахожу его и несколько раз стучу кулаком. Разбитая, встаю и закрытыми глазами бреду в ванную.

В доме тихо, а на часах без десяти семь. Значит, мамы уже дома нет. Зайдя в ванную, смотрю в зеркало, разглядывая себя.

— Доброе утро, — бормочу самой себе. Ну вот, докатилась — разговариваю сама с собой.

Зайдя в школьное, серое учреждение, я бегом врываюсь в кабинет химии и сажусь за парту. Пока все заполняли свои места, усаживаясь поудобнее, я прошу сердце умерить ритм.

— Привет, ты перед школой решила пробежать марафон? — усмехается Питер.

— И тебе доброе утро, — фыркаю в ответ парню. — Я всего лишь опоздала на школьный автобус.

На Питере серый пуловер, джинсы синего цвета, а на бедрах висит хлопковая рубашка, связанная узлом снизу.

Когда окончательно прихожу в себя, достаю учебник и пытаюсь углубиться целиком в новую тему. Прошли выходные, а школа так и не изменилась. В кабинете химии всё так же мрачно и навевает страх. Лишь свет проникает через полуоткрытые жалюзи, падая на парты с приборами для наблюдений.

— Здравствуйте, вы можете не вставать. Давайте сразу начнём урок.

Учитель заметно волновался, но лицо было холодным и суровым. Впрочем, как всегда.

Волнение виднелось в его движениях и даже речи. Интересно, что с ним сегодня такое? Одежда, накинутая явно в спешке, говорила о том, что он, видимо, встал сегодня не с той ноги. Пятно на штанине виделось даже отсюда. Он вечно пыхтел над бумагами и растерянно что-то искал.

— Эй, — Питер подзывает меня, прикасаясь к руке. Я резко поворачиваюсь к нему, удивляясь холоду от его ладони.

— Как отреагировала твоя мама, когда ты пришла домой? — В его голосе слышится больше любопытства, чем тревога за меня.

— Теперь хожу из дома в школу и обратно, — говорю будничным тоном, пожав одним плечом. Он скривился и сочувственно похлопал меня по руке.

— Проведем небольшой тест! — объявляет учитель, шелестя бумагами перед нами. Его оскал ожесточился, в глазах вспыхнул огонь. Мы округлили глазенки, весь класс издал недовольный возглас.

— Дерьмо, — шепнул Питер. Только непонятно: себе, мне, от того, что я сказала ему, или предстоящему тесту?

Учитель берет стопку маленьких листиков, на которых были написаны варианты, и раздает каждому на парту.

— Десять вариантов на класс, по три задания каждому. Вам на всё про всё тридцать минут. Удачи. Всё в ваших руках. Начинайте!

Мужчина легко улыбнулся, но улыбка сразу исчезла с его лица, и он вернулся к столу.

— Ты что-нибудь знаешь? — с надеждой в голосе спрашиваю соседа по парте. Питер неуверенно кивает, пожимая плечами.

— Будем опираться на интуицию, — оповещает он.

Начался тест, и я, взяв ручку, начала читать первый вопрос. Надо было выбрать один вариант из четырех. Но я ничего не знала.

— Питер, — шепчу я.

— Что? — Он переводит глаза с бумаги на меня.

— Поможешь? — Я виновато улыбаюсь, ручкой указывая на иероглифы в моей работе.

Питер усмехнулся, закинул свою ручку за ухо. Забрав мою работу к себе, он быстро начинает бегать глазами по тексту.

— Керри, смотри! — Питер указывает на какую-то реакцию.

— Это сероводород. Он состоит из серы и водорода. Видишь? — Он обвел его в кружок ручкой.

— А это, — он показал на вторую реакцию, — Реакция "Бородино" — Питер перевел на меня озадаченный взгляд.

— Ты понимаешь? — Я быстро кивнула головой.

— Хорошо. — Он тихо посмеялся, — Хотя, лучше я тебе здесь напишу её разложение...

Через пару мгновений он отдает мне тетрадь.

— Спасибо.

Парень кивает, откидываясь на спинку стула. Щеки запылали, когда я глянула на листок в руках. Питер хмыкнул, крутя ручку перед собой.

— Я ни черта не понимаю в этой химии, если честно, — лепечу себе под нос. Он уставился на меня; ручка в его руках замирает в воздухе. Он медленно оглядывает меня, затем улыбается краешком губ.

— Хочешь, я тебе помогу с ней?

— Я была бы очень признательна, — закатив глаза, складываю руки вместе. Я была готова расцеловать этого парня. Он сдержанно улыбается, возвращаясь к своей работе.

Сомнения по поводу друг ли он мне по-прежнему посещали меня. Почему он так легко решил помочь — я не знала, а вот мой внутренний голос твердил: "Ты никчёмна и не понимаешь ничего в химии, поэтому он тебе и решил помочь, дурёха!"

— Сдаем тетради, время вышло! — выводит вердикт мужчина с пятном на штанах.

Студенты занимали свои места, шумно беседуя между собой. Запахи веселья, предвкушение от наступающей зимы стояли в стенах школы, как птицы, заточённые в одной клетке. В столовой было не пропихнуться: кто сидел на столе и разглагольствовал на всю столовую, кто-то читал, кто-то просто сидел и ел, молча наблюдая за окружающими. Я замечаю в окне, как танцуют желтые листья.

— Смотри, какой симпатичный парень смотрит на тебя, — шепчет Мэгги, кивая на ничем не повинного паренька. Я озираюсь по сторонам, отвлекаясь.

— Что? На меня?

Когда наши глаза встретились, он усмехнулся, но не отвернулся. Каштановые, слегка приглаженные локоны с челкой на лице смотрелись на нем нелепо, а сам парень был одет в серый кардиган и потертые джинсы, которые были для него слишком малы, хоть и подчеркивали каждый мускул.

— Керри, что ты делаешь? Так ты испортишь мою систему! — вопит она, стуча по столу. Я обернулась к подруге, сомнительно улыбаясь.

— Что еще за система? — Она склоняет голову, сощуривая глаза.

— Как "подцепить" парня глазами. — Мэгги улыбнулась и похлопала своими накрашенными глазками. Я рассмеялась, а та сразу насупилась.

— И как же работает эта система, скажи мне?

Она хищно улыбнулась, поглаживая руки, будто придумала грандиозный план.

— Смотри и запоминай.

Мэгги поудобнее усаживается на своем стуле и начинает смотреть на Брюнета в упор, не моргая. Я наблюдаю за этим, совсем не дыша. Было забавно, но с другой стороны и жалко Брюнета. Он сидел и смотрел на мою подругу, не издавая ни одного звука.

Кажется, он понял правила игры. Через минуту парень все-таки заерзал на своем стуле, а потом встал; стул отскочил назад с грохотом. Натянув кепку на глаза, он выбежал из столовой весь смущенный. Мы закатились смехом. Победительница протягивает мне руку в воздух в порыве смеха.

— Дай пять! Вот это я и называю "подцепить" парня глазами.

— Жалко парня. Он так быстро убежал. Видимо, мы его уже никогда не увидим... — Я вздохнула, прислоняясь щекой к руке. — Буду по нему скучать, — иронично твержу. Мэгги рассмеялась, поглаживая в одобрении мое плечо.

— Не жалея людей — они этого не достойны. — Девушка смахивает золотистые локоны за спину и смотрит на дверь, из которой только что выбежал Брюнет.

— А насчет него... Хмм, я думаю, мы его ещё увидим.

После уроков, проходя мимо несуразного, не сразу замеченного многими людьми, магазина, решаюсь зайти. Он похож на старый двухэтажный замок: возле двери стояли книжные высокие полки, на витринах старинные книги в старой обложке.

— Я вам могу чем-нибудь помочь? — Раздается приятный женский голос. Женщина проходит ко мне, не спеша, будто не хочет испортить тишину, которая царит в милом на вид, маленьком магазинчике.

— Эмм... У вас есть книга? — Она улыбнулась шире, показывая статус хозяйки.

— Конечно. Это же книжный магазин, леди! — Хозяйка прошла к стойке, касаясь пальцами стремянки.

— Какая Вам нужна?

— Что-нибудь... — Я совсем теряюсь среди многочисленных книг, каждая из которых хранит собственные секреты.

— Можете на свой вкус? — предлагаю, нервно хихикая. Я подошла ближе, подтягивая рюкзак на плече.

Обстановка напоминала мне фильм о мальчике, который выжил — Гарри Поттере.

Магазин был точно такой же, как и в фильме. Я представила, что стою и жду, пока мне старый продавец вынесет ту самую волшебную палочку, и потом я отправлюсь в Хогвартс, бороться со злом. Однако вместо старика вышла женщина и в руках держала тонкую книжку, переплетённую в твёрдую обложку, вместо волшебной палочки.

— Уверена, она тебе понравится, — сказала она и протянула книгу. Я улыбнулась, забирая книгу и осматривая покупку.

— По правде говоря, я зашла сюда ради любопытства. Посмотреть, что тут... Но незаметно полюбопытствовать, как оказалось, не получилось.

— Любопытство не порок. — Женщина улыбнулась, заведя руку за голову, чтобы убрать книгу. Я пошарила в карманах джинс в поисках денег, но достала только несчастную мелочь.

— Это всё, что у меня есть, — я протянула ей купюру. Женщина глянула на скомканные бумажки в моей руке и кивнула.

— Этого вполне хватит, милая, — произнесла она, затем отдала сдачу с улыбкой на лице и звонко напела:

— Мой магазинчик всегда рад тебе! — Она вскидывает руки в стороны. Её щёки запылали, и я рассмеялась.

— Спасибо. До свиданья! — кричу, выходя из магазина.

Я проходила по тихим пустым улицам. Ветер дул в спину и мои волосы развивались в разные стороны. Коричневые локоны путались, и пришлось надеть капюшон на голову, чтобы они не лезли в глаза. Счастливая, что приобрела книжку за бесценок, держу её как сокровище, найденное в земле.

Ветер бушевал, теребя ветки деревьев, когда я становилась ближе к дому.

Снаружи он выглядел как белая ворона среди тумана. Весь окрашен в белоснежный цвет, с черной крышей сверху. Широкие черные ступеньки, за ними прямоугольной формы крыльцо, обставленное древесиной.

Я прошла нашу почту, на которой был написан адрес дома и две запечатлевшие руки — моя и мамина. Одна сиреневого цвета, другая — оранжевого. В одну секунду вспомнился

наш переезд сюда. Как будто это было только вчера, и всего этого ужаса еще не произошло...

* * *

— Дорогая, такси скоро будет. Поторопись!

Мама спешила из-за скорого вылета самолёта в Сиэтл, а мы ещё здесь — в пустынном Техасе, ослепленном жарким солнцем.

— Иду, мам! — вскрикнула я, быстро спускаясь и неся за собой чемодан с вещами, давая ему бежать за мной вдогонку.

— Кэролайн, за тобой только смерть посылать! — возмущалась мать, стоя возле двери и топая ногой от нетерпения.

Она была облачена в чёрный плащ с большими пуговицами, из него выглядывала белая ситцевая блузка. На голове черная элегантная шляпа, скрывающая морщинки на лбу женщины.

— Мам, куда ты так нарядилась? — поинтересовалась я. Она вздергивает подбородок вверх, поправляя шляпу.

— В любой жизненной ситуации надо держаться уверенно и быть всегда на высоте, понимаешь? — Она осмотрела мой неброский прикид: толстовку и мешковатые джинсы, пучок на голове — непослушные волосы выбивались из резинки — и мои детские кеды.

— Время — деньги, Керри, — Она открыла входную дверь. Оттуда вышел лучик света, пронзая наш ковер до дыр. — Пришла пора начать новую жизнь, кроха.

Такси желтого цвета стояло на обочине. Мы запрыгнули внутрь кожаного салона и мама сразу отдала приказ:

— Здравствуйте, нам в аэропорт, пожалуйста.

Таксист с короткими темными волосами, одетый в дешевую куртку, газанул, и машина тронулась с места.

Я обвела наш дом в последний раз прощальным взглядом. Он был высоким и светлым. Лестница с перилами поднималась на крыльцо, к полукруглой двери, вокруг осыпанной мамиными розами. Я представила, что с ним будет через лет двадцать, ведь здесь никто не будет жить до тех пор, пока не придет время его сдать новой счастливой семье, но кроме разрушенного здания ничего не приходило в голову.

С дома уже успеет слезть краска, розы увянут и потухнут, окончательно потеряв свой насыщенный красный цвет. Окна так и останутся темными и пустыми, как и весь дом. Я буду по нему скучать. Может когда-нибудь и забуду... Но пока он в моем сердце. Как и отец.

Дом опустел. Стал одиноким. В окнах уже погас тот огонёк, что был раньше. Теперь его нет. Он пустой и обычный, как и все рядом стоящие, похожие на друг друга, дома.

Потерялся смысл снова сюда возвращаться. Сюда больше не тянет.

Дорога утомляла. Я, смотрев в окно, засыпала на ходу. Погода снаружи портилась с каждой секундой: тучи сгущались и становились темнее. Капля упала на окно и скатилась вниз. Вид снаружи размывался и становился одной большой полосой.

Техас — город небольшой, но очень дружелюбный. Теперь я уезжаю, и мне будет не хватать моих друзей, папы, школы, в которой я училась, и атмосферы, в которой я родилась. Теперь мне придётся учиться в новой школе. Интересно, меня там примут такую?

Мы проезжали старое кафе, в котором постоянно засиживались вместе с родителями.

Кафе было невысоким, широким и с маленькими окошками. Оттуда всегда исходил манящий запах разнообразной выпечки. Это было наше маленькое убежище. От этой мысли улыбаюсь, потихоньку засыпая.

Машина остановилась возле большого, высокостоящего стеклянного здания. Я открыла глаза и вышла из такси, проковыляв следом за мамой. Внутри было всё белым бело: от высоких стен до нескольких колонн, а вокруг сплошные эскалаторы и серые блестящие лифты.

Билетов почти не оставалось, однако очередей было уйма. Мама ходила по всему зданию и искала свободную кассу. Когда она её нашла, мы ускорили шаг до бега. Мы прибежали к кассиру как раз вовремя, когда он хотел уже закрывать лавочку.

— Керри, подожди меня, я сейчас приду. Только куплю нам билеты, — заверила она меня, пока я садилась на ближайшую лавочку.

— Хорошо, мам.

Она ушла к кассиру, оставляя меня одну сидеть на железной лавочке и охранять дорожные сумки возле ног.

Я села на лавку и, расслабившись, вставила в уши наушники и включила свою любимую песню. Я кивала в такт музыке и напевала текст песни про себя. Мне пришлось вернуться в реальность от сильного толчка в плечо. Это была мама. Она что-то мне говорила и размахивала руками. Я высунула из ушей наушники.

— Что?

— Пойдём. Вылет через пять минут. — Она взяла свои сумки и я потащила за ней, взяв за ручку свой чемодан с вещами.

— Объявляется вылет в Сиэтл. Просим занять свои места. — Женский тонкий голос объявил по всему аэропорту.

— Керри, быстрее! — Мама впопыхах бежала и я следом за ней, не успевая догонять. Мой чемодан нёсся за мной сзади, отстукивая колесами каждый скачок.

— Мама, погоди, я не успеваю!

— Быстрее! Быстрее!

Она ничего не хотела слышать и только твердила, как мантру, эти слова, будто кролик из Алисы в Стране Чудес.

После того, как мы все-таки добежали до самолёта, мама отдала наши билеты высокой женщине на каблуках. Затем девушка кивнула, что мы можем пройти, и открыла нам дверь самолёта.

* * *

— Как же тут тесно! — жалобно произнесла мама. Наши места были забронированы в экономе классе. Возле меня сидел маленький мальчик лет шести и пинал напротив нас другого пассажира. Тот высокий, темноволосый паренек, лет двадцати, просто молча сидел, не обращая внимания. Может он просто глухой?

— Керри, всё хорошо? — спросила мама, обеспокоенно поглаживая меня по руке. Она сидела напротив меня, а рядом женщина, которая унимала своего

Непоседу возле меня.

— Да, всё хорошо.

Я откинулась назад и принялась наблюдать за видом, который постепенно сменялся небом.

— Дорогие пассажиры, мы поднимаемся к небесам. Просим вас пристегнуть ремни и отключить все сотовые приборы! — вежливо предупреждает мужской голос над нашими головами.

Самолёт летел медленно, а потом он взлетел вверх, в небо, и мы оказались в воздухе.

Моё сердце сразу же упало в пятки, все органы прижались к спинке кресла. Самолет набирал высоту, и я уже не могла ничего нормально слышать, потому что уши сразу заложило. Мальчик больше не пинал парня. Костяшки пальцев побелели, и я на минуту перестала дышать. Страх поглотил меня всю.

— Мы летим! — прокричал кто-то сзади, а потом радостные возгласы пассажиров заполнили весь салон.

— Мы летим! Мы в воздухе!

Моё сердце застучало сильнее, и их адреналин перешёл ко мне, потихоньку расслабляя. Я улыбнулась и посмотрела в иллюминатор. Мы в воздухе. Мы летим.

Вид из окна сменился густым, темным облаком, на котором не было ни одной звездочки. Мысли уплыли вместе с ними куда-то далеко.

Моё детство было как и у всех: детские качели, песочница, друзья, любящие родители, крепкая семья... Пока мне не исполнилось одиннадцать лет.

Одиннадцать — это, пожалуй, роковая цифра. После того, как стала одиннадцатилетней девчушкой, я перестала отмечать дни рождения. Я вообще потеряла смысл этого праздника. Знаю, что этот день становится твой, но не в моем случае. Я не живу. Я существую. Я закрыла глаза и две прозрачные слезинки скатились с пухлых щёк.

Летели мы часа три, и меня уже клонило в сон.

— Керри, просыпайся, — тихо звала меня сквозь сон мама. — Мы в Сиэтле. Самолёт приземлился, и мы оказались в пункте назначения. В городе, где всегда холодно и мокро. Однако сегодня за окном ярко светило солнце. Честно говоря, я потеряла счёт во времени, недоумевая, что сейчас: день или ночь.

— Дорогие пассажиры, поздравляю, полёт выдался тихим и спокойным, — проговорил мужской голос из динамиков. Интересно, а сколько времени проспала я?

— Керри, идём.

Мама протянула мне руку, я схватилась за неё, как за спасательный круг. Мне было страшно её потерять; народ так и шёл откуда-то, заполняя вокзал.

Мы вышли на улицу и на нас сразу упали капли первого наступающего дождя. Мама взяла наши сумки, а мне пришлось бежать за ней следом. Сонная и ничего не понимающая, я шла по скользкой и мерзкой улице, что-то подсчитывая в голове.

Северный ветер подталкивал в спину. Я затыкала уши, дабы не оглохнуть от шума вокруг. С небес катил мерзлый ливень, сметая на пути жителей города и туристов.

— Вот тебе и Сиэтл! — ворчит мать, укрываясь от холодных струй воды. — Называется "Добро пожаловать".

На самом деле, город ничем не отличался от других городов: такие же высокие стеклянные здания, на каждом углу по маленькому магазину, разные киоски и офисные здания со своими достопримечательностями. Наверное, лучшего города я бы не нашла; здесь находилось всё, что надо было моей душе, а именно нескончаемые ливни и вечно серый туман. Здесь не надо было притворяться или играть чужую роль. Здесь можно быть мышкой, слиться с другими и никто не скажет, что с тобой что-то не так.

— Керри, быстрее!

Мама подбежала к ближайшему такси, что-то быстро спросила и открыла дверь. Затем схватила меня на руки, усадила на заднее сиденье и упаковала наши сумки в багажник. Таксист, как первый джентльмен, увидев всё это, не мог не помочь. Я смотрела в окно, потихоньку засыпала, а в голову лезли непрошенные мысли.

Стою возле черного гроба, который постепенно опускают в яму. Плачу навзрыд. Слезы катятся со щёк горячими ручьями, а мама стоит и, тихо всхлипывая, повторяет одно и то же:

— Бедный мой Джон. Я тебя люблю и никогда не забуду. — Она держит меня за плечи, стоя позади. Её руки то крепко сжимались, то ослабляли хватку. Наверное, так она хотела сказать, что рядом. Она здесь. Я рыдала и рыдала, пока плач не перешёл на всхлипы. Тем временем его уже опустили в мокрую землю. Каждый проходил к яме и брал горстку земли, затем безжалостно бросал на крышку гроба. Тётя Фиби — младшая сестра мамы — подошла к яме.

— Нам будет тебя не хватать, Джон. Вспоминай нас почаще, ладно? Мы тебя любим и всегда будем помнить. — Она бросила горстку, отойдя на прежнее место, к своему мужу Биллу. Он приобнял её за плечи и притянул к себе.

После нее еще несколько людей подошли к яме, высказали по несколько слов и также кинули землю, уходя обратно. Пришла очередь моей мамы, которая плакала всё больше, подходя к гробу.

— Дорогой мой Джон, я тебя так сильно люблю! Я, наверное, никогда с тобой не попрощаюсь, слышишь? Ты всегда в моем сердце. В нашем сердце, — поправила она, обводя взглядом маленькую девочку возле себя — меня.

— Я буду любить тебя бесконечно! — Она закрыла лицо руками; её плечи зашли ходуном. — Уж лучше бы я оказалась бы на твоём месте... — Дядя Адам — старший брат отца — подошел к ней, уводя с пьедестала.

Мама успела кинуть два последних кусочка земли, после чего вся картина растеклась в одну сплошную лужу. Я проснулась, оказавшись в неизвестной комнате.

Я встала и села на кровать, медленно осматривая её. Комната оказалась довольно уютной. Размеров она была не больше, чем комната в кладовой: тут стоял единственный, но пыльный письменный стол. Прохожу к двери, которая была напротив моей кровати, и открываю её, изучая. Это была ванная комната.

Для одного человека она больше, чем должна была быть: широкая раковина, душевая кабинка и несколько полотенец. В углу стояла стиральная машинка с корзиной для белья. Закончив осмотр у себя в комнате, по скрипучим ступенькам спускаюсь вниз.

— Мама, что ты делаешь? — спросила я, когда увидела, как она разбирает коробки. Мама была облачена в легкий халат, на ногах тапки, а крабик в волосах завершал образ типичной домохозяйки. Она улыбнулась.

— Я разбираю наши вещи, — сказала она. — Раз ты уже встала, тогда помогай.

Мама прошла с коробкой в руках по всей комнате и вручила мне.

— Что там? — Я потрясла ее. Мама вскинула руки, подбегая.

— Керри, не разбей, там же наша посуда!

Я сразу же перестала трясти, осторожно дошла до столешницы и аккуратно поставила на место.

— Лучше разбери вон ту коробку с вещами, дорогая. — Мама махнула в сторону, как я думаю, гостиной.

После того как мы разобрали все коробки, оставалось только развесить всю одежду на вешалки и поставить ящик для почты. У меня начиналась новая жизнь. Стоило бы начать всё с чистого листа, но что-то не позволяло мне ступить в свет и больше ни разу не обернуться назад.

— Керри, ты меня слышишь? — Мама махала руками перед моим лицом и

подпрыгивала на месте.

— Прости, я на минуту отключилась, — смущённо прошептала я. Наверное, собственные мысли, как водоворот, затащили меня, и я не заметила собственную мать. Она протянула ко мне руки и потянула за собой, выводя на крыльцо.

— Лучше пойдём и поставим ящик для нашего нового дома.

Она прихватила две банки с красками и передала одну мне.

— Зачем тебе они? — спрашиваю, махнув рукой на кисти и банку с краской. Она улыbnулась, спускаясь вниз.

— Чтобы разукрасить его. — Она указала на опустевший ящик белого цвета, стоявший на обочине.

— Мы будем отличаться. Чтобы не как у всех, понимаешь? — Я покачала головой.

— Нет.

— Чтобы не быть серой массой. — Мама закатила глаза, обхватывая рукой другие дома на противоположной стороне улице.

— Посмотри на все остальные ящики. Они как один: такого же цвета, размера, формы, — поясняет она, открывая банку с краской.

— Теперь понимаешь?

Я кивнула, помогая открывать другую банку. Удивляюсь своей маме, как она может всё так быстро изменить? Вот что значит не стоять на месте и не жить прошлым.

— Давай, ты первая. — Кисточкой с оранжевой краской она мазнула мою руку. Я выхватила руку из ее хватки, громко выкрикивая.

— Мама, что ты делаешь?! — От неожиданности отхожу от нее и чуть не ломаю ящик. К счастью, он только покачнулся. Женщина кивнула головой, выставляя руки с кисточкой вперед.

— Не бойся милая, это всего лишь краска. Просто поставь на ящик свою руку.

Моя рука, точнее, её отпечаток, остался красоваться на почтовом ящике, как напоминание о новом шаге в будущее. Затем мама вlepила свою, оставляя след ладони рядом с моей. Её цвет оказался фиолетовым.

— И правда, отличается, — заметила я, заморожено осматривая наши ладони. Мама закинула на мое плечо свою руку, прижимая к себе.

— А что я говорила? — Мама смачно чмокнула меня в щеку и отошла.

— Следующая на очереди кухня.

Когда я хотела у нее спросить, что будет теперь, когда нет рядом отца, она сразу закрывала тему или вовсе угрюмо молчала. Мама просто говорила:

— Потеря — это боль.

В голове тут же всплыла мысль: если и я влюблюсь, что будет со мной? Если я его потеряю?

Я боюсь влюбиться. Не хочу жить с разбитым сердцем всю жизнь. Лучше быть одной, чтобы никому не причинять боль. Моим лёгким стало трудно дышать, и я задыхалась. Перевернувшись на бок, по щеке стекла невидимая слезинка, через переносицу, теряясь где-то на подушке. Я рыдала. Опять. Снова и снова.

Вздрагиваю от воспоминаний и прохожу к двери.

— Это я! — отрываюсь, захлопывая дверь. Дома всё, как и раньше: тепло дурманит разум, а когда мама выходит из гостиной и крепко обнимает меня, понимаю, что я дома. В крепких объятьях родного человека и в безопасности.

— Привет, дорогая. Ты какая-то бледная. Все хорошо? — Я улыбаюсь и киваю.

— Да. — Мама указывает в сторону накрытого стола и проходит дальше.

— Садись, покуешь.

— Сейчас, только умоюсь.

Поднявшись на верх, принимаю сразу душ и, укутываясь в мамин халат и тапочки, оставляю на тумбочке, возле кровати, книгу. Сил не было даже встать, чтобы помочь матери, которая то и дело раскладывала по тарелкам ужин. Она накрыла на стол и только сейчас я увидела, в чём она была одета. На маме была её синяя майка, в которой она постоянно бегала, и спортивные джинсы. Волосы завязаны в хвост чёрной резинкой.

— Кушай, — сказала мама, присаживаясь на стул напротив меня.

— Спасибо. А куда ты бегала? — интересуюсь, поглядывая из-под ресниц.

— Ты о чём? — переспрашивает мама, будто не понимает.

Я указала вилкой на её майку — она её одевала только в крайних случаях: либо она и правда бегала, либо убиралась дома, где, кстати говоря, было и так чисто.

— А, это... Записалась в новый фитнес-центр, тут неподалеку, — проговорила она, запинаясь.

— Зачем тебе это?

Она насупилась, вытаскивая нижнюю губу.

— Я просто хочу быть красивой, только и всего.

Порой я думаю, что мама маленький малыш, который любит розовых единорогов и пони, а я уже взрослая женщина, которая воспитывает ее. Я спешу отговорить ее от нелепой шутки и глотаю в спешке кусок еды.

— Но ты и так красива. Тебе этого не нужно! Почему ты хочешь ходить туда? — Она приподнимает брови и улыбается.

— Знай, ты здесь не при чём. Просто сбросить пару килограмм... не помешает в любом случае, согласна?

— Ладно, — Я протяжно издала вздох. — Но всё равно же, красота требует жертв.

— Порой даже до крайностей, — хихикает она, хлопая меня по плечу.

Когда я покончила с ужином, собравшись с силами, встаю убирать грязные тарелки. У мамы зазвонил телефон и она, как ошпаренная, выбежала из-за стола и подбежала к настенному телефону, что стоял в гостиной.

— Да?

Чей-то мужской низкий голос прозвучал в трубке. Мама, покраснев, улыбнулась, что-то пролепетала в ответ и отключилась, снова возвращаясь на кухню и бегло поправляя на ходу волосы.

— Кто звонил? — любопытствовала я, закончив с посудой. Она быстро забрала свой телефон с тумбочки и положила в карман халата.

— Звонили по работе, только и всего.

— Что-то не похоже?

Я могу только догадываться, что за мужской голос был в трубке. По какой-то причине внутри вспыхнуло чувство ревности. Я уже не любила этот голос. Мама встрепенулась и махнула рукой; щеки её запылали, нос покраснел.

— Керри, не забивай пустяками голову!

Я молча вернулась к посуде, пока она расхаживала по комнате, затем мама остановилась и вздернула подбородок.

— Хм, а ты уже нашла Воздыхателя, который тебе вчера отправил подарок?

Я тяжело вздохнула.

— Нет.

Закончив с посудой, вытираю полотенцем руки и молча поднимаюсь на верх.

После ванны я полностью согрелась и обернулась в полотенце. Я закрыла дверь, открыла нараспашку окно и забралась в кровать под одеяло. Прошло около часа, маминих звуков больше не слышала. Я всё ещё сидела под одеялом и искала хоть какую-то крупницу во Всемирной Паутине. Но ничего так и не нашла. Только то, что говорил мне раньше Питер.

Наконец сон одолел меня. Зевнув, откладываю ноутбук на тумбочку, укутываясь в одеяло, и закрываю глаза.

— Керри, просыпайся, тебе пора в школу! — зовет мать снизу. Я не отвечаю. Открыв глаза, перевернулась на спину. Ночью я так и не смогла заснуть, странные мысли лезли в голову. Вот бы их отключить, хотя бы на день, и не думать не о чём. На самом деле я плохо себя чувствовала, и голова до сих пор пульсировала.

Дверь комнаты открылась, когда зашла мама. Я закрыла глаза и притворилась, что сплю, пока та не уселась возле меня. Холодная рука дотронулась до моей щеки.

— Дорогая, вставай, — шепчет она, пока её голос не повышается и женщина не вздрагивает. — Боже, Керри, ты вся горишь! — Я что-то промычала, пытаюсь вылезти с постели, но не слышала собственного голоса. Мама встает, опираясь на тумбу, скрещивает руки.

— Нет, Керри. Я позвоню в школу и скажу, что ты приболела. — Я вскидываю руку в воздух. Мне не хотелось становиться обузой для нее, а пропуск на один день сотрёт все планы на всю остальную жизнь.

— Нет. Я должна! — Мама обеспокоенно оглядывает меня.

— Керри, ты плохо себя чувствуешь. — Я закрываю глаза и качаю головой.

— Мама, обещаю, если мне станет хуже, то вернусь обратно. — Она вздохнула, потирая грудь.

— Ладно.

Мама подошла, поцеловав меня в лоб, крепко обняла и вышла из комнаты. Я взяла свои вещи и прошла в ванную. Быстро умывшись, завязала волосы в хвост, надела джинсы и серую футболку. Не обращая внимания на тупую боль и нарастающий жар, спускаюсь вниз.

Прошло уже десять минут с начала первого урока. Я сильно опаздывала. Дойдя до пустой остановки, всунула руки в карманы куртки и отбивала ритм ногой по асфальту, пока ждала следующий автобус. Руки окоченели, губы дрожали. Из губ выходил клубок горячего потока воздуха.

— Мисс? — Позади меня вырос высокий парень, одетый в кожаную куртку.

— Что?

— Не подскажите, сколько время? — спросил он, поднимая свои очки-авиаторы, показывая небесного цвета глаза. Я растерянно вытащила мобильник из сумки.

— Сейчас... — Экран высветился. — Ох, уже почти половина девятого!

Парень отошел назад, качая головой.

— Чёрт, как всегда опаздывает... — Он обратился ко мне, натягивая суховатую улыбочку. — Спасибо.

Высокий автобус уже подъезжал ко мне, когда я сделала первые шаги к нему. Он остановился, открывая широкие двери, и я зашла внутрь, оставив Кожаную Куртку одного. Он так и стоял, переминаясь с ноги на ногу, пыхтя от недовольства. Я села на единственное последнее место, устремив глаза на вечный мороз и холод Сиэтла.

До звонка оставалось пять минут и, решив не заходить в класс, сажусь на скамейку, находившуюся в маленьком коридорчике возле парадной двери. Лавка оказалась скрипучей. Краска на углах трескалась и слезала, оставляя после себя натуральный вид деревяшки. Голова гудела, и я чувствовала слабость. Мне пришлось поморщиться, когда прозвенел звонок. Вставая на ноги, поправляю одежду.

— О, Керри! Привет! — пропела девушка, проходя ко мне и обнимая.

Я не сразу поняла, кто это был, пока не учуяла запах спелой малины. Девушка была одета в пастельное платье. Золотистые волосы рассыпались и скрывали остальную часть лица.

— Привет. — Она нахмурилась и отстранилась.

— Почему тебя не была на тригонометрии? Ты какая-то бледная... с тобой всё в порядке?

— Ты не первая, кто мне это говорит, — заметила я, усмехаясь. Мэгги сочувственно улыбнулась, пожимая плечами.

— Ну, серьезно? Что с тобой?

— Я в полном порядке, — говорю, хотя больше себе, чем подруге. Я не знала, как ей объяснить всю ситуацию, и можно было бы ей это рассказать.

* * *

В столовой по-прежнему стоял гул, заглушая всё остальное. Мы приземлились возле окна, из которого выглядывало почти голое дерево; желтые, даже почти обгорелые листья издавали хруст, падая на сухой треснутый асфальт.

— Керри, ты мало ешь, — заметила Мэгги, дотрагиваясь до моего плеча. Я лишь пожала плечами.

— Я всегда так ем и ничего — наедаюсь.

— Что с тобой? — спросила она хмурясь, и откладывая свою порцию брокколи в сторону. Я выдохнула и закрыла лицо руками.

— Мой дом полон сумасшествия, Мэг, — произношу с долей раздражения.

— Что ещё за сумасшедший дом? — Девушка полностью была поглощена зелеными растениями в своей тарелке, делая только вид, что слушает. Я огляделась и покачала головой.

— Неважно. Это мое дело.

Она поперхнулась, округляя блестящие глазки.

— Я же твоя подруга! — Я усмехнулась и дотянулась до запястья подруги.

— Нет, Мэг, я знаю. Ты мне очень дорога, пойми, но это личное.

Я не могла ей сказать правду, потому что это бы ничего не дало. Да и зачем? Понимаю, что от друзей ничего не скрывают, но я просто не могла. Я не могла просто сказать, что у мамы любовник. Тем более это — просто догадки. Я и сама толком еще не уверена в этом. Нужны были факты. Мэгги принялась жевать свою бесцветную зелень.

— Что было на тригонометрии? — Я решила сменить тему и не сидеть в тишине. Тишина убивает. Она расправила свои плечи, хмыкая.

— Мистер Митлл — новый учитель химии — такой обояшка. — Девушка захлопала в ладоши.

Мэгги, Мэгги...

— Какой он?

Что это за учитель, что так впечатлил ее, а главное чем? Мэгги пожала плечами, уголок губ поднялся вверх.

— Обычный мужчина: высокий, спортивного телосложения, белокурые волосы свисают до плеч, а круглые черные очки так идеально подчеркивают его глаза... — Она откашливается. — И еще у него небольшой шрам над бровью, на губе неизвестная трещина, а футболка, судя по его походке, не подходит ему совершенно. Такое чувство, что все там ему

сжимало. — Она откинулась назад, и громко засмеялась.

— А как же урок? — Кажется, этот учитель заполнил ей собой всю голову. Она скинула катившуюся слезу с глаз.

— Мы писали конспект, а потом кто-то из задних парт кинул скомканную бумажку и угодил прямо в учителя! — Она снова рассмеялась. — Митлл обернулся и спросил, кто это сделал. Но все молчали. Он прошел к задним партам, однако те ничего не делали. Через минуту встает Сэм и говорит, что это сделал он.

Услышав имя парня, по всему телу прошелся табун мурашек.

— Он? Зачем он это сделал?

Она пожимает плечами.

— Не знаю, но потом нас посетил директор, приглашая к себе Сэма.

— И что теперь будет?

— Не знаю, Керри. — Вдруг её взгляд переметнулся, устремляясь за мою спину. Я нахмурилась. Все веселье и игривый нрав улетучился в один миг из ее глаз.

— Что там? — Я повернулась, чтобы разглядеть приближающийся силуэт, но зрение было слабым.

Парень подходил к столовой быстрыми шагами. От него за версту несло опасностью. Когда он зашел во внутрь, голова закружилась. В глазах все заплясало, и я вжалась в стул. Он прошёл к подносам, вышел с полной горой еды, усаживаясь неподалёку от нас. Он сел рядом с футболистами, которые, как они только умеют, приняли его в свою группу, хлопая его по плечу и стискивая в медвежьих объятьях.

— Интересно, что с ним теперь будет? — прошептала подруга возле уха.

— Не знаю. — Я обернулась к ней и подняла одну бровь. — Но если вмешался директор — ничего хорошего не жди.

По пути на следующий урок Мэгги рассказала, что я пропустила. Оказывается, Сэм подрался на уроке физкультуры, не поделив что-то с парнем из соседней школы, отчего тот загремел в госпиталь с травмой головы.

— Что там с Питером? Вы всё ещё друзья? — спросила она вдруг, ударяя меня в плечо своим плечом.

— Да... по-прежнему, а что?

Девушка поправила платье и шагнула снова.

— Просто он спрашивал про тебя, — небрежно произносит подруга.

— Зачем? — Она пожала плечами, закатывая глаза.

— Не знаю. Спросил, не видела случайно тебя и всё ли в порядке. Это странно, не находишь?

— Ты о чём? — переспросила я, смотря под ноги.

— О Питере. Странно, что он о тебе так беспокоится. — Подруга показала кавычки в воздухе своими тонкими пальцами. Я усмехнулась.

— Ты до сих пор об этом думаешь?

— Как я считаю, он к тебе что-то испытывает. Понимаешь? — Её бровь изогнулась. Она обернулась и подмигнула одним глазом.

— Это просто догадки, Мэг, — проговорила я, отмахиваясь руками и подавляя смех из груди.

— Кто знает, подруга, кто знает...

Мэгги резко остановилась на месте. Одной рукой она потянула меня за собой, и через пару секунд тело подруги уже заслоняло меня. Сердце ушло в пятки, когда поднимаю глаза и вижу идущего на нас Сэма.

— Сэм, что ты тут делаешь? — ошарашенно спросила Мэг. Парень был выше неё, но благодаря элегантным туфлям на шпильках на ногах Мэгги — они были наравне.

— К твоему сведению я здесь учусь, Мэг. Глупый вопрос, не думаешь? — усмехнулся парень. Он улыбнулся, пряча руки в карманы джинсов. — Хотя, по правде говоря, мне нужно поговорить с Керри.

Услышав свое имя, по коже снова побежали мурашки. Парень кивнул в мою сторону, и Мэгги тут же прикрыла меня спиной.

— Я не хочу, чтобы ты и её бил, Сэм. Я не позволю, понял? — испепеляя его глазами, прошипела она. Сэм рассмеялся так громко, что можно было его услышать по всему коридору.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да-а, Мэглайн — ты умеешь развеселить, — выпалил он, качая головой и ничтожно коверкая имя девушки. — Но нет. Я не собираюсь её бить. — Он перевел темные глаза на меня. Девушка издала недовольный стон, но отошла в сторону, крепко меня обнимая.

— Если что, бей его и убегай как можно дальше. — Бросив на Сэма последний предупреждающий взгляд, она скрылась за стенкой. Что ему нужно от меня? Я боюсь его.

Я отхожу назад и перекрещиваю руки возле груди, ожидая от него реакции. У меня всё ещё болит голова и перед глазами всё плыло, но я из последних сил держусь, как могу.

— Ты что-то хотел? — Он кивает и переводит на меня глаза.

— Да. Я хотел узнать, как ты... после того, как ты убежала от нас? — Я осеклась и сощурила глаза.

— Ты имеешь в виду тот случай, когда сломала ногу и увидела дверь?

Он снова кивнул.

— Я помню это... — Я закрываю веки. — Ели тебе интересно, то уже на вряд ли смогу забыть.

В горле что-то застрекает; слова выходили из меня с трудом, поэтому резко замолкаю, отворачиваясь в сторону. Лучше куда-нибудь посмотреть, лишь бы не на него. Сэм подходит ближе, но я делаю шаг назад.

— Керри, послушай меня. Я не собираюсь тебе делать больно. Прости меня. — Я удивлённо смотрю на него. Мне не послышалось? Он действительно просит прощения?

— Ты... просишь у меня... прощение?

Он моргает и пожимает плечами.

— Да, а что, мне даже этого нельзя? — твёрдо, но с какой-то резкостью в голосе проговаривает Сэм, подходя ещё ближе. Когда мне нужна была помощь, когда просила, чтобы меня отвезли домой, он и носом не повёл, а сейчас что?

— Не надо, — шепчу сипло, выставляя руки.

— Что не надо? — Он остановился, хмуро разглядывая меня. — Просить прощения?

Я киваю.

— Почему? — спрашивает он.

— Слишком поздно. — Я отпрянула от шкафа, загнанная в угол, и посмотрела ему в глаза. — Я просила, чтобы вы освободили меня, но вы не слышали. Парень сжимает губы, впиваясь ногтями в кожу.

— Мы просто боялись, ясно? Думали, что ты всем расскажешь!

Я подхожу к нему ближе, сощуривая глаза.

— Расскажу что? Как вы держали меня силком, заставляя питаться отходами? Что из-за вас повредила ногу, переломав все кости?

Сэм опустил голову: один волос спал на его щеку, заслоняя половину лица. Казалось, что тень волоска была шрамом, пересекающим щеку парня.

— Если бы я что-нибудь рассказала, то не стояла бы здесь сейчас, — наконец прошептала тихим голосом. Он склоняет голову, в недоумении поднимая глаза.

— Почему?

— Я была бы уже давно в психушке, Сэм, — процедила я. Сэм смотрит на меня, затем слабо улыбается. Я закатываю глаза, раздражаясь. Что ему нужно?

— Не закатывай глаза, тебе не идёт. Лучше улыбайся, улыбка тебе к лицу.

Он отходит на несколько шагов, разворачивается и вальяжно уходит, исчезая в школьных коридорах, пока его след не замели студенты, которые с шумом выбежали из аудиторий.

Мэгги уже стояла и собирала вещи, когда я только вошла в аудиторию.

— Скилеф, урок уже закончен. Пожалуйста, освободите помещение, — оповещает Мисс Фо.

Я снова выхожу в коридор и спускаюсь по лестнице. Голова гудела, я ничего не слышала кроме своего ускоренного дыхания. Я постепенно схожу с ума, а этого никто не замечает. Сквозь скомканные мысли слышу чей-то голос.

— Керри! — окликает он, и я поворачиваюсь, оглядываясь по сторонам.

— Ты сегодня какая-то рассеянная, — заметил Питер, подходя ко мне ближе. — Я тебя звал, а ты не слышала. У тебя усталый вид. Всё хорошо?

Я натянула улыбку и кивнула. Не хотелось никому говорить, что плохо себя чувствую.

— У нас сейчас химия, ты идёшь?

— Какой глупый вопрос, — усмехаюсь, вспомнив похожие слова Сэма. Он улыбнулся, подтянул лямку рюкзака и побежал по лестнице наверх.

* * *

— Отметки за контрольную работу. Итак...

Учитель достаёт листы с нашими работами, пока я мысленно рою для себя ямку, куда бы смогла упасть и забыться. Я уловила нервный взгляд соседа. Думала, что будет Мистер Митлл, но он не оказался. На его смену стоял страшно хмурый чурбан. Клетчатая рубаха вся мятая и покрытая пятнами, натягивала его пивной живот, облегая не самые приятные изгибы тела.

— Скилеф, — Он вытянул листок и положил его мне на парту. — Надеюсь, в следующий раз ты будешь лучше.

— Я справлюсь. Обещаю.

— Надеюсь, Скилеф. — Он оглядел меня и сочувственно улыбнулся, возвращаясь к работе.

— Не переживай, Кер. Я тебе помогу, — Питер ловким движением руки взял мою работу, смял её в маленький комочек, выбрасывая за плечо.

— Спасибо, — слабо ответила я, кивая. Он ободряюще улыбнулся и скрестил руки, опираясь на парту.

На биологии мы резали лягушек. Учитель подал каждому приборы для предстоящей операции.

— Возьмите ножи и аккуратно проведите по брюху лягушки. Кто-то из вас будет вести все под запись, а кто-то заниматься телом, — сладко проговорила она.

Преподаватель была похожа на чокнутую дамочку, помешанную на лекарствах и опытах. Меня начинало подташнивать, когда я сделала первый надрез на животе лягушке. Она была мала, но лапы были длинными, голова запрокинута вверх, глаза полностью закрыты.

— Керри, давай я, если не можешь? — попросил Питер, когда, видимо, заметил, как мой ножик дрожит и ходит ходуном в разные стороны. Я смахиваю пот тыльной стороной руки со лба и мотаю головой.

— Нет, я справлюсь. Тем более, мне нужна оценка.

— Ты итак её получишь. Просто будет безопаснее, если убийством займусь я.

Я покачала головой, усмехаясь.

— Питер, это не преднамеренное убийство, так что расслабься и веди записи. Когда придет время смывать улики, позову.

Еще надрез возле подмышки, второй возле таза... Кровь у лягушки забрызгала и окатила нас с Питером, попадая на лицо и одежду. Кровь брызнула в рот. Я не успела осознать что это, и поэтому заглатываю вместе со слюной. Я больше не могла выдерживать это в себе и, наконец, весь завтрак оказывается на столе.

— Керри! — кричит Питер, собирая мои волосы на кулак. Я прикрываю рот ладонью.

— Прости... прости, — лепечу, пока на рабочем месте не появляется новая порция завтрака. Питер обхватывает меня за плечи и выходит из парты, заслоня своей спиной и махая рукой собравшейся толпе.

— Нам надо срочно выйти! Дорогу!

Мы вышли в коридор и меня снова вывернуло наружу. Питер обхватывает меня за плечи, крепко держа, не давая рухнуть. Он заходит в соседнюю кабинку и наклоняет меня над раковиной.

— Питер, можешь уходить. Я справлюсь, — хриплю я. Он хмыкает и отходит в сторону.

— И оставить тебя здесь одну? — Питер отмахнул мою прядь со лба и включил воду, протирая лицо от рвоты.

Я отсаживаюсь подальше от раковины, сползая на кафель. Питер всё еще держит меня за плечи, тихо поглаживая. Дыхание Черноволосого ровное и спокойное. Сердце тихо бьется около моего уха. Когда моё дыхание выравнивается, потихоньку пытаюсь встать на ноги. Питер вздрагивает и обеспокоенно осматривает меня.

— Ты как? — спрашивает он. Дрожащими ногами прохожу к раковине, пока он подходит ко мне и озадаченно смотрит в зеркало. Я включаю воду, чтобы ополоснуть лицо.

— Что?

Он качает головой.

— Я просто не могу понять, что с тобой? Ты какая-то странная... — Глаза парня сузились и он выпрямился. — Ты можешь мне доверять. Мы же, как ни как, друзья.

Я улыбаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Я помню. У меня была рвота, а не потеря памяти.

Питер выжидающе смотрит на меня, молча вглядываясь в глаза.

— Я в порядке, — заверяю его. — И что ты предлагаешь? — Его глаза загорелись. Парень кивнул.

— Прогуляем. — Он улыбнулся. Я ошарашенно моргаю. Он сцепливает мои пальцы со своими, ткнув к выходу. К свободе.

Мы проходили по аллеям, обходя скромное кафе с одной стороны, рестораны и магазины — с другой. Люди лавировали между нас, пробегая в спешке.

— Почему ты мне помог, когда мне было плохо? Мог просто отойти в сторону или охать да ахать, как и все остальные.

Питер остановился и посмотрел на меня. Его серая футболка от ветра развевается в области живота, обтягивая руки. На черных джинсах свисали дыры, обнажая часть кожи. Волосы взъерошены, но оставались такими же тёмными, как и в первый день моего зачисления в школу.

— А разве бы ты этого хотела? — Его брови вздернулись вверх. — Просто это как-то странно. — Он пожал плечами и улыбнулся, смотря вдаль. — Я тебя не понимаю. То ты как открытая книга — раскрываешься и светишься, то быстро закрываешься и никому ничего не говоришь, — сказал он разочарованно. Я закатила глаза.

— Я открываюсь лишь для тех, кого люблю, — процедила сквозь зубы. Питер переводит на меня глаза, хмуря брови

— Это что, какая-то цитата из книги?

— Нет. Это всего лишь мои мысли. — Я прохожу мимо него. Питер стоит возле дороги, затем бежит за мной.

— Кер, стой!

Но я не слушаю. Почему, когда просто разговариваешь с человеком, рано или поздно что-то случается? Почему нельзя просто общаться, без всяких проблем и сложностей?

Я все-таки останавливаюсь, но не оборачиваюсь к нему лицом. Погода на улице всё ещё приятная, даже слишком. Слышалось где-то внутри деревьев пение птиц, но они не привлекали меня и не поднимали настроение.

— Кер, прости меня, я не хотел обидеть. Не знаю, что на меня нашло... — Его голос был тихим. Я повернулась к нему, медленно наполняя кислородом легкие. Смотря на него: на его чистые зелёные глаза, на его ямочки на щеках, когда он улыбался, я не могла долго злиться, поэтому просто улыбнулась.

— Мир? — спрашивает он с надеждой, нагибаясь.

— Мир, — произношу, в последний раз ударяя парня по груди.

— Тебе надо и правда по меньше думать, — замечает он улыбнувшись, и пряча руки в карманы тонких джинсов.

Я киваю. Мои мысли бесконечны. Иногда в них можно было что-то найти путёвое, но чаще всего это только переживания да беспокойства за других. Он останавливается и сжимает моё запястье.

— Подожди меня здесь секунду.

Питер заходит в магазин Вечных Сладостей, а я остаюсь снаружи, ожидая его возвращения. Он вернулся через несколько минут, не успела я только ступить внутрь, за ним. Парень подошёл и протянул мне скользкое мороженое на палочке.

— Держи. Это поможет не думать.

— Спасибо.

Мороженое уже стекало по краям и капало на асфальт, пока я не остановила стекавшую

каплю, ловя языком.

— М-м-м, вкусно. — Я закатила веки в блаженстве. — И правда, отвлекает.

— Не стоит. Я знал, что сладости всегда отвлекают, какая бы ситуация не была.

Мне стало спокойнее, и я перестала думать о своих проблемах. После мороженого веду себя как маленький ребёнок, ходя по тротуару и ступая сначала на одну ногу, затем, меняя, на другую. Питер наблюдает за мной, держась на расстоянии. Машины проезжали мимо нас, кто-то обгонял кого-то, кто-то не спеша ехал, соблюдая все правила дорожного движения.

— Питер, смотри, как я могу! — Я расправляю руки, выгибаясь и выставляя ноги назад.

— Керри, прошу, не балуйся! — предупреждает он, подходя ближе. Он обхватывает мой локоть, переплетая свои пальцы с моими. — Держись лучше за мою руку, чтобы не упасть, а то я тебя знаю, ты — любитель падения.

Я вскидываю на него задумчивый взгляд, поправляя слова парня.

— Только если после этого падения можно потом подняться.

* * *

Я проходила не спеша полосу серого тротуара. Черная машина появилась из неоткуда. Ее стало выворачивать в сторону. Предупреждающие сигналы дошли до меня слишком поздно. Оборачиваясь, меня осветили яркие фары машины. Не успела даже издать звук, я крутанулась, рука ослабила хватку, вырываясь из руки Питера. Я сильно зажмуриваюсь и падаю во мрак.

Но оказываюсь в крепких руках Питера, а мороженое у него на футболке. Остатки мороженого падают на асфальт, а пятно размазывается.

— Прости, не хотела. — Я отхожу назад, высвобождаясь от него.

— Ладно, пустяки. Это же всего лишь тряпка. — Он проводит пальцем по остаткам мороженого и облизывает его.

— М-м-м, пломбир, — протягивает парень, улыбаясь.

— Питер... — предупреждаю, опуская глаза и чувствуя, как щеки начинают пылать. Он закатывает глаза и смеется.

— Кер, если ты насчёт этого, — он показал на своё пятно, — то не стоит даже извиняться. Это же просто тряпка. — Он переводит на меня глаза, кивая подбородком в мою сторону. — Ты-то как? Этот придурок тебе ничего не сделал?

— Нет. Это я виновата. Не стоило становиться сюда, — указываю большим пальцем за плечо, на тротуар. Питер обхватывает меня за плечи, крепко сжимая.

— Не принимай всё так близко к сердцу. — Его губы изогнулись, — Мы же здесь не для этого, чтобы расстраиваться из-за каких-то придурков, которые не умеют водить, так?

Я киваю.

— Мы здесь для того, чтобы ни о чём не думать, — повторяю я, улыбаясь.

На улице уже появлялся прохладный ветерок, птицы исчезли, а недавно испепеляющего солнца слабый свет сменился закатом, лаская наши лица.

— Может, ходим к нашему месту? — предлагает Питер.

Обрыв для меня был самым любимым местом. Волны, успокаивающий ветерок и скалы — всё это навеивает умиротворение на мою душу. Я улыбнулась. Он схватил меня за руку и потащил к машине. Питер быстро ловит такси, и мы прыгаем внутрь.

— Куда едем, голубки? — спрашивает мужчина с южным акцентом.

— Мистик-Стрит, — ответил Питер, прислоняясь назад.

— А вы давно вместе?

Мы смотрели каждый в свое окно. Городские кафе, роскошные рестораны, аллеи и спешащие по своим делам люди сменились на деревья, лесной запах и гул далекого океана.

— Мы просто друзья, — бросаю я.

— Хм, как-то странно вы выглядите для друзей, — сомнительно проговорил таксист, бросая взгляд на зеркало заднего вида. Я почувствовала, как Питер напрягся возле меня.

— Она же сказала, приятель, — прошипел он сквозь зубы.

— Что, я не расслышал? — Мужчина за рулем прикладывает свою руку к уху, грязно усмехаясь.

— Ничего, ничего, — вежливо проговорила, кидая озадаченный взгляд на него. Парень повернул ко мне голову и смягчает взгляд.

— Что ты делаешь? — шепотом спрашиваю. Он переводит растерянный взгляд на меня, усмехаясь.

— А что он к тебе пристаёт? Я просто защитил твою честь. — Питер пожимает плечами.

Качаю головой, но ничего не говорю, отворачиваясь к окну. Я не понимаю его. То он обращается со мной, как к другу, то как к маленькой девочке, а через минуту — защищает. Он мне стал дорог, не отрицаю. Однако Питер мне не парень и даже не брат. Мы с ним даже не родственники.

"Ты просто его соседка по парте", — слышу отголосок внутри.

— Почему ты так ко мне относишься? — выпаливаю, всё ещё смотря в окно. Я вздрагиваю, когда до меня доходит, что это сказала вслух.

— Что? — Питер поворачивается ко мне. Я вздохнула, сжимая ткань куртки.

— Почему ты так ко мне относишься? — повторила, тяжело вздыхая. Его брови свелись на переносице.

— А как я, по-твоему, к тебе отношусь?

— На мой взгляд, ты ко мне относишься как-то разносторонне. — Я повернула голову к нему. Наши головы покоились на кожаных изголовьях кресел. Он улыбнулся краем уголка губ.

— Что ты имеешь под этим в виду? — спрашивает он, как раз когда машина заезжала в туннель, скрывая наши лица.

— Сначала как к другу, потом так, будто я твоя младшая сестра или потерянный ребенок, упавший тебе на голову.

Его губы расплываются в улыбке. Даже не смотря на темноту, его улыбка ослепляла. Из

груди выходит смех, растекаясь по салону. Я ударяю его по плечу, шикая от недовольства.

— Ауч, больно же! — Он почесал больное место. — Когда-нибудь у меня там точно останется синяк.

Машина остановилась и затормозила. Питер вытащил купюру из своего кармана и отдал любопытному водителю.

— До свидания, голубки! — прокричал водитель, тронувшись с места, когда мы уже оказались на улице.

Мы проходили через гущу высоких густых деревьев, к обрыву. Наше молчание затягивалось, и никто из нас не хотел его нарушать. Ноги ступали на жёлтые листья и при каждом шаге они шуршали словно бумага. Питер следует неподалёку от меня, держа расстояние.

Я уже вижу свет между деревьями, откуда слышался шум моря. По мере нашего приближения шум становился громче.

— Я к тебе так отношусь, потому что ты мне дорога. — Его голос проходит через кроны деревьев, сливаясь с воздухом. В голосе слышался упрёк, как будто я и так должна была догадаться, но всё же он продолжил, тихо вздыхая:

— Я тебе уже говорил, что беспокоюсь за тебя. — Он останавливается и делает неуверенные шаги в мою сторону. Щёки стали розоветь, а на лице появилась улыбка.

— Что ты улыбаешься? — Он хмуро оглядывает меня, скрестив руки. Запах океана доходит до меня, и я больше не могу сдерживаться. Прохладный северный ветер окатывает нас, развивая мои спутавшиеся локоны. Они летали в воздухе, пока кончики волос Питера переплетались между собой

наверху.

— Мне просто приятно это слышать. Ты мне тоже дорог, Питер, — признаюсь я тихо. — Спасибо тебе.

Я подхожу к нему ближе, осторожно повисая на шее.

— За что? — недоуменно проговорил парень, стоя неподвижно, однако держа руки по обе стороны.

— За правду... — Я делаю глоток морской воды. — Просто за всё. — Шепчу. Он пожимает плечами, слабо хмыкая.

— Я же твой друг.

"А друг ли он для тебя?" — твердит в ухо внутренний голос.

* * *

Обрыв по-прежнему стоял на своём месте; волны бушевали под ногами, погода здесь была совсем другой. Не как в городе. Здесь не было пения птиц, лишь шелест листьев деревьев, раскачивающихся на ветру позади наших спин. Питер подошёл ко мне, накрывая руками мои плечи, и чуть потирая.

— Надо было мне взять кофту. Не знал, что мне придёт в голову такая идея, — проговорил извиняющимся тоном и вздрогнул от холода. Я улыбнулась.

— Самые глупые идеи приходят к самым гениальным людям, — выговариваю я, пожимая плечами. Он усмехается, втягивая голову в плечи.

— Значит, считаешь меня гениальным? — искоса поглядывая в сторону, спрашивает паренек. Я оглядываю бескрайний океан. Волны поднимались в воздух, ветер обдувал лица.

— Может, если только совсем чуть-чуть.

— Ты заблуждаешься. Я совсем не такой, как ты думаешь.

— Почему? Ты думаешь, что ты плохой? — усмехнулась я, склонив голову, и обращая к нему взор. Его лицо стало серьезным. Парень взглянул вдаль синевы. Глаза Питера стали какими-то отстранёнными, впрочем, как и он сам. Он покинул этот мир и улетел. Однако парень успел кивнуть и перешел на шепот.

— Потому что считаю себя таким. Я безнадёжен. От меня нет никакой пользы.

— Почему ты так говоришь? — Я сжимаю руки в кулаки, стискивая зубы от холода. Чувствую, как с уголка глаз скатываются слезы. Питер встrepенулся, поднимая от удивления брови.

— Ты плачешь? — Парень нагибается, проверяя догадку. Я отвернулась, смахивая слезу.

— Нет. Просто обидно... Обидно, что люди о себе такого мнения. На данный момент ты меня убиваешь своими словами. — Мой голос дрогнул и я затихаю. Он хмуро осматривает меня, молча слушая.

— Это же правда, Кер.

Он пожевал свою губу, медленно приближаясь ко мне. От бессилия падает на колени, ровняясь со мной. Делает глубокий вдох и закрывает глаза.

— Но с тобой я себя таким не чувствую. Ты совсем другая: ты безобидная... Черт, такая легкая. С тобой просто общаться. Ты всегда знаешь, что сказать и как поддержать в трудную минуту.

Я окончательно немею, хлопая ресницами. Питер обхватывает мои укутанные в рукава ладони, крепко сжимая.

— Я просто хочу быть рядом, — шепнул он, выдыхая клубок пара изо рта. Его слова въелись в кожу, заполняя мозг и полностью поглощая меня.

— Так будь, — произношу тихо. Мои слова еще вертятся в воздухе, пока мы молча смотрим друг другу в глаза. Он мило улыбался, показывая ямочки на щеках. Молчание прерывали только шум моря, да свист ветра. На улице стало темнеть, но было уже всё равно. Всё, что мне было нужно — находилось рядом.

— Почему это место называют Мистик-Стрит? — Через какое-то время спросила я, оглядывая место. Питер покачал головой.

Мистик-Стрит — название улицы, где раньше находился пляж — на нем как раз и стоял обрыв. Это все, что я могла знать. Питер лежит на земле и смотрит в ночное небо.

— Хочешь об этом узнать? — интересуется парень, приподнимаясь на локти. Он похлопал по твердой суховатой земле возле себя.

— Тогда, слушай.

Питер подвинулся, освобождая мне место. Положил себе под голову руки и вдохнул холодного воздуха. Я улеглась поудобнее, поднимая глаза на темное беззвездное небо.

— Давным-давно, ещё до наших дней, здесь стоял большой дом. В нем жили две девочки с родителями. Одну девочку звали Мистик, вторую Астрит. Родители звали её коротко Стрит. — Питер тяжело выдохнул и сердце тут же сжалось.

— И что с ними произошло?

— Однажды, родители девочек не вернулись домой. Девочки думали, что с ними произошло, пока в дверь не постучали. Мистик — старшая из двоих — подошла к двери и отворила её гостю. Мужчина зашёл в дом. Оказалось, это был полицейский. Он выглядел полным, облаченный в форму, а в руке держал свернутую бумажку. Он бросил её на стол, спрашивая:

— Это ваши родители?

Тогда Мистик посмотрела на фото. На ней оказались пропавшие родители девочек. Она кивнула, грустно вздыхая. По ее щекам начинали течь слезы. Мужчина позвонил в приют, так как дети были несовершеннолетними и нуждались в заботе. Через несколько дней их забрали.

Мистик не могла жить в приюте. Она постоянно убегала оттуда, но девочку все время ловили.

Ставили ей на окна решётки, ограждая от внешнего мира, оставляли в отдельной палате. Даже связывали ей руки и ноги, чтобы не убегала...

Но однажды, продумав всё до мелочей, она снова убежала. На этот раз план сработал.

Мистик вернулась домой и через два дня — после побега — скинулась с этого самого обрыва.

Проходили дни; её искали, но так и не могли найти. До сих пор никто не знает, где она. Обнаружили тело девочки и похоронили, или осталось тело вообще. Никто этого не знает.

Питер встает на ноги, поднимая меня за собой. Погода менялась ежесекундно; тучи постепенно сгущались, приглашая приведений и обитателей леса в самое пекло торжества.

— Погода портится. Нам лучше вернуться. — Он оглядывает меня, и я киваю в ответ. Затем парень обхватывает мои плечи и уводит через лес по тонкой тропе, обратно к цивилизации.

— А что случилось со второй девочкой? — спрашиваю я, когда мы ехали обратно в такси. Водитель молча — в отличие от предыдущего — и плавно вел машину, смотря на дорогу. Этот парень выглядел более презентабельным, не задавая никаких лишних вопросов.

— С Астрит? — переспрашивает Питер, зевая.

— Да.

Питер смотрит на окно, затем снова на меня.

— В приюте ей тоже не жилось. Ее постоянно мучали другие дети: запирали в туалетах, срезали волосы, а потом как им хотелось издевались над бедной девочкой. Она не выдержала всего этого и повесилась в женском туалете. Когда Мистик узнала об этом, не поверила. Однако, когда ей показали её младшую сестру вживую, повешенную на петле вниз головой, она закричала и все время плакала. Временами дело доходило даже до истерик. Остальное ты знаешь. — Я молча кивнула. Я долго разглядывала его часть лица, освещаемую фонарем, пока уголок губ не потянулся вверх.

— Откуда такие подробности, Питер? — Он пожал плечами, но даже не улыбнулся.

— Ночью долго смотрел всякие новости и вот случайно наткнулся.

Я сузила глаза, в упор разглядывая парня.

— Обычные люди ночью спят.

Питер расхохотался на весь салон, закидывая голову на заднее сидение.

— Боже, Кер, ты меня убиваешь.

— Я не виновата, — произношу, отворачиваясь к окну. — Я просто говорю то, что думаю.

Питер ловит меня за подбородок и поворачивает к себе. Его глаза светятся лучиком тепла, согревая изнутри.

— Поэтому... — Он закрывает глаза, выдыхая и снова открывает, сильно хмурясь. — Я тебя не виню. Это хорошо, что у тебя есть свои мысли и собственное мнение.

Питер отпускает меня и отсаживается на свою сторону. Он явно не договаривает — это чувствуется всем сердцем. Мысли опять работали как им хотелось, накручивая до предела.

Машина бесшумно доехала до моего дома. Я нехотя открыла дверцу машины и вылезла на свежий воздух. Прохожу к двери и хочу уже уйти, как голос Питера заставляет замереть на месте.

— Подожди! — Голос парня усталый. Он выходит из машины и, не спеша, двигается ко мне. Я стою на крыльце в ожидании.

— Спасибо за проведённое время. Надеюсь, оно будет не последним.

Я поморщила нос, вдыхая аромат наступающего ливня.

— Надеюсь, — прошептала я. Меня снова окатывает волна беспокойства. Я начинаю не на шутку волноваться.

— А как же наши сумки?

— Ну, — Он почесал затылок, уводя в сторону глаза. — Сегодня им придется провести эту ночь на вахте, а утром мы их заберём.

Я киваю, выдыхая. Он лишь пожимает плечами. Глупо как-то волноваться за неодушевлённый предмет. Хотя там и правда были нужные мне вещи, к примеру — телефон. Наверняка мама обзвонила чуть ли не все городские школы, а также включая морги и больницы. Я перевожу взгляд на своё окно, но там стоит лишь крошечная тьма. Может, мама спит?

— Тебе, пожалуй, пора домой, — прозвучал голос Питера в темноте. Я оборачиваюсь к нему.

— Да, надо бы, — сухо отвечаю и смеюсь, вспоминая его частые походы.

— Твои, скорее всего, волнуются за тебя.

Питер смеется, его плечи потряхивает.

— Скорее уж я за них, чем они за меня, — он хихикнул, — Правда, Кер.

Парень отходит назад; половина тела уже скрылась в сумерках. Он помахал рукой и сел в такси, уезжая от меня.

Этот день оказался не таким уж и ужасным. Главное, с какой стороны посмотреть. С Питером мне хорошо, и я с ним в полной безопасности. Это чувствуется. Сэм по-прежнему остается для меня загадкой: то наглый, самовлюбленный простак, а через минуту уже улыбается. Странные существа — парни.

В доме оказалось пусто и страшно глухо. Свет везде выключен, от чего по телу пробегают мурашки. Сняв с себя обувь и прижав кеды к груди, окликаю маму, но в ответ ничего не получаю. Мне становится не по себе.

Быстро пробегаю по лестнице на второй этаж, но там никого не оказывается.

В спальне мамы тоже не было; дверь слегка приоткрыта и оттуда выходит только лунный свет из окна. Сердце уходит в пятки, когда замечаю, что написано на полу, по середине комнаты. Сердцебиение учащается. На смятой простыне написано огромными буквами:

Я СКОРО НАЙДУ ТЕБЯ. ТЫ ОТ МЕНЯ НЕ СПРЯЧЕШЬСЯ, КЕРРИ.

Я могла только предполагать, что эти буквы написаны не кровью... Лунный свет опускается на проклятые буквы, отдавая зловеще-алым оттенком. Красный цвет все-таки был похож на кровь. На человеческую кровь. Запах доходит до ноздрей и я отхожу назад.

Ума не приложу, кто мог это написать. Откуда некто мог узнать мое имя? Мама в комнате не нашлась. Решив, что она задержалась на работе, здесь меня ничего уже не держит. Выбегаю из спальни, охваченной мраком, и спускаюсь вниз. Я хватаю куртку, висевшую на вешалке возле входной двери, и исчезаю в ночи.

Страшно возвращаться обратно. Я иду по ночному городу, укутавшись в кожаную куртку, кое-как получая от нее тепло. Фонари, стоявшие возле тротуара, освещают дорогу, пока я прогуливаюсь по светлой стороне, бредя в неизвестность. Шлепая босыми ногами по асфальту, уже не знаю, куда иду. Но останавливаться не хочу. Кто или что написало это? Зачем?

Страх пробирает до костей. Я ускоряю шаг и пускаюсь в свободный бег. Чувство, как будто за мной кто-то гонится. Неподалеку замечаю фары приближающейся машины. Она останавливается и оттуда выглядывает ошеломленный Питер. Волосы на половину светлые, другая сторона оставалась в тени, как и его лицо.

— Питер?

— Керри, я думал, ты уже давно спишь? — спрашивает парень, открывая дверь. Он кивнул. — Залезай.

Я молча прыгаю в салон, закрывая дверцу.

— Что ты делаешь посреди ночи, да еще одна на улице? — Он нервно смеется. Я озираюсь по сторонам, ожидая страшного чудовища. Но его все нигде нет.

— Дома... там...

Те буквы так и засели у меня в голове, но вымолвить хоть одно из чередующихся — не могу. Питер сказал адрес таксисту, тот, молча кивнув, поехал к намеченной цели.

— Ладно, расскажешь по дороге.

Я киваю, медленно выдыхая и закрывая глаза, погружаюсь в мягкую обивку кресла такси.

Машина ехала невероятно долго. Меня тихо потряхивало; руки дрожат в замке.

Поехать к Питеру или куда-нибудь ещё было неважно. Главное — не возвращаться домой. Почему я не могу спокойно жить в этом чёртовом мире? В глазах вдруг зашипало, и по моей щеке скатилась слеза.

— Эй, Кер, ты чего? — Питер пододвигается, протягивая руку к моей щеке и поспешно прося слезу исчезнуть с моего лица.

— Что случилось?

Я молчала и только всхлипывала. Сил не находилось, чтобы описать ситуацию. Я осторожно пододвинулась к нему ближе; голова опадает ему на плечо.

— В моём доме кто-то написал ужасные слова... какой-то красной краской. Ну, я так думаю, что это краска... надеюсь, — шепчу, утыкаясь в его грудь. Питер напрягается и обхватывает мои плечи, прижимая к себе.

— Что или кто написал это? — Он склоняет голову к моему уху.

— Я не знаю... — Мой голос дрожит и переходит на жалкий всхлип. Когда я рассказала ему, что случилось, когда Питер уехал, он стискивает меня сильнее.

— Откуда он узнал твоё имя? — Я покачала головой, пожимая слабо плечами. Машина остановилась и водитель произнёс:

— Приехали.

Дом Питера возвышался над небольшой впадиной, весь отделанный хрупким стеклом. Можно было даже увидеть, что происходит внутри.

— Проходи.

Он галантно открыл дверь, придерживая, пока я не зайду. В коридоре стоял лютой холод, пробегающий по ступням ног. Я снимаю куртку и, держа её в руках, прохожу в гостиную. В гостиной сидит уже знакомое лицо. Парень играл в приставку, шумно болея за себя самого.

— Привет, Кевин, — проговариваю, вставая в стороне, но парень даже носом не ведет.

Кевин быстро переводит на меня глаза и улыбается. Брат Питера оставляет приставку, ставя игру на паузу.

— Кого я вижу? — Он проходит ко мне, крепко прижимая к себе, душа сильными объятьями.

— Какими судьбами сюда?

— Она все равно здесь не на долго, Кев. — Питер появляется из ниоткуда. Я подпрыгиваю на месте. Он кидает недружелюбный взгляд на брата, утягивая меня на себя.

— Пойдём, Кер, я приготовлю чего-нибудь поесть, потом ты мне всё расскажешь. — Зеленоглазый протянул мне свою руку, я переплела с ним пальцы, направляясь в другое крыло дома. Только здесь я могла вздохнуть спокойно. Полной грудью и при этом зная, что никто не тронет пальцем.

После того, как живот был набит и кусок в горло уже не лез, я рассказала во всех красках про странную надпись в спальне и почему оказалась на улице совсем босиком.

— Я убежала оттуда. А мама... — Я склоняю голову, погружаясь в себя. — Думаю... она просто заснула от перенапряжения на работе. Питер кивает в знак согласия.

— Да, вероятнее всего, это так. Значит, этот маньяк знает твоё имя?

— Да.

— Может пока тебе остаться здесь? — Он окинул взглядом помещение. Брови взметнулись вверх, услышав такое.

— А как же твоя семья? Что они скажут?

Питер усмехается и пожимает плечами.

— А что они скажут? — Он чуть поерзал на стуле, опираясь локтями на столешницу. — Сейчас они в разъездах и вернутся только через три дня.

— Ладно, а что же с Кевином?

Он рассмеялся, махая в сторону гостиной.

— За него даже не волнуйся, он придурок и никому не скажет.

— Кто это придурок и что я не скажу? — произносит Кевин, входя на кухню. Он сонно чесал затылок, переваливаясь с ноги на ногу. На нём домашние шорты до колен, белая футболка, на которой написано чёрными большими буквами: "Let's Go"

— Никто, Кевин, — отмахивается Питер. — Кер поживёт здесь, не против? — Кевин облокотился на маленький островок, подле своего брата.

— Ладно. Зачем мне лезть в чужие дела, правильно? — произносит парень, подмигивая мне. Я лишь слабо улыбаюсь, чувствуя неловкость. Кевин переводит глаза полные

решимости на Питера.

— Питер, можно тебя на минуту? — странно вежливо просит Кевин. Тот кивнул, извинился, и вышел вместе с ним в коридор. Я была смущена. А вдруг приедут родители Питера и увидят незнакомую девушку? Что они подумают?

Парни долго не появлялись. До меня доходили только отголоски и их шепот. Я успокаивала себя тем, что все будет хорошо: утром вернется мама, и я вернусь обратно домой. По крайней мере, всё еще так считала.

Потряхиваю головой, чтобы сбросить все ненужные мысли, когда из-за угла выходит Питер со счастливой улыбкой на лице. Он кивнул в сторону, маня пальцем.

— Пришло время найти ответы на твои вопросы, — усмехается он.

Мы обложились со всех сторон книгами, обсуждая, кто бы мог это сделать, но в голову конкретный человек не приходил, пока в окнах потихоньку не пробивался ранний свет.

Меня посетила мысль, что это дело рук моих старых друзей — вечных бездельников с Техаса. Может так они решили мне отомстить?

Питер предлагал мне посмотреть в интернете, но не было улики. Я понятия не имела, кто или что это было.

Тем временем мы успели обшарить все книги Питера, которых оказалось больше, чем в обычной библиотеке, пока не пригляделось подходящее.

— Посмотри! — Питер указал длинным пальцем по дряблой странице очередной безымянной книги. — Похож почерк? — На пожелтевшей странице был каллиграфический почерк и вверх вздернутые хвосты буквы "а".

— Нет, Питер, это не то. — Я вздыхаю, откладывая следующую книжку от себя — чуть ли не бросая — и закрываю лицо от безысходности.

— Что? — интересуется Питер, не глядя на меня и бегая глазами по стопке вокруг нас.

— Это бессмысленно. Имею в виду всё то, что мы с тобой сейчас делаем. — Всплескиваю руками, показывая на полки.

— А вдруг мы что-нибудь все-таки найдём?

Я ухмыляюсь, поднимая бровь.

— А вдруг нет? — иронично спрашиваю я. Питер поворачивается ко мне лицом. Он усмехнулся, сканируя мою реакцию.

— Ты быстро сдаёшься. — Я хмурю брови. Пусть думает, что хочет. Мне всё равно.

— Тогда, если я такая слабая, пожалуй, лягу спать, — лепечу, вставая на совсем ватные ноги. Питер быстро бросает книгу в сторону и встает, отряхиваясь.

— Я с тобой.

— Ты? — Глаза готовы были выпасть из орбит.

— Ты не расслышала?

Густые брови парня вздёрнулись. Я слишком измотана и не хотела очередной ссоры. Он молча положил мне свои руки на плечи и провёл к кровати, стоявшей по середине комнаты. Вся помятая и уже разобранная. Но сейчас не до выбора лучшего места. Я готова даже на дырявый матрас лечь, лишь бы поскорее заснуть.

— Ложись, — шепчет парень. Я поднимаю на него глаза, удивляясь. — Я серьёзно. В гостиной я тебе не постелю, даже не проси, — проговорил сурово Питер, фыркнув.

Он стягивает с себя джинсы и снимает через голову серую помятую футболку. Освободившись от всего лишнего, он ложится на кровать, перекатываясь на левую сторону кровати, спиной ко мне. Я занервничала; пальцы задрожали, глазами принимаюсь бегать по пустому месту рядом с теплым телом Питера. Я не стану спать вместе с ним.

— Я не шлюха, Питер. Я не лягу с тобой! — Начинаю скрещивать руки на груди. Питер нахмурился, повернулся, и на его лице появилась легкая улыбка, переходящая в истерический хохот.

— Я не собираюсь с тобой спать, Кер. У нас отключили батареи на некоторое время. Ты просто замёрзнешь, решив спать на полу.

Я сглатываю, дрожа всем телом. Осторожно усаживаюсь на край кровати, снимая

лишнюю одежду. Он накрывает меня одеялом и продвигается ближе; его прерывистое дыхание ощущается возле уха. Я прикрываю глаза.

— Доброй ночи, Кер. — Затем он перекатился на свою сторону кровати и уже через минуту его дыхание выровнялось. Питер заснул. Я долго лежала на боку к нему спиной, слушая ветер за окном и тихую тишину в доме, пока не провалилась в беспокойный сон.

Впервые за несколько недель я по-настоящему выспалась. До тех пор, пока звон будильника не прошелся по всей комнате. Резкий стук по будильнику — и он замолчал. Питер потянулся и я почувствовала, как матрас подо мной прогнулся.

Солнечные лучи резали глаза, пробуждая. Я перевернулась на другой бок. Но долго спать не удалось. Вяло открываю глаза, вижу, как Питер мирно дремлет; веки закрыты, длинные ресницы дёргаются во сне. Лицо спокойное и умиротворённое. Он спит как младенец. Волосы торчат в разные стороны. Вдруг веки парня вздрагивают от солнечных лучей, глаза светятся притягательным зелёным цветом.

— Привет, — пробубнил он сонно.

— Привет, — вяло отзываюсь я, улыбаясь ему.

— Как ночь?

Он смотрел сквозь меня, оглядывая что-то за спиной. Я подтягиваюсь и сажусь на подушку, скрестив ноги на кровати.

— А ты?

— Я даже не помню, как уснул, — улыбнувшись, виновато проговорил он.

В лесу постепенно поднималось солнце, лучи падали на пол комнаты, поднимаясь ввысь. Питер поднялся на локти, разминая шею.

— Я все-таки сдержал обещание.

Он повернулся ко мне. Я встала с кровати, смеясь, и потянулась. Затем прошла к двери, открывая нараспашку. — Решила убежать? — изгибая бровь, интересуется Питер, вставая и натягивая джинсы.

— Пойду в душ, пока есть время. Пора собираться в школу, ты забыл? — усмехаюсь ему в лицо. Он закрывает веки и мычит.

— Ох, снова вернулась Зубрила, — ворчит он, но остального уже не слышу.

В ванной затворяю за собой дверь, уходя в теплое облако пара. Опрокинув голову под воду, мочу волосы. Я хотела, чтобы вся усталость, все воспоминания вчерашнего — исчезли, будто их и вовсе никогда не было. Выйдя из душа, укутываюсь большим полотенцем и чищу зубы, как дверь отворяется и заходит сонный и растрепанный брат Питера Кевин.

— Доброе утро, — промямлил он, потирая затылок и беря свою щётку из стаканчика.

— Доброе, — пропыхтела, пытаюсь говорить чётче, но из-за пены во рту не получалось. Я сплёвываю. Кевин почистил зубы и тоже сплюнул.

— Как спалось на новом месте? — спрашивает он, подмигивая.

— Давно так не выспалась, если честно, — отвечаю, несмотря на его не скрытое подтрунивание надо мной. Хочу выйти, уже взялась за ручку двери, чтобы открыть, как Кевин остановил меня.

— Я и не сомневался.

— Что ты имеешь в виду? — Я обернулась, хмуро глядя на него. Его глаза красные, будто он всю ночь не спал. Кевин подходит ближе, сжимая в руке щетку.

— Я хочу сказать, что ты и Питер... — Он поднял палец и соединил с другим указательным, — Вы не похожи на друзей. Честно.

Я кивнула на него, ухмыляясь; мое сердце забегало в груди.

— С чего ты решил?

Волосы все еще были мокрыми и с кончиков стекала вода, падая на пол и образуя маленькую лужу. Кевин закатил глаза.

— Он никогда не дружил с девчонками. Я просто не помню, чтобы такое было...

— Значит, я везунчик, — проговорила я, беспричинно пожав плечом.

— Или просто исключение из правил, — заключает он собственную мысль. Я улыбаюсь и качаю головой, выходя в коридор, когда Кевин залезает в ванную.

Какой только бред не придёт с утра пораньше человеку. Может он ещё не совсем проснулся, судя по его красным глазам. Откуда у него такие познания в чувствах других? Лицо после душа порозовело, губы окрасились в красный цвет. Я вдохнула побольше воздуха, закрыла глаза, выходя наружу.

Мы уплетали завтрак в обе щеки, пока к нам не присоединился Кевин, поедая еду так, что изо рта все летит в разные стороны. Он вытягивает из шкафа полотенце и вытирает рот.

— Ребят, я буду поздно, не ждите меня.

— Мы и не собирались, — усмехнулся Питер с другой части стола, на что Кевин одаривает его предупреждающим взглядом. Он бросает тарелку в раковину и уходит, оставляя нас одних. В коридоре Кевин перекинул через плечо черную сумку, затем во дворе газанула машина и через секунду парень пропал.

— Хм, и часто он так делает? — спрашиваю, изучая коридор, в котором только что находился Кевин.

— Поздно приходит? — Питер шмыгнул носом, убирая со стола. — Чуть ли не каждый день.

Парень остановился возле раковины с посудой в руках, поднимая задумчивый взгляд. Он усмехнулся, иронично качая головой.

— Он постоянно зависает на всяких вечеринках. Охмунив очередную легкомысленную дурочку, он играет с ней, а на следующий день бросает, оставляя ее упиваться одиночеством вместе со своими проблемами. Я пожимаю плечами, передернувшись.

— У него хоть раз в жизни была девушка?

Питер звонко перебирает посуду в раковине; вода стекала по трубам, иногда постанывая. Но сам он молчал, будто не расслышал. Я хотела повторить, но парень резко останавливает свои действия, поднимая голову.

— Была.

— Была? Что с ней стало? — Питер заскрежетал зубами, тарелка соскользнула с рук, с шумом ударяясь.

— Он не хочет об этом говорить, для него это больная тема. А в нашей семье всегда, прежде всего, на первом месте: чувства близких, а потом уже собственные, Кер, — Его лицо помрачнело, свет в глазах потух.

— Так значит он ищет радость в вечеринках, желая притупить боль внутри?

— Именно. — Питер подходит к столешнице, вытирая руки. — Но это его проблемы. Лучше с ним не говорить об этом, иначе пожалеешь.

Я покорно киваю. Я не хотела связываться с Кевином. Это его история, а я буду просто пешкой, как для быка красная тряпка. Огонь вспыхнет и начнется пожар.

Мы запрыгнули в машину, он включил зажигание и посмотрел на меня, ухмеляясь.

— Что ты задумал?

— Просто расслабься и позволь себе хоть раз получить кайф от жизни. — Питер хохочет. Я вжимаюсь в спинку кресла, когда машина резко дергается и свистит колесами.

— Держись, Зубрила!

Я взвизгиваю, хватаюсь за подлокотник, чтобы только бы не упасть. Питер смеется, издеваясь над моими нервами.

Перед глазами встает картинка из прошлого — визг матери, мороз по коже, когда машина врезается во что-то твердое и неприятное на ощупь. В ушах звенит, дыхание учащается.

— Останови! Останови машину! — прошу его, крича. Моё сердце бешено бьется, а по всему телу бегают табуном мурашки. Питер не слышит меня, только прибавляет скорость.

— Ты знаешь, что нервные клетки не восстанавливаются, Питер? — Голос от страха понизился.

Питер громко хохочет, но замедляет скорость до минимума, когда подъезжаем к школе. Колеса машины затормозили по гравию. Я резко распахиваю дверь и бегу внутрь здания, подальше от Котла на колесах.

— Кер, стой!

Питер ринулся в бег, ловя за локоть. Некоторые студенты кучкой уже столпились возле машины Питера, другие играли на своих импровизированных инструментах где-то на школьном крыльце или на лестнице.

— Что тебе? — процедила я, оборачиваясь. Он часто дышит, приводя дыхание в норму.

— Ты злишься? — спрашивает он, все еще не отпуская локоть.

— Отпусти, мне больно, — шиплю, отстраняясь.

— Ты злишься? — повторяет Питер чуть резче, подходя ближе. Я раздраженно вздыхаю.

— Да, Питер, я злюсь. Если бы мы разбились или машину бы просто на просто занесло? О чем ты думал вообще?! — Мой голос повышался с каждой минутой. Он стистнул зубы, сжимая кулаки.

— Привет, ребята! Куда вы вчера делись? Мы с Дженни вас обыскались... — Появилась Мэгги и принялась оглядывать нас с Питером, махая рукой перед моим лицом, затем подходила к Питеру, делая то же самое с ним.

— Эй, с вами всё в порядке? — Мэгги нервно смеется, кивая в сторону.

— Да, замечательно.

Питер отскакивает назад, кивает Мэг, и, стрельнув в меня последний раз взглядом полным злости, уходит.

— И что это было? — озадаченно спрашивает Мэг. На ней синие в обтяжку джинсы, белая блузка, застёгнутая на все пуговицы, и желтый пиджак. Из высокого хвостика несколько волнистых локонов лежат на спине девушки, и сама она выглядела как бутон тюльпана. Я качаю головой.

— Не знаю. Возможно, просто встал не с той ноги, — бурчу. Она оборачивается ко мне, хищно улыбаясь.

— Я видела, как вы приехали вместе... — Я нервно закатываю глаза, поправляя одежду.

— Он просто случайно попался под руку, Мэг.

Мэгги иронично замахала ресницами, томно вздыхая.

— Мы встретились, и он предложил подвезти меня.

Но девушке этого было мало. А может и вовсе не верила. Звонок прошелся по всему полю, мы обернулись.

— Ах, всегда так: как только начинаются морозы, все закрываются и уходят в себя, — вздыхает подруга, откидывая локоны на бок.

Рядом со мной сидела Мэг, скучая и чуть ли не засыпая на ходу. Весь класс на уроке литературы погрузился в сонное царство, временами издавая постанывающие вздохи со стороны.

— Так что с вами происходит? — вопросительно шепнула Мэг.

— Ты о чем? — Я перевожу на неё недоуменный взгляд. Девушка насупилась, вжимая кулак в парту.

— Керри, не включай дурочку! Я о тебе и Питере. — Я пожимаю плечами, глубоко вздыхая.

— Мы просто друзья.

Мэг недоверчиво смотрит мне в глаза, постукивая ногтем по древесине.

— Что? — уклончиво спрашиваю, тихо смеясь. Она качает головой и скрещивает руки.

— Я тебе не верю. Ты говоришь это, чтобы я просто отстала.

Подруга раздраженно откидывает золотистые локоны за спину. Я закатываю глаза.

— Не закатывай глаза, когда я говорю правду.

— Мэг, когда ты стала такой умной? — пытаюсь съязвить, переведя тему, но она обиженно фыркает, устремляя взор на окна. Там уже собирались густые тучи, готовые извергать молнии.

— Я просто повзрослела. А ты сначала разберись в себе самой и не говори чушь, если не знаешь наверняка.

Мэгги просидела весь урок, так ничего больше не сказав. Но с другой стороны, она была права — я запуталась. Что между мной и Питером на самом деле?

Звонок прозвенел по всей школе, оповещая об окончании урока. Мэгги собрала свою сумку, перебросив через плечо, и вышла из класса, даже не замечая меня. Я бегу следом за ней, чтобы разобраться во всём. Объяснить. Но в коридоре ее уже и след простыл.

— Мэг, подожди! — кричу ей вслед, лавируя мимо старшеклассников посреди футбольного поля. Она все-таки останавливаясь, проходит ко мне, дефилируя на высоких каблуках.

— Что, Керри? Придумала что-то еще?

— Прости меня, я просто не в духе... — искренне проговорила я. Она с минуту молча поглядывает на мои ноги. Наконец, освободившись от сумки, та падает на мерзлую траву, девушка крепко прижимает меня к груди.

— Это ты меня прости, я не знаю, что на меня нашло.

— Забыли? — спрашиваю я, улыбаясь и хлопая по спине. Она вдыхает аромат розы, где-то цветущей неподалеку от нас, прочищая горло, кивает головой и отходит назад.

— А где Дженни? — спросила я, когда мы сидели на подоконнике, ожидая последнего урока. Мэгги пожала плечами, озираясь по сторонам, уперев руки в боки.

— Я её сегодня не видела. Может позже придёт? — предположила она, начиная разминаться на месте.

В коридорах шумно и гулко: все гоготали, разговаривали, бегая по лестницам, что даже стены тряслись, а окна готовы были дать трещину, впуская ветер. Я сидела на подоконнике, подперев под себя ноги, смотря в окно.

— Так что случилось с Питером сегодня утром?

— Ну... — Я начинаю потирать шею, дабы размять кости.

— Говори всё как есть. Я никому не расскажу, клянусь, — Она улыбается и я начинаю рассказывать, как мы на самом деле доехали сюда. Мэг сочувственно улыбнулась и хлопала по колену.

— Некоторые слова оставляют свой осадок. Они могут ранить человека. Понимаешь? — доводит подруга, как слабоумному ребенку, поднимаясь на ноги. Я кивнула и посмотрела в окно. Теперь я это осознаю.

За окном краем глаза замечаю водителя машины. Он сидел на столе, где обычно сидят футболисты, и вертел в руке что-то небольшого размера, смотря вдаль, на лес.

В голове что-то в миг включилось и перевернулось, вставая последним кусочком в пазл.

Я должна поговорить с ним, иначе все обернется крахом.

— Пойду подышу свежим воздухом, — кидаю я Мэг, но она уже исчезла, уходя вместе с толпой школьников в зал.

Когда проходила мимо охраны, заметила в будке знакомые сумки. Вахтера на месте снова не оказалось, лишь стояла кружка с недопитым чаем да маленький ящик, в самом углу, показывал картинки.

Бегая взглядом от кружки к стулу, захожу вовнутрь, быстро хватаю по праву принадлежавшие мне вещи и ускользаю к выходу.

Одну сумку вешаю себе на плечо, другую — на другое, и иду, хоть нервы натянуты тонкой струной, а ладони вспотели, на заднюю часть школьного двора.

Питер всё так же сидел на столе, опершись ногами на скамейку. Он даже меня не заметил, настолько был погружен в собственные мысли.

— Чем ты здесь занимаешься?

Я осматриваюсь до горизонта, пока не замечаю довольно странные покосившиеся деревья, но уже в метре от школы они затерялись в густом тумане. Питера передергивает, будто он увидел приведение, когда замечает меня.

— Кер, что ты тут забыла? — удивляется он, кидая камень из рук куда подальше. Он скрестил руки в замок.

— Ничего, — бурчу, скидывая его груз с плеча, — просто подумала, что это понадобится тебе. — Кидаю ему в ноги тяжеленный рюкзак. Из уст парня выходит подобие смешка, когда поднимает зеленоватые глазенки, затем рюкзак, и переводит взгляд на листву позади меня, снова сливаясь с природой.

Я сжимаю руки в кулаки так, что ногти впиваются в кожу. Подтянув лямку своего рюкзака, свободно болтающуюся на плече, выдавливаю последнее, выдыхая через нос.

— Я лишь... хотела извиниться.

Понимаю, что нечего здесь находится, Питер все равно не раскроет рта и даже не попытается объяснить свое поведение — ухожу. По мере отступления слышу резкий удар, затем шаги, постепенно сливавшиеся с постаныванием между стволов деревьев и ветром. В последний раз оборачиваюсь, но Питера на столе нет. Впрочем, как и самого стола. Стол, покосившись, лежал на влажной траве вверх тормашками. На глаза наворачивается пелена слез.

Горячие струйки обжигали щеки. На этот раз я больше не могла сдерживать свои эмоции в себе. Я бегу прочь, забегаю в туалет и смываю с себя остатки недопонимания. Вытерев соленую слезу тыльной стороной ладони, промываю лицо, пытаюсь успокоить дрожь во всем теле.

— Куда ты посуешь? — вопит Мистер Кит, свистя и ритмично жестикулируя руками. На нём широкие тёмного цвета спортивные штаны и борцовка. Из свистка раздаётся три заключительных писка и галдеж в зале стихает. Я тихо усаживаюсь в угол скамейки, отбивая красными кедами по липким полам зала. Все пропитано запахом пота, непередаваемых усилий победы и стремлений к совершенству.

— Скилеф кажется? — выпаливает учитель, сильно шурясь. Я нехотя повернулась к нему и кивнула, пряча руки в карманы толстовки. — Сколько время уже прошло? Ты опоздала! — укоризненно выпаливает он, показывая на наручные часы, висящие на его руке. Истошно выдыхая и закатывая глаза, он машет в сторону уже сгруппировавшейся на две

команды группы.

— Не мешай им. Посидишь до окончания игры тут, услышала?

Я быстро киваю и учитель отворачивается к группе остальных студентов, друг у друга отбирающих мяч. С моих щёк снова катится невидимая слеза, которую тут же смахиваю. Сейчас мне нужно просто отвлечься. На импровизированном поле бегали одни парни, передавая мяч для регби соседу из другой команды.

— Эй, ты не тому даёшь пас, придурок! — слышу голос Сэма.

Он пробегает мимо меня, поглощенный игрой. Затем падает, скрючившись, как креветка, на пол. Учитель машет ему перед лицом красной карточкой. Сэм вздыхает, говорит, что это было против правил, но встает и уходит, что-то бурча под нос. Он обрушивается на скамью, возле меня, та скрипит от натиска его тела.

— Откуда синяк? — отзываюсь я, медленно указывая на левую сторону лица. Сэм оборачивается и ощупывает рану, сильно морщась.

— Это результат драки, — говорит он, махая в пустоту. — Мелочь.

Я хмыкаю, отворачиваясь к игре. Конечно, для Джеймсона — все мелочь. Сэм легонько касается моего плеча, слегка трясся.

— А ты из-за чего такая грустная сегодня? — спрашивает он, и я замечаю на нем маленькую

складку между бровей. Я хочу что-то сказать, но не получается.

— А тебе-то что до меня? — спрашиваю резко, откашливаясь. Он молча пожимает плечами.

— Да ничего. Просто стало интересно, вдруг кто обидел.

— Никто меня не обидел. — Я отрицательно качаю головой. Выдыхаю так сильно, выпуская остатки сожаления.

— Скорее... это я обидела.

Сэм мычит, прикасается рукой к моему плечу, ободряюще выпаливая:

— Попробуй ещё раз извиниться, — улыбнулся он, — если этому человеку ты дорога, то он простит. — Его карие глаза успокоили меня. На время.

— Ну, а что, если я пыталась, но человек просто не слушал? Что тогда?

— Ну, может он просто вышел из себя? Знаешь, каждому человеку нужно выплеснуть гнев. Возможно, твой человек это и сделал. Попробуй ещё раз, ладно? — говорит он, вставая на зов учителя, просящего всех встать в одну линию.

— Я попытаюсь. Спасибо. — За целый день я улыбнулась искренне.

Просвистел свисток, и Мистер Кит помахал мне рукой, показывая, чтобы встала в ряд.

Я прошла по всему ряду учащихся и встала самая последняя, так как не была слишком высокой.

— У нас мало времени с вами, давайте поиграем в вышибалы. — Мистер Кит махнул в сторону Сэма и Джейка, возглавлявшего наш ряд. Они оба вышли и встали возле него.

— Выбирайте, кто в какую команду пойдёт. — Парни кивнули, широко улыбаясь, прыгая на месте от предстоящей игры. Питер так и не вернулся. Я перестала о нём волноваться. У меня тоже есть чувства и гордость.

— Керри! — Сэм зовет меня, указывая пальцем. Я непонимающе на него уставилась и показала на себя пальцем.

— Я?

— Да. — Его хохот разошелся по всему залу. — Идём, ты в моей команде.

Я отхожу от своего места и иду к команде Сэма. В ней пять парней и две девушки. Высокая девушка в коротком абрикосовом спортивном костюме. Вторая оказалась низенькая, как и я, в серой спортивной форме. Длинноволосый парень уже прыгал на месте; второй, коротко стриженный блондин в коротких шортах, и хилый в очках отбивали мяч.

Последний оказался пузатым, черноволосым пареньком, в серой рубашке и белых кедах. Он встал на защиту.

— Поехали, девочки, — выкрикивает Кит, садясь на высокий стул.

Все команды разошлись по своим сторонам. Краем глаза замечаю, как мне помахала из другой команды Мэгги, прыгая вверх. На ней короткие шорты фиолетового цвета и майка с двумя пуговицами впереди.

Я помахала ей в ответ, пока девушку не закрыл низкорослый парень, хлопая глазами.

— Керри! — Сэм, как капитан команды, указал на меня, распределяя обязанности других.

— Ты будешь в центре со всеми остальными. А ты, Адам, — он переводит глаза на Круглые Очки, — должен выбивать людей из другой команды, справишься?

Адам поправил очки, высоко задирая нос. К этому времени остальная команда уже стояла на своих местах, ожидая свисток. Команда противников уже растянулась по всей площадке. Мэг стояла возле меня, напротив девушка из моей команды, а сзади ещё два парня. Свистит свисток и игра начинается.

Мяч прыгает в разные стороны по площадке как человек, ходящий по раскаленным углям. В конце концов, в кругу остаются лишь я да парень из команды противника.

Вдруг мяч попадает в него, касаясь плеча, и парень двигается к лавочке пострадавших. Круг превращается в треугольник. Теперь в него входили Сэм, я и капитан из другой команды.

Мэгги терзала горло, поддерживая со скамейки запасных. Ей затыкали рот, но она не обращала внимания, лишь сильнее крича и поднимая руки в кулаках. Мяч опять пустили в свободное плавание. Он полетел на парня, но тот успеваеет увернуться.

Мяч снова летит и попадает в меня. На этот раз мне не удалось увернуться: смешанные возгласы разбежались по всему залу, окружая. Я просто закрываю глаза и прячу голову руками. Однако чей-то хриплый голос радостно закричал во все горло.

Я поворачиваюсь и вижу, как Сэм, ковыляя, приседает на лавку возле Мэгги. Подруга махает мне рукой в сторону, мол, "иди, а то попадут", затем смотрю вопросительно на Сэма, как он кричит, ободряюще улыбаясь и махая рукой в круг.

— Давай, Керри, осталось немного! Не дай этому сопляку выиграть!

Я возвращаюсь к мячу, ожидая удара. Нас оставалось лишь двое: я и Джейк. Я должна была выиграть — по-другому никак.

— Сдавайся, девчонка! — нахально вопит капитан второй команды. Я лишь невинно улыбаюсь, но не обращаю внимания.

Снова кинули мяч. Но на этот раз отскакиваю, подобно зайцу из западни. Мяч встретился с плечом капитана. Он выдыхает, полностью сдаваясь, и зло чертыхается. Сэм скидывает руки, кружит Мэг, пока вокруг меня начинала собираться группка болельщиков, скидывая меня к потолку. Все скандировали мое имя, громко и восторженно. Я расплываюсь в улыбке, насыщаясь вкусу маленькой победы.

Принеся победу в команду Сэма, вместе с ней я получила на весь оставшийся день поздравления со стороны всей школы. Некоторые студенты хлопали меня то плечу, то обнимали, то поглаживали по спине. Мне было приятно, что хоть кому-то я могла принести пользу.

После урока Мэгги убежала на информатику. Она просила и меня пойти с ней, но мы

пришли к тому, что лучше подожду в коридоре. Информатика — не моё. За окном закатные лучики солнца уходили за горизонт. Стекло слегка треснуло, и навевал мороз через трещину в учебное здание, когда мой телефон в кармане джинсов завибрировал.

— Алло? — В трубке послышался мужской голос.

— Это Керри? Керри Скилеф?

— Да, чем могу помочь?

Мужской голос издал в трубку некий издевательский смешок. Мне стало холодно и по коже пробежались мурашки.

— Кто это?

— Человек, — посмеялся незнакомец. — Ты не знаешь, где твоя мама? — спрашивает он, говоря уже мягче.

— Откуда мне знать, — съязвила, сжимая трубку в дрожащей руке. — Зачем она вам понадобилась? — Незнакомец вздыхает.

— Очень жаль. Тогда до встречи, Керри. Голос стих, и затем последовали монотонные гудки.

Откуда он знает мою маму, моё имя и фамилию? Паника нарастает. Кровь бешено скачет по венам. Что за мужчина? Может быть, это его рук дело в маминой спальне?

Я быстро встала, собирая сумку и бросая телефон в самую глубь. Мне нужно вернуться домой. Но одной идти довольно опасно. Мне нужен тот, кто бы помог преодолеть пропасть.

— Керри! — Издалека слышится голос Мэг и я оборачиваюсь. Она смахнула волосы назад и кивнула в сторону.

— Как ты смотришь на то, чтобы пойти проветриться?

Девушка потянула за собой, ведя на выход за пределы школы. Я нахмурилась.

— О чем ты, Мэг?

— На углу, за магазином спец. товаров, открылся новый паб. — Она застегивает пальто и выходит на свет. — Я бы хотела, чтобы мы извели его с тобой. — Её улыбка растягивается по всему лицу, но заметив мой отрешенный вид, вмиг исчезает.

— Мне нужно домой.

Я робко оглядываюсь за плечо, подтянув рюкзак.

— Мне нужно кое-что проверить.

Мэг начинает хмуриться, но ее телефон невероятно подает голос и, не проходит и трех секунд, она отвечает. Через две минуты девушка сияет, крепко обнимает меня, поправляясь на ходу. Я пытаюсь ее позвать, но она будто не слышит из-за сильного ветра, звенящего в ушах. Девушка улыбнулась мне, пожелав удачи, и скрылась за углом магазина.

Развернувшись, я вздохнула глубже морской воздух. Надо идти дальше, даже если не хочется самому. В последней раз подтянув лямку рюкзака, ринулась бежать, надеясь, что хоть кого-то застану в доме.

Пробираясь через толпы Серых Лиц и маленьких детей, резвящихся в воздухе и на руках у родителей, наконец добираюсь до одинокого дома. Он сливался с другими домами. Ничем не примечательный.

Резко распахиваю дверь и буквально залетаю в гостиную. Сумка летит в темный угол, а ноги несут по всем этажам. Страх разъедает внутренности, прожигая черную дыру.

— Мам? — дрожащим голосом кричу по всем закоулкам и открытым окнам. Ответа не последовало. Неожиданно вижу темный силуэт. Дрожь пробегает по всему телу.

Видимость сравнивается на ноль из-за мрака в комнате. Я медленно подхожу ближе,

когда очертания силуэта приобретают человеческие. Он покоится на боку, совсем не двигаясь.

— Мам? — повторяю, касаясь горячего плеча, как видится, женщины. Я опускаюсь на колени и бужу ее. Через несколько минут, наконец, я слышу её бормотание.

— Керри? — Я крепко притягиваю ее к себе, не желая отпустить.

— Господи, ты жива! — Она покачала головой, собирая волосы в аккуратный густой пучок.

— Керри, я думала, ты в школе? — Я вздыхаю, чувствуя, как щеки горят.

— А я думала, ты умерла.

Женщина обхватывает мои плечи и сильно встряхивает; одна морщинка озаряет лицо обеспокоенной женщины.

— Детка, откуда такие мысли?

Мне не хватает воздуха. Я лишь качаю головой, отходя назад и вставая на ноги.

— Я видела, как в твоей спальне были разложены кровавые угрозы. Мам... я не знаю, кто это мог быть... я... — Мама выставляет руку, подходя ближе к окну.

— Постой, о чем ты говоришь? Что за угрозы? Тебе кто-то причинил вред? — Она склонила голову и подняла на меня глаза. — Скажи мне.

Я вдыхаю ее аромат цветов, пожав одним плечом. Возможно, мне просто показалось..

— Нет, никто. Всё в порядке.

Мама спускается по лестнице в строгом костюме. Черный пиджак и узкие черные брюки гармонируют между собой, олицетворяя образ офисной дамы. Она цокает каблуками по ступенькам, становясь ко мне всё ближе и ближе.

— Керри, не переживай, это для работы. Ничего больше.

Она развернулась и ушла на кухню. После ее обнаружения, я сообщила ей о звонке Дьявольского Смеха, однако мама лишь закатила глаза и сказала, что ничего об это не знает. Больше она со мной об это не говорит.

Я мыла посуду, когда она уселась за стол, попивая горячий, дурманящий разум чай.

— У тебя секреты от меня?

Я слышу её голос, и от неожиданности моя рука соскальзывает и стакан с грохотом падает в раковину.

— Секреты на то и называются секретами, чтобы никто о них не знал.

Я обернулась с мыльными по локоть руками, улыбаясь.

— И вообще, кто такой этот парень, который довольно вежливо спрашивал у меня про тебя, мама? — Она резко меняется в лице, отставляя кружку.

— Пожалуй, это не твое дело, дорогая, — произносит холодно, но спокойно мама. Поставив резко стакан на подставку, я закрываю веки и возвращаюсь к посуде.

— Он искал тебя, — повторяю я, чувствуя, как голос садится, а глаза застилает пелена соленой воды. Сердце с каждым вдохом сжимается, будто в тисках. На мамином лице появилась складка между бровей и глаза опустились вниз.

— Может это у тебя есть секреты от меня? Не хочешь ничего мне сказать? — Отдираясь от раковины, подхожу к столу и, скрепя руки на груди, смотрю на неё в упор. Мама вдыхает глубже и выдыхает.

— Ладно, Керри, если ты так хочешь... — Она собирается с мыслями, долго мешкая. — Помнишь, я тебе говорила, что записалась в фитнес-центр? — Я киваю.

— Я не просто так туда ходила. Там я познакомилась с одним хорошим человеком...

Во мне забурлила кровь, ногти впились в кожу, а перед лицом встал образ отца. Отца, который лежит теперь в сырой земле и в нескольких милях от меня. Я хочу кричать от боли. Мама нашла замену.

Она тихо наблюдает за мной, бегая глазами по лицу. Что она хочет увидеть? Что после этого я улыбнусь, обниму её и скажу, что все хорошо? Я не могла просто так проглотить это как еду. Для меня эта новость — отвратительна. Мне хочется вывернуть все наизнанку и вконец забыться.

— И... Мы с ним встречаемся.

Глаза готовы были выпрыгнуть из орбит. Я хватаюсь за углы стола, сжимая и выплескивая весь гнев на деревяшку, а не на дорогого мне человека. Я не хочу причинять боль.

— Как?! Давно? — Мама что-то шепчет, но не могу понять. Только через несколько минут отвечает:

— Нет, всего ничего. — Она перебирает свои локоны, наматывая на пальцы.

— Сколько? — повторяю я. Женщина сглатывает.

— Несколько недель.

В голове быстрой строчкой пробегают слова, пока не сливаются воедино. Я часто моргаю, стирая слёзы со щек, готовые показаться в любую минуту.

— А как же папа? Ты про него, что, совсем забыла? — тихим голосом, чуть ли не шепотом, проговариваю. Мама подходит ко мне и обнимает, больше не зная, что еще предпринять. Я вдыхаю запах персика, закрывая глаза.

— Дорогая, конечно, не забыла. Как ты могла об этом подумать? Он всегда у меня здесь, — Она прикладывает руку к своему сердцу. С глаз скатываются слезы. — Но... — Я замираю, сощутив глаза, и склоняю голову.

— Но что? — переспросила я, отстраняясь. Её руки упали вниз и висят теперь как сухие макароны. Женщина одаривает меня счастливой улыбкой.

— Но я полюбила его, того мужчину. Его зовут Алекс. Он очень хороший, поверь.

Она стала приближаться ко мне и хотела уже взять за плечи, но я стряхнула её руки и, качая головой, отошла назад.

— Нет... нет... — недоверчиво твержу, держась за невидимую соломинку.

— Керри, он достойный человек. Тебе нужно просто с ним познакомиться. Тогда ты все поймёшь сама, — заверяет она, оправдываясь. Почему нельзя любить одного человека, даже если и мертвеца? Значит любовь до гроба — блеф?

— Я не собираюсь с ним знакомиться и никогда не полюблю его, как ты, слышишь? Никогда! — Из горла выходит вопиющий крик. Я быстро поднимаюсь к себе, хлопнув сильно дверью. Однозначно стук оставил трещины снаружи, искажая потолок. Я падаю на кровать и никого не слышу.

— Керри, перестань вести себя как ребёнок! — просит мама, стуча кулаками по двери.

— Вечером буду дома не одна. Ничего не произойдет, если ты вступишь нового человека в свою жизнь.

Больше я ее не слышала. Я думала, что секреты никому не делают больно, однако правда оставляет раны. Теперь карты раскрыты: у мамы появился новый мужчина. Трещины все еще держались на потолке, как и боль внутри меня. Но трещины можно залатать, как если душевную боль вряд ли.

— Привет, Керри!

Мама крепко обнимает меня, залетая в теплый коридор. На ней все тот же деловой костюм, в котором она уходила. Вода от дождя стекает на пол, оставляя глубокие лужи на нём. Когда она ушла, я наслаждалась тишиной: проходила по всем комнатам, открывала окна, вдыхая аромат ливня. Сидела на подоконнике и смотрела на проливную стену, размышляя обо всем и не о чем конкретно. Мысли путались, и от этого голова становилась тяжелее. В результате я решила, что буду вежливой и послушной ради счастья матери.

— Привет, мам, — мямлю сухо, когда замечаю нового гостя. Незнакомец переминается с ноги на ногу в проеме двери с черным пальто в руках.

— Познакомься, это тот самый Алекс. Алекс, это моя дочь — Керри.

Мама махает рукой с меня на него и обратно. Алекс протянул мне свою здоровенную руку и широко улыбнулся.

— Привет, кажется, мы уже знакомы, не так ли? — Я улавливаю долю южного акцента, мило улыбаюсь и киваю.

— Не знаю, откуда вы меня знаете, но вас впервые вижу, — подмечаю и быстро трясую его руку. Он легко пожимает плечами, сверкая блестящими зубами. Алекс переводит глаза

на маму.

— Все просто. Твоя мама много о тебе рассказывала.

Они мило друг другу улыбаются, а я вырываюсь из его руки. Папа мне всегда говорил, что надо быть гостеприимной и вести себя вежливо, ведь я — девочка. И его постоянные разговоры не прошли зря. Пора включить режим хорошей девочки.

— Вы голодны? — спрашиваю я, мило натягивая улыбку. Алекс, явно удивлен, смотрит на меня, потом переводит глаза на маму, которая так же смотрит на него.

— Да, я бы подкрепился.

Он вошел в сторону кухни, перед этим галантно помогая маме с пальто. Разогрев вчерашнюю лазанью, торопливо накрываю на стол, пока Алекс с мамой любезно беседуют между собой.

— Откуда вы найдете мою маму? — Этот вопрос так и хотел выйти; я не могла его не спросить об этом.

Алекс высокий, двухметровый мужчина. Орехового цвета волосы приглажены лаком. Овальной формы лицо, точенный нос делал его более выразительным. Серые глаза смотрят сосредоточено, а густые брови застилают взор. На подбородке замечаю ямочку, а на шее маленький шрам, похожий на укус. Алекс хочет что-то сказать, но мама его опережает, выставляя руки и томно вздыхая.

— Керри, я же тебе говорила, где мы познакомились!

— Я хочу узнать подробности. — Я киваю головой на Алекса. — От него. — Он откладывает вилку на тарелку и складывает пальцы "домиком", смотря на меня в упор.

— Хочешь знать, как мы с твоей мамой познакомились? — переспрашивает гость, сощуривая серый туман в глазах. Он вздохнул и через нос выдохнул, посмотрев на мою мать. — Мы познакомились в спортзале. Кара пришла записываться на уроки по фитнесу. Я был тренером, но тогда у меня была своя группа. Во время разминки она сильно вспотела, я наблюдал за ней, признаю. И... она оказалась в мужской душевой... — Алекс улыбнулся.

— Нет, это ты оказался, каким-то образом, в душевой! — Алекс подмигивает и кивает. Его спутница закатила глаза, хлопая его по плечу.

— Мы столкнулись в раздевалке. Я была завернута в полотенце, а он в джинсах и без майки. Мы смотрели друг другу в глаза, как вкопанные, а потом он произнёс:

— «Мы не встречались с вами раньше?»»

Мама улыбнулась и на ее щеках появился легкий румянец.

— Алекс, а вы знаете, что мама замужем? — стервозно спрашиваю, пытаясь хоть за что-то зацепиться, чтобы открыть глаза им обоим: они не созданы друг для друга. Он кивает.

— И как вы к этому отнеслись, м?

— Керри, у твоей мамы умер любимый человек, как, по-твоему, я мог отнестись к этому? — рывкает он, прищурив глаза. Мама сияет, излучая восторг, когда смотрит на него пораженная. — Понимаешь, Керри, когда ты кого-нибудь полюбишь, то поймешь, что значит любить по-настоящему. — Алекс мягко и со всей любовью смотрит на Кару.

Я падаю на кровать и закрываю глаза. "Это просто сон, просто сон". — Говорю самой себе, пока окончательно не проваливаюсь в темноту.

Я стою на поляне, покрытая белым покрывалом. На мне все та же серая с длинными рукавами кофта и домашние шорты. На поляне холодно и тихо. На белое хрустящее покрывало летели маленькие хлопья снежинок.

Я прохожу дальше по поляне, думая, что вот сейчас проснусь и окажусь в теплой кровати, но нет — этого не происходит. Откуда не возьмись, в тени деревьев что-то двинулось. Ко мне ступает женский силуэт. Через секунду она стоит напротив меня. На ней легкое платье и, не смотря на погоду и снег вокруг, она совсем не дрожала от холода, лишь мило улыбалась.

— Привет, Керри, — улыбается Дженни будничным тоном и машет рукой. Я сглатываю, пытаюсь не выдавать страх.

— Привет.

— Ты в большой опасности.

Ее лицо искажается, истекая мрачностью. С глаз девушки скатывается прозрачная слеза. По коже прокатился каскад мурашек, покрывая руки и плечи гусиными пупырышками.

— Что? Какая еще опасность?

Она кладет на мое плечо свою худую руку и крепко сжимает.

— Они идут. Скоро они будут здесь. Если ты не уедешь, то они придут за твоими близкими. За всеми, кого ты знаешь. — Сипло шепчет она.

— Что? Куда мне ехать? Дженни, что мне делать? — кричу я ей вслед истерично, хватаясь за тонкие лохмотья. Паника. В голове паника и ничего кроме. Она потихоньку забирает меня, сковывая сердце.

Дженни постепенно отстраняется вдаль. Ее рот искривляется в страшном молчаливом крике; лицо растянулось, из ушей вырисовываются черные линии, изгибаясь в различные узоры. Они тянулись к глазам, распространяясь по всему подбородку девушки.

— Беги! — вымолвила та и исчезла, как будто ее не было вовсе. Они идут? И каковы сроки? Сколько мне осталось? Куда мне бежать? Кто это "они"? Мое сердце сильно стучит, что я не слышу собственного дыхания. Не успеваю осмыслить сказанные слова, образовалась другая картина.

Теперь сижу на деревянном стуле, связанная веревками. Передо мной расхаживает толстый и лысый чурбан. В руке держит тонкий ржавый нож и проводит его зазубринами по моей, вдруг вспотевшей, шее. Пальцы изогнулись, сжимаясь в кулаки, но веревки удерживают запястья так, что сковывает тело полностью. Я брыкаюсь изо всех сил, насколько это было вообще возможно, но ни к чему это не приводит. Перед глазами встает образ Питера, кричащего во все горло слова мольбы, наполненные нескончаемой мукой.

— Отпустите ее! Я вас убью! — предупреждает парень. Мужик напротив меня хохочет во все горло, пока я вырываюсь на свободу.

— Нет! — слащаво высказал Толстый Чурбан, подходя к Питеру. Острие ножа скрылось в кромешной темноте и угодило прямо Питеру в живот. Его лицо перекосилось; он переводит глаза на рану, кровоточащую густым красным ручьем. Питер, корчась, падает на пол, ближе к моим ногам, удерживая кровь.

Толстый Чурбан исчез, отходя в темный угол со скользкой улыбкой на лице. Тело обдает холодным потом. Я вырываюсь и кричу во все горло. Мне уже все равно: выберусь я из них или нет. Хочу просто спасти своего друга. Кровь все течет, медленно доползая до моих голых ступней.

— Питер, не умирай, слышишь? Пожалуйста, — кричала я, пока на глаза наворачивались непрошеные слезы.

Питер меня не слышит. Из глаз парня выходит яркий свет, который был раньше. Взгляд перестает быть живым, наполняясь пустотой и отрешенностью.

Зрачики смотрят вперед, куда-то по ту сторону этого места. Кожа начинает бледнеть, пока окончательно душа парня не уходит в иной мир. Затем сам Питер мерцает на полу, и в миг исчезает.

Я остаюсь одна, перевязанная веревками и чувствуя боль по всему телу. Боль. Пустоту. Я слышала глухой звук — с этим звуком умерла и я сама. С глаз все еще текут слезы и уже нет никакого смысла делать хоть какие-то усилия, чтобы их утихомирить.

Чужой звук из ниоткуда прошелестел в ушах, подобно звуку от радиации. Меня приковало к матрасу.

— Нет... — надломленным голосом шепчу, пытаюсь протереть веки. Щеки горят, глаза не хотели открываться. Дверь настежь распахнулась и вошла мама. Я резко открываю веки, вздрагивая от звука. Заметив мое лицо, женщина подбегает ко мне со вскинутыми в стороны руками.

— Керри, милая, что случилось?

— Н-ничего, — заикаясь, шмыгаю носом. В горле от разговоров начинает першить.

— Ты плакала? — спросила она, обнимая.

— Нет.

Мама отстранилась и взглянула на меня ясным взглядом.

— Тогда почему я вижу слезы на твоем лице? Это из-за нас с Алексом?

Я снова закрываю глаза, тяжело выдыхая. Сердце еще приходило в себя, пока мне приходилось находить правильные слова.

— Нет, просто очередной кошмар. — Мама обнимает меня, целует в лоб, как и всегда делала это в детстве.

— Неужели снова? Я думала, они закончились, когда мы уехали, — проговорила она, размышляя вслух.

Пожав плечами, мне лишь оставалось опустить голову. Я смотрю за окно, где начинали сгущаться светло-серые облака. Снова холод. Снова мороз, готовый с новой силой кусать лицо и пальцы рук. Возможно, они меня никогда не покинут...

— Я не знаю, что это и почему они снятся мне. Я будто не я, когда их вижу. Все тело сковывает и не могу шевельнуть даже мизинцем. Чужие люди, лица, незнакомые места... — шепчу себе под нос, обняв руками плечи. Мама гладит меня по волосам и крепко сжимает в объятьях.

— Скоро все закончится, милая. Просто не думай о плохом.

Что это с мамой? Она не была раньше такой сентиментальной. Я снова отстраняюсь от нее, высвобождаясь из духоты и тепла одеял.

— Мне нужно в школу. — Кидаю быстро. Она встает и неуверенно улыбается.

— Конечно, конечно!

Мама отходит к двери, я встаю и прохожу к ванной комнате, однако голос мамы останавливает.

— Керри, только правду, хорошо? — вдруг пролепетала женщина, кусая губу. Я поспешно кивнула, и неожиданно в груди все сжалось от предвкушения. Мама глубоко вздыхает, приложив руку поверх груди. — Ты не против насчет Алекса? Он остался здесь на ночь... Если ты думаешь...

Я прикрываю веки, вдыхая аромат, несущийся из открытого окна. Мне нужно убираться отсюда.

— Нет. Только будь счастлива с ним. Это все, что я прошу, мам, — перебиваю ее,

быстро сбегая за дверь.

— Спасибо, дорогая, — послышался голос матери рядом с дверью. — Я так рада, что он тебе понравился, Керри. Мне важно это знать.

Я слабо улыбнулась, смотря в пол. Да-да, мам. Только ради тебя. Одев черные джинсы, высокие белые кеды, делаю высокий хвост, натягиваю майку на себя и, перекинув рюкзак через плечо, спускаюсь вниз. Но на пути, посередине лестничной площадки, попадается Алекс.

— Доброе утро, Керри.

На нем ничего, кроме низко посаженных серых шорт. Он держит темную кружку, из которой выходил ароматный пар крепкого кофе, а в другой — блинчик со вкусом персика.

— Будешь? — спросил он, давая кусок маминых блинчиков. Она всегда делала их, когда прибывала в эйфории.

— У меня школа.

Я покачала головой и пробежалась шумно по ступенькам, замечая, как Алекс заходил обратно в мамину спальню.

"Теперь уже — в свою спальню" — напоминает внутренний голос. Мама в халате с распущенными волосами стоит возле плиты. Ее образ домохозяйки провалился в мусор, заменяясь на прекрасный распускающийся тюльпан. Я выбегаю на улицу, наконец давая возможность дышать полной грудью.

На улице стояла чудесная солнечная погода: лучи солнца игрались, подобно малым детям, со всеми горожанами Серого Сиэтла, лаская их лица. Я прохожу по аллеям, умиляясь видом, переходя широкую дорогу. На остановке краем глаза замечаю знакомого человека. Парень стоит и озирается по сторонам, защищаясь солнечными очками от солнца.

Автобус пришел на остановку быстрее, чем вчера. Я встаю, чтобы вовремя пролезть на место возле окна, но проклятая пробка останавливает движение, тем самым испытывая терпение.

— Привет, — раздался голос позади меня. Я обернулась и увидела парня, который недавно спрашивал у меня время.

Сегодня на нем темные джинсы, легко свисающие на коленях, а серая футболка облегла тело. Кудрявая копна волос дребезжала на свежем потоке ветра, напоминая букет полевых ромашек на лугу.

В руках парень держал стакан свежего кофе. Запах молока доносится даже с небольшого расстояния, заполняя меня чем-то новым. На переносице висят все те же очки авиаторы, а светлые глаза пронизывают во мне дыру.

— Кто вы? — интересуюсь я, периодически бросая взгляд то на парня, то на автобус. Он улыбнулся шире и злоба во взгляде ушла.

— Я Том, а тебя как зовут? — Мои глаза бегают по сторонам, сощуриваясь от света.

— Керри.

Я скромно улыбнулась, отходя назад и оценивающе смотря на парня.

— Тебе что, время подсказать? — Парень усмехается.

— Сегодня оно мне не понадобится.

Том сделал глоток кофе.

— Что случилось? Ты обзавелся своими часами?

— Она все равно не придет, — хмыкнул Том, пробегаясь глазами по дороге, на светофор.

— Девушка? — предположила я, изгибая бровь. Он кивает и морщится.

— Точнее, бывшая.

Я тут же сжимаю губы, чувствуя, что захожу на чужую сторону дозволенного.

— Сожалею.

— Не за что, если честно. Мы просто не сошлись характерами. — Парень пожимает плечами. С минуту мы оба смотрели на светофор, меняющий линзы на другой цвет.

— Что будешь теперь делать? — подтягивая рюкзак, любопытствовала.

— Наверное, просто наслаждаться жизнью. — Том заливается смехом, сильно сжимая стакан в руках. Он надвинул на глаза очки, скрывая их.

— О, а вот и мой автобус, — проговорил он, делая шаг в сторону.

Повсюду слонялись машины, водители бранились друг с другом как могли. Водитель автобуса постоянно сигналил стоявшей машине напротив. Пассажиры, сидевшие сзади меня, все время возмущались, а я просто молчала и смотрела в окно, отсчитывая прибытие.

Улицу потихоньку заполняли люди. Они то и дело выходили и уходили по своим делам: кто-то бежал, сломя голову с портфелем на плече, кто-то нервно смотрел на часы и

оглядывался по сторонам, другие просто сидели так же, как и я, никуда не спеша, смотрели на небо.

После утомительной дороги я выскакиваю из автобуса, стремглав бегу в школу.

На пути замечаю Мэг. Сегодня она опять в летящем платье, но волосы отличались от прежнего золотистого цвета.

— Привет, Керри! — Она добежала до меня, прыгая в объятья.

— Привет, Мэг, а где твои рыжие кончики? — поинтересовалась я, осматривая прямые пряди.

— Краска слезла и я решила пока не краситься.

Ее улыбка ослепила меня, что пришлось закрыться руками.

— Так тебе гораздо лучше, подруга, — заметила я, и Мэг заулыбалась ещё шире, отмахиваясь.

— Я и так знаю, но все равно спасибо.

Погода разгулялась и солнце светило повсюду, оставляя солнечных зайчиков. Войдя в школьный холл, замечаю повсюду плакаты, ядовито действующие на глаза. На каждом углу плакат ярче предыдущего — они возвещали о предстоящем Зимним Бале. С потолка свисали белые воздушные шары, маленькие звезды, давая ощущение, будто они падали на пол, как снежинки на сугробы.

— Мэг, ты видела? — окликаю ее, подталкивая в плечо. Подруга издает ошарашенный вздох, откашливаясь.

— Такое впервые. Я слышала, что это происходит ежегодно...

— Эй, девчонки! — Послышался женский голос, возвращая нас двоих в серый мир.

— Привет, Дженни! — радостно проговорили мы в один голос, оборачиваясь и переводя дух.

— Почему тебя не было на прошлой неделе? — спросила я, нахмутив брови. Дженни поправила свитер с надписью "ALONE?", подтянула рыжие джинсы, затем подняла глаза и натянула улыбку. Она была слегка растеряна, но быстро собралась.

— Появились семейные дела.

Её волосы лежали волосок к волоску, переливаясь коричневым цветом в блеске звезд на потолке. Мэг по достоинству оценила ее новый образ, хлопая в ладоши.

— Великолепно выглядишь, Лисичка. — Проворковала она, хлопая длинными ресницами. Дженни неуверенно засмеялась, скрывая улыбку за ладошкой.

— Брось, как обычно. — Она переводит глаза на красочные плакаты и указывает пальцем на шары над нашими головами.

— Вы уже приготовили свои сказочные наряды? — Мэгги улыбнулась, в ее глазах заплясали бесенята.

— Ага, как же. Я уже точно знаю, что надену и как этот шедевр на мне будет выглядеть! — Джен кивнула и перевела на меня глаза.

— Что? — недоуменно пролепетала я, когда заметила их любопытные взгляды.

— Ты решила, в чем пойдешь на Зимний Бал? — повторяет Мэг вопрос Дженни. Я пожимаю плечами, когда по спине проходит дрожь.

— Нет. Я все равно не планировала идти. — Отвечаю, махнув рукой и подтягивая лямку рюкзака. Обе тут же взвизгнули; Мэг всполошилась, отстраняясь. Дженни покачала головой, усмехаясь.

— Что!?! — Мэг чуть ли не прыгает на месте от бешенства.

— Почему? — спросила Джен, кивая в мою сторону. Я поднимаю руку, растопырив пальцы, готова погибать поочередно.

— Платье нет — раз. Там обязательно надо идти с кем-то, а одна я не пойду — два, и я не любитель танцев — три.

Мэг сразу встала на защиту. Однако было не понятно, что эта особа защищала: меня или грандиозный вечер.

— Нет, ты пойдёшь. — Она тыкнула пальцем на себя. — Ради меня, Керри! Платье и пара — не проблема.

— И что ты предлагаешь? — спрашиваю, скрестив руки на груди. Она облизывает губы, выдыхая.

— Платье можно купить... — начинает Мэг, но осеклась на Дженни, когда та открыла рот.

— А пару мы тебе найдём. — Закончила за нее Лисичка, победно улыбаясь.

— Чудесно, что бы я без вас делала? — с сарказмом спрашиваю я, надув губы.

Я и правда не хотела идти на бал: не было просто смысла, да и идти реально было не с кем. Я постоянно спотыкаюсь, когда танцую. Я просто буду обузой для партнера. Я обуза для всех.

На физкультуре благодаря хорошей погоде мы бегали по большому стадиону, где обычно играли футболисты и занималась группа поддержки, репетируя во время ланчей и выходных.

— Восемь кругов, думаю, для вас будет достаточно. — По полю раздался гул возмущенных голосов.

— Тишина! Никаких возмущений, народ. Это урок физкультуры, здесь без этого — никак, — проговорил он. Тренер показал на стадион, — Встаньте возле этой линии в ряд.

По всему ряду проходит утробный рев, но каждый оказывается, в конце концов, напротив белой черты.

— Готовы?

Я слышу свисток и мы все как один вырываемся через черту. Меня все опережают, но я не сдаюсь. Трудно дышать, когда вижу перед собой финишную черту и, впопыхах, пробегаю линию.

— Эй, Керри, подожди! — Сзади меня кричит Мэг, глотая ртом воздух. Она в той же спортивной форме, что и в тот раз, когда я выиграла в вышибалы.

— Что?

— Я тут вспомнила... Ты же с Питером... Почему бы тебе не пойти с ним?

— Мы с ним просто друзья, понятно? И я уже устала об этом говорить. — Вдруг вспыхнула я.

Я больше не могла это слышать. Одно и то же, почти каждый день. Мы пробегаем очередной круг, когда вижу, как Дженни даже не принимает никаких усилий, чтобы быть первой; она не спеша бежит вместе с каким-то парнем. Он ей улыбается и ритмично шевелит губами, отчего девушка смеётся и говорит что-то в ответ.

— Я не говорила, что вы пара, Керри! Я имею в виду, ты могла бы просто пойти с ним на этот бал, по-дружески, понимаешь?

Но на последнем круге я останавливаюсь, резко разворачиваюсь к подруге и шепчу из последних сил:

— Друзья не ходят на балы, Мэг. Особенно по-дружески. Это уже выходит за рамки.

— Мэг! — протянула я, выдыхая на последнем вдохе.

— Что? По-моему отличный план! — проговорила она невинным голоском. Мы заходили в раздевалку. Я пыталась переодеться, как тем временем заходит Дженни. Её футболка вся мокрая и со лба скатываются капельки пота.

— Что за план? — интересуется Дженни, бредя к своему шкафчику. Раздевалка была и так заполнена, что даже не пройти, плюс ко всему запах стоял невероятно противный, отдавая мускусом и потом. Больше всего было, конечно, пота. Он окружал и заходил за грани. Я хотела просто быстро переодеться и убраться отсюда поскорее.

— Да к Мэг в голову пришла очень глупая идея. — Отмахнулась, натягивая ботинок. Мэг сразу же встала на защиту своего слова, взмахивая руками в сторону.

— Не глупая, а гениальная! — Она повернулась к Дженни, — я просто предложила Керри рассмотреть Питера как пару для вечера, ведь они друзья. — Она показала в воздухе тонкими пальчиками кавычки. Джен хихикнула, прикрывая ладонью рот.

— Это правда, неужели не видно? — вступилась я, пряча спортивный костюм в рюкзак.

— Брось! Ты не знаешь, как он на тебя смотрит. Очнись, Керри!

— А ты знаешь, как он смотрит? — процедила, изгибая в сомнении бровь и тихонько лавируя к двери. Подруга закатила глаза, прикладывая руку к груди.

— Он влюблен в тебя, глупышка. — Вздохнула она. Дженни сидела, наблюдая за всем этим, медленно натягивая джинсы и прикрывая оголенную часть кожи. Она встала, подпрыгивая на месте, чтобы застегнуться.

— Ой, хорошо, что у меня нет парня. — Радостно, слегка впопыхах, пролепетала она. Мы обе на неё посмотрели, потом все втроем рассмеялись. Почему-то в моем животе появилась легкость, из-за чего по рукам пробежались мурашки.

Коридор потихоньку редел, давая возможность свободно передвигаться.

— Джен, как ты смотришь на то, чтобы проехаться по магазинам? — спросила Мэг, кружась возле нее. Я заметила Питера, стоявшего в самой середине, а компания из незнакомых парней, чуть выше него и по виду взрослее, окружала парня. Они что-то бурно обсуждали, и по моей коже снова прошла нервная дрожь.

— Я за! Нам надо найти лучшие платья, чтобы ни у кого таких не было. — Говорила Джен, явно восполненная предстоящей поездкой. Мэг поддержала, хлопая в ладоши от восторга. Я смотрела вдаль коридора, как учителя то и делали, что выходили из разных сторон, мило здороваясь друг с другом.

— Эй, Керри! — окликнула меня Джен, пихая в бок. Я поморщилась, оборачиваясь к ней, — Составишь нам компанию?

— Куда же я без вас. — Проговорила я устало, кивая головой.

Остальное время мы сидели и обсуждали дорогу и предстоящий план. Но нашу преинтереснейшую беседу прервала высокая тень, заполнявшая солнечный круг.

— Привет, малышки. — Сказала Тень. Мы синхронно обернулись. Я закатила глаза, когда поняла, что это Сэм. Его лицо ничуть не изменилось: синяк исчезал, и сейчас почти не заметен, лишь какое-то синие пятно заполняло скулу, закрывая половину глаза.

— Привет, что тебе нужно? — спросила Мэг, скрещивая руки на груди. Я смотрела на него с презрением, потому что не могла полностью разобраться в нем. Доверится кому-то, значит быть окончательно убитым.

— Мэг, я что, не могу просто подойти и поздороваться? — с сарказмом проговорил парень, и на его переносице проступила морщинка. Девушка кивнула в сторону, поднимая брови.

— Поздоровался? Теперь можешь валить в сторонку! — Вдруг в разговор вмешалась Дженни, поднимаясь с подоконника.

— Стойте, он же просто решил поздороваться? — возразила она. Мы перевели на нее озадаченный взгляд. Сэм быстро сменился в лице, облегчено вдыхая. Он махнул в сторону крохотной Дженни, облаченной в толстовку.

— Ну вот, даже Дженни согласилась со мной.

Рука Сэма слегка дотронулась до нее, та слабо улыбнулась.

— Ты что-то хотел? — подаю голос я. Сэм перевел глаза с Джен на меня, коротко кивая.

— Мой друг устраивает вечеринку по поводу окончания учебы и сдачи экзаменов, — парень обвел рукой нашу троицу, — Вы приглашены.

Я, Мэгги и Дженни переглянулись и подозрительно на него посмотрели. Он отошел назад, сощуривая здоровый глаз.

— Что?

Дженни неуверенно склонила голову, сжимая руки за спиной.

— Когда эта вечеринка? — спросила она, он нахмурил брови.

— Завтра, после уроков. Время он скажет мне, а потом я скажу вам, окей? — Улыбка озарила лицо, Дженни кивнула, и он ушел, по пути вынимая телефон из кармана.

— Почему вы так на него взъелись? — не понимала Дженни. Она обернулась к нам, разочарование пробежалось в глазах подруги. Мэг смотрела ему вслед с полным недоверием.

— А, что? — Она заморгала, приводя себя в порядок. Дженни вздохнула, уперев руки в боки.

— Я спрашивала: почему вы на него взъелись, причем обе?

Мэг поправила своё платье, сжимая губы.

— Он какой-то странный и навевает чувство...

Мэг не могла подобрать точного определения парню; в её глазах бегал страх и беспокойство.

— Какое чувство? — спросила Джен, приближаясь.

— Чувство страха.

Не у нее одной такое чувство. Сэм тоже навевает на меня чувство страха. Даже больше — чувство прошлого и чувство постоянного разочарования. Будто с самого начала его окружает темное облако, нагоняющее на него мрак и темноту.

После довольно долгой беседы о нашем состоянии, психолог, высокорослый, худощавый, как спичка, Мистер Ватс, отклонился, присаживаясь на уголок рабочего стола.

Я ловила ворон, пока остальные между собой что-то обсуждали, Питер весело ухмылялся, сидя рядом с Адамом, парнем в круглых очках, а Мистер Ватс пытался привести всех в порядок, потому что идет урок.

Звонок прозвенел неожиданно, спасая всех. Только студенты дернулись с мест, рука учителя вытянулась вперед, останавливая.

— Ребята, присядьте на минуточку, мне нужно вам кое-что сообщить. — Он лукаво улыбнулся.

— Как вы знаете, скоро рождественский бал. Вы все купили платья и костюмы? — Психолог укоризненно обошел взглядом все ряды, указывая пальцем и сощурился. Все захлопали в ладоши. Кто-то даже кричал победоносно и радостно, однако во мне эта новость не вызвала что-то подобного.

— Мы всем коллективом решили, что проведем бал на улице.

Мистер Ватс расставил руки, растопырив пальцы, и начал ходить по маленькому пространству, объясняя все подробно.

— Вся основная часть, вплоть до выбора Короля и Королевы, пройдет в помещении, в актовом зале, а после будет красивый салют.

Ученики захлопали в ладоши, смеясь во весь голос.

— А выпивка будет? — Кто-то крикнул в задних рядах, я поморщилась. Мужская сторона в классе расхохоталась. Ватс закатил глаза, убирая руки в карманы широких, в чёрную полоску, джинсов.

— Нет, Уилл, не будет. Спиртные напитки строго запрещены! Вы же ещё дети! — Уилл поник, замолкая.

— И ещё одна новость... — На его смуглом лице появилась широкая улыбка. Я сначала подумала, что он сходит с ума.

— Это касается, в основном, милых дам: платья на любой вкус, с чем вас и поздравляю. — Он наклонил голову, слабо улыбаясь. Девочки с двух сторон разом засвистели, радуясь воплощению их мечты. Учитель выдохнул и покачал головой.

— Парни, у вас, как раз-таки, ничего не изменилось: черные костюмы, бабочки и блестящие туфли. Всё должно быть идеально, дорогие. — Напутствовал он, кивая. — Зимний бал будет через две недели, торопитесь, господа!

— Ну, и как тебе новость? — спросила Джен, когда мы выходили из кабинета и шли по коридору, сталкиваясь с каждым следующим школьником, попадающимся на нашем пути. Глаза Дженни сияли как у самой яркой звезды, улыбка украшала миниатюрное личико девушки.

— По-моему, ничего особенного. — Будничным тоном говорю, цепляясь за лямку рюкзака. Мэгги фыркнула.

— А мне кажется, лучше и не может быть.

Мы ввалились в школьную столовую, откуда заманчиво пахло кексами. Я прошла всю очередь вместе с Мэг и Дженни; они долго стояли и изнывали от того, что медленно

передвигаемся.

— Господи, ну, что так долго? — скулит Мэг, стуча каблуком. Вдруг ее глаза загорелись, и она подняла руки вверх.

— У меня гениальная мысль!

Я закатила глаза, скрестив руки, зная, чем ее идеи в конце концов заканчивались. Дженни ушла вся во внимании блондинки. — Я попытаюсь охмурить того парня.

Она махает головой на парня, стоящего впереди нас. Он, по моим меркам, кажется очень большим.

— Вы следующего. Ты, Джен, того парня, — Мэг указывает на парня в очках, — ты, Керри, того, — она указывает на парня в джинсах. — Ага?

Мы закивали; я с опаской улыбнулась, а Дженни уже и след простыл. Мэг сделала шаг в сторону.

— Эй! — Она окликнула, стоявшего впереди нас, высокого парня, одетого в клетчатую рубашу. Тот повернулся и опустил взгляд на нее. — Разрешишь, я встану здесь? — Кокетничая и строя глазки, сладко говорила Мэг. Парень игриво улыбнулся и кивнул. Мэг сделала шаг вперед и парень прикрыл её спиной, едва прикасаясь к девушке.

Дженни ушла к парню в очках и уже делала то же самое, что и Мэг; у неё, по-моему, выходило лучше. Я решила сделать так же, надеясь, что афера пройдет как по маслу.

Делаю первые шаги к парню, стоявшему в очереди, дотрагиваюсь до его плеча, но рука дрожит и я сглатываю.

— Простите...

Парень поворачивается и улыбается. На нём футболка, светлая кофта, застёгнутая не совсем до конца, а

джинсы обтягивали его ноги.

— Чего тебе? — нервно проговорил парень и его улыбка сникла, когда встретился со мной глазами. Чувствую, как щёки покраснели и я не могу издать ни звука. Сэм по-прежнему смотрит на меня, ожидая, что скажу. Я в гневе. Не удивлюсь, что это дело рук Мэг.

— Ты что, язык проглотила? — С некой издевкой проговорил парень, подходя и осматривая меня как экспонат. Я покачала головой.

— Тогда что?

— Просто дай пройти.

Он ухмыльнулся, но так и не сдвинулся с места. Краем глаза заметила, как Мэгги и Дженни уже усаживаются за стол возле окна и хихикают, наблюдая за мной. Неужели, мои догадки — правда?

— А если не дам пройти?

Сэм склоняет голову, заполняя взор. Я моргаю и хмуро смотрю в его довольное лицо. Он что, издевается?

— Отвали, Сэм!

Отпихиваю его прочь и пытаюсь пропихнуться, проходя мимо шумной очереди. Я становилась все ближе и ближе к заветному столику, когда подруги засмеялись, больше не сдерживая себя.

— М, так ты говоришь, какой у тебя размер одежды? — спрашивает Мэг, указывая вилкой в сторону. Дженни бегаёт глазами по углам, нервно улыбаясь. Я знаю, что они лишь делают вид, но актрисы из них никудышные. Я быстро прохожу к ним, упираясь в острые

углы стола.

— Вы специально это подстроили? — Шепчу в ярости. Они посмотрели на меня, делая невинное лицо, будто не видят смысла в моих словах.

— Ты о чём? — Мэг склоняет голову, серьезная и готовая ко всему. Я хмыкнула, прижимаясь к столу.

— Не притворяйся, Мэг! Это же ты направила меня к Сэму, да? — грозно лепетала я махнув в сторону Сэма.

Парень уже сидел со своими друзьями и о чем-то беседовал, сминая каждый кусок на подносе. Она перекинулась от меня к нему и обратно.

— Ну да, и что дальше? — Призналась подруга, пожимая плечами. — Я подумала, он отличная пара для тебя. Почему бы и нет?

— А то, что... — Я начала возражать, но оторопела от слов Мэг. Она считает, что мы с Сэмом — пара? Это никак не смотрится, даже в принципе невозможно.

— Пара? Ты совсем больная? Какая мы с ним пара?! — взвизгиваю я, чувствуя, как теряю контроль. Мэг ничуть не испугалась моего внезапного всплеска эмоций, лишь покачала головой и снова обратилась ко мне. Ее лицо усталое. Казалось, она говорила эту фразу тысячу раз, но говорила все эти моменты со стеной. Только она хотела открыть рот, как голос Дженни разорвал ненавистную полосу между нами.

— А я думаю, вы отлично смотрите. — Дженни искренне улыбнулась и ее щеки покраснели.

— Вот, не я одна такого мнения, — проговорила Мэгги, вздергивая бровями. Она кивнула в мою сторону подбородком, — и ты же сама говорила, что с Питером вы просто друзья.

Как можно просто так взять и пристроить человеку другого? Неужели никто не желает спросить у него: согласен ли он сам? В голову сильно ударяет, живот скручивает. Я сжала губы, испепеляя обеих взглядом.

— А вас не учили, прежде чем кого-то присваивать к кому-либо, для начала спросить у человека согласие? Хочет ли он вообще идти с ним? — Шепчу сипло. Когда гнев оставляет мое тело, а кровь постепенно начинает стекаться к сердцу, вздыхаю и закрываю глаза. — Я не пойду ни на какой ваш бал, понятно? Давайте заключим пари.

Мэгги с Дженни смотрят друг на друга, пока я мысленно ругаю себя за глупость.

— Сойдёт. Пари, так пари. — Соглашается Дженни.

— Говори свои условия. — Вздохнула Мэг, откидываясь на спинку стула. Я сжимаю кулаки и увожу за спину.

— Если вы в ближайшие недели не найдете с кем пойти на бал, то мы идём одни. А если вы всё-таки найдете, то так уж и быть... я пойду с ним. — Выдвигаю условия и протягиваю руку. Мэг пожимает мою руку и хищно улыбается.

— Я согласна.

Дженни закивала, положив сверху руку, накрывая наши. Я разбиваю наш замок, указывая на них пальцем и потихоньку уходя из Кипящего Котла.

Итак, мне предстоит найти себе пару, чтобы не идти с Сэмом. Будет интересно посмотреть, каких парней найдут Мэгги и Дженни. Уже представляю: Мэг стоит со своим парнем качком, вся из себя в блестящем, роскошном платье, Дженни со своим красиво одетым мальчиком, дополняя себя каким-нибудь сиреневым балахоном...

На улице лучики солнца согревали людей, шелестел ветер в деревьях. Птички щебетали и дети кружились возле пышных листво́й стволов, наслаждаясь запахом настоящей природы. Я выходила из здания школы, хотела уже сбежать домой, как в кармане джинсов завибрировал мобильник. Сообщение от Мэгги.

"Керри, ты всё ещё хочешь пойти по магазинам вместе с нами?"

"Да, я всё ещё хочу. А ты уже нашла себе парня, с которым пойдёшь на бал?"

Нажимаю на кнопку "отправить".

Усаживаюсь на скамейку, стоявшую возле высокого дуба; ветви опущены до самой травы, которая уже с каждым днем постепенно желтеет. Трава колыхалась, развиваясь на ветру. Я посмотрела на телефон и от нервозности начинаю стучать пальцами по экрану.

— Привет, Кер. — Послышался голос Питера сзади меня. Оборачиваюсь к нему. Барабан по экрану резко прекращается. Губы дрожат.

— Привет.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, присаживаясь рядом со мной на скамейку. Я поправляю свои спутавшиеся на ветру волосы.

— Жду Мэг и Дженни, мы пойдём за платьями для вечера. Ты что здесь делаешь? — Я удивленно моргаю, наблюдая за ним.

Питер кивнул и скромно покачал головой, запуская руки в свою темную гриву.

— Хочу пройтись по лесу, нужно кое-что найти. Надеюсь, мы с тобой сможем погулять? После?

Я неуверенно киваю. Питер улыбнулся, когда телефон в руке снова замигал.

— Ой, прости...

Пришел ответ от Мэгги.

"Мы через пять минут будем, ты где?"

"Я на скамейке, позади школы".

"Поняла. Жди:)"

Я отключаю телефон, ставя на беззвучный, затем вдыхаю полный чистый воздух в легкие, закрывая глаза.

— Красиво тут. — Прошептал Питер. Его голос спокойный и я ощущаю, как накатывается комок усталости за целый день.

— Да, и тихо.

Питер тихо усмехнулся. Тишина овладела нами, но не на долго. Он снова заговорил, однако голос слышен теперь издалека.

— Как тебе новость про бал?

— Даже не впечатлил, — улыбаюсь и смотрю на парня, — всё то же самое, как и в моей старой школе.

— А что в ней было? — с интересом спрашивает он. Глаза парня заблестели. Он сидел наполовину развернувшись ко мне. Остальная часть тела распласталась по скамейке в расслабленном состоянии.

— С друзьями зависала в барах. Знаешь, легкие выпивки, вечеринки... Саму школу украшали до неузнаваемости, потом танцевали до самого утра, кружась и меняя в процессе партнеров, а в конце выбирали короля и королеву.

Он почесал затылок, перемещая глаза на кронку вершины дуба, и улыбнулся, показывая ямочки.

— Я тебе гарантирую, что этот бал ты запомнишь на всю жизнь. — Он подмигнул. Я

пожала одним плечом, вздыхая.

— Посмотрим.

Питер посмотрел в сторону леса, за свою спину, затем проговорил:

— Ладно, мне нужно идти. Я тебе позвоню. — Дотронувшись до моего плеча и чуть сжав его, он взял свой рюкзак. — Береги себя.

И он ушёл в лес, спрятавшись в темноте. Долго сидеть в одиночества мне не пришлось: подруги уже бежали ко мне, перегоняя друг друга, как только Питер скрылся в чаще.

— Ну что, поехали? — спросила Мэг, добегая первая. Я киваю.

В колонках машины гудит песня "Let Me In". Я высунула лицо наружу, давая ветру охладить его. Чистый воздух покрывает меня и становится гораздо легче. Хочется летать и забыть обо всем.

— Кер, а ты нашла парня, с которым пойдёшь на бал? — Поддевает Мэг, смотря вперед. Дорога была пустая: все люди убежали, прячась в тонких домишках от темноты.

— Я в поиске. — Говорю я.

Мэг усмехнулась, издавая некий издевательский смешок. Пытаясь не обращать на ее издевки, решаю сделать музыку громче. В колонках бьют басы и крики солиста оглушают салон. Мэг замолкла, только сильнее вжимая пальцы в руль.

— А как ваши продвижения?

— Процесс только начался. — Выдохнула Мэг.

— Я еще работаю. — Подхватила Дженни, сидя на заднем сидении. Она тихо ковырялась в ногтях, временами посматривая в окно. Я многозначительно киваю и ухожу в свои мысли. Откидываю голову на кресло и смотрю, как мимо меня пролетают деревья, дороги и машины.

Вдали от шумного города показалось стеклянное и высокое здание. Послышались радостные воздыхания Мэг, а Дженни устало засмеялась.

— Ну что, вперед за самыми лучшими нарядами? — проговорила Мэг, открывая дверь машины.

— Еще бы! — Дженни вылетела пулей из салона, захлопывая дверцу.

Внутри магазин оказался не такой уж и большой, как сначала показалось. Стены и потолки покрыты белизной, на каждой пронумерованы секции, пол украшен мелкими блестками и даже на минуту представилось, что он наполнен светлячками, так ярко он блистал в свете ламп.

Мэг сразу побежала к стойкам с платьями. На каждом углу пахло благовониями и свежими лимонами. Узорчатые полки возвышались на стенах, каждый следующий стеллаж красиво подписан. Продавцы, похожие на сказочных эльфов, были такие же крохотные, аккуратные и безумно воздушные.

— Вот, самое то! — вскрикивает подруга, прикидывая на себя шелковое, фиолетового цвета, короткое платье. Однако долго на одном фасоне она не остановилась; взгляд переметнулся в другую сторону и руки ослабили хватку, бросая на пол фиолетовое платье.

— Нет! Вот это!

Затем Мэгги и Дженни собрали понравившиеся наряды и проследовали в примерочную.

— Ну, как? — спросила Мэг, выходя через пару минут из кабинки, сдергивая плотную темную штору.

— Хорошо подчеркивает твои изгибы тела. — Проговорила Дженни.

— Ничего платье. — Бросаю я, и Мэг хмурится, упирая руки в боки.

— Ничего... Ничего?!

Ее глаза вспыхивают, грудь опадает и снова поднимается в возмущении.

— Что? Я просто говорю то, что думаю. — Она качает головой.

— Ладно, поехали в другой. Я знаю неподалеку неплохой магазин.

Мэг махнула рукой, когда Дженни, выходя из примерочной, красиво закружилась, словно в танце. Платье развивалось на ней как на балерине, показывая осиную талию девушки, тонкие ножки и черные балетки. Когда она осмотрела себя в зеркало, сильно сморщилась. Девушка быстро скрылась за шторой и скинула прозрачную ткань с себя, затем снова вышла к нам в мешковатом свитере. Дженни собрала сумку и отошла в сторону.

— Эй, что случилось? Ты в нем так волшебно смотрелась, что произошло?

Мэг подошла ближе к ней, вглядываясь в блестящие глаза Дженни. Она вздернула руками и яро покачала головой, будто отгоняла плохую мысль.

— Я вспомнила, что светло-голубой не мой цвет.

Мы ехали по проселочной дороге, где попали напрямиком в пробку. На этот раз дорога оказалась чуть дальше и по времени и по расстоянию от города. Вместо пышных елей вид сменялся рядом старых избушек и худых стволов берез. Слабые ветви игрались в воздухе, где-то неподалеку от окраины деревни растянулось бледное озеро.

Второй магазин был ниже на дюйм от предыдущего, краска потихоньку в углах стиралась. Внутри большие позолоченные люстры, лампочки освещали все помещение. К нам сразу подошла блондинка с высоким хвостом на голове — подстать Мэг.

— Здравствуйте! Чем могу вам помочь? — спросила вежливо она. Девушка была в короткой черной юбке и белой полупрозрачной блузке.

— Нам нужны платья. Только самые лучшие. — Предупредила ее Дженни, скрещивая пальцы в замок.

— Разумеется. — Девушка закивала, вежливо махнула рукой, будто зовя нас за собой.

— Пройдёмте за мной, у нас самый лучший выбор и на любой вкус! Здесь вы найдете всё.

Она показала на первое из двух самых, как ей казалось, лучших платьев магазина.

— Как вам это?

Девушка достала длинное платье в пол и показала нам. На мой взгляд, платье было самым лучшим, но Мэг и Дженни проговорили в один голос, как самые заядлые шопоголики и что не на есть настоящие законодательницы мод:

— Это вы называйте самым лучшим платьем? — возмутилась Мэгги, кружась возле трясущейся вмиг девушки. Из меня вырвался смешок. Девушка удивленно посмотрела на подругу, расширив глаза.

— Что?! Да как вы можете такое говорить, это же из последней коллекции!

Она стала махать перед нашими лицами длинным в пол, закрывавшим полностью ноги, платьем. Его рукава пошиты из прозрачной незаметной ткани, красивые узоры закрывали все самые интимные места: от груди и до самой поясницы. На талии тонкая белая полоска, ткань спускалась вниз, подчеркивая бедра, а по бокам красивые, белые, будто мелкие, розочки красовались и спускались вниз по сторонам. На груди был очень милый узор, тянувшийся вверх и открывавший шею.

— Я думала, здесь отличная, высококачественная одежда, у которой большой спрос. Но, как оказалось, это не так. — Разочарованно проговорила Мэг, вздыхая и прикрывая рукой лицо. Продавец насупилась, качая недовольно головой; длинный хвост хлестал ее лицо.

— Просто вы ничего не понимаете...

Но Мэг ее уже не слышала. Она отмахнулась и прошла мимо нее.

— Это уже не особо важно. Мы уходим.

— Ты чего? — спросила я удивленно, садясь в машину и закрывая за собой дверь. Мэг тяжело вздохнула и обрушилась на подголовник своего кресла.

— Просто устала. — Вздыхает она.

— Вы действительно хорошо разбираетесь в одежде? — Полюбопытствовала я, ерзая в кресле. Дженни кивнула, указывая на себя.

— Я, да.

— Ты? Ты не говорила. — Проговорила я, и что-то в сердце ёкнуло, чувствуя обиду. Она просто пожала плечами.

— Вы просто не спрашивали.

— Так расскажи нам. — Попросила Мэг, улыбаясь и поворачиваясь к ней. Мы сидели и смотрели на нее, а Дженни долго не отвечала, бегая глазами с меня на Мэг. Дженни закрыла глаза и тихо посмеялась.

— Я мечтаю стать дизайнером одежды: шить красивые вещи, продавать и показывать свои работы на показах в различных уголках страны.

Мэг улыбнулась, прижимая кулачки к груди, будто держала что-то ценное.

— Наверняка дядя тебя поддерживает? — завидно и с какой-то горечью в голосе, проговорила Мэг.

— Увы, но нет. — Она опустила голову, и ее голос перешел на шепот.

— Он хочет, чтобы я пошла по стопам семейства и была, как мои прапрабабушки и родители, инженером.

— Инженером?! — Вскричали мы обе в один голос. Наши кресла затряслись; мне пришлось сильнее вжаться в своё, чтобы не упасть. Дженни печально вздохнула, покорно кивая.

— Но ведь инженер довольно скучная работа, не думаешь? — Мэг вскинула брови и издала разочарованный вздох.

— Да. Но, как говорит мне дядя: "Инженер — работа не из легких. Нужна логика и отличный ум, что у тебя как раз и есть".

Мэг всхлипнула, отрицательно махнув головой.

— Это же неправильно! Скажи ему о своих мечтах, своих желаниях, Джен. Это твоя жизнь, пойми. Ты выбираешь, кем тебе быть и как жить, понимаешь? — Возразила я. Во мне вскипала кровь, застилала красным светом весь салон.

— Да-да. Жить так, как гласят правила — бессмысленно. — Подхватила Мэг, вздергивая носик кверху.

— Кто сказал, что надо жить по правилам? Когда-то же надо их нарушать, а почему бы и не сейчас? — Лукаво улыбнувшись, сказала я, поражаясь собственной мыслью. Дженни заерзала на своём месте и кивнула. Мэгги завела машину, в последний раз всматриваясь в зеркало.

— Ну что, готовы нарушать правила? — Спросила она последнее и газанула с места так, что тормоза засвистели и мы прижались всем телом назад.

Небо со временем становилось темнее: ни облачка, ни звезд. Сплошная тьма и ничего больше. По мне бегают мурашки, я осторожно разглядываю пробегающие вдалеке тонкие деревья, отходя на задний план. Никто больше не заикался по поводу платья или же насчет пары на бал. Каждый думал о своем, наслаждаясь тихим жужжанием мотора.

Однако, неподалеку, привиделась скромная лачужка, больше похожая на заброшенное здание. Свет проникал слабо, окна искусаны и чуть отклонены вбок. Я вздернула руку на воздух, ловя потоки мороза.

— Стойте! — проголосила вдруг Дженни сзади. Мэг тут же нажала на тормоз и машина со свистом остановилась, мы потянулись к лобовому стеклу. Однако, к счастью, ремни безопасности успели спасти нас.

— Ты чего, Джен? — спросила я дрожащим голосом. Мы с Мэг переглянулись и посмотрели на нее с опаской, пытаясь найти лицо девушки в сумерках.

— Пойдемте туда. — Она махнула пальцем на крохотное вдалеке здание, откуда манил слабый свет, подобно щупальцам осьминога.

— Зачем? Там нет ничего интересного. Поехали лучше домой. — Мэг повернула ключи в зажигании и машина снова оживилась.

— Нет, Мег, пожалуйста! — Дженни кивнула, молясь остановиться здесь. Мэгги вздохнула и, в результате, отключила машину, выходя на улицу.

— Что ж, ладно, идем.

Когда довольная Дженни спустилась на улицу, Мэгги приблизилась к ней, сощуривая глаза.

— Только потом не плачь.

Мы взяли за руки. От страха мои руки дрожали. Медленно, но уверенно, я все-таки пошла по тропинке к этому опасно тихому, но неприятному месту.

Внешне оно казалось ужасным, уродливым, развалившимся куском камня. В углах притаились отходы от еды, запах стоял невероятным, заполняя ноздри. Я нахмурилась и сжала руку Дженни.

— Мне как-то страшно туда заглядывать. Может, вернемся обратно? — предлагаю я, потягивая назад подруг. Холод пробежался по руке и всему телу, оставляя жгучий осадок внутри.

— Нет, отступать уже поздно. — Мэг закатила глаза и двинулась вперед, тянув нас обоих.

Тишина не хотела отступать, деревья ревели и стонали подле наших спин. Только один шорох уже доводил нервы до точки кипения.

— Дженни, вот куда тебя занесло! — выпаливаю от злости я, сжимая другой рукой кусок ткани своей футболки. Она сжала мою руку.

— Может он только внешне такой страшный и пугающий. Мы же не видели его снаружи, так?

— Знаешь, я не горю сильным желанием его узнать снаружи, — хмыкнула Мэг, наступая на сухие ветки, отчего хруст разошелся по сторонам, уходя куда-то в темноту. Дженни засмеялась.

— Брось! Я думаю, всё будет хорошо.

Людей было мало, но признаки жизни еще где-то подавались. Две, примерно нашего возраста, девушки, одетые в огромного размера байки и с дредами на голове, сидели на перилах и над чем-то смеялись.

— Кхэм-кхэм, — откашливается в кулак Дженни, тем самым привлекая к себе внимания. Девушки сразу оглянулись и их смех прекратился. Моё сердце забилося быстрее. Я просто хотела убежать.

— Что вам? — грубо ответила девушка с дредами. Она спрыгнула с перил и медленно подходила к нам. Вторая девушка, в широкой черной байке, открыла дверь, оглядела нашу тройку, затем ушла внутрь здания.

На улице уже смеркалось, но фонари освещали нам тонкую полоску из пыльной тропы. Этот так называемый магазин стоял неподалеку от города. Был низенький, кирпичный, окна узкие с деревянными рамами, пылавшие светом изнутри.

Фонарь, что стоял сбоку от магазина, осветил девушку с дредами и я смогла ее рассмотреть подробнее. На ней были две наколки, которые виднелись при тусклом свете. Когда ее байка двигалась вместе с ней, рукав поднимался и оттуда виднелся черный орел, а на другой руке замысловатый треугольник. Девушка наступала на нас, повторяя вопрос.

— Что вам нужно?

— Нам нужны платья. Да, звучит нелепо, но не могли бы вы нам помочь? — Мэг держалась стойко, но дрожь выдавала ее. Дред остановилась возле фонаря и посмотрела на нас как на ненормальных. Закинув голову вверх и взяв себя за живот, как будто он у нее болел, она

расхохоталась.

— Повтори, я не расслышала. — Дред приложила руку к уху и, сгорбившись, подошла ближе.

— Нам нужны платья, — повторила Мэг, хватаясь за мою руку ещё крепче. Услышав скрип двери, к нам подбежала вторая девушка и шепнула что-то на ухо Дреду. Та, с минуту, хмуро перебирает взглядом тротуар и, наконец, кивает.

— Хорошо, — пролепетала она и указала на Мэгги. — Идём. Кажется, у нас есть то, что вам нужно.

Мы стояли как вкопанные, держась друг за друга. Дред закатила глаза и уже настойчивее проговорила, сжав кулак в воздухе.

— Идемте же! Второго приглашения не будет.

Мои ноги двинулись сами собой. Мэг и Дженни так же пошли следом, тихо перешептываясь и сжимаясь, как маленькие котята за моей спиной. Сердце бешено колотит, но я не обращаю внимание. Я не знаю, что нас там ждет, но выбора нет.

Дред открыла нам дверь и, придерживав одной рукой, мы втроем зашли внутрь.

— Добро пожаловать к нам в нашу скромную лачугу, — провозгласила она, раскрывая руки в стороны.

В маленькой комнате располагались высокие парни, а на каждом из них по девушке на вид младше меня, на два года.

Все они окутаны в байки. Растрепанные и поношенные черные тряпки висели на головах девушек, словно скрывая шрамы. И причем у каждой были татушки на предплечьях и сзади шеи.

— А почему Лочуга? — подает голос Мэг, ступая на порог. Наши тела взял в плен терпкий запах голубого ириса.

— Это название нашей холупы, но холупа с секретами. — Высокий парень с повязкой на голове и, держа во рту сигарету, поднялся на ноги.

— Какие ещё секреты?

Парень ухмыльнулся, высунул сигару изо рта. Держа в своих руках ее, он теребил тонкую бумагу как клубок ниток.

— А ты любопытная, красотка. — У него загорелись глаза. Мэг стала переминаться с ноги на ногу, а Дженни уже сидела на каком-то кресле, обтянутом кожей, притиснутая незнакомой анорексичкой. Она стала всовывать ей в рот тонкую сигару, но та яростно отмахивалась.

— Она сказала, что они пришли за платьями, — объяснила Дред.

Парень в повязке раскатился хохотом. На его щеке, в свете слабого света показался глубокий засохший порез. Мои пальцы задрожали, и я попробовала отступить назад.

— Простите, мы, наверное, ошиблись... Нам лучше уйти, — проговорила я, хватаясь за ручку двери за спиной. Парень со шрамом делает затяжку и сплевывает на пол, вытирая носком ботинка.

— Почему же... — Он помедлил. — Вы не ошиблись. Пройдите за мной.

Парень двинулся вперед, заходя за угол, и потерялся в темноте.

— Что? — Дженни ошарашенно поднялась и присоединилась ко мне.

— Вы идёте? — послышался низкий голос из мрака. Дред обошла нас, подталкивая в спины.

— Идите, вам это понравится.

— Готовы? — спросил парень. Мы молчали. Тогда парень одним движением осветил всё помещение. Мэг в изумлении раскрыла рот, шаркая по неровной поверхности, закинув голову вверх.

— Шокированы? Это наши платья, таких вы не найдете нигде.

Дженни прошла вперед. Сбоку по левую руку висели рядами платья любых фасонов и цветов. Я боялась ступить и сделать хоть один шаг. Вдруг они какие-нибудь головорезы?

— Эй, иди, присмотришься, не бойся!

Парень возвысился надо мной, махая в сторону. Я молча прошла мимо, нервно перебирая пальцами возле себя чехлы.

Серого цвета стены, пять, стоявшие в ряд, круглые лампочки и одежда, висевшая на вешалках — выглядели изумительными. Каждая ткань пахла свежестью и запахом после дождя.

Подруги уже всю примеряли платья и всё осматривали до мельчайших подробностей. Я молча шла по маленькому помещению, пока не наткнулась на три наряда, висевших в витрине.

— Можно посмотреть это? — Я указала на три чехла, говоря парню и поворачиваясь к Хозяину Лочуги. Он ухмыльнулся и прошел вдоль коридора, вытягивая из-за угла тонкую высокую палку.

— У тебя отменный вкус, — замечает Шрам, на цыпочках доставая наряды.

— Что за платье ты выбрала? — спросила меня Дженни, подходя ближе. Она изучающе принялась оглядывать ткань через тонкую материю чехла.

— Держи, — парень протянул три бежевых чехла. — Но за это нужно заплатить.

— Что?! У меня нет денег.

Шрам нахмурился и недоверчиво посмотрел на меня. Сразу же опускаю взгляд и краснею от стыда.

— Я помогу.

Мэг достает из сумки пару купюр и протягивает Шраму. Он сразу же заулыбался, отдавая платя.

— Спасибо, красотка.

Мэг залилась краской, а Шрам обернулся ко мне.

— Скажи спасибо своей подружке, что спасла тебя, — он поднял длинными и потными пальцами мой подбородок, пригвозждая черными глазами к полу.

Когда я получила свою покупку, оплаченную деньгами Мэг, мы вышли из комнаты, проходя мимо остальных. Дженни вырывалась на улицу, пока Мэг неспеша лавировал возле Шрама позади нас.

— Купили, что хотели? — спросила Дред. Она сидела на старом изношенном кресле и перебирала в руках черные шарики, с каждым их соприкосновением они звенели, громко отдаваясь в ушах. Дженни подошла ближе и натянула улыбку на все лицо.

— Да, правда неожиданно, но спасибо.

Девушка встала на ноги с кресла и прошла мимо нее, задевая плечом.

— Не мне нужно говорить спасибо, а ему. — Девушка махнула в сторону Шрама, который выходил следом за нами. Дженни обернулась и скрестила руки за спиной.

— Спасибо.

Парень, стоя возле двери, кивнул головой. Он был выше Питера: широкоплечим, одетый в широкую кожаную байку, зауженные брюки и коричневые боты. На голове парня повязан, как у пирата, черный платок.

— Теперь мы пойдем.

Я прошла дальше, открывая скрипучую дверь.

— Постойте! Куда же вы? — спросила вторая девушка, которая нас встречала на перилах. На ней был синий платок, закрывающий голову. Уши растопырены, лицо выглядело слегка зеленоватым.

— Нам нужно домой, — проговорила я спокойно. Мэгги громко выдохнула.

— Брось, Керри! Давай посидим с ними.

Я огляделась по сторонам, махая в сторону.

— Если так хочешь, можешь оставаться, — проговариваю, возвращаясь к Дженни.

— Джен, ты идёшь?

Она бежит из стороны в сторону, как между двух огней, не зная, куда себя деть. Я нахмурилась, сильнее сжимая ручку двери. Прохладный ночной ветер обдувает лицо, я вдохнула его в легкие, прочищая горло.

— Джен?

Она двинулась вперед, отходя от меня на несколько шагов.

— Я останусь здесь.

Я собираю всю силу и, взяв платя покрепче, сжимаю губы.

— Тогда я пойду домой. Одна.

— Керри, посиди с нами. Они же нас не укусят! — кричит за спиной Дженни,

окончательно отдаваясь соблазну.

Но я уже их не слышу и бросаюсь бежать к дороге. Они остались с незнакомыми людьми. Пусть остаются там: болтают с этими парнями и девчонками, а я поеду домой. Одна.

Дойдя по тропинке, прохожу до машины и скатываюсь вниз. Во мне бурлит гнев и ненависть. Сейчас они сидят там, в этой убогой, всеми забытой берлоге. Я сижу на улице совершенно одна. С платьями в руках. Может вернуться и забрать их оттуда? Может лучше позвонить кому-нибудь? Выудив мобильник, пытаюсь включить, но он не подает никаких сигналов жизни.

«Бери платья, ищи такси и уезжай отсюда», — подсказывает внутренний голос.

Резко хватаюсь за платья и бегу к дороге. Через час по дороге рядами проезжают грузовики, автобусы, редко — желтые такси. Я протянула руку и вздернула большой палец.

Прошло несколько мгновений, как серая машина останавливается напротив меня. Стекло опускается и оттуда выглядывает мужчина с русыми волосами.

— Вам помочь?

Я подошла ближе, хватаясь за дверцу.

— Мне нужна помощь.

— Садись. — Он открывает дверь, я чуть отпрыгиваю, чтобы не задеть чехлы. В салоне тепло и тихо, напевает незнакомая песня. Я продиктовала адрес и вкратце объяснила, в чем причина.

— Пристегнись для начала.

Мужчина повернул ключ зажигания. Дорога была долгой и молчание в салоне просто давило на меня.

— Куда же вы с платьями направились?

Я сжимаю чехлы к груди ближе, и опускаю голову.

— Купила для одного очень важного дела.

Я не особо хотела говорить все подробности своей жизни. Он был мне никто.

Хотя мужчина выглядел достаточно молодо: коричневого оттенка взъерошенные волосы, густая борода на лице, пышные брови и ресницы, а сам одет в льняную рубашку, серые джинсы и куртку.

— Что за музыка играет? — спрашиваю, отбивая биты в колонке. Губы мужчины дернулись и на минуту он оглядел меня с ног до головы.

— Это моя любимая группа The XX. Сейчас играет композиция "Intro", нравится? — Он сделал громче. Я шумно выдохнула, откинулась назад и закрыла глаза, слушая трек. В моей голове, как лампочка, зажглось воспоминание, как мы ехали с Питером по дороге в школу, и почему-то щеки зарделись.

— Это тут? — спросил водитель, смотря вперед. Я повернула голову. Это был мой дом. Родной дом.

— Да. — Сказала, отстегиваясь. — Спасибо, сколько я вам должна? — Спросила я, поднимая на него глаза.

— Не нужно. Я сделал доброе дело — подвез красивую девушку. Для меня этого достаточно, — проговорил он, игриво улыбаясь, — мне ничего не надо.

— Вам не нужны деньги? — хлопаю глазами, как если бы смотрела на верблюда, оказавшегося в наших краях.

— Разве человек не может сделать доброе дело просто так? — Я просто пожимаю плечами.

— Может... Просто я не знала.

— Можете просто сказать ваше имя? — попросил он, выводя машину из блокировки. Я шмыгнула носом.

— Керри.

Парень кивнул.

— Марк. — Он галантно протянул руку. Я долго еще смотрела на её и, почему, но хотелось его обнять. Однако сдержалась и только открыла дверцу.

— До свидания, Марк.

В доме темно и тихо. Как в прошлый раз, когда я заходила сюда и наверху обнаружила погром. Дверь захлопнулась и я вслепую дотягиваюсь до выключателя. Свет осветил всю квартиру. Дом казался таким пустым и одиноким, что мне это даже нравилось.

Прохожу на кухню, достаю из шкафа пачку спагетти и заливаю в кастрюлю воду. Все мысли заполонили подруги. Где они сейчас? Уже вернулись домой? А если нет?

Я выуживаю из кармана мобильник и снова включаю. На глаза попадают сообщения и десять пропущенных звонков от Питера. Нажимаю на список звонков. Жду гудки. Они так долго тянутся, что в кастрюле успевают закипеть вода. Я кладу на одно ухо телефон, прижав плечом, открываю пачку сухих соломин и кидаю в булькающую воду.

— Алло? — сонный голос прошептал в трубку. — Кто это? — Уже требовательнее проговорила Мэг.

— Мэг, это я. — Она выдохнула.

— Керри, ты где?

— Я дома. Ты где? С вами всё в порядке? — взволнованно проговорила я и отошла в сторону, будто на кухне нахожусь не одна.

— Я уже сплю и если бы не ты, могла досмотреть, как мне вручают корону и провозглашают королевой Нарнии. — Мэгги глубоко зевнула. — А так с нами всё хорошо.

Слушай, Керри, я хочу спать, давай завтра поговорим.

Ее снова одолел зевок и она причмокнула.

— А что с Дженни?

— Она у себя дома. Керри, давай завтра. — Просит она и голос затихает. Я помешала соломинки в кастрюле, вздыхая.

— Доброй ночи.

— Угм, — протянула она и телефон перешел на длинные гудки. Следующим на очереди стоял Питер. Тут с гудками я долго не церемонилась, так как он ответил сразу.

— Керри! Ты где? С тобой всё в порядке? — тараторил он, не переставая.

— Прости. Я знала, что ты позвонишь, просто я поставила телефон на беззвучный и...

— Ладно тебе! Уже не имеет смысла, но что ты делала?

Голос стальной, как у моего папы, когда он ругал меня за оплошности.

— Магазины умеют затягивать на целый день, понимаешь? — Он хмыкнул в трубку.

— Да-да, женские штучки и всё такое.

Я улыбнулась, отставляя кастрюлю в сторону.

— Как твои дела в лесу? — Питер перешел на шепот, и явно напрягся.

— Оу... Ну, я нашел кое-что... это, наверное, не имеет никакого значения. Так, маленькая безделушка на цепочке. — В трубке послышался скрежет железа.

— Что ещё за безделушка? — любопытствовала я сомнительно. В голове вспомнилась вечеринка одного блондина из нашего класса. Все было в густом тумане. Такое чувство, как будто кто-то влил в голову хлорку и всё отмыл дочиста.

Помню, как Сэм подарил одну цепочку, на которой висел кулон. Правда поношенный, но очень привлекательный, однако, как я могла его потерять, едва помню.

— ... он серого цвета, овальной формы и какой-то весь изношенный. — Продолжает Питер.

— Питер, постой я... — перебиваю, доставая тарелку из шкафа. Но мысли спутались, когда он замолкает.

— Что-то случилось?

Я покачала головой, сильнее сжимая трубку.

— Хотела пожелать спокойной ночи. — Вру я. Не нужно ему знать, где я была и какие кошмары видела.

Мама и Алекс так и не появились. Включив телевизор, чтобы разбавить тишину, беру тарелку, но неожиданно на втором этаже раздается гулкий звук разбивающегося стекла. По коже пробегаются мурашки. Что это? Отложив тарелку в раковину и взяв нож из тумбочки, поднимаюсь наверх.

Скрипучие ступеньки выдавали меня и пришлось делать каждый следующий шаг как можно тише. Шагаю к своей комнате и приоткрываю дверь. В комнате темно и ничего не видно, однако проникает лунный свет и падает на блестящие осколки на полу. Из окна дует ветерок, на ходу отдавая морозом. Протягиваю руку, чтобы захлопнуть его, но пальцы проскальзывают наружу и от неожиданности ноги подкашиваются. Окно вдребезги разбито.

Шорох возле кровати отрывает от размышлений. Я поворачиваю голову и не успеваю что-то предпринять или разглядеть, как чья-то мужская и сильная рука обхватывает шею, а вторая голову. Один поворот против часовой стрелки и перед глазами темнота.

Медсестры приходили и уходили обратно, меняя капельницу снова и снова. Джули, моя сиделка, объявила довольно неплохие результаты анализов и после долгих маминих уговоров на выписку, доктор все-таки отпустил меня домой.

Мама была рада, что я наконец-то буду в домашних условиях. Рядом с ней и на глазах. Однако мое состояние, по правде говоря, было прежним — ничего не изменилось. В голове по-прежнему стоит шумный гул разбитого стекла, сжимающиеся руки на своей шее и крошечная темнота перед глазами.

Я лежала в кровати и слабо улыбалась, временами сминая уголок тонкого одеяла на себе. Когда я увидела Питера, то не могла понять — радоваться мне или плакать. Я слышала его голос, когда была без сознания, но не была точно уверена. Говорить не хотелось. Ничего не хотелось. Единственное было мое желание — вернуться домой. Он стоял напротив меня, сбоку от мамы. Лицо сияло как у рождественской елки, а лицо мамы покрылось красными пятнами.

— Дорогая, скоро ты уедешь домой. Все закончится. — Мама подошла ближе и обняла.

Дверь нараспашку открылась и вошел высокий доктор с планшетом в руках.

— С возвращением, милая. Готова к обследованию?

Я не могла вытащить из себя хоть слово: вязкий ком не давал этого сделать. Брови сошлись на переносице. Мама заметила мое негодование и обратилась к доктору, уволакивая в сторону.

— Зачем это, доктор? Вы же сказали, что все хорошо? — спросила мама почти шепотом, сжимая локоть мужчины у себя в хватке. Он закивал и облегченно выдохнул, высвобождаясь.

— Для точности.

Мама отошла в сторону и доктор приложил на мою ногу в одеяле сморщенную ручонку.

— Собирайся, милая. Это займет всего лишь пару минут.

Я кивнула.

Три медсестры сидели за звуконепропускаемым стеклом, синхронно перелистывая бумаги. Рыжая девушка с длинными вьющимися локонами поманила пальцем, и я двинулась к ней.

На мне была тряпичная серая ткань, от которой сильно воняло успокоительными и валидолом.

— Керри, пожалуйста, приляг на кушетку, а руки положи по швам.

Я молча ложусь, пока остальная часть по ту сторону кабинета в ожидании наблюдали за мной. Бегло окидываю обеспокоенные лица небольшой группы поддержки: Питера, новоиспеченного отчима, стоявшего позади мамы, и саму мать.

— Тебе удобно? — Послышался грубый голос доктор сбоку от меня.

— Да.

Сердце бешено бьется, когда машина трогается с места и катится вперед. Я начинаю паниковать — вдруг найдут что-то серьезное, и из-за этого останусь еще на одну ночь, а за ними следующие?

Тяжело вздохнув, начинает не хватать воздуха. Неожиданно с левой стороны раздается оглушающий звон.

— Расслабься, всё будет хорошо.

Такое ощущение, как будто он стоял напротив меня, но в реальности это было не так. Я заставляю утихомирить сердце, а самой дышать ровнее. Аппарат запищал, давая понять, что он готов к последующим действиям.

— Закрой глаза, это будет не больно, — просит голос доктора.

Я не совсем понимаю, что от меня хотят, но повинуюсь. По мне бегут мурашки. Синяя полоска от аппарата пробегает по дрожащему телу.

Мгновение — и я уже выезжаю наружу.

— Снимок есть. Спасибо, — выговаривает доктор, махая мне какой-то бумажкой. Он что-то шепчет Питеру, и дверь с писком открывается. Парень подбегает ко мне, обхватывает за плечи и помогает встать.

— Ты как? — спросил он, смотря взволнованно: глазенки бегали по лицу, пальцы крепко держали мое и так обмякшее тело.

— Чувствую себя как подопытный кролик, — выговорила я с ноткой раздраженности. Он хмыкнул.

— Понимаю. Не переживай, скоро всё закончится.

Я снова киваю. Тут входит доктор, читая черно-белый снимок в своих руках.

— Ну, Керри, могу тебе сказать, у тебя всё хорошо.

— Правда? Что у меня?

Я подхожу ближе, опираясь на плечо Питера. Доктор улыбнулся и закатил глаза, будто это не так страшно.

— У тебя небольшое сотрясение мозга, но не тяжелое. Может, ты ударилась чем-то при падении? Ты помнишь?

Я потупила взгляд, пока он изучал мое лицо.

— Не помню, — честно признаюсь.

Доктор еще минуту разглядывает мой затылок, затем отходит. В кабинет вбегает мама, за ней Алекс в черном капюшоне. Женщина обрушивается на меня как торнадо.

— Дорогая, ты как?

Она начинает всхлипывать мне в шею, глядя по спине.

— В порядке. Нет, ничего страшного, мам. — Ее объятия стали сильнее, я уже не могла дышать. Я задвигалась, пытаясь освободиться. — Мам, отпусти, ты меня задушишь.

— Ой, прости, дорогая, — она отходит на несколько шагов, вытирая слезы, и обнимает

за талию Алекса.

— Доктор, можно я пойду собираться домой?

— Да, иди. Только не волнуйся, если будет болеть голова. Если боли не прекратятся, обращай ко мне, без промедления.

Доктор вытягивает из кармана тонкую бумагу и пишет номер телефона. Послушно кивнув головой, выхожу в коридор и начинаю искать свою палату.

— Питер, иди за ней, не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось, — слышу, как мама просит Питера. И через секунду дверь снова с пискот открылась и захлопнулась.

— Ты в порядке? — спросил Питер в сотый раз, следуя за мной попятам. Я нервно закатываю глаза, пытаюсь совладать с собой. Может он найдет какой-нибудь другой вопрос, этот меня уже начинал доставать.

— Не стоило тебе сюда приезжать.

Я останавливаюсь и заглядываю в блестящие глаза парня.

— Предлагаешь, мне надо было оставаться дома и ни о чем не думать? — Он поднимает брови, возмущаясь.

— Хотя бы это. — Я качаю головой, усмехаясь нелепости. Не хочу, чтобы он видел меня такой слабой и незащищенной.

— Вот мы и дома, — вздохнула мама, открывая дверь и выпрыгивая в мороз. Мама и мой новоиспеченный отчим отправились на кухню. Я поднялась в свою комнату, пока Питер выкладывал сумки. Я хотела ему помочь, но он строго настроено запретил, ссылаясь на мою слабость, и отправил в дом.

Кидаюсь сразу к раковине, чувствуя, как вот-вот все выйдет наружу. Посмотрев в зеркало, не узнаю свое отражение. Под глазами легкие мешки, лицо помятое, волосы не расчесаны, небрежно падают на плечи.

Я ополаскиваю лицо холодной водой, мочу пальцы и слегка поправляю волосы.

Открыв дверь в комнату, вижу Питера, сидевшего на моей кровати и подавлено смотрящего в пол. Спина и плечи парня стали шире и теперь он не вмещался в мою скромную обитель.

Наши глаза встретились и по мне пробежались мурашки. Почему он все еще здесь?

— Я оставлю здесь вещи. — Он похлопал по моей дорожной сумке и встал, пятясь к двери. Однако что-то остановило его и он вернулся ко мне, взмахивая руку и запуская в волосы, сильно сжимая.

— Керри? — проговорил он.

Я даже не пошевелила ни одной рукой или ногой, смотря на него, словно замороженная. Он проходит ко мне и щелкает пальцами перед лицом.

— Ты тут? — На лбу парня появляются морщинки.

— Да.

Я сомнительно оглядела его, склонив голову; влажные пряди закрыли его часть лица.

— Почему ты всё еще здесь?

Он нахмурил брови и посмотрел на меня серьезным взглядом. Он был похож на оловянного солдатика, шатаясь на одном месте. Глаза стеклянные и ничего не выражают. Он сильно зажмурил их и покачал головой.

— Я боялся за тебя тогда, боюсь и сейчас. Лучше оставайся

дома и... — Он открывает веки, отходя назад, — Тебе лучше держаться от меня

подальше. Это из-за меня. — Его голос даже не дрогнул. Питер снова проходит по своим волосам и закрывает лицо. Что это всё значит? Он обернулся и схватился за покачивающуюся ручку, готовую в любой момент слететь.

— Твои вещи на кровати. Я уйду. Я буду держаться от тебя подальше, ради твоей безопасности.

Питер пересекает небольшое расстояние и склоняется надо мной, перемещаясь к моему уху.

— Поверь, Керри, так будет лучше.

Я сглатываю. Дрожь возобновилась, как при осмотре. Но здесь было что-то другое.

— Для кого? — шепотом говорю, больше не в силах произнести еще что-нибудь.

— Для тебя самой.

Питер выпрямился, вышел из моей комнаты и захлопнул дверь. Я осталась одна.

Через минуту слышу возмущения Алекса, жалостливые всхлипы матери, а затем — дверь захлопнулась. Тут же пробегаю по всей комнате, к окну, и смотрю на удаляющийся силуэт через шторы. Питер медленно, но стремительно, удаляется из моего поля зрения. Он спрятал руки в карманы джинсов и скрылся в лесу. Больше я его не вижу.

Я долго смотрела в зеленую чашу. До тех пор, пока в комнату не влетела мама. Глаза яркие как ночные огоньки. Она летает по комнате, а внутри меня заселяется жгучая пустота.

— Почему он ушел? Он вернется? — Мама стоит, облокотившись возле двери со скрещенными руками на груди.

— Нет.

Сажусь на кровать, опустив голову на подушку. Мама встрепенулась и подбежала к краю кровати.

— Керри, тебе плохо? — Я прикрыла глаза.

— Нет. — Повторяю, но чувствую, как слово просачивается в поры. Всего лишь три буквы, а сколько в них сил. Мама откашливается.

— Принесу тебе поесть сюда, чтобы ты не потеряла сознание.

Она поцеловала меня в лоб, выходя из комнаты.

Теперь мне на самом деле плохо. Не физически — душевно. Внутри что-то умерло, и название этого я не знала. Пустота растекается по клеткам, животу и горлу. Она бесконечна, как слово "нет".

Он хочет, чтобы я держалась от него подальше или хочет держать дистанцию сам? Так или иначе, всё сходится к одному — нам лучше на расстоянии. Но надолго ли этого хватит? Сначала ты даёшь мне шанс увидеть тебя, какой ты на самом деле, но потом надеваешь маску. Зачем?

Утренние лучи солнца пробивались через шторы в комнате. Сегодня мне нужно было идти в школу, но не хотелось никуда вообще.

Головные боли появлялись, как и предупреждал доктор, однако они были не сильными.

Скрип двери вдруг разбудил меня, я резко открыла глаза. На маме легкое синее платье и волнистые, орехового цвета, волосы обрамляют лицо. В полусонном состоянии протираю глаза руками, чтобы окончательно сбросить дремоту.

— Утро доброе, соня.

Она приближается ко мне и я чую аромат лимона. Женщина целует меня в обе щеки.

— С твоим днем рождения, дорогая.

— Я совсем и забыла про него. — Неуверенно лепечу я, зевая. Мама сладко засмеялась, оставляя на прикроватной тумбе крохотную коробочку, обмотанную красным большим бантом.

— Что это?

— Сегодня тебя ожидает много сюрпризов. — Засмеялась она, показывая морщинки в уголках глаз. Из меня выходит разочарованный вдох, закрываю лицо руками и снова падаю на подушку.

— Одевайся и спускайся вниз.

Мама открывает дверь. Я не хочу сюрпризов. Я не люблю сюрпризы. Я не люблю праздновать, но когда говоришь это маме, она все равно продолжает это делать.

— Может сегодня не будем праздновать? — Я попыталась переговорить ее. С ее лица тут же пропала улыбка. Она нахмурила брови и между ними проступила обеспокоенная морщинка.

— Ты не должна зарывать себя только потому, что в твой день рождения умер отец. Не надо... — Она вздрогнула и кивнула, улыбаясь уголком губ. — Будь счастлива.

Я вздыхаю.

— Ладно, мам. Ради тебя.

На тумбочке лежит синяя коробочка. Я подхожу к ней и быстро разворачиваю. Внутри затаилась белая смятая бумага. Рука дрожит, я поднимаю бумагу к воздуху. Пытаюсь разглядеть вещь, чем-то похожую на серебро, но не рассчитала силы, бумага выскользнула из рук и со звоном упала на пол.

Из клочка выпрыгивает серебристый ключ. Я отпрянула назад, прикрывая ладонью рот. Ключ.

Быстро поднимаю подарок, зажав в ладони, чувствую, как рубцы припечатываются в кожу. Сердце умеренно стучит в груди. Натянув на себя черное платье и кеды, стягиваю волосы в хвост и заправляю резинкой.

Спустившись по лестнице на первый этаж, я оглядываю гостиную и замечаю Алекса с мамой в обнимку. Оба мило улыбаются мне.

— Мило смотрите, — замечаю, спуская ноги на ступеньку ниже. Они переглядываются между собой. Алекс подходит ко мне и кивает, пожимая левым плечом.

— Закрой глаза и не открывай, пока не скажу.

Что они задумали? Но оба молчат. Я закрываю глаза, услышав шаги Алекса. Он оказывается позади меня и осторожно подталкивает вперед. Мама бережно берет меня за руку и потягивает за собой.

— Осторожно, сейчас будет ступенька.

Открылась входная дверь, сдувая нас с дороги. Мама крепко держит за руку, констатируя, куда ступать. Наконец, когда слышу звон колокольчиков на пороге, мне уже не терпится открыть глаза. Мама сжимает мою ладонь, пока Алекс отходит назад.

— Открывай глаза, — проголосила она, отпуская руку. Алекс проходит к маме, обвивая ее талию сзади, и широко улыбается. На улице стоит пикап. Лучики поблескивают в боковых зеркалах, а в салоне притаился сгусток еле заметной пыли.

— Спасибо... — Голос дрожит и выходит больше вопросительно. Я накинулась на них обоих, раскинув руки.

— Мы рады, что тебе понравилось. — Проворковала мама, выдыхая в мои волосы.

— Правда он поддержанный и совсем уже не новый... — начинает оправдываться Алекс, почесывая затылок в смятении. Я качаю головой.

— Нет. Наоборот, это мой самый любимый подарок за сегодня.

Я еще раз оглядываю белую машину, сзади которой был присоединен высокий открытый багажник. Я улыбнулась, у Алекса загорелись глаза.

— Шевроле пикап (Chevrolet Pickup Truck). В этой малышке есть всё: кондиционер, акустическая система с флешкой, CD\MP3, AUX. Если вдруг надумаешь куда-нибудь уезжать на долгое время, она увезет, куда только пожелаешь. В частности очень удобный руль.

— Значит я уже достаточно взрослая, чтобы уехать от вас... — мечтательно заявляю ему.

Мысли улетают далеко отсюда, глаза закрываются и я представляю, как сяду в машину, разверну ее в сторону севера и начну колесить до холодной темноты...

Мама рассмеялась, опрокидывая голову на грудь Алекса.

— Если ты получила машину, это еще не значит, что ты взрослая. Для полного перевоплощения тебе надо подождать еще три года. Потерпи уж, а нам позволь побыть твоими родителями, кроха.

Она мило улыбается, но страх в глазах не исчезает. В них наоборот что-то заблестело. Такое сильное и совсем незнакомое. Я осекаюсь на Алекса позади мамы.

— А мне возможность побыть твоим отцом? Пусть и не родным. — С мягкостью в голосе проговорил он, обнимая маму крепче. Я сдаюсь, окончательно принимая его. Теперь уже какой смысл выносить гнев наружу? Былое не вернешь.

— Так уж и быть. — Говорю я.

Тут же деревья заколыхались, сбрасывая за ночь зимний пух. Я вдыхаю полной грудью морозный предзимний воздух и в груди поселяется спокойствие.

Сегодня холодно, но к этому холоду я уже начала привыкать. Печка согревала, пробегая по всему салону теплым потоком воздуха, по радио приятная музыка. Двигатель на минуту сначала глушился, затем снова восстанавливался. Я кое-как доехала до пустой парковки.

Заглушив двигатель, выхожу из теплого салона в морозный, чуть ли не пасмурный день, на улицу.

Усевшись поудобнее на скамью, закрываю веки и откидываю голову к небу. Стены школы, я заметила, теперь разукрашены в ледяной синий цвет, окна вычищены до блеска, повсюду висят ленты и приклеены плакаты, говорящие о приближающемся празднике.

— Керри, это ты?

Я резко оборачиваюсь, когда вижу, как возвышается Сэм. Он был в футболке и потертых джинсах.

— Сэм? — Мне пришлось сощуриться, чтобы разглядеть его из-за инея на ресницах.

— Привет, — улыбнулся он, присаживаясь рядом, — пришел сказать насчет вечеринки, не забыла?

— Вечеринка у твоего знакомого, да? — поправила я, откашливаясь. Он кивнул.

— Приходите после уроков, часам к семи, окей?

Я окинула свое черное платье быстрым взглядом.

— Официальный наряд или сойдет так? — Указываю на кусок черной материи в руках. Сэм отмахнулся и расхохотался.

— Хоть в пижамах и больших круглых очках заваливайтесь. Он все равно не заметит. — Затем достает бумажку из кармана и протягивает мне.

— Это адрес.

Сэм быстро переметнулся вдаль, за моё плечо, и его глаза расширились в удивлении. Он помахал мне рукой, улыбаясь.

— Ладно, свидимся еще, Керри.

Он убегает к дальним машинам, открывая дверь темной тайоты тундры. Я осмотрела парковку, где уже стояли машины — одна лучше другой. Моя машина единственная отличалась своим незаурядным стилем. Проходящие мимо нее ученики смотрели на машину с опаской и с некой насмешкой.

— Керри! — Из толпы выскочила Мэг. Ее волосы развивались и конец платья разбежался рябью при каждом движении.

— Привет, Мэг. — Радостно проговорила я, обнимая девушку. Она указала большим пальцем себе за плечо и сморщила нос.

— Что

за развалюха, вон там? — Она указала на мою машину, в стороне ото всех остальных.

— Это моя, и не называй ее так. — Огрызаюсь я, скрещивая руки.

Мэгги поворачивается ко мне всем телом и смотрит удивленными глазами. Она окидывает меня быстрым взглядом, затем то же самое проделывает с машиной, стоявшей в одиночке, потом обратно на меня.

— Твоя? — Я кивнула.

— Прости, я не знала. — Она прищурила глаза.

— Поклонник подарил? — Смех вырвался из моего рта.

— От мамы и... — Я осеклась, в панике глядя на подругу.

— И?

— Отчима. — Заканчиваю, выдыхая. У Мэгги округлились глаза, рот раскрылся в большую букву "О".

— Отчим? Почему ты мне не рассказывала?

Я поправляю смятое платье на коленях и натягиваю улыбку на лицо.

— Я сама узнала об этом, буквально, два дня назад.

— Настоящий шкаф со скелетами? — проговорила она. Ее палец вздернулся вверх и потом она загадочно подмигнула. — Значит у тебя еще и ко всему прочему днюха, а я не знаю?

Она потрясена. Подруга всплеснула руками и глубокая складка нарисовалась между переносицей. Я киваю, сияя улыбкой, перевожу взгляд на сцепленные руки.

— Это надо отметить, — она почесала подбородок в задумчивости, — Керри...

— Мэг? — Я осторожно поднимаю глаза. Она покачала головой и мягко оскалила зубы.

— Больше никаких секретов. — Мэгги подняла свой мизинец и скрестила с моим, хватаясь второй рукой за мою свободную.

Учебный день протекал медленно и тихо. На уроке литературы Мэгги сидела со мной. Мы шептались, обсуждая наши дальнейшие планы на сегодняшний день, и в итоге я рассказала ей о вечеринке Сэма. Я потянулась за сумкой, взяла из кармана листок.

— Это адрес, где и будет проходить вся шумиха. Гранд Авеню.

Мэг недоуменно заморгала, качая головой.

— Даже не представляю, где это находится.

— Может съездить после занятий, ты сможешь? — Брови девушки вскинулись вверх, когда она указала пальцем на меня.

— Но поедem на твоей машине. — Она подмигнула. — Хочу проверить ее в действии.

Мы обе рассмеялись, что не смог не заметить учитель, заменяющий Мисс Фокс.

— Что смешного, леди?

Учитель в джемпере и коричневых широких штанах прошелся по рядам, жмурясь на каждом шаге. Мэг встает, что приводит меня в некое беспокойство. Я дергаю ее за локоть, чтобы та села, но она стояла, не двигаясь, и даже не шелохнувшись.

— Мэг, зачем ты встала?

Она отошла в сторону и усмехнулась.

— Тише!

Учитель замолк, задерживаясь на месте. Мэг улыбнулась и обратилась ко всем учащимся в классе.

— Народ, простите...

Все взгляды обернулись к ней; мои щеки почему-то покраснели, я поползла вниз. Мэгги сияет как солнце в лучах софитов. Ей это нравится.

— У одной девушки из нашего класса сегодня знаменательный день это...

Не говори имя! Не говори имя! — молю я мысленно. Но было поздно.

— Это — Керри Скилеф!

Я закрываю себя руками, опустившись за парту. Вся аудитория в один голос прокричали поздравления, пожелания и хлопали в ладоши, громко свистя.

Тут же хватаю сумку, бросаю гневный взгляд на Мэг, смотрящую на меня с улыбкой. Даже не обернувшись, выхожу вон из кабинета и пулей скрываюсь в коридоре. Дверь позади тут же распахнулась, шумно встречаясь со стеной.

— Керри, ты чего? — Мэг оказывается сбоку от меня и при этом тяжело дыша. Но я молчу, сверля глазами пол.

— Прости, я просто хотела, чтобы все знали. Ведь сегодня твой день, подруга!

Она кричала до конца коридора, пока ее голос не затих вовсе. Запах по всей школе до тошноты противный. Я вдыхаю этот запах, пока не врезаюсь в чью-то крепкую, как сталь, грудь.

— Ой... — Я оторопела, прижимая сумку сильнее к груди. Когда сердце прекращает бешеный скач, поднимаю глаза. Пульс учащается, кровь бурлит в венах с новой силой. Живот скручивает в узел, пока черные пятна перед глазами не уходят на второй план. Я думала, его сегодня не увижу.

Я изучаю его черты лица, чтобы запомнить и вбить себе в голову на протяжении оставшегося дня. Человека, который сказал мне, что не будет со мной видеться, а будет держаться от меня подальше. Он стоит здесь, смотрит на меня, по-прежнему криво ухмыляясь.

— Значит, у тебя сегодня день рождения? — спрашивает он, изучая меня с ног до головы.

По моей коже пробегают мурашки. Почему при его присутствии у меня потеют ладони и дрожат ноги?

— О, Питер, привет. — Послышался тонкий голос Мэгги. Питер натянул улыбку, оторвав от меня дурманящий взгляд.

— Привет, Мэг. — На щеках парня появились ямочки.

— Ты идешь на вечеринку к Сэму? — спрашивает она, игриво наматывая локон на палец. Сначала Питер не понял, о чем она, и нахмурил брови.

— Что? Какую еще вечеринку?

— Ну как? — Мэгги на секунду растерялась, бегая глазами с меня и обратно. Я вздохнула, закатывая глаза.

— У Сэма один знакомый устраивает вечеринку по поводу окончания учебного года, поэтому приглашает и нас.

Питер снова сменяет ясное лицо на озадаченное, слегка покачиваясь на носках.

— Кто-нибудь еще будет? — Мы с Мэг переглянулись.

— Не знаю, может быть. Это же вечеринка. — Усмехаюсь я. Питер опять замолк. В сумке Мэг неожиданно зазвонил телефон.

— Ой, я сейчас...

Подруга достала мобильник из своей сумки и отошла в сторону.

— Так ты идешь на вечеринку? — спросил Питер, пока Мэг смеялась с кем-то в стороне.

— Да...

— И у тебя сегодня день рождения? — Протягивает он, ухмыляясь. Я киваю.

— Сколько же тебе исполняется? — Питер подходит ближе, и я чувствую его теплое дыхание.

— Знаешь ли, неприлично спрашивать об этом девушек. — Подмечаю я, хотя внутри все переворачивается от ответа. Питер кивает и смотрит на меня так, будто что-то хочет спросить. Спросить совершенно иное, чем намёк на возраст. Я поднимаю глаза, отходя назад.

— Я думала, ты обижен на меня? — Бровь скептически изгибается. Питер посмотрел в потолок, затем снова на меня.

— А разве должен?

Снова молчание. Питер явно силился что-то сказать. Он потер переносицу большим и указательным пальцами, крепко зажимая.

— Слушай, я хочу...

Его лицо хмурое и очень серьезное, что на минуту кажется, Питер на самом деле не человек. Он покачал головой, майка задралась кверху, оголяя часть кожи.

— Черт! Так сложно...

— Что сложно?

Я склоняю голову, в ожидании смотря на него. Питер запускает пятерню в волосы, крепко сжимая. Он начал ходить по коридору, изучая шагами пол и смотря вниз.

— А вот и я. — Проговорила Мэг. Она закусила нижнюю губу и подтянула меня за руку к себе. — Скучали?

Питер еще раз оглядел нас двоих; глаза вспыхнули молчаливым гневом, затем внезапно все потухло и уже через мгновение лицо парня ничего не выражало. Он осторожно пересек расстояние между нами. Не замечая ошарашенную Мэг, рукой дотронулся до моей талии и крепко сжал.

— С днем рождения, Кер. — Шепчет он.

Всё мое тело напрягается от неожиданности и неловкости. Внутри что-то кольнуло и я молила его, чтобы он не отпускал руку.

— Э... спасибо.

Но Питер все-таки отпускает меня, разворачивается на пятках и уходит, скрываясь в школьном коридоре.

— Что это было? — Сипло проговорила Мэг, ошарашенно стоявшая все это время рядом со мной. Я втянула ртом воздух. Перебросив рюкзак через плечо и судорожно поправляя платье, где недавно находились горячие пальцы Питера, я сглатываю.

— Чистая вежливость.

Мэгги ахнула и указала на пустое место перед собой, где недавно стоял Питер.

— Чистой вежливостью здесь и не пахнет, как ты не видишь? — Она хлопнула себя по лбу и закрыла глаза, мечтательно вглядываясь в самый конец коридора. — Этот парень совсем потерялся.

— Потерялся? В чем? — Переспрашиваю, не совсем понимая смысл ее слов. Она обернулась ко мне и выдохнула.

— Видимо, что в тебе.

После занятий мы приехали ко мне домой и стали ждать Дженни. Мэг позвонила ей и предупредила, чтобы она сильно не опаздывала. Алекса и мамы не было дома, но мне не хотелось оставаться в одиночестве.

Мы сидели на

мягком диване и планировали поездку к Сэму. Конечно, что-то подсказывало мне, может у меня открылся третий глаз, что лучше оставаться дома, однако здесь находиться не хотелось вовсе. А глоток пива никому еще не повредил. Тем более конец учебного года раз в жизни.

— Слушай, а что именно он тебе сказал? — Спросила Мэгги, сидевшая в позе Будды на полу.

— Он отдал адрес, куда мы должны прийти и сказал, что надевать можно что угодно, — я поморщилась, — хоть пижаму.

Мэг сложила в "замок" пальцы, встала на ноги и прошлась к холодильнику, на кухню.

Дверь распахнулась и в коридор вывалилась Дженни, впуская мороз. Я быстро ей объяснила всю ситуацию, та лишь рассмеялась.

— Я лучше так пойду. — Сказала я, показав на черное платье. Дженни оглядела мой вид и кивнула в знак одобрения. Мэг цыкнула и покачала головой.

— Что?

Она остановила взгляд на моих ногах.

— Ты серьезно, Керри, кеды? — Девушка сомнительно взглянула мне в глаза.

— Ну а что, по моему, смотреться неплохо. — Глаза ее блеснули, и я поняла, что она что-то придумала.

— Нет, Мэг, — отрезаю я, вставая резко с дивана, — я не собираюсь надевать каблуки!

Она достала бутылку воды и последовала на пол, к Дженни.

— Пф, я даже тебе не предлагала.

— Почему бы нам не одеться, как Керри? — вдруг предлагает Дженни. На минуту мы представляем эту нелепую картинку и в голос хохочем.

— Не-ет!

В результате, я соорудила домашний попкорн, Дженни нашла какой-то фильм ужасов, а Мэгги выключила свет для полного погружения в атмосферу.

На небе спускалось вечернее солнце за горизонт, прощаясь до следующего дня, когда фильм подходил к своему завершению. После просмотра мы боялись даже пошевелиться. Самой бесстрашной оказалась Дженни, вставшая с дивана. Она прошлась к закрытым жалюзи и резко раздвинула, впуская солнечные блики. Мы с Мэг поморщились и поспешили закрыться руками от солнечного света.

— А-а, Джен, закрой скорее, закрой! — Проскулила Мэг.

Дженни засмеялась и притащила наши сумки, зовя за собой. Она обувалась и собиралась сразу на ходу.

— Поехали уже, а то опоздаем!

Она открыла на распашку дверь и покорно принялась ждать, пока мы встанем и, что-то бурча себе под нос, наденем куртки и обуемся.

— Всё. — Проговорила я, подходя в коридор к Дженни. Она посмотрела на Мэгги. Девушка все еще путалась с каблуками.

— Мэг, скорее, уже почти семь!

— Сейчас, еще секунда. — Говорит она, натягивая последний каблук на ногу. — Всё!

Мы улыбнулись.

— Отлично. — Проговорила Дженни, выходя на улицу.

Мы были в предвкушении от вечера, когда уже подъезжали к дому. На красной крыше висят маленькие лампочки, повсюду вывески, на одной из которых корявым почерком было написано:

«Если ты заехал за продуктами или прогуляться, то ты ошибся, чувак. Но а если все-таки на вечеринку, тогда не останавливайся.»

У каждого человека, видимо студенты со школы и колледжа, на руках воздушные шары и маленькие бенгальские огни, освещающие их радостные лица.

— Что это? — Спрашиваю я, выходя из машины. Толпа людей вздернули руки в воздух и присели, готовые взлететь в небо.

— С днем рождения! — Мэг прильнула ко мне, крепко приобнимая за плечи.

— Пойдем, надо отметить твой день как следует!

Она схватила меня за руку и потащила в дом. Это же вечеринка Сэма? Каким боком мы отмечаем мой день рождения?

— При чем тут мой день рождения, это же вечеринка какого-то левого чувака, не так ли? — Спросила я у Мэг, когда в очередной раз она подавала мне стакан жгучего пойло. Взяв стакан с золотой жидкостью, опрокидываю голову назад, давая ей протечь по горлу в желудок. Внутренности обожгло сразу, доставляя полную расслабленность и заставляя кровь бешено биться в висках.

— Это вечеринка-сюрприз, — поправляет Мэг, отбивая ногой бит музыки, — вообще-то, всё придумал он сам. — Она указала пальцем на Сэма, который стоял в небольшой группе девушек и громко смеялся. Почему он?

Я схватила очередной стакан виски, опрокинула его внутрь себя и поморщилась. Мэг пьяно улыбнулась, когда я потянула

ее в центр комнаты.

— Узнаю подругу!

Протащившись мимо покачивающейся толпы, обе встаем в самое варево. Мы начинаем двигаться и плавно качать бедрами в такт музыке.

Мозг давно отключился от посторонних звуков, лишь слова песни звучат в ушах. Немного кружилась голова и постепенно приходило чувство рвоты.

Прохожу снова к стойке, наливаю еще стаканчик золотистой жидкости и выпиваю залпом.

Я сидела на клетчатом зеленом стуле осушала стакан маленькими глотками, когда ко мне подбежала очередная дрожь. Все еще чувствую, будто за мной следят. Но отгоняю эту мысль в сторону, делая последний глоток.

Ритмы, ощущения адреналина полностью поглощают меня и я ухожу с головой в пьяный дурман. Передо мной появилась высокая девушка и улыбнулась, а ее маленькие зрачки изучают мое лицо. Темные вьющиеся волосы аккуратно лежат у нее на голове, платье цвета красной розы теперь совсем не было похоже на цветок. Скорее уж на зеленую рвоту. Она поздравила меня и скрылась в толпе, разбрасывая руки в стороны.

Краем глаза замечаю Дженни: она сидит на диване, скромно осматривая все помещение.

— Почему сидишь одна? — Интересуюсь я, прыгая к ней на диван. Дженни встречает меня с теплой улыбкой и легко обнимает. Затем подруга откидывается назад и смотрит на танцующую толпу.

— Предчувствие плохое. — На ее лице появилась складка между бровей. Я отмахнулась и залилась смехом. Алкоголь давал о себе знать.

— Не придумывай, Джен. — Я хватаю ее за руку и затягиваю к островку на кухне.

— Давай веселиться!

Дженни улыбнулась, но все же пошла следом. Я схватила два стакана и передала ей второй. Дженни поморщилась.

— Я думаю, лучше не стоит... — Она понюхала жидкость в стакане. Я закатила глаза, надувая губы.

— Ты меня обижаешь. У кого тут день рождения? — Подстегивая, шуюсь. Дженни выдохнула и проглотила напиток в стакане.

— Только сегодня. — Проговорила она, сильно откашливаясь.

Ко мне подходили парни, но я мило улыбалась и отправляла их обратно. Я просто

хотела насладиться днем, не делая больших ошибок.

После каждого следующего стакана золотистой жидкости я терялась во времени. Сильно закружилась голова и начинало тошнить, однако мы продолжали с Дженни прыгать на диванах, смеяться, как ненормальные, и нелепо танцевать.

— Я выйду на минуту. — Говорю ей на ухо, чувствуя, как снова к горлу подступает неприятная желчь. Она кивнула и отпустила мои руки.

Мне нужна раковина или туалет. Но, бросив взгляд на кухню, свободных раковин не нашла. Поднявшись по крутой лестнице на дрожащих ногах, открываю на ходу дубовую дверь.

Смотреть в зеркало боязно. Я включаю воду и ополаскиваю лицо, пытаюсь привести себя в чувство, а мозг разбудить от помутнения алкоголя.

Неожиданно дверь в ванную резко открывается и заходит, немного качающийся в стороны, Сэм. Он поднимает глаза на меня и губы содрогаются в улыбке.

— Малышка, ты выглядишь бесподобно...

Сэм двинулся на меня. В глазах парня бегают бесенята. Помятая майка и мокрое пятно на джинсах говорили о том, что кто-то неплохо повеселился. Сэм не контролировал себя. Я отпрянула назад, ударяясь спиной об стену.

Он прищурился, оглядываясь по сторонам. Наконец его глаза сфокусировались.

— Эй, крошка. — Протянул он мягким, опьяняющим голосом. Сэм приближается, молниеносно сокращая между нами расстояние. Молча слежу за ним. Сердце бешено бьется в груди, отдавая ритм в висках. Дыхание становится прерывистым.

— Не прикасайся ко мне, Сэм. — Прошу его, но голос содрогается.

Я знаю, что сейчас он ничего не понимает и точно не вспомнит ничего утром. Но что-то подсказывало, где-то в глубине есть в нем светлая сторона, протестующая против грязи и рукоприкладства.

Он делает шаг ближе, притрагиваясь к моим пальцам.

— Ты вкусно пахнешь. — Сэм проводит носом по моей шее и дальше вниз по плечам, вдыхая аромат. Я начинаю задыхаться. Внутри все протестует.

— Нет, Сэм, пожалуйста... — Прохрипела я вдруг осипшим голосом. Он качает головой, накрывая мои губы своими пальцами. От него разит виски и березовой корой.

— Тише, это будет не больно.

Парень медленно касается моего плеча и тянется к лямке платья, не торопливо снимая ее с плеч. Я извиваюсь изо всех сил. Сэм проводит рукой до колена и подтягивает себе на бедро.

Парень начинает целовать мою щеку, подбородок, губы, вторгаясь своим языком внутрь. Я сопротивляюсь, крича ему в губы, когда руки Сэма жадно лапают мое хрупкое тело. Он сдавливает меня грудью, перегрождая путь легким.

— Сэм, пожалуйста, не надо.

Но он меня не слышал. Он только качает головой и тянется губами к моим зажатым... Пока глаза парня не расширились, руки не обмякли и его тело не повалились вбок. Я поднимаю заплаканные глаза на своего спасителя. И вижу, стоящую в шоке, Мэгги. Она часто дышит, дрожащими руками держась за бутылку в левой руке.

— Мэг...

Она отпрянула назад, поднимая взгляд, полный беспокойства.

— Я увидела тебя и... решила действовать. — Девушка сглатывает, затем подходит ко мне ближе, бросает бутылку в урну, стоящую возле ног.

— Нам нужно уходить. — Произносит она резко. Мы оглядываем Сэма, лежащего на полу без сознания, и я замечаю, как из головы парня постепенно льется струйка крови.

— У него кровь! — Шепчу я сипло, прикрывая рот ладонью.

Упав на колени, пытаюсь унять рану в затылке, прижимая руки. Но она не хотела останавливаться, все больше растекаясь по полу. Его бездыханное тело лежит возле моих ног, не отвечая на прикосновения.

— Сэм, пожайлуста, очнись. — Прошу его невидящими глазами. С глаз текут горячие капли, обжигая кожу и падая на ткань футболки Сэма. Мэг пытается меня поднять на ноги, но я так схватилась за мокрую футболку парня, что подруга все-таки оставляет меня. Вместо очередных попыток помочь мне подняться, она подбегает к двери и запирает её на замок.

— Что мы будем делать?

Я поднимаю на нее красные глаза. Мэг подходит к раковине, включает воду, рвет кусок ткани у Сэма на футболке, тем самым оголяя его часть торса. Она ухмыльнулась, промокая тряпку водой.

— Надеюсь, он не будет против.

Мэг отдала ее мне, прося быстрее приложить на рану, пока та не впитает кровь.

— Это малое, что мы можем сделать в данный момент. — Мэг выдыхает и приобнимает меня. — Прости, остается только ждать.

Я протянула руку до его затылка и проверила рану, а тряпку, уже давно пропитанную его кровью, выбросила в урну. Кровь засохла.

— Мэг? — Зову ее из угла. Она, чуть вздрогнув, подползает ко мне.

— Он очнулся?

Я вздергиваю руку перед ее лицом, морщась.

— Крови нет. Ее нет...

В теле возобновляется тряска, глазами бегаю по телу парня, когда Мэг хватается меня за руки и тщательнее всматривается в ладони.

— Как? — взвизгнула она. Ее рука дотронулась до его груди и Сэм зашевелился. Сначала его пальцы сжались, за ними начала вздыматься грудь, наполняя легкие кислородом. Он пытается встать, и, ковыляя назад, только упирается в стену, закрыв глаза.

-

Сэм, как себя чувствуешь? — Я подползаю к нему, пытаюсь не задеть и не сделать больно. Он осмотрел все вокруг, дотрагиваясь пальцами до затылка. Сердце сжимается, что становится трудно дышать. Я наблюдаю за его движениями с ярым испугом в глазах. Он вытягивает руки по пояс, кивая головой.

— Порядок, все нормально. — Я оглядела его грудь, осторожно дотрагиваясь до запутанных косм на голове. Рука пачкается в засохшей крови, когда отдираю руку.

— Твоя рана... Она... Ее нет. — Прошептала я, отстраняясь от него на безопасное расстояние.

— Может, успела зажить? — Уклончиво отзывается Мэг, сидевшая напротив Сэма.

— За десять минут? Может быть я чего-то не понимаю, но это невозможно. — Из меня вырывается смех, постепенно переходящий в истеричный. Сэм и Мэгги с опаской переглядываются между собой.

— Керри, успокойся. Просто на мне всегда всё быстро заживает, как на собаке. — Он подмигнул Мэг и широко улыбнулся, показывая белые зубы. Мэг всплеснула руками, и нечаянно задела голову Сэма. Тот стонет от боли. Вдруг в дверь забарабанили.

— Откройте! Мне нужно пи-пи! — Мужской голос ноет сквозь скважину двери, пока второй голос, женский и более низкий, не перебивает его, оглушая нас всех.

— Чего ты орешь, и так бошка раскаляется!

— Что делать? — Прошептала Мэгги, быстро вставая с пола и поднимая за собой Сэма. Он качает головой и улыбается.

— Сматываться, конечно, что еще тут думать?

Сэм проковылял к двери, высвобождаясь от поддержки Мэг. Он дотянулся до ручки и хотел уже открыть, но его остановила Мэг.

— Стой! — Она подходит ко мне. — Ты хочешь, чтобы нас увидели вместе?

Сэм оглядывает нас, пробежавшись глазами с головы до ног, затем кивает, отпуская ручку двери.

— Ладно, ты права. Что ты предлагаешь?

Парень скрестил руки на груди. Мэг осмотрелась по сторонам, пока не зацепилась глазами за кабинку. Она подбегает к ней и резко открывает. Девушка подходит ко мне, протягивает руки, затаскивая к себе в укромное место.

— Кер, не тупи, заходи внутрь!

Подруга накрывает свои губы одним указательным пальцем и мы ждем тишины. Слышу, как соседняя дверь открылась и захлопнулась за собой.

— О, хорошо. — Протягивает парень в соседней кабине.

Мы, еле сдерживая смех, тихо открываем дверь своей кабинки и проскакиваем в толпу.

Мэгги уводит меня на кухню и достает еще два бокала, наливая коричневую жидкость, которая отдавалась ненавязчивым запахом сандалового дерева.

Мы вместе запрокидываем головы назад и жидкость течет по горлу, обжигая его.

Вдруг в гостиной началась непринужденная беседа, сменявшаяся криками. Я озадаченно смотрю на Мэг, но та лишь выгибает бровь.

Тихо дойдя до угла в гостиной, внедряюсь в кольцо. В центре Сэм и незнакомый мне парень, одетый в рубашу с эмблемой Янки. Они что-то бурно обсуждают и это не похоже на милую беседу. У обоих красные лица и глаза пылают как у разъяренного быка.

— Крис, хватит! Или же я вышвырну тебя отсюда! — Сэм приближается к парню, хватаясь за ворот его рубашки, но тот успевает отскочить назад.

— Отвали от меня! Ты сам виноват. — Более спокойнее сказал Крис, поправляя льняную рубашу.

Толпа снова загудела и распласталась по всей комнате, разочаровавшись.

Мы с Мэг стоим, как статуи, смотря на Сэма, который обеспокоенно вынимал из футболки мелкие осколки. Мэг толкает меня вбок локтем и шепчет, всё еще озираясь на уходящую Льняную Рубашу:

— Я пойду, потанцую, надо растрясти весь алкоголь из своего организма.

— Хорошо, я скоро к тебе присоединюсь. — Проговорила я, напоследок одарив ее улыбкой. Она кивает и растворяется в толпе танцующего стада, по дороге виляя бедрами. Я провожу ее взглядом и сама отхожу в сторону. Мне надо выпить еще.

Дойдя до стойки, обрушиваюсь всем телом на свободный стул, обшитый зеленой клетчатой тканью. Не видящими глазами ловлю пустой стакан и бутылку дешевого пива. Наливаю стаканчик и отправляю в желудок содержимое, но не успевают губы соприкоснуться со стаканом, чья-то большая рука останавливает меня, отодвигая стакан дальше. Вместо того,

чтобы дать мне насладиться глотком, парень опрокинул пиво себе в глотку. Он сглатывает и мычит в удовольствии.

— Вкусно... — Его уголки губ приподнялись. Я нахмурилась.

— Это, вообще-то, предназначалось мне. — Я встаю на дрожащие ноги и скрещиваю руки на груди. Парень прикрыл свой рот, рыгнув.

— Извини, но там, — парень посмотрел в самое дно стакана, — уже ничего нет.

Он проводит пустой стакан перед моими глазами.

— Хочешь еще?

В карих глазах парня бегают слабые огни, от чего становится не по себе. Если я сейчас

выпью еще одну порцию, то меня стошнит прямо на него или потеряю сознание. Я отрицательно покачала головой.

— Хорошая девочка, — Проговорил Кареглазый, садясь на соседний стул. Я пробегаюсь глазами по его лицу, пока глаза не останавливаются на пятне разорванной футболки.

— Что это? — Спрашиваю, приближаясь к нему и указываю на пятно футболки, утыкаясь пальцем. Он опустил голову и нахмурился.

— Ерунда, просто пятно.

Тело Кареглазого заметно напряглось, когда я дотронулась до его пятна — не знаю, почему я это делаю, но хотелось дотронуться до его кожи и почувствовать, принять его боль и как-то помочь.

Его грудь то вздымалась вверх, то быстро опадала вниз, то на секунду и вовсе замирала.

Он учащенно дышит, зажмуривая глаза, и дотягивается медленно до моей руки. Сердце забилось как бешеное.

— Эй, Кер, а я тебя везде ищу.

Голос Мэг возвращает на кухню, пропитанную цитрусами. Я поднимаю на нее глаза и резко отхожу на безопасное расстояние от Кареглазого. Алкоголь ни к чему хорошему не приводит. Я убедилась в этом.

Его лицо ничего не отражало. Даже не было той растерянности, которая рисовалась на моем лице. Он надел маску и тихо поднялся на ноги, опираясь на столешницу одной рукой. Мэгги подошла к нам ближе.

— Я тебя везде искала. Ты же сказала, что присоединишься ко мне? — Ее глаза загорелись от любопытства. Я перевела свой взгляд на ее красное лицо, как цвет краски в наборе для рисования.

— Я же сказала, что присоединюсь. — Ухмыляясь, беру ее за локоть и отвожу в сторону.

Сэм откашлялся, привлекая к себе внимание. Мэгги переводит на него глаза и презрительно смотрит. В лице девушки разочарование и доля гнева.

— Тебе лучше умыться и протрезветь, Сэм. — Она крепче взялась за мою руку, увлакивая мимо парня к шумной толпе.

— Ты мне не мать! — Шикнул он ей вслед. Мэг сразу остановилась, но продолжая держать меня на вытянутой руке.

— Пошел ты. — Огрызнулась она, уходя прочь и волоча меня за собой. Хотелось закричать или показать светящиеся стрелки, подать какие-нибудь знаки, чтобы мне кто-нибудь объяснил, что происходит между этими двумя. Но стрелок не нашлось, и было уже поздно.

Музыка гроыхала до конца ночи, пока меня не захватили темные руки Мрака. Последнее, что осталось в памяти, как вместе с Дженни и Мэг я выпивала пиво до потери пульса. Чтобы почувствовать себя хоть на одну ночь взрослой или хотя бы забыть всю ту кучу дерьма, которая на меня обрушилась. С Мэг я не знала, что происходило: она не отказывалась от каждого следующего предложенного ей бокала. Последний глоток обжигающего пойло и мои веки, отяжелев, закрылись.

Открыв глаза, вижу, как на мне лежит тощий паренек с длинными до плеч кудрявыми волосами. Я привстала на локтях и бегло оглянулась. Перед глазами плывет, будто до этого я качалась на карусели всю ночь.

Возле большой кровати лежали два женских тела, они издавали сонливые звуки, а рядом с ними, неподалеку от туалета, лежал парень, обнимая одной рукой унитаз.

Стала вставать с кровати на ноги, пытаюсь слабыми руками поднять с себя тяжелую грудь, пока парень на кровати что-то сонно мычал. К горлу подступает тошнота.

Закрыв за собой дубовую дверь, не удерживаюсь и падаю на колени. Подползаю к туалету и выпускаю все противное наружу до последней капли.

— Эй, ты как? — Послышался знакомый голос. Незнакомец подошел сзади меня, опустившись на колени, приподнял комок каштановых волос вверх.

— Что ты здесь делаешь? — В порыве спросила тихо, изучая черную дыру унитаза.

— Мне позвонила Мэгги с твоего телефона. Она сказала, что ты без сознания лежишь на диване. Я сначала не понял, что случилось. Но потом вспомнил, как ты говорила о вечеринке. — Мой локон спадает на плечо, и парень сразу заправляет его за ухо.

— Я отнес тебя наверх, ты что-то бормотала и через минуту отключилась, как только я успел положить тебя на кровать, — проговорил он, зевая. Он помедлил, ерзая на холодной

плитке,

— когда-нибудь ты сведешь меня с ума.

Парень сжал мои волосы сильнее в кулаке. Я обернулась к нему, локоны каскадом упали за спину, и я забилась в угол.

— Прости, я сожалею, что ты приехал сюда. — Сказала тихо, опустив глаза. Он хмыкнул мне в лицо, приподнимая за подбородок. Мятное дыхание обдало кожу, покрывая пупырышками.

— Перестань, это не из-за тебя, — он подмигнул, — все дело в бесплатной выпивке.

Я пожимаю плечами, кивая головой.

Мы молча смотрели друг другу в глаза. Я пыталась прочесть его мысли. Он казался таким взволнованным и потерянным. Но парень молчит, играясь с плиткой под ногами, вырисовывая круги.

— Питер, отвези меня домой. — Прошу его, вставая, но ноги не выдерживают груза и я валюсь обратно к унитазу. Зеленоглазый поймал меня вовремя и подтянул к себе. Он вывел меня из ванной и посеменял вниз по лестнице.

Едкий запах табака достиг моего носа. Я сморщилась, нехотя утыкаясь в грудь Питера.

— Как здесь можно жить? — Возмущенно прохрипела я. Питер рассмеялся.

— Я тебе больше скажу: здесь ты отмечала свой день рождения.

Его грудь снова затряслась.

Я

огляделась по сторонам и заметила маленькое тело Мэг.

— Подожди, я сейчас вернусь. — Шепчу Питеру, который готовый был ринуться на свежий воздух. Он обернулся и озадаченно взглянул в глаза.

— Зачем?

— Я проверю Мэг и вернусь, хорошо? — Он выдохнул, сдаваясь, показал руки вверх и закивал.

— Я стою здесь пять минут, если ты не вернешься — рушу все в этом доме, напичканном наркоманами. — Пригрозил он. Я кивнула.

Пробираясь мимо всех и пытаюсь не касаться спящих ребят, делаю шаг за шагом, приближаясь к ней.

— Мэг, — шепнула ей в ухо. Она поморщилась, поворачиваясь на бок, — я ухожу.

Мэгги вздрогнула и резко подняла руку. Ее рука коснулась моей щеки, издавая громкий хлопок.

— Мэг! — Взвизгнула я более громче, потирая щеку. Она резко открывает глаза и смотрит в мою сторону.

— Господи, Керри, извини! — Мэгги протянула ко мне свои руки, но я отстранилась назад, чтобы в случае чего она не сломала мне еще что-нибудь.

— Ты издеваешься?

Щека сильно горела, будто по мне долго проводили горячим железом. Она выпрыгнула из тонкого дырявого пледа и подошла ближе.

— Что ты хотела сказать?

— Мне нужно идти. — Произношу, показывая большим пальцем в сторону коридора. Она проследила за моим пальцем, а потом кивнула, поправляя волосы.

— Хорошо, напиши, как доберешься. Кстати, Кер... — Она подняла на меня печальные глаза. — Прости, что пришлось звонить Питеру. Я испугалась.

Она выдохнула и, пройдя через всю комнату, села на обкуранный диван. Я закрываю глаза, обнимая девушку за плечо.

— Проехали, ладно? Я знаю, что ты звонила Питеру. — Отстранившись от нее, поспешно встаю. Она недоверчиво склонила голову.

— Как?

Я ухмыльнулась.

— Он сам рассказал мне.

Я двинулась к коридору, где на лютом морозе нервозно подпрыгивал Питер, широко махая мне руками на крыльце.

Легкий ветерок обдувает сзади, проникая до самого нижнего белья. Кожа становится гусиной. Я обхватываю себя руками и бегу к Питеру. Он стоял возле серой машины, издающей жалостные стоны. Питер улыбнулся, обнажая белоснежные зубы.

— Прыгай, а то в скором времени окажемся сосульками как на крыше этого дома.

Он открыл дверь. Я поежилась, озираясь по сторонам.

— Я совсем забыла, не могу оставить здесь машину.

— У тебя появилась машина? — Его брови поднялись удивленно вверх. Я быстро киваю, слегка шатаюсь. Питер покачал головой и сжал ручку двери.

— Напиши Мэг. Уверен, она найдет, что с ней сделать.

В салоне было теплее, чем дома в студеную зиму. Питер уселся, закрывая за собой дверь, включил зажигание и повернул ключ.

Машина плавно двинулась вперед, укачивая на ходу. Я наблюдала, как серые тучи следовали за нами. Питер тихо дышал, выдыхая через нос. Он вырулил налево и резко остановил машину.

— Почему мы приехали к тебе? — Спросила, переводя взгляд с серости за окном на него. На лице парня появилась улыбка.

— У меня есть сюрприз, — проговорил он, открывая со своей стороны дверь, и протянул руку, — идем.

Ноги трясутся словно у трусливого кролика. Я встаю сбоку от Питера, вглядываясь в его изумрудные глаза. Он берет меня за руку и крепко сжимает.

Открылась дверь. Мы зашли внутрь и в нос сразу же ударяет резкий запах лаванды. Я втянула воздух, но узел не дал ему пройти дальше. Питер усадил меня на белоснежный диван и скрылся за стеной.

Блики тумана растекались по дому, соприкасаясь с полом. По пяткам проходит морозный ветерок — значит где-то снова открыто окно. В самом доме стоит явное безмолвие. Кевина не оказалось, и я подумала, что все исчезли, а дом постепенно увядал.

Питер очутился позади как привидение. Он нес небольшую коробку, обмотанную темно-красной тканью.

— С днем рождения, Кер. — прошептал он благовенно, усаживаясь рядом.

Пальцы дрожали, открывая верхнюю коробку. Я наблюдаю за его прерывистым дыханием. Питер широко улыбнулся, хоть и пытался утаить видный восторг в глазах.

— Надень его. — Попросил он, ерзая. Мне пришлось несколько раз затянуться новой порцией кислорода, прежде чем вытянуть серебряный полукруглый браслет. На железной оправе была гравировка, уходящая змейчатым узором и переплетавшаяся в перевернутую цифру восемь.

— Вечность. — Прошептала я, поглаживая основание браслета. Я улыбнулась и по телу

растеклась горячая волна. Питер подстегнул, кивая головой.

— Вечность. — Повторил он, бегло посматривая на меня краем глаза.

— Что же это значит? — Парень пожал плечами, устремляя глаза на мои руки.

— Всё. — Кидает он, небрежно пожимая плечами. Мы смотрим друг на друга, глаза прожигали дыру.

— Ты красивая. — Выпалил Питер полушепотом, пробегая глазами к моей шеи. Ощущение, что он будто раздевает меня, хотя он даже еще и не прикасался. Странно, что одни лишь глаза могут проникнуться в душу. Я только молчала, загнипнотизированная.

В голову прорезалась старая история про Бабочку и Пламя. Отец рассказывал ее, когда я получала ссадины на руках или коленках.

Бабочке все говорили:

— Не летай возле огня, иначе обожжешься!

Но бабочка была упряма и любопытна. Она все равно полетела на языки жгучего пламени, невзирая на предупреждения. Крылышки, в результате соприкосновения с безжалостным огнем, сгорели, а сама бабочка обернулась в черную горстку пепла.

Боюсь, что со мной будет то же самое. Приблизюсь к Питеру, раскрою ему душу — и сгорю.

— О чем ты думаешь? — Спросил Питер, возвращая в реальность. Я покачала головой, и он забегал глазами.

— Скажи хоть что-нибудь. Прошу, Керри. — Голос стал более умоляющим, а глаза тверже.

— Мне лучше уйти.

Я встала на ноги, крепко удерживая подарок.

— Куда ты? — Питер схватил мое запястье и наши пальцы переплелись. Я на секунду задержалась на этом мгновении, но, взглянув на наши руки, затем на лицо Питера, вздохнула и закрыла веки.

— Домой.

Он встал на ноги и перегородил мне проход. Меня отделяли какие-то нелепые три ступеньки.

— Питер, пожалуйста, дай пройти. — Умоляюще проговариваю, делая шаг навстречу. Но он не отходил.

— Что случилось?

— Я сильно устала и нуждаюсь в крепком сне. — Вру, не смотря ему в лицо. Он подходит ближе, обхватывает мой подбородок и поднимает вверх. Глаза требуют правды, нос парня морщится и он качает головой в неверии.

— Я устала Питер. Мне нужно уйти.

Чем дальше я от него буду, тем больше чувства к нему будут постепенно угасать. Лучше будет дома, в родных стенах, где смогу спокойно прийти в себя и наладить порядок в голове.

Питер кивнул и нехотя отошел в сторону, опуская голову.

Легкие наполнились водой, сердце сжималось в груди. Я думала, что этого не выдержу и разревусь на глазах у Питера. Поэтому хватаюсь за ручку и распахиваю дверь, наступая одной ногой на мокрый асфальт.

— Спасибо, за подарок. — Вымолвила я из последних сил.

Оказавшись дома, сразу скатываюсь вниз и зарываюсь в колени с головой, обхватив себя руками. По лицу катились горячие слезы, которые я пыталась кое-как скрыть, вытирая

рукавом куртки. Но безуспешно. Почему нельзя просто отключить все чувства и продолжать жить?

Дом пустовал, как и все внутри меня. Лишь боль засела в груди, которая постепенно сжигала внутренности.

На самом деле мне нравится одиночество. Люблю, когда никого нет. Когда ты один.

Люди просто идут по своим делам, не обращая внимания на тебя. Они превращаются в роботов: в бездушных, черствых машин. От нас им только нужно, чтобы мы, дети, не пугались у них под ногами.

Скрежет в двери оглушил меня на секунду и я напряглась, как струна, ожидая, кто же это.

— Керри, ты дома? — Послышался голос мамы, и я облегченно выдохнула, разжимая побелевшие кулаки.

— Привет, Керри.

На кухню вошла мама, ставя пакеты с продуктами на стол. Она улыбнулась и на ее щеках появились складки.

— Где были? — Спрашиваю, поднимаясь и принимаясь помогать с пакетами. Она отмахнулась, улыбаясь во все тридцать два зуба.

— Задержались в продуктовом, а потом попали в пробку.

Ее глаза пробежались по моему лицу и женщина нахмурилась.

— Ты плакала?

— Нет, с чего ты взяла? — Уклончиво говорю, пряча лицо за занавесом каштановых волос.

— У тебя глаза опухли и ты какая-то бледная. С тобой все хорошо? — Обеспокоенно проговорила она, пытаясь встать и подойти ко мне, но я ее остановила тем, что протянула руку вперед. Я не хочу снова плакать. Не сейчас.

— Всё хорошо, — заверила ее и она, хоть и неуверенно, кивнула. Я оглядываю плиту, — будешь есть? Я могу приготовить рагу, если хочешь.

Я отошла назад, натягивая улыбку. Мама кивнула, и через минуту вернулся Алекс, усаживаясь возле нее. Он чмокнул ее в носик и та хихикнула, морщась.

— О чем секретничайте? — Спросил он, возвращаясь ко мне. Я покачала головой, пока мама подробно объясняла Алексу, почему в доме напряженная атмосфера. Тот просто пожал плечами и кивнул. На лице Алекса показалась кривая улыбка. Меня передернуло и на секунду отбросило на несколько лет назад. Прошлое — это черная дыра, которая тянет все за собой. Если не забудешь его, тебя затянет в черную дыру навсегда.

Голова мамы откинулась на грудь Алекса и она чуть прикрыла глаза. Я сделала хлопок руками, после потеряла друг о друга и заключила в замок.

Поворачиваюсь к плите, достаю глубокую кастрюлю и начинаю.

Когда я что-то готовлю, не важно, что именно, главное в одном: чтобы руки были чем-то заняты. Временами в таких порывах плохие мысли просто испаряются. Ненужное уходит, оставляя меня наедине с запахами хлеба и мяса.

Алекс и мама что-то щебетали друг другу, чтобы я не могла расслышать. Кому завидую сейчас, так это маме. Она счастлива. По-настоящему.

— Керри, у тебя ничего не подгорает? — Окликает Алекс, чую носом едва подгорелый запах. Я подпрыгнула с места, подбежала к кастрюле, из которой уже из-за всех сторон выбегала пена. Открыла крышку и отпрыгнула на несколько метров, держась за руку.

— Черт побери! — Ругнулся Алекс, подбегая ко мне.

— Алекс, ну не при детях же! — Предупредила мама, спасая дом от пожара.

— Ты как? — Спросил он, тщательно оглядывая мою руку. На ладони застыли две красные полосы. Я вырываю руку из его хватки и отхожу к лестнице.

— Всё хорошо. Пойду подержу над водой.

Поднимаясь по скрипучим ступенькам, все еще не понимаю, как такое могло произойти. Я подкладываю обожженную руку, протянув вперед. Кожу моментально защипало, пробегая дрожью по всей руке. Шрам — это всего лишь след, оставшийся на всю жизнь. Когда боль поутихла, обвязываю руку бинтом.

— Ну что, как твоя рука, Керри? — Обеспокоенно спросила мама, хватая мою руку. Она сильно сжала, и я быстро кивнула.

— Промыта и красиво перевязана. — Отвечаю, явно прибывая еще в странном состоянии. Алекс вышел в коридор с кастрюлей спасенного рагу.

— Прошу к столу.

Мама улыбнулась ему и повела меня в комнату. Я отошла в сторону, хватаясь за перила.

— Я уже поела.

Мама озадаченно склоняет голову, один локон выпадает из пышного хвоста, закрывая глаз.

— Лучше пойду полежу.

Мама поцеловала меня в щеку и кивнула.

— Если что, зови, дорогая.

В комнате царит тишина, спокойствие и умиротворение. Лишь здесь могу спрятаться от всего. Сажусь на край кровати и откидываюсь на подушки. Ни о чем особо не думая, смотрю на шрам на ладони. Провожу пальцем по линиям жизни, пока глаза не слипаются и я не уплываю в сон. Сонно дотягиваюсь до одеяла, а потом сворачиваюсь калачиком.

Поутру слабые лучи проскакивают в комнату, попадая на глаза. Я выхожу из душа, открываю шкаф, беру белый вязаный свитер, синие

Я прошла в кабинет литературы и осторожно открыла дверь.

— Можно? — Тихо проговорила, засовывая голову в кабинет. Миссис Фо посмотрела на меня, дружелюбно улыбаясь. Она поправила круглые очки и натянула дырявую шаль на плечи.

— Керри Скилеф?

Я утвердительно закивала. Она быстро дернула головой и обратилась с тирадой ко всему классу, пока я шла по проходу. Зеленые глаза изучали меня голодно и жадно. Я попыталась выбраться из его замороженного взгляда и найти свободную, от него подальше, парту.

— Скилеф, вы будете садиться или нет? — Рывкает учитель. Опустив глаза в пол, дохожу до парты и сажусь, зарываясь в учебник.

Через десять минут дверь открылась, и зашел полный мужчина в пиджаке и в утюженных штанах в полоску. Седина на голове говорила о его опыте, складки между бровями, на лбу и в уголках глаз были заметны невооруженным взглядом.

— Доброе утро. Знаю, вы уже выпускной класс и через четыре недели вам сдавать выпускные экзамены, но позвольте познакомить с очень хорошим и веселым человеком. Он будет учиться у вас оставшийся год. Том МакКартни.

Директор вытянул руки и дверь приоткрылась.

— Заходи.

Том вышел на свет и знакомые пшеничные кудряшки засияли на свету. Я улыбнулась, прикрывая рукой рот, чтобы не расхохотаться в голос на глазах у всех. Мужчина хлопнул в ладоши и двинулся к выходу.

— Ну что ж, не буду вам мешать. — Он взглянул на Миссис Фо, которая нервно топала ногой.

— Значит, Том МакКартни? — Уточнила она, поправляя на столе учебники.

— Он самый. — Проговорил он, хмыкнув. В классе, за моей спиной, тихо засмеялась Мэг.

— Кто это? — Спросила она невзначай. Не успела я и рта открыть, как новый ученик оказался рядом со мной. Он уселся на соседний стул и подмигнул.

— Ну, привет. Снова. — Он повернулся к Мэг.

— Я Том. Просто Том. — Проговорил он своими пухлыми губами, тряся руку Мэг, пока девушка считала ворон перед ним. Я качнула головой и закатила глаза.

— Что? — Виновато проговорил он, замечая мое недовольство.

— Это, между прочим, мои слова. — Том пожал плечами.

— Такой уж я человек: беру то, что мне понравилось. Помнишь про мой метод знакомства?

— Ну?

— Я все продумал, Заяц, — Признается он. Я почесала локоть, облакачиваясь на спинку стула и сощуривая глаза.

— В чем же твой план, позволь полюбопытствовать? — Хмыкнула я, Он подавил смехок, прочищая горло.

— Для начала мне нужна какая-нибудь подопытная. — Парень стал бегать глазами по классу, пока не заметил Мэг, стоявшую возле доски. Он указал на нее, ядовито прыскаясь смехом.

— Хотя бы ее.

— Только не ее, парень. — Шикнула, гневно приближаясь и сжимая его руку. Тот нахмурился, пробегая глазами по всему моему лицу.

— Почему? По-моему, она отличный аппарат. Смотри, какие у нее булки. — Он хищно облизнул губы, откашливаясь. Я стукнула по парте — тупая боль сразу отдалась по локтю.

— Фу, — прикрываю глаза рукой, — какой ты пошлый!

Через несколько минут Том ухмыляется, кивает в сторону моей подруги. Сама она наблюдала за ним недоуменным взглядом, грызя кончик карандаша в руках.

— Так как насчет этой девушки?

Я удивленно глянула на него, опираясь на стул.

— Ты еще не понял? Она для тебя не какая-нибудь подопытная. Она моя подруга, придурок!

Выставляю перед пишущей на доске Мэг учебник по литературе. — Она для тебя закрыта, понял?

Том метался взглядом с меня на учебник и укоризненно прищурил глаза.

— Посмотрим. Вдруг эта рыбка попадет на мою удочку?

Я наклонилась к нему и ядовито посмотрела на него.

— Это мы еще увидим.

Звонок прозвенел, спуская нас на землю. Я схватила рюкзак и потащила к Мэгги.

— Ну, как я? — Спросила она, хлопая ясными глазами.

— Что, как ты? — Переспрашиваю, подтягивая рюкзак на плече. Глаза Мэг стали пятикопеечными, лицо растянулось.

— Ты не слушала мой доклад? — Обиженно проговорила она, беря свою сумку.

— Прости. — Промямлила я. "Я просто защищала твою честь" — пронеслось в голове.

— Ладно, это же не мои роды. И ты не обязана извиняться. — Улыбнулась она, выходя из кабинета и давая

проход бегущему вперед маленькому мальчику с большим рюкзаком.

— А вот если бы ты опоздала на мои роды или вообще бы не пришла... — Она потянула слова и ее смех оглушил меня. — Это была бы трагедия!

Ее рот растянулся в букве "о".

Я потрясла головой, закрывая глаза и стирая ужасную картинку.

— Но ты же не собираешься рожать сейчас? — В голосе слышался страх, а глаза переместились на ее плоский живот. Его прикрывал лишь короткий бежевый топик, а поверх длинный жакет. Она подошла ко мне и приобняла.

— Нет, глупенькая. — Она прыснула смехом, отстраняясь. — Я тебе еще долго буду мозолить глаза. — Она подняла свою руку как скаут. — Обещаю.

Я закивала и из моих глаз потекли непрошеные слезы. Они обжигали лицо, но я даже не попыталась их вытереть.

— Эй, что с тобой? — Мэг глядела и потрясла за плечи. — Что-то болит?

Я слабо хихикнула и протянула ее к себе, крепко-крепко сжимая в своих объятьях.

— Ты чего? — Я сильно зажмурилась.

— Просто не бросай меня, ладно? Обещай. — Потребовала я, начиная дрожать. Мэг отстранилась.

— Никуда я не денусь, и буду тебя защищать. — Она ударила меня по плечу и улыбнулась.

Взяв по подносу, мы прошли к столику, хихикая как две ненормальные дамы. Проходя мимо футболистов, которые при каждом движении и вилянии бедер Мэг присвистывали и просили, чтобы она им позвонила. Оказавшись около нашего стола, у окна, я заметила Дженни.

Лицо девушки все белое как лист бумаги, а глаза прожигают стол.

— Ау, Земля вызывает Джен! — Кричим мы ей в лицо, пока девушка не растапливается и не начинает беззвучно моргать.

— Что с тобой? — спрашивает Мэгги, запихивая сэндвич и протягивая кусок ей. — Будешь?

Дженни отмахивается и упирается локтями на стол.

— Ты что, плакала? — Спросила я, склонившись ближе. Она незаметно кивнула. Мэг вскрикнула, отбрасывая хлеб в сторону.

— Что произошло? — Дженни поднимает свои глаза красные, как будто два дня не спала, и глубоко вздыхает. Мэгги обнимает ее за плечи и притягивает к груди.

— Я... переспала с Сэмом.

Плечи Дженни начинают дрожать. Она закрывает лицо руками. Ее уже отросшие до подбородка локоны закрывают её, как занавес, пряча целиком. Мэг направляет ее прядь

волос, обеспокоенно глядя на меня и качая головой. Я наклоняюсь вплотную, чтобы футболисты не услышали нас.

— Как такое произошло? — Спрашиваю, пока Дженни пытается восстановить дыхание и прийти в себя. Она шмыгает носом, вытираясь тыльной стороной ладони.

— На вечеринке. — С ее глаз покатились прозрачные слезинки. Дженни поднимается и заправляет волосы за уши. — Я слишком много выпила и пошла искать вас. Но подошел Сэм. Парень пригласил меня потанцевать, но я спросила, не видел ли он вас. Он ответил, что вы уехали. Остальное все в тумане. Проснувшись только под вечер в кровати, прикрытая лишь одним одеялом. Рядом не было никого, лишь грязная футболка и джинсы Сэма.

Девушку передернуло.

— Я надеру ему зад! — Вскрикнула Мэг не в силах сдерживать себя. Дженни встрепенулась и подпрыгнула на стуле.

— Прошу, не надо, Мэг. — Взмолилась она, кладя руки на грудь. Я хмуро оглядела ее.

— Почему?

Ведь ее прямым текстом использовали и бросили как не нужную сигарету. Джен перевела на меня молящие глаза. Она кивнула и поправила рубашку.

— Я сама лучше с ним поговорю.

Мэг откинулась назад, скрепя руки.

— Ладно. Но если ты все-таки этого не сделаешь, тогда я сама с ним поговорю. — Мэгги взяла кусок сэндвича, жадно откусывая.

После довольно "плотного завтрака" мы вышли на улицу, усаживаясь на лавочку возле высокого и толстого дуба с раскидистыми листьями, где недавно я сидела и ждала Мэг с Дженни.

Ветер вольно гулял по траве, обдувая наши лица. Джен выглядела тихой и спокойной. Но лицо вялое, а глаза сонные. Она сидела на траве и игралась с быстро раскачивающейся травой, будто это ее успокаивает. Она дала нам слово, что после занятий поговорит с Сэмом.

Питер буравил меня сегодня весь день взглядом. Внутри что-то переворачивалось от его взгляда. Неизведанное ощущение, неподвластное контролю.

— Эй, Керри, а Питер случайно не ошибся компанией? — Спросила Мэгги, возвращая в школьные будни. Я огляделась.

— Что? — Она прикладывает ладоши ко рту, складывая в трубочку.

— Говорю, что Питер идет напрямик к нам! — Кричит она. Сердце бешено клокочет, сжимая кости внутри. Из губ вылетает клубок прохладного пара. Дженни встает с травы и стряхивает с джинсов остатки.

— Что хочет? — Спрашивает подруга, подходя к Мэг. Я оборачиваюсь за плечо. Выражение на лице парня угрюмое, мешки под глазами выдают его.

— Что он делает? — Бормочу, вскакивая на ноги и поправляя брюки. Мэгги отходит в сторону, уволакивая Дженни за собой, и загадочно улыбается.

— Мы пойдем, поиграем с ребятами. — Отзывается она, махая к группе футболистов. Дженни хихикает, каскад коротких волос прикрывают ее пунцовые щеки.

— Ага, давно не играла в бейсбол. — Поддакивает девушка. Я уворачиваюсь от ветра и приходится сощуриваться при каждом дуновении.

— Что? Не бросайте меня. — Шиплю я им, чуть ли не взвизгивая. Они махают мне рукой и присоединяются к шестерым парням, играющим в регби.

— Эй, мальчики, возьмете еще двоих?

Я смотрю на них коса, теряясь в панике.

— Предательницы... — Шепчу я, пока теплая ладонь не дотрагивается до моего плеча и, нехотя, я разворачиваюсь обратно. Он одет в зеленый свитер и синие джинсы.

— Что, теперь ты даже боишься оставаться со мной наедине? — Питер смотрит на меня укоризненно, качая головой. Пальцами парень потирает подбородок и хмыкает.

— Вчера я бы так не сказал.

Отхожу назад на безопасное от него расстояние. Он приближается.

— Керри, можно с тобой поговорить? — Я киваю головой и показываю на скамейку.

— Может, тогда присядем, для начала? — Я махаю на скамью и Питер садится, поглаживая рядом с собой место. Аккуратно присаживаюсь на скамейку, та чуть скрипит. Питер долго на меня смотрит, пожимает плечами и переводит дыхание.

— Почему ты со мной не разговариваешь? Ты же сказала, что все в порядке, так?

— Все в порядке. — Повторяю, кивая в знак согласия. Я оглядываюсь по сторонам, наполняя легкие морским воздухом. Мне дается это с трудом.

— Питер, нам нужно держаться в стороне друг от друга, понимаешь? Сам этого на днях сказал, ты забыл?

В глазах Питера бушует ураган эмоций, и он тяжело выдыхает.

— Нет, не понимаю. — Он выдыхает. — Может, объяснишь?

Я вздыхаю, закрывая глаза.

— Все считают нас парой. Уверена, за спиной клубок сплетен... Мы просто друзья. Два человека, которые любят проводить время вместе.

Сердце кровоточит. Дрожь протекает по телу, покалывая кончики пальцев. Питер закивал, но морщинка между бровей не проходит все равно. В горле застрял ком, я не могла дышать и сказать хоть слово. Он одаривает меня кривой улыбкой, медленно проводит рукой по моей щеке, нежно глядя. Наклоняется к уху, лаская своим дыханием мою запотевшую кожу.

— Мне будет тебя не хватать, Керри. — Сипло шепчет. Из моего горла выходит скрипучий стон, молящий его остаться. Я закрываю глаза и по моей щеке катится невидимая слеза.

— Тише, не плачь. — Будто отец успокаивал ребенка, просит Питер. Он вытирает длинными пальцами слезу и встает на ноги.

Ветер обдувает мою спину и Питер исчезает, скрываясь в кронах деревьев. Я опрокидываюсь на скамейку, закрывая лицо руками, и тихо плачу. Нам нужно время. По крайней мере, мне. Я запуталась. Мне нужно разобраться в себе.

Открываю глаза и вижу перед собой взволнованные лица подруг. Они трясут меня за плечи, приводя в чувства. Но их больше не осталось. Дженни показывает три пальца и спрашивает, сколько я вижу, но я просто смотрю в пустоту.

— Эй, Керри, пойдём! — Зовёт Мэгги, помогая мне встать со скамейки, и обхватывает меня за талию. — Джен, помоги мне, ей нужно в медпункт!

Растерянная Дженни подбегает и приобнимает с другой стороны. Ветер обдувает лицо, я прикрываю глаза, кое-как волоча ногами по засохшей траве. Я слышу скрип двери.

Хлопок.

Дверь закрылась, и ветер перестает меня обдувать, даря глоток воздуха. Но я снова задыхаюсь.

— Мисс, откройте глаза. — Звучит в ушах низкий голос женщины. Я приоткрываю веки и сразу морщусь от едкого, не совсем приятного запаха.

— Господи, что это? — Отстраняюсь подальше от запаха, смотря по сторонам.

— Отлично, первый признак есть: вы разговаривайте. — Твердит она, облаченная в белый халат.

— Что случилось? — Спрашиваю я, вставая на ноги. Женщина с пучком на голове открывает дверь, все еще не отвечая на заданный мною вопрос. Она высовывает голову в коридор.

— Проходите, она очнулась.

Дженни бросается на меня, крепко обнимая.

— Что произошло? — Спрашиваю я Мэг через плечо Дженни. Она смахивает золотистые волосы назад, поправляя блузку.

— Ты уснула на скамейке. — Выговаривает она, тихо смеясь. Дженни отпускает меня и кивает.

— Да, а потом мы подошли к тебе и стали будить, но ты не просыпалась. Мы молились, чтобы ты открыла глаза, но пришлось обратиться к врачу. — Она нервно улыбнулась, и я покачала головой, разочарованно вздыхая.

— Простите меня, я просто себя неважно чувствую.

— Это всё из-за Питера, да? — Мэг бегаёт глазами по моему лицу. Ее зрачки расширяются и она ахает, прикрывая правую сторону лица. — Ну конечно! — Вскрикнула Мэг, подходя ко мне ближе. Я опускаю глаза на кафельный пол. Узоры красиво разложились в маленькую мозаику. Дженни потрясла меня за плечо и стиснула руку.

— Керри, что случилось с вами обоими? — Просит она, вглядываясь в мои глаза, сидя на корточках.

— Можно оставить нас на минуту? — Попросила Дженни пожилую женщину, которая любопытно слушала нас.

«Мы кучка тинейджеров, затупляющая свою боль пачкой сигарет и алкоголем» — проносится в голове. Медсестра кивнула и закрыла за собой дверь, оставляя нас троих в полной тишине. Дженни показала на кушетку.

— Давайте присядем.

Я рассказала им, что действительно произошло и почему я сторонилась его целый день.

— Я испугалась. Я не хочу с ним особо сближаться, потому что сблизившись, Питер

сотрет меня в ничто.

— Но почему? Вы же друзья, не так ли? — Недоуменно спросила Дженни, кладя руку на плечо.

— Я не хочу открывать свою душу ему, потому что боюсь, что он туда просто наплюет. Растопчет мои чувства и все. — Голос стих, я опустила голову, смотря на свои руки. Мэгги молча накрыла своей рукой мою и глубоко вздохнула.

— Ты просто еще молода. Извинись перед ним. Он сам еще не понимает, что происходит. Вам нужно поговорить, Керри. Не беги за судьбой, — прошебетала она, кивая головой, — она тебя сама найдет. Только дай ей время.

Я покачала головой.

— А вдруг он скажет нет?

— А если все-таки не скажет? — Саркастически отвечает та, подхватывая пальцем бежавшую слезинку и смахивая ее с моей щеки.

День протекал плавно и медленно, но, увидев Питера, сердце остановилось. Я порвала с ним связь. Теперь он не разговаривает со мной, даже не встречается глазами. Медсестра накачала меня успокоительным и отпустила домой, сказав моим подругам, чтобы те проводили меня. Меня усадили в такси, Дженни и Мэг уселись по бокам.

— Куда едем, красавицы? — Спрашивает большеглазый парень с ухмылкой на лице. Мэгги диктует адрес моего дома, и парень дает газу, включая счетчик.

За окном бежали машины, толпившиеся в одну кучу, громко сигналив друг другу. Люди, стоявшие на остановках, смотрели по сторонам, на светофор и в разные стороны. Наконец машинам дали добро и они тронулись со своих мест, дожимая газ до конца.

— Зачем вы поехали со мной? Могли бы просто посадить в такси, а дальше я бы сама доехала. — Говорю я, обращаясь к Мэг.

— Лично я поехала, чтобы не сидеть на уроках, — признается Дженни. Ее лицо изменилось и губы расплылись в милой улыбке, — и я за тебя переживаю. — Она крепко приобняла меня за плечо, встряхивая. На другой стороне сразу зашевелилась Мэг.

— Я тоже беспокоюсь за тебя, Керри. — Отозвалась она. Губы растянулись в улыбке.

— Медсестра сказала, что у меня легкое переутомление. — Проговорила я, проводя пальцами по волосам. Мэгги засмеялась, отмахиваясь.

— Она просто не понимает, что у нас в головах, помимо учебы и выпускных балов... — Ее взгляд переместился на окно. — Кажется, приехали.

Мы зашли ко мне домой, закрыв за собой дверь. Дома снова никого не было, поэтому я дала им полное право делать, что им вздумается, пока я мыла руки. Стала тщательно умываться и мыть руки, молясь о том, чтобы весь сегодняшний день смыло в канализацию. Потом я спустилась обратно вниз, чуя странный запах, идущий с кухни.

— Что вы делаете? — Спрашиваю, заворачивая на кухню. Из духовки идет темный дым, заполняя пространство.

— Керри, прости. Кажется, твоим родителям придется покупать новую духовку. — Пролепетала Дженни, махая полотенцем по всей комнате, пока Мэг открывала везде окна.

— О Господи! — Я развожу руки, помогая Мэг. Мы все втроем, как один, вздернули к потолку головы, когда на нас обрушился град дождя.

Я быстро схватила из рук Дженни полотенце, встала на стойку посередине комнаты. Махала полотенцем в стороны, пока датчик не отключился сам.

— Кажется, пронесло. — Выдыхаю я с облегчением и спрыгиваю со стойки. Мэг подходит ко мне, чуть ли не спотыкаясь о диван, и крепко обнимает.

— Ты наш спаситель, Керри. — Она отпускает меня, смотря виновато в глаза. — Прости нас, дур. Мы не знали, что так получится.

Я отмахиваюсь.

— Это нам еще повезло. Хорошо, что пожарные не прискакали, а то бы меня повесили прямо на этом датчике. — Я указываю на белую точку с красной лампочкой на потолке. Мэгги и Дженни взрываются хохотом, держась за свои животы.

— Может, куда-нибудь сходим? — Предлагает Мэгги и смотрит на датчик, потом перемещается к духовке. — А то боюсь, что так Керри останется без дома.

Дженни соглашается, хватая свою куртку. Я киваю

Лучше куда-нибудь уйти, только не оставаться в четырех стенах одной.

Снаружи кишат машины всевозможных моделей. Нам надо было найти желтую машину, но среди этой кипы нужно хорошо постараться.

— Может лучше набрать моего дядю? Тем более он мне должен. — Улыбнулась Дженни, доставая мобильник из кармана куртки. Мэгги поежилась от мороза.

— Чего же ты ждешь? — Дженни кивнула, провела пальцами по кнопкам. Через минуту ее глаза заблестели.

— Привет, — проговорила она, улыбаясь и отводя глаза в сторону. — помнишь про наш спор? — Минуту Дженни молчала, затем рассмеялась. — Мне нужна твоя помощь. — Девушка закивала головой. — Да, можешь подъехать? — Она указала адрес, где мы стояли.

Девушка с короткими пепельными волосами отключилась и оглянула нас с головы до пят.

— Твой дядя работает таксистом? — Спросила Мэгги недоверчиво. Дженни прыснула смехом.

— Еще чего! — Она махнула на дорогу машин, где каждый второй сигналил другому. — Он проиграл мне в карты. — Глаза блондинки расширились.

— Стоп, ты играешь в карты?

— Да. Дядя сам меня научил еще, когда я была со всем маленькой. Теперь расплачивается.

— Жалеет о том, что научил тебя. — Я подмигиваю ей.

— Не знаю, но в следующий раз будет думать. — Смеется она, пожимая плечами.

Через пару часов машина просигналила нам вслед, подъезжая ближе и почти заезжая на тротуар. Я чуть отпрянула назад, чтобы водитель не задел. Окно машины опустилось вниз, и низкий прокуренный голос проговорил:

— Такси заказывали? — Дженни наклоняется и смотрит в салон.

— Привет, дядя Джим. — Отзывается она и машет нам рукой, открывая заднюю дверь.

— Девчонки, запрыгивайте!

— Ну и куда вы собрались? — Укоризненно проговорил дядя

Дженни. Дженни села на переднее сидение, сделав задумчивое лицо, потерла пальцем подбородок.

— Помнишь, где находится паб, в котором люди отключаются и отдаются порывам музыки?

Она кладет ему на плечо свою руку и слегка трясет. Дядя Джим отключается на пару секунд, потом сбрасывает руку своей племяннице и хмурится.

— Обижаешь. — Он резко переключает пульт управления на своей машине и выруливает на дорогу, вливаясь в поток других машин. Пока мы ехали, я с Мэгги узнала много нового про Дженни и ее незаурядном дяде.

Дженни, по словам Джима, в детстве была занозой в одном месте: она постоянно бегала и всех рано будила. Если она что-то видела, то сразу старалась запечатлеть это на камеру. С возрастом некоторые ее качества терялись, такие как свет в глазах. Она превращалась в прекрасного лебедя, обращаясь серьезной и красивой, как и ее мама. Родители Джен погибли. Теперь у нее только старый профессиональный картежник — дядя Джим.

Дядя Джим — веселый, как и его племянница. В прошлом он работал на горячих точках, а теперь сидит на заслуженной пенсии, периодически выбираясь на рыбалку.

Джим остановил машину и выключил фары, когда приехали к месту назначения.

— Спасибо. — Поблагодарила Дженни и потянулась к старику. Он пригрозил ей пальцем.

— Только не пить, а то домой не пуцу! Будешь у меня под окнами сидеть. — Джим хитро улыбнулся и перекатился к нам. — Сегодня обещали ливень, так что возьмите дождевики, они в багажнике. — Он нажал кнопку у себя за рулем и сзади машины открылась дверца.

— Спасибо, дядя Джим. — Проговорила Мэг, искренне улыбаясь. Он широко улыбнулся, показывая желтые зубы, отмахнувшись широкой рукой в кожаных перчатках. Мы вылезли из машины, подошли к багажнику и взяли три разноцветных дождевика.

— Узнаю своего предусмотрительного старика. — Проговорила Дженни, вытаскивая синий дождевик.

Слова Дженни подтвердились. Здесь и в правду люди отключаются от внешнего мира и отдаются порывам алкоголя, музыки, затягиваясь сигаретами и кальяном.

— Ну что, готовы оторваться по полной? — Перекрикивает шумную музыку Мэг. На ней короткое атласное платье, подчеркивающее длину её ног. Распущенные волосы обрамляют ее милое личико, а на губах лёгкий блеск и выведены стрелки на глазах, выравнивает ее кожу тональный крем.

Дженни кивнула и расплылась в полуулыбке, поправляя в обтяжку темные джинсы и короткий топ. Я стянула резинку и волнистые локоны упали на плечи.

— Вперед! — Направив руки на танцующую молодежь, девушки схватили меня за руки, и мы исчезли в толпе.

Опьяняющий воздух и повсюду накуренные места вскружили голову, ноги уже не держали меня.

Я подняла в воздух руки и слилась с музыкой, что стучала в колонках. Просто плыла в потоке всего, закрыв глаза и погружаясь в наркотическое опьянение. Мэг танцевала с каким-то накаченным парнем с хвостиком. Дженни прыгала на сцене, как маленький ребенок.

Во рту просто как в пустыне. Мне нужен глоток освежающей воды. Я поплелась на ногах к бару, стоявшему недалеко от входа.

— Воды, пожалуйста. — Проговорила я, сглатывая. Бармен кивнул и достал стакан, крутя его в разные стороны.

— Эй, малышка! — Я повернула голову, разевая рот. — Поставь руку и приготовься. — Бармен поставил стакан и подтолкнул его.

— К чему? — Крикнула я в пустоту, но не успела поймать стакан. Он вдребезги упал на пол, разбегаясь на мелкие осколки.

— Какого хрена, малышка! — Прокричал парень с бритой головой и татушкой на шее в форме змеи, оказываясь возле меня как привидение.

— Простите, он случайно. — Пролепетала, смотря сначала на осколки. Он выдохнул через нос, подошел к своей барной стойке, присел на корточки и, что-то бормоча себе под нос, вернулся с совком.

— Убирай. — Велит он, прищуривая маленькие глазенки. Я откашлялась.

— Я сюда пришла веселиться, а не вылизывать пол! — Скрещиваю руки на груди и перевожу глаза с пола на парня с татушкой, одетого в рабочую форму. Он качает головой и шмыгает носом.

— Нет, дорогуша, сегодня просто прибери за собой, а уже завтра будешь вылизывать пол. — Хихикнул он. В уголках его глаз появились слегка заметные морщинки. Он нагнулся ближе ко мне, чтобы сохранить свои голосовые связки.

— За все нужно платить в этой жизни.

По мне пробежался холодок. Всё тело стало дрожать, как у кролика. Закатив глаза, ругаю себя за свою неуклюжесть. Вырываю у него савок и, присев на корточки, принимаюсь убирать осколки, которые поблескивали от пробегающего света и прожекторов на потолках и сбоку, возле колонок.

Бармен указал на корзинку рядом с баром, и я выбросила туда мусор. Осколки с шумом вывалились в урну.

— Молодец, малышка. — Он похлопал меня по спине. Я выдавила улыбку.

— Теперь можно я пойду? — Саркастически говорю, делая шаг к танцполу. Он удивленно смотрит на меня.

— А пить что, уже перехотела?

Бармен прыскается смехом мне в лицо. Я махаю рукой и сажусь на барный стул.

— Ладно, налей каплю. — Сразу же подставляю палец вверх. — Только не надо, как ты недавно делал! — Он смеется, отходя на свое рабочее место.

— Будет сделано, малышка. — Он берет новый бокал над головой и наливает прохладной воды.

— Спасибо. — Благодарю его, делая жадный глоток. Вода проникает мне внутрь,

протекая по всему горлу. Мне становится немного легче. Не прошло и минуты, как ко мне кидается Мэгги, садясь рядом со мной на ярко красный стул.

— Ты чего не танцуешь? — спрашивает она, кладя локти на барную стойку.

— Душновато. — Отнекиваюсь, делая еще глоток. Она закатывает глаза, махая рукой в лицо.

— Боже, Керри. — Она кладет руки на щеку, плавно скользя по всей стойке. Я улыбаюсь и разглядываю ее с ног до головы. Вроде она немного выпила, ну, если не считать текилу и пару стаканов виски.

— Кажется, я влюбилась. — Произносит она. Тело напрягается, пальцы крепко цепляются за стакан в руке.

— В кого же? — настороженно спрашиваю.

— Том, новенький школы, помнишь его?

Я усмехаюсь. Глаза округляются так, что думаю, скоро выскочат из орбит.

— Том, ты серьезно? — Она выпрямляется на своем месте, делая щелчок бармену.

— Да, а ты что-то имеешь против? — Девушка укоризненно смотрит на меня. Не успеваю ответить, бармен подходит к нам.

— Мне стакан виски.

Мэгги благодарно кивает, когда возле нее появляется стакан с золотой жидкостью. Она опрокидывает голову, делая большой глоток.

— Том не тот, кто тебе нужен. Поверь, Мэг. — Предупреждаю я, молясь о том, чтобы его план не сработал. Она вытирает оставшиеся капли со своего рта тыльной стороной руки и прищуривает глаза.

— Ты как будто знаешь, кто мне нужен, да? -

Подруга встает и уходит из бара, ковыляя на ватных ногах. Рукой тянусь к ней, сжимая ладонь в кулак.

— Мэг, просто... — Но не успеваю договорить, как вижу, что Том уже на подходе и приближается ко мне, и облокачивается своим телом на стойку. Он скрещивает руки на широкой груди и хитро смотрит на Мэг, которая качает бедрами в ритм музыки.

— Ну, привет. — Говорю ему сухо, показывая два пальца бармену. Тот кивает, указывая на бутылку Джека Дениелса. Я быстро киваю и перевожу взгляд на Тома, который ухмыляется каждому движению девушки в центре всей толпы.

— Заяц, кажется, мой план потихоньку срабатывает. — Он кивает в сторону. — Она уже клонула на мою удочку.

Я косо смотрю на него, посылая тысячи молний в его сторону. Он оборачивается и разводит руками.

— Что?

— Я же тебе говорила, чтобы ты держался от нее подальше. — Шепчу я и поднимаюсь на ноги, хватая принесенный напиток.

— Она доверчивая в таких делах, понимаешь? — Я склоняю голову, чтобы видеть глаза парня. — Вдруг ты разобьешь ей сердце?

Запрокидываю голову и осушаю стакан залпом.

— Вы, парни, не знайте, как это трудно и тяжело — собирать себя обратно по кускам.

Том поворачивается всем телом ко мне, шумно дыша через нос.

— Если я сделаю ей больно, то больше никогда с ней не пересекусь. Я исчезну из ее жизни и дам ей свободу. — Он окидывает похотливым взглядом Мэг еще раз. Я ставлю

пустой стакан на стойку.

— Хотя я тебя и не знаю, но по тебе видно сразу, что ты бабник и любишь деньги.

Том затыкает мне рот, не давая легким ровно дышать.

— Не надо... — рычит он. — Не надо судить человека лишь по его оболочке.

Парень закрывает глаза, затем резко раскрывает снова и я вижу, как его небесный голубой цвет переменяется холодным оттенком синего. По коже проходят мурашки. Отрываю его руку со рта и молча смотрю на него, как он уходит в толпу танцующих людей и затягивается сигаретой.

Я стою возле бара, пораженная. Делаю заказ еще одного стакана виски. Золотая жидкость незамедлительно появляется у меня перед глазами. Я снова делаю резкий глоток. Виски сжигает все внутри меня — внутренности, чувства, душу. Я снова делаю глоток, чтобы не чувствовать боли и не вспоминать слова, причинившие вред нам обоим. Поворачиваюсь к Мэг и смотрю на нее. Если Том сделает ей больно, он поплатится за это.

Вечер проходил весело. Дженни, Мэг и я сидим возле бара, тихо попивая виски. Дверь каждый раз открывается и паб заполняется до краев. Дженни, улыбаясь, показывает два пальца.

— Эй, а это, случайно, не Сэм? — Подталкивает меня Мэг локтем, тихо шепча мне на ухо, пока беззаботная Дженни делает еще глоток обжигающего пойла.

Я поворачиваю голову и вижу, как дверь снова открывается. Заходят два высоких парня. Один одет во все белое, другой — в черное. Они напомнили двух небесных Богов — неприкасаемых хранителей. Делаю четче свое зрение и удивляюсь тому, что перед моими глазами.

— Он самый. — Шепчу я в ответ, перебегая на высокого парня, идущего рядом с Сэмом.

— А это кто с ним? — Я показываю пальцем на парня со светлыми волосами.

— Не знаю. — Качает головой Мэгги. Парни исчезают в толпе. Тут же на них запрыгивают, наваливаясь на шею, две накрашенные полуголые кисы. Внутри становится жарко. Я дотягиваюсь до Дженни, окликая подругу:

— Джен, — ее лицо светится, — ты поговорила с ним?

Я киваю головой в сторону Сэма в толпе. Глаза Дженни бегают по сторонам, щеки становятся пунцовыми.

— Э, нет. Что он тут делает? — Шипит она и закрывает себя рукой, отворачиваясь от него спиной. Я пожимаю плечами.

— Наверное, веселится, как и все остальные здесь. — Утверждаю я, проводя руками. Мэгги встает на ноги и проводит рукой по своим волосам, трясая головой.

— Я иду танцевать, а ты, — Мэг указывает на Дженни, прибывающей в растерянных чувствах, явно не свойственных ей, — не тяни долго кота за одно место.

Она поднимает за локоть ее и Дженни чуть с ног не валится, выходя из бара. Мэгги толкает ее в рой пьяной толпы.

— Поговори с ним!

Она, нехотя, прыгает в бушующее море, пока ее сразу же не смывает волной.

Миниатюрная девушка с короткими пепельными волосами подходит к высокому, слегка накаченному, парню. Она легонько дотрагивается до его мускулистого плеча и что-то тихо бормочет. Парень окликается на звонкий голос за спиной. Его лицо вытягивается, глаза становятся шире. С его губ срывается удивленный стон. Парочка о чем-то болтает, несмотря на толкающихся между ними людей.

Сэм запускает руки в волосы, его глаза поднимаются и парень видит нас с Мэг. Мы сразу оборачиваемся, делая вид более отстраненный. Тогда Сэм отводит Дженни в сторону, прикасаясь к ее коже так, как будто не хочет отпускать. Ее глаза встречаются с его, и они молча смотрят друг на друга.

— Блин, ничего не слышу. — Пищит Мэгги, подпирая руки под подбородок. Она пересаживается на место Дженни.

— Может пойдешь и разнюхаешь обстановку? — Предлагаю я, смеясь. Она поднимает руки, как будто защищается.

— Нет уж, пусть сами разбираются.

Дженни светилась подобно елке, по сравнению с тем, что мы видели перед этим.

— Кажется, все закончилось. — Мэг подтягивается на стуле, подходя ко мне ближе.

— Или все только начинается. — Поддавливаю ее слова.

Дженни чуть ли не прыгает, когда возвращается к нам. Улыбка на ее лице появляется и не сползает, пока девушка не усаживается на свой стул.

— Ну что? — Спрашиваю я, придвигаясь к ней ближе. Барный стул со звуком звенит у меня в ушах.

— Всё хорошо. — Будничным тоном проговорила она, поворачиваясь к бару лицом. Я огляделась в сторону толпы, где стоял Сэм, но там его не оказалось. Мэгги подходит ближе к Дженни и разглядывает ее, как какой-нибудь экспонат в музее. Затем часто дышит и сжимает ее ладонь.

— Ты влюбилась! — Лепечет она радостно. Перевожу глаза на Дженни, когда ее щеки покрываются красными пятнами.

— Это правда?

— Может быть. — Шепчет она, зарываясь в короткие пряди. Мэг поворачивает голову на себя, крепко обнимая.

— Дженни, не скрывай своих чувств. Влюбиться — это нормально. — Она убирает одну прядку с ее лица и заправляет за ухо.

— Я рада за тебя, правда.

Дженни отпускает ее и улыбается милой улыбкой, смотря на нас так, как будто мы всё, что у нее есть.

— Спасибо вам. — Говорит она. Я отмахиваюсь и расплываюсь в улыбке.

— Давайте выпьем. — Предлагаю я. Дженни смотрит озадаченно. — Я не могу выпить? — Мэгги ставит стакан на стойку и отодвигает в сторону.

— Конечно можешь, дорогая. — Девушка делает пауза, сглатывая. — Но может тебе уже хватит? — Я откидываю ее руки с плеч и отхожу назад.

— Нет! — вскрикиваю я, но подруга разводит руки и стакан, стоявший на краю стойки, слетает вниз.

— Хватит! — Останавливает Мэг. Жидкость растекается по всему кафелю, разбегаясь на множество осколков. Благодаря громкой музыке и крикам беззаботных людишек, бармен, что стоит по ту сторону бара, ничего не замечает.

По мне пробегается облегчение, что я могу ровно дышать, но это легкость надолго не задерживается. Мэг, не замечая, что она разбила антиквариат, за который я же и буду после этого расплачиваться, продолжает.

— Керри, тебе не заглушить боль алкоголем.

Она выдыхает и усаживается на барный стул, поднимая на меня глаза, полные сожаления. Я выдыхаю, опуская плечи от безысходности.

— Хорошо, твоя взяла. — Я аккуратно выдыхаю через нос. — Я больше не буду пить.

Мэг кивает головой и крепко обнимает меня. Тут слышу чьи-то посторонние голоса, но уже не похожие на женские.

— О, тебе это не понравится. — Шепчет Мэг мне в ухо, косо поглядывая на двоих парней. Я отстраняюсь от подруги.

— Что именно?

Я оглядела парня с ног до головы. Мое сердце бешено забило, внутри что-то зашевелилось. И тут тело обдало необъяснимое чувство.

Зеленоглазый с черными, как сгоревшая спичка, волосами, шел по направлению к нам, но резко направился в другую сторону. Он меня даже и не заметил, когда исчез среди толпы. Я обернулась обратно к подругам и уселась на стул, закрывая себя руками.

Хочется провалиться сквозь землю, чтобы меня все забыли. Я открываю глаза и понимаю, что тупо сижу за барной стойкой, недоуменно смотря в одну точку.

— Керри, ты как? — Осторожно спрашивает меня Мэг, кладя свою руку мне на плечо.

— Нормально, Мэг, нормально. — Отрешенно говорю, надевая на своё лицо маску безразличия.

Краем глаза замечаю, как Зеленоглазый падает на стул, поднимает два пальца в воздух и его обслуживает бармен с татушкой на шее.

— Можем уйти, если тебе плохо. — Предлагает Дженни, вставая со своего места. Отрываю взгляд от парня и удивленно смотрю на нее, вставая со стула.

— Всё в порядке. Мы сюда пришли веселиться.

Я хватаю Мэг за руку, подхватывая за собой Дженни. Мы снова уходим в толпу танцующих людей.

Питер

После разговора с Керри я чувствовал себя ужасно. Дома я полностью отключился, погружаясь в свои мысли. Смотря на лес, где деревья качались из стороны в стороны, постоянно обдумывал ее слова. Внутри бушевала куча эмоций.

Поначалу я думал, что дружба с девушкой — это обыденно и простая дружба все-таки существует. Можно просто говорить, вместе гулять, дурачиться... Но с каждым днем понимаю теперь, что это невозможно.

Меня к ней тянет. И это необъяснимое чувство. Я проводил с ней время. Каждое чертово время. Разговаривал с ней, пытаюсь понять, что она скрывает. Приходил на помощь, когда она нуждалась в ней.

Сейчас же я снова хочу все это делать, но теперь понимаю, прошлого не вернуть.

"Что со мной не так?" — это вопрос, который задаю я себе каждый Божий день, когда встаю рано утром.

Переводя дыхание, встаю на ноги и ухожу на улицу. Мысли о Керри убивали меня. Я хотел, чтобы мою боль заглушил алкоголь.

Припарковавшись на месте возле ночного клуба, который находился на другой стороне Сиэтла, я зашел внутрь и меня сразу же обдало перегаром. Я прошел к бару, не смотря ни на кого, погруженный в собственные мысли. До тех пор, пока не натыкаюсь на пустой, одиноко стоящий стул в самом конце бара. Обрушив свое тело на него, поднимаю два пальца для заказа самого сильного и крепкого напитка.

Бармен обслужил меня быстро и снова ушел протирать бокалы. Оборачиваюсь на танцпол, даже особо не всматриваясь. Одна девушка, с каштановыми волнистыми волосами, которая пригвоздила мое внимание, так танцевала, что на минуту я перестал дышать.

Мне хочется закрыть от всего ее. Чтобы никто больше не посмел причинить ей боль. Я смотрю на ее покачивающиеся бедра, как она легко и плавно плывет в музыке. Я заморожен. Однако не тут-то было, когда наши глаза встретились.

— Кер? — Я не мог оторваться, хотя говорил себе не пялиться на нее. Она часто задыхалась.

Зайдя в самый центр танцпола, я отдалась порывам музыки и атмосфере. «Отключить мысли в голове и упасть в темноту» — это был мой девиз на сегодняшнюю ночь. Часов у меня не было, телефон уже сдох, так что я даже не успела посмотреть, сколько времени и пора ли домой. Да и Бог с ними! Кто смотрит на часы, когда тебе хорошо?

Я стала покачивать бедрами, наслаждаясь моментом и потихоньку забывая обо всем. Даже Зеленоглазого парня, сидевшего за стойкой, все еще пьющего стакан с чем-то темным.

По сторонам от меня расположились Мэг и Дженни. Я стала кружиться по своему маленькому квадрату, пока резко не остановилась на месте.

По мне прошли мурашки, от испуга все тело задрожало. Я встретила его. Наши глаза пересеклись, и он что-то пробубнел себе под нос, шевеля пухлыми губами. Зеленоглазый встал со своего места и целенаправленно пошел на меня.

— Керри, это ты? — Недоверчиво спросил он, разглядывая меня с ног до головы. Он спрятал руки в карманы и неустойчиво стоял на ногах.

— Питер?

Глаза расширились, но все передо мной расплывалось в сплошное пятно. Он стоял передо мной и ухмылялся, показывая ямочки на щеках.

Тело покачнулось и я бы упала, если бы не сильные руки Питера, крепко державшие меня за талию. Меня стало мутить из-за столпившихся людей вокруг. Не хватает воздуха.

Руки Питера крепко обхватили мои плечи, прижимая к себе так, что его грудь вздымалась и снова опадала подо мной.

Наши глаза снова встретились. Питер не умел скрывать своих чувств, как и я. Мы просто два сапога пара.

— Ты в порядке? — Вдруг осипшим голосом прошептал он мне в лицо, обдавая чуть опьяняющим дыханием.

— Да. — Также сипло проговорила я, отстраняясь от него. После нескольких попыток вырваться из его хватки, я отпрянула назад, чуть покачнувшись на ногах.

— Что ты здесь делаешь? — Спрашиваю, хмурясь. Почему он постоянно появляется там, где я?

— Просто... — Он бежит по моему лицу, разглядывая меня похотливыми от алкоголя глазами.

С его лба скатывается капелька пота. Питер вытирает пот со лба и ухмыляется. — Я просто решил отдохнуть, Кер, вот и все. Здесь все за этим и

пришли, разве не так? — Он приближается и меня прожигает жаром от его близости. Почему?

«Потому что ты к нему явно что-то испытываешь» — напоминает внутренний голос сквозь затуманенное сознание.

— Ты что тут делаешь, позволь спросить? — Шепчет он, улыбаясь шире, и его глаза блестят, сливаясь с туманом. Я пытаюсь ответить на его вопрос, обдумывая, как лучше преподнести ему это, но не успеваю. К нам подходит парень с опущенной кепкой на голове. Его глаз не видно, а белые зубы блестят даже при приглушенном свете.

— Эй, красотка, не хочешь со мной потанцевать? — Предлагает он, протягивая ко мне руку.

С минуту смотрю на его черную руку. На одном пальце замечаю кольцо с черной оправой и с блестящим камнем внутри.

— Она вообще-то занята. — Резко отвечает Питер, сдерживая себя, и грозно смотрит на Кепку. Я невольно схватилась за руку незнакомца и пристально посмотрела на Питера, принуждая оставаться на месте.

— Брось, Питер, мы просто потанцуем.

Я улыбнулась ему, пока парень в кепке постепенно отводил меня в сторону. Я остановилась на секунду, глубоко вздыхая.

— Сам же сказал: мы все здесь собрались, чтобы отдохнуть. Так что не мешай мне наслаждаться.

Питер

Боль прожигает огромную дыру в груди. Усевшись за барную стойку, подозвал бармена, который сразу налил мне шот. Запрокидываю голову и осушаю бокал до капли.

Я наблюдал за Керри и за этим придурком с кепкой на голове. Чертов маньяк. Руки сами по себе сжимались в кулаки. Керри вертелась перед этим уродом, открыто давая понять, что она никому не принадлежит. Меня это бесило. Черт, она сводит меня с ума!

Я сделал еще глоток шота, давая алкоголю сжечь все на своем пути. Пусть я, наконец, ничего не почувствую. Керри права. Надо держаться от нее подальше. Нас тянет друг к другу, но это может плохо кончиться. Она не знает меня полностью, не поверит в то, что потом увидит. Нужно отойти в сторону и обезопасить ее на какое-нибудь время.

От себя самого.

— Чувак!

Кто-то хлопает меня по плечу и я поворачиваю голову к незнакомцу, пока не узнаю своего друга Тома.

— Что ты тут делаешь? — Удивленно спрашиваю, и из моих губ выходит смешок. Он усаживается на свободное место возле меня и рассекает рукой воздух.

— Отрываюсь. — Он улыбается мне и смеется сильно хохоча. — Не поверишь, я, кажется, подцепил одну рыбку, — продолжает парень и закатывает глаза, безнадежно вздыхая, — она, кажется, клюнула на мою удочку.

Да, он мастер найти себе подружку на ночь. Один щелчок пальцем — и перед его ногами девушка дивной красоты с пышными формами. Щелчок — и ее уже нет.

— Ты о своем плане? — Мои мозги совсем не варили, и напрягать их, после столько выпитого алкоголя, просто не было смысла.

— Да, чувак. — Он бьет меня кулаком по плечу. — Он действует.

Я тяжело вдыхаю, опираясь на его плечо для поддержки.

— Только смотри, Том, чтобы твой план с треском не провалился. — Подмигиваю ему и быстро оплачиваю свой заказ. Бросив на стойку чаевые, беру смятую куртку и ухожу на свежий воздух. Как можно дальше.

Как можно дальше от нее.

Парень в кепке хватается меня за талию, резко притягивая к себе. Быстрый стон срывается с губ и ему, кажется, это нравится. Я бегаю глазами по бару и танцполу в поисках помощи.

— Детка, — шепчет парень, — расслабься и получай удовольствие.

Он вытягивает меня на расстоянии вытянутой руки, отпускает, и мне становится легче. Осматривая меня глазами, снова кладет волосатые руки мне на талию, прижимает к себе, давая полную свободу действиям. Я кладу парню руки на грудь и виляю бедрами в такт музыки. После долгих часов веки тяжелеют.

— Стоп! — Проговариваю и резко останавливаюсь. Парень покачнулся, отступая в недоумении. Его лицо вытягивается и теперь он похож на обезьяну.

— Ты чего?

— Я...

Начинаю бегать глазами по танцполу в поисках подруг. Или хотя бы найти Питера. Он

не мог просто так исчезнуть. Парень оцетинился.

— Ну, что "я"?

— Я хочу пить. — Говорю ему. Он облегченно выдыхает и легко качает головой.

— Сейчас принесу.

На лице парня вытянулась кривая улыбка. Я успеваю протолкнуться через толпу, все время извиняясь, пока не замечаю Дженни. Она танцевала с Сэмом. Направляюсь к ним чуть наклонившись, и молюсь, чтобы парень в кепке меня не заметил.

— Хэй, Керри, ты от кого-то прячешься? — Веселый голос Дженни разбудил меня. Я поднимаю глаза на девушку. Лицо Дженни переменилось, и она подошла ближе.

— Что с тобой?

Дженни пробегается по моему лицу испуганными глазами. Я сглатываю слюну в горле, чтобы алкоголь не выкатился прямо здесь.

— Прости, нам пора. — Говорю, смотря виновато на Дженни и Сэма. Они оба растеряны, Дженни переводит взгляд на Сэма и хмурится.

— Ничего. — Проговорил он.

— Нам надо найти еще Мэг, — говорю я вслух, бегая глазами по толпе, — Сэм, ты ее не видел?

Сэм почесывает затылок, будто пойман за что-то противозаконное.

— Она с Томом.

Уходя, Сэм провожает тоскливым взглядом Дженни, пока мы не скрываемся в тумане. Дым сигарет и запах алкоголя полностью пропитывается в одежду.

Искать ее долго не пришлось, она стояла возле бара вместе с Томом. Мэгги потягивала какой-то коктейль из трубочки.

— Мэг, нам пора уходить. — Предупреждает Дженни.

Она разворачивается и кривится.

— Как, уже?

На ее личике бегают удивление.

— Да. — Я беру ее за руку, понимая, что своим ходом она не дойдет. Дженни подходит к ней ближе и пытается помочь.

— Том, может, поможешь? — Кричу я, не в силах удержать Мэг. Том спрыгивает со стула и оказывается возле улыбающейся Мэгги.

— Прости, Керри, я не знал, что она так сильно напьется.

Он подхватывает её на руки и выходит за нами через тяжелые, черного цвета, лаковые двери, с длинными железными ручками.

На улице фонари освещали гравийную дорогу, усыпанную мелкими камнями. На небе поблескивали множество звезд и ни одной тучки. В лицо дует холодный ветер, покалывая щеки.

Том вымотан, это было видно по усталому лицу. Кучерявые волосинки на голове тихо развевались на ветру.

— Том, можешь ехать домой, дальше мы сами справимся. — Заверила его Дженни, махая рукой в сторону пустой улицы. Том хмыкнул, крепче подхватывая спящую Мэг.

— Нет уж, я лучше доделаю свое дело, а потом пойду упаду куда-нибудь и отключусь.

Он стал расхаживать по асфальту вдоль дороги. Дженни стала пинать камешек под своими ногами.

— Что, слишком тяжелая ноша на руках? — Усмехнулась она, поднимая голову на Тома.

— Очень смешно. — Фыркнул тот.

Голова начал кружиться, ноги подкашивались. Только чистый воздух помогал все еще держаться на ногах и не упасть в обморок от бессилия.

— Я бы вас подвез, но вы не уместитесь на одном мотоцикле. — Усмехается Том, подтягивая крепче спящую Мэг. Я оборачиваюсь, грозно фыркая ему в лицо. Дженни поднимает свой мобильник и крутит его на ночном небе.

— Я могу позвонить дяде. — Светится она.

— Джен, я понимаю, твой дядя добряк и ему не сложно, — я делаю паузу, переводя дыхание, — но он уже не молодой.

Я подхожу к ней ближе.

— Да ладно. — Дженни махает рукой, смеясь на весь переулок.

— Твой дядя работает в такси? — Спрашивает тихо Том.

— Нет. Просто человек, который помогает в сложных ситуациях. — Она машинально набирает его номер. — Как раз сейчас мы-то в ней и находимся.

Дженни через минуту выдыхает, сбрасывая звонок.

— Автоответчик. — Разочарованно проговорила Дженни.

— Что теперь? — Спрашивает Том, пробегая взглядом по лицу Мэг. Она обхватила его шею и уткнулась ему в грудь, закрываясь волосами.

— Ко мне нельзя, у меня мама. — Говорю я тихо, и ночной ветерок начинает выть на вершинах деревьев.

— Значит это конец? — Выпаливает Том, скрытно ухмыляясь. Толкаю его в плечо и он супится. — Я вообще-то могу и бросить вашу подругу на мокрый асфальт. — Заплетающимся языком выпаливает Том.

— Не надо поднимать панику раньше времени. — Грозно махаю перед лицом парня пальцем. Мэг поеживается у него в руках, что-то бормоча.

— Хватит вам собачиться! — Дженни, хмурит брови. — Нам надо найти ночлег.

Она на минуту задумалась, пригвоздив свое внимание на ржавой машине, стоявшей позади меня.

— Что? — Недоуменно проговорила я, разводя в стороны руки. Холодок пробежал по телу. Она игриво улыбнулась и щелкнула пальцем. Ее глаза загорелись, и на лице появилась улыбка. Мы с Томом переглянулись.

— Если на телефоне Джима автоответчик, значит, дом пустует. — Дженни стучит пальцем по подбородку. Том нахмурился, медленно отходя ко мне в сторону.

— Она меня пугает. — Шепчет он мне в ухо. Дженни хлопает в ладоши, тем самым подтверждая своё безумство. В глазах блеснул огонек.

— Тогда мы можем пойти, без колебаний, ко мне. — Она делает шаг в сторону дороги.

— А если он спит? — Предположил Том недоверчиво. Дженни остановилась на месте, скрежет ее туфель проносится по всей улице.

— Он не отвечает на звонки только когда сидит у своих друзей, пополняя собственный кошелек.

Девушка подмигивает мне и одаривает таинственной улыбкой Тома. Он неуверенно кивает.

— Тогда оставлю Мэг у вас, а сам пойду к себе.

Дженни соглашается и мы, ковыляя ногами по асфальту, уставшие движемся в темноту.

Ледяной, пронизывающий до костей ветер безжалостно сдувает нас с ног. На мне желтый и совсем тонкий дождевик. На Дженни синий, а Мэг мы укрыли зеленым дождевиком, чтобы девушка не заболела.

— Где же твой дом, Дженни? — Повторяет в сотый раз Том, стуча от холода челюстью.

В мыслях до сих пор стоит образ Питера: как его руки держали меня за талию, цепкие пальцы вжимались в кожу, оставляя следы после себя...

Тихий шелест деревьев шумел в моих ушах, сливаясь со всем остальным.

— Мы пришли. — Меня разбудил голос Дженни. Подняв голову, вижу небольшой дом. Дженни разводит руки, дождевик шуршит при каждом движении девушки.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель. — Приговаривает она с улыбкой. Ветер усилился, вырывая стволы деревьев с корнем. Не успев толком разглядеть синюю краску и белые блестящие бусинки, на глаза падает капля, застилая полностью зрение. Том поспешил к крыльцу.

— Пойдем внутрь, не хочу промокнуть под дождем.

Его взгляд еще раз пробежался по лицу Мэг.

— Керри, ты идешь или желаешь остаться тут? — Спрашивает Дженни с крыльца, ухмыляясь.

Из дальнего расстояния дом казался бумажным, и на какое-то мгновение передо мной встала картинка. Дженни живет здесь как кукла в кукольном домике.

Я вздыхаю и бегу к укрытию от ливня.

Внутри тесно. Повсюду сиреневые стены, квадратные в белой раме окна, занавешенные пыльными жалюзи. Один ночной лунный свет проникает в дом, освещая полы и темные уголки комнаты. Только слабое дуновение ветра нарушало многолетнюю тишину.

— Ложи ее сюда. — Джен указывает Тому на кремовый диванчик. В коридоре на потолке висели старые цепи и амулеты. Я усмехаюсь.

— Джен, что это такое? — Спрашиваю, поднимая голову. Дженни тихо прошла ко мне и улыбнулась.

— Не обращай внимания. Это просто старые амулеты, которые, по мнению Джима, защищают этот дом от привидений.

В голове тут же вспыхнуло старое воспоминание еще прошлого месяца. Картинка была неточной, но я помнила каждую черточку пепельного зверя... Хотела спросить ее, не знает ли она про Него, но Дженни меня уже не слышит.

— Пойдем, Керри.

Она развернулась и ушла в гостиную. Я оторвала промокшие до нитки ботинки и последовала за Дженни.

Запах древесины ударил в нос. Я оглядываюсь, пока не замечаю торшер, стоявший возле кожаного коричневого дивана в углу комнаты. Гостиная была оборудована полностью из дерева всех видов: от потолка до пола. Возле стены стоял деревянный стеллаж с книгами.

Казалось, что я в гостях у дровосека или у лесника. Наконец распахнув глаза, Мэгги, как маленький младенец, стала рассматривать место, куда мы уложили ее.

— Где я? — Шепчет она сонно. Том, сидевшей возле нее, достает серую маленькую

подушку и легонько помогает ей удобнее уложиться, поднимая голову. Она нахмурилась, между бровей появилась складка, а глаза растерянно бегают по его лицу.

В комнате стоит полная тишина. Дженни стоит за спиной Тома, а я сзади Мэг, молча наблюдая.

— Какого черта! — Вскрикивает она вдруг, расширив глаза. Ее рука хлопает по протянутой руке Тома.

— Эй. — Прорычал устало Том, поднимая с пола маленькую подушку. Он стал ее приводить в порядок, очищая плотную ткань. Мэг приподнялась на локти и подошла под себя ноги, яро разглядывая обстановку.

— Тихо, Мэг, — проговорила Дженни с улыбкой на лице, подходя к подруге ближе, — мы у меня дома.

Её плечи чуть опустились, она выдохнула через нос, держа правую руку у себя на груди.

— Я думала, меня взяли в заложники...

Дженни, улыбнувшись шире, смотрит на нее вопросительным взглядом, затем скрещивает на груди руки, переминаясь с ноги на ногу.

— Почему?

Мэг поднимает палец вверх, указывая на что-то длинным ногтем. Я поднимаю голову вверх.

— По люстре.

На потолке висело девять длинных деревяшек вдоль, а по другую сторону — поперек, окрашенные белой краской. Посередине возвышалась люстра возле деревянного журнального стола, от которой выпирали олени рога. Неожиданно раздался хохот Дженни. Я села на кожаное кресло, возле Мэг. Она

лежала на диване, обтянутом в серую ткань.

— Кто это все сделал, Дженни? — Отозвался Том, сидевший возле Мэг.

— Мой дядя, а люстру и лестницу — родители.

— Мы с ними познакомимся? — Спросил Том, улыбаясь шире. Мэг отдернула его, ударяя по лодыжке.

— Том! — Шикнула она, хмурясь. Но Том как будто не слышал, лишь хмыкнул в сторону. Он переметнулся озадаченным взглядом на меня, но я покачала головой.

— Они больше не придут, — проговорила Дженни тихо. С ее глаз покатились слезы, но девушка быстро смахнула ее, — они покинули меня.

Девушка шмыгнула своим маленьким носом, развернулась и убежала в другую комнату, где лишь маленький огонек освещал ее еле заметную тень. Том все еще не понимал ее слов. Парень развернулся лицом ко мне, невинно хлопая глазами.

— Что я такого сказал?

Из груди выходит разочарованный вздох и я встаю, опираясь на ручки кресел.

— Глупость. — Огрызаюсь на него, уходя следом за Дженни.

Слышны шаги по скрипучему дереву, дыхание каждый раз замирало. Концы локонов пружинились при каждом шаге. Сердце сжималось по мере того, когда ноги приближались к комнате. Обойдя вокруг стены, нахожу Дженни за высоким стулом. Она сидела на подушке и тихо всхлипывала. Ее плечи дрожат, руки скрывают личико. При каждом звуке у меня разрывалось сердце.

— Эй, Джен. — Зову, шаркая ладонью по стене. Подруга поднимает полные боли глаза

и по ее щекам катятся две прозрачные слезинки. Лицо как свекла, щеки порозовели, глаза налиты кровью, губы слегка припухшие. Делаю шаг, проходя мимо стойки, сажусь напротив нее и бережно обхватываю ее руки в свои.

— Прости ты Тома, — я делаю паузы, переводя дыхание, — он просто не знал.

Слова даются нелегко, потому что я знаю, как это больно — терять родителей.

— Ничего. — Шмыгнув носом, пролепетала она. Дженни выпускает одну руку и выдавливает улыбку, однако улыбка не касается ее глаз. Вижу, что она натянула маску на свое лицо и хочет казаться сильной. Однако со мной это не пройдет.

— Дженни, это нормально, что ты все еще помнишь своих родных.

— Нет, — отрезает девушка, отстраняясь. Она кивает благодарно головой, — это старые раны. Я смогу с ними справиться самостоятельно.

Она слезла со стула и прошлась к холодильнику.

— Что с ними случилось? — Осторожно спрашиваю я. Дженни достала из морозилки ведро мороженого и три пустые, синего цвета, тарелки. Вдохнув глубже, девушка закрывает глаза и трясет головой, будто смахивала непрошенные мысли.

— Сейчас не самое лучшее время. — Она открутила крышку, достала столовую серебряную ложку сбоку. — Может, потом, когда-нибудь, расскажу.

Покорно кивнув, я приподнялась на ноги.

— Если не хочешь об этом говорить, ладно. — Иронично проговорила, делая шаги к подруге и протягивая руку к тарелке.

— Держи. — Она преподнесла ванильное мороженое и пожала плечами.

— Спасибо. Спасибо, что даешь шанс разобраться в себе самой.

Запах ванили проникал даже в глухие места дома. Стены ушли полностью в темноту. Теперь ходить можно было только на ощупь. Снаружи все еще стонал ветер, ветки гнулись, пугающе постукивая в окно. Голова трещала по швам, кажется вот-вот и она взорвется.

Мы с Дженни растянулись на кожаном диване, Мэгги не досталось места, поэтому она упала на пол, укладывая свою голову на теплый деревянный пол.

— Неужели ты теперь с Сэмом? — Мэг подняла голову набок и с интересом в глазах стала смотреть на Дженни. Дженни сидела на диване, поедая мороженое.

— Что? — Она прищурила глаза.

Мэгги резко опустила ноги с дивана так, что был слышен шлепок ее пяток.

Она подошла к Дженни и смирила ее взглядом "Не притворяйся, ты знаешь, о чем я".

— Ты, — Она тыкнула в нее пальцем, — и Сэм — вы пара?

Дженни на секунду растерялась, глаза забегали в разные стороны. Я заметила ухмылку на ее лице.

— Может быть.

Если Дженни отправить на войну и отправить на допрос фашистам, к примеру, то ее скрытности не занимать. Ничего не скажет, даже если в ледяную воду к акулам пустить.

Дженни подняла глаза и прищурилась, когда Мэг залилась смехом.

— Не

смейся, — предупредила Дженни, — может это правда, может я действительно влюбилась в Сэма...

Смех Мэгги резко прекратился. Вся квартира окунулась в полную тишину и мрак, если только не наши прерывистые дыхания, нарушавшие сонное царство.

Дженни, скрепя ступеньками, стремглав унеслась вверх вместе с тарелкой

мороженого.

— Что?

Девушка пожала плечами, кивая головой. Пряди Мэг пробежались по щекам, щекоча ей кожу. Но на самом деле никакого сожаления не было в ясных глазах девушки. Разведя руки в стороны, она снова встала на ноги и стала мерить комнату шагами.

— Ты ее ранила.

В глазах потемнело, и мои легкие наполнились кровью, вытесняясь на глаза.

— Ты как Том, Мэг... Такая же бестактная.

Голос повысился на одну октаву и я отставила тарелку в покое. Мэгги застыла посередине комнаты, устремляя свои глаза на меня.

— Что за чушь ты несешь? — Выплеснула она гневно, тыкая палец в мою грудь. — Я и этот придурок... Мы вовсе не пара. Я не влюблена в него, в отличие от Дженни.

Внутри меня летают острые осколки стекла. Я чувствую, что сейчас окончательно взорвусь, сметая все на своем пути. Я как бомба замедленного действия. Часики тикают, постепенно отсчитывая момент взрыва.

— Тогда какого черта ты напилась? — Ругнулась я, не сдерживая себя.

Из меня неслись колкие слова в ее адрес, подобно проливному дождю за окном. Я не могла их остановить. Плечи опустились и обмякли. Мэг двинулась на меня.

— Керри, я... — Начала раскаиваться она, но я подняла руку и ушла наверх, оставляя Мэг наедине с шумом дождя снаружи.

Пройдя к маленькой дверце в комнату, где сидела Дженни, открываю дверь. Та со скрипом приоткрылась, и я зашла внутрь. В комнате темно, лишь маленький свет поблескивал на подоконнике. На нем стоял один единственный небольшой ночник в форме лотоса. Дженни лежит личиком в подушку и тихо всхлипывает.

— Дженни... — Осторожно ступив на ковер, я сделала шаг в ее сторону. Она не откликнулась, и даже не дрогнула.

— Ты в порядке?

Она повернулась. Лунный свет проникал через распахнутое окно, освещая лицо подруги.

Лицо белое, как простыня. Глазки блестели каждый раз, когда она моргала. Тело все ее напряглось. Дженни отодвинулась назад, опираясь на подоконник позади ее спины.

Облокотившись, она смахнула слезинку, катившуюся по ее пухлым щечкам, и причмокнула губами, облизываясь.

— Что, пришла тоже надо мной подшутить? — Дженни подтянула колени и обняла их руками.

Из окна выходил легкий прохладный ветерок и играл с занавесками возле кровати. Она незаметно подо двинулась, освобождая мне место.

Пройдя мимо черного комода с изношенными замками на каждом из подразделений, сажусь напротив нее и облокачиваюсь на изголовье кровати. Взяв в руки маленькую игрушку, стала поворачивать во все стороны, рассматривая.

Медведь был весь обкусан: правого глаза не было, вместо него поставлена пуговица, левая лапа оторвана напрочь, голова еле-еле стояла на месте, слегка качаясь из стороны в сторону. Из меня выходит смешок.

— Что? — Отозвалась Дженни, распрямляясь и вытягивая голову из своей ограды. Я

гладила игрушку по уху и лапе, улыбаясь своей мысли.

— Нет, ничего. — Тихо проговорила я и снова усмехнулась. Дженни протянула руку и указала на медведя, поднимаясь на колени.

— Познакомься, это Мистер Бин.

Она взяла у меня его левую лапу и помахала перед моим лицом. Медвежонок растянулся в улыбке, приветствуя.

— Приятно познакомиться, Мистер Бин.

Я поднимаю глаза и вижу заплаканное лицо Дженни. Она смотрит на свою игрушку и тихо играет с лапкой.

— Дженни, прости ее.

До меня доходит дуновение ветра, мягкая ткань занавески цвета персика ласкает кожу. Дженни тихо всхлипывает, а я задаюсь вопросом: как такое могло случиться?

— Что ты так на меня смотришь? — Хмуря брови, спрашивает Дженни. В темноте ее глаза казались еще меньше и были видны только ее черные расширенные зрачки.

Я качаю головой. Дженни скрещивает руки на мятой футболке и озадаченно смотрит на меня, будто ждет продолжение. Я устремляю глаза на тихую улицу снаружи, где барабанит дождь.

— Если ты хочешь спросить насчет Сэма... — Она делает паузу и еще крепче сжимает руки, готовясь к атаке. — Он мне на самом деле нравится. Никто не знает человека по настоящему, когда видит его впервые.

Ее глаза заблестели. Я хотела обнять, утешить, но все тело пригвоздилось к кровати, а язык онемел.

— Но как? — Спрашиваю отрешенным голосом. Мой голос отдавался эхом в черной мгле. Дженни залилась краской, на ее лице появилась улыбка и она рассмеялась.

— Я не знаю, Керри. Но знаю, что... — Она сглотнула. — Мы не выбираем людей, в которых влюбляемся.

— Нет, мы-то как раз и выбираем. — Дженни закивала головой, кончики волос заколыхались.

— Возможно. — Она склонила голову и мягко погладила солнечное сплетение. — Но лишь сердце подсказывает, кто именно наш человек, понимаешь? — Я подтянула ноги ближе к себе, качая головой. Дженни засмеялась и протянула мне Мистера Бина.

— Придет время, и ты поймешь.

Я развернула игрушку к себе спиной. На шее медведя висела красная лента, на конце которой красовалась обертка от конфеты. Аромат карамели сразу ударил в нос.

«Все рано или поздно находят свое счастье. Надо уметь ждать» — говорилось на обертке.

Подняв глаза в полной озадаченности от слов, смотрю на Дженни. Она тихо напевает себе под нос песню 40-ых.

— Что это? — Дженни даже не удосужилась взглянуть, продолжая напевать. Через несколько минут ее пение прекращается. Дженни оборачивается и смотрит в глаза.

— Это написала моя мама, когда мне было четыре. Мы играли тогда в чаепитие, усаживая всех моих кукол на игрушечные стулья. После завершения чайной церемонии я уснула у нее на руках. — Она делает глубокий вдох и я слышу, как голос ломается. — Утром открываю глаза и вижу перед собой Мистера Бина, а на его шее висит обертка с записью. — На лице Дженни показалась слабая улыбка, на щеках две складочки. — В тот же день

родители должны были ехать в гости. Меня она оставила со своим братом.

Со щеки девушки скатилась слеза, на лице опустошенность, в глазах утрата, которую она больше не сможет вернуть назад.

— Я прождала их весь день. Спрашивала дядю, когда придет мама, но она так и не вернулась. Примерно к полуночи, когда на улице была кромешная темнота и слышен был лишь лай собак, я взглянула с надеждой на металлическую трубку, которая просто разрывалась на стене. Дядя Джим подошел к ней и его лицо перекошилось. На следующий день я поняла, что мама с папой больше никогда не переступят порог этого дома.

Я хотела, чтобы вся та боль, которую она чувствует сейчас, передалось мне. Не хотела, чтобы она страдала.

— Тише, Джен, тише. — Принялась успокаивать я, глядя ее по спине. Она уткнулась мне в шею и долгое время меня не отпускала.

Резкий шум отвлек нас, и Дженни отстранилась от меня, переводя глаза на дверь. В проеме стояла Мэгги. Девушка переминалась с одной ноги на другую, медленно подходя в нашу сторону. Она медленно прошла по мягкому коричневому ковру и, сев на колени, стала плакать и молила о прощении.

— Прости, но я слышала все то, что сказала Керри. — Она шмыгнула носом, вытираясь тыльной стороной руки. — Мне очень жаль, милая. Я тебе так сочувствую.

По ее щекам текли соленые капли.

— Мэг, — Дженни отстранила подругу на вытянутой руке и покачала головой, мягко улыбаясь, — со мной все хорошо. Это было давно. Сейчас со мной любимые мне люди — мои друзья и дядя.

Мэгги ухмыльнулась, притягивая к себе.

— И Сэм. Надеюсь, он тебя ценит так же, как и мы тебя, дорогая. — Воркует она смотря на сплошную стену из ливня. Дженни утыкается ей в плечо.

— Надеюсь. — Джен скромно улыбается.

Серые, как черная дыра, тучи накрыли полностью дом Дженни и затопил асфальт. Острые концы струй врезались в подоконник снаружи, закрывая нашему взору вид на улицу.

Повсюду разгуливал лютый ветер, проходя мимо оставшихся людей и забираясь им под одежду, щекоча кожу. Окна трещат по швам в ночи города.

Сопение Дженни и Мэгги не давали уснуть. Даже укутавшись в спальный мешок с головой, я не могла уснуть. Я хлопала в ладоши, свистела, била кулаком древесину, но ничего. Только добавила еще больше ссадин на бледную кожу. Отбросив голову на мягкую подушку, закрываю глаза и снова пробую войти в царство снов и полное умиротворение. Закрыв веки, вижу черное полотно и ничего больше. Тишина наступала со временем. Наконец дыхание успокаивается, зрачки бегают из стороны в сторону, и я засыпаю.

Вижу перед собой улицу, ливень, пустые дома. Ступаю на мокрый асфальт, улыбаясь новым ощущениям. Вода щекочет кожу, ветер играет с волосами, и я полностью исчезаю в мокрой стене.

Босые ноги шлепают по глубоким лужам. Я играю с ветром, расставляя руки кверху и улыбаясь каждому шороху за спиной. Шорох усиливается. Я оборачиваюсь на чей-то зов.

— Керри, какого черта? — Кричит Мэгги. Волосы девушки растрепаны, она потирает плечи от холода.

— Мэг, и ты здесь. — Напеваю, расплываясь в улыбке. Я подношу к ней руки и зову к себе, но Мэгги отходит в дом и сворачивает в темноту.

С одной стороны незнакомые руки с синими рукавами хватают меня за плечи и уносят в темноту. Меня бросают на кожаный диван, и перед глазами стоит лицо Дженни, а за ее спиной промокшая Мэгги.

— Вы чего?

— Это ты чего?

Дженни встает на ноги и уходит вверх. Мэг присаживается на край дивана и осматривает меня.

— Ты гуляла под дождем.

Она щелкает пальцами перед лицом. Мои брови соединяются в одну линию, оставляя складку посередине.

— Да-да, именно. — Твердит Мэгги. Возвращается Дженни, волоча за собой одеяло.

— Что ты делала на улице босиком? — Спрашивает она, накрывая мое дрожащее тело, затем отходит и садится в кресло.

— Я спала. — Отвечаю, подтягивая одеяло на себя и накрываясь по горло.

— Нет, ты была на улице. — Дженни поднимает бровь. Мэгги уходит на кухню.

— Я принесу тебе чай. — Отзывается она. Я качаю головой, хлопая глазами.

— Ты странная, Керри. — Провозглашает Дженни, я лишь хмыкаю носом.

— Зато не притворяюсь. — Тихо щебечу в ответ. Но благодаря хорошей слышимости в квартире Дженни смеется и кивает. Звон чашек на подносе в руках у Мэгги растормошил меня. Я поворачиваюсь к ней, беру горячий чай в руки и хмурюсь сильнее, всматриваясь в собственное отражение в чашке.

— Мне не много? — В озадаченности проговариваю. Мэгги ставит поднос на журнальный столик и хмыкает.

— Достаточно для того, чтобы проснуться.

Она откидывается рядом со мной на диван. Дженни тихо смеется за спиной. Треск за окнами становится сильнее, ветер проникает во все щели. Дождь не прекращает стучать по крышам.

На секунду задерживаю взгляд на скатывающейся капле на окне, пока в носу не образовывается щекотание, и я чихаю.

— Будь здорова! — Подруги улыбаются мне, Мэгги хлопает по спине. Дженни дотягивается до пульта на столе и включает телевизор. Шмыгая носом, делаю глоток, и по телу сразу проходит волна облегчения.

По телевизору идет фильм "Это очень забавная история". Шестнадцатилетний Крейг, одетый в пиджак с черным воротником и покрытый весь блестками, начинает петь в микрофон. Волосы приподняты, образуя птичье гнездо. Под глазами черная подводка и коричневые тени на веках идеально сочетались с бледным лицом и черным цветом глаз.

Мэгги и Дженни не смогли усидеть на месте. Они тоже встали и подхватили, что попало первое им на глаза, в руки. Одна взяла пульт от телевизора, другая ручку, лежавшую на полке возле камина.

И потом девушки стали подпевать Крейгу.

Когда Мэг открыла рот, я поняла, что какую-то ноту она все-таки не дотягивает. Однако девушка старалась и продолжала подпевать, даже несмотря на постоянные недочеты.

Я сижу в

одеяле, меня все еще трясет после прогулки под дождём. Неужели я схожу с ума и скоро наступит моя седьмая секунда?

Руки предательски задрожали и стакан падает на колени, пачкая одеяло и обжигая кожу. Резко поднимаясь, начинаю вприпрыжку смахивать с одеяла остатки чая.

Чашка падает на пол и разбивается на мелкие осколки. Голоса певиц в доме вмиг замолкают. Дженни и Мэг оборачиваются в мою сторону и с испугом смотрят, изучая с ног до головы.

— Керри!

Мэгги падает на колени возле меня и помогает стирать оставшиеся капли от чая. Дженни поднимает одеяло на приличное расстояние, тщательно рассматривая последствия. Я возвращаюсь к ноге. На колене уже красовалось красное пятно. Слышу голос Дженни и поворачиваюсь к ней. Она расстилает синее одеяло на диван.

— Керри, посмотри, что ты наделала?! — Вскрикивает она.

— Прости. — Проговариваю виновато.

— Пятно! — Дженни продолжает осматривать своё одеяло, переходя из стороны в сторону.

— Да ладно, Джен, — говорит Мэг беззаботно, — она же не специально. Пятно, кстати, можно и застирать.

Она хватается одеяло и натягивает себе на хрупкие плечи. На секунду девушка останавливается и оборачивается, задумываясь.

— Где у тебя стиральная машина?

— Придется стирать вручную. — Выдыхая через нос, Дженни закрывает глаза. — Ванна наверху, прямо по коридору и направо.

Гостиную заполняют звуки ее мелодичного смеха. Я виновато смотрю на Мэг. Она

хмыкает в ответ, разворачиваясь.

— Нет, — выпаливаю я и выдергиваю одеяло из ее рук, — это моя вина, я должна стирать.

Руки Мэг слабеют, она передаёт его мне. Я натягиваю синее облачко с темным наконечником на плечо, будто тяжелую ношу. Дженни шмыгает носом, потирая его тыльной стороной руки.

— Только больше никакого пятна, иначе в следующий раз дядя меня убьёт. — Грозится она и проскальзывает на кухню.

Мы стоим в гостиной. Я провожаю ее взглядом на кухню и снова перевожу озадаченный взгляд на Мэгги.

— Что это с ней? — Спрашиваю тихо. Мэг пожимает хрупкими плечами, втягивая воздух.

— Сама не понимаю, — неуверенно проговаривает подруга и склоняется ко мне ближе, — может это из-за Сэма?

Я отстраняюсь от нее и удивленно смотрю, качая отрицательно головой.

— Нет. — Голос трясется, предавая меня. — Но если это и так, то как можно так измениться, любя человека?

Мэгги потирает шею, ее глаза бегают по сторонам.

— Наверное, когда влюбляешься, мир перед тобой просто перестаёт существовать, и ты ничего не замечаешь.

Я слушаю каждое произнесённое ею слово, пытаюсь вникнуть в смысл. Она поднимает руку и накрывает мое плечо, мило улыбаясь.

— Пошли. Я все-таки помогу тебе управиться с этим одеялом.

По скрипучим ступенькам мы делаем очередной заход вверх в абсолютном молчании. Каждый думает о своём. Только слышны приглушенные звуки снизу, где находилась Дженни.

Прошли прямо по большому коридору, затем завернули направо, зашли в ванную комнату. Дверь нараспашку была открыта. Мэг подошла к большому широкому тазу и взяла его в руки.

Я подошла к изогнутому крану и включила воду, отрегулировав теплую. Дальше мы наполнили таз водой и опустили его в небольшую ванну, уже облезлую и совершенно потертую. Одеяло вмиг проваливается на дно. Я наблюдаю, как пузырьки за ним поднимаются на поверхность и лопаются перед моими глазами.

— Керри, ну ты чего? — Подтолкнула Мэгги в плечо. — Собираешься стирать?

— Да. — Проговорила я, отряхивая непрошенные мысли из головы.

Нагибаюсь, запускаю руки в теплую воду. Мэгги начинает ходить по крохотному помещению, меряя шагами плитку и смотря вниз.

— Мэг, дай мне порошок. — Попросила я, чуть приподняв голову в ее сторону.

— Сейчас...

Она быстро осматривает шкафчики. Когда находит порошок, протягивает мне. Я быстро насыпала его на одеяло и снова потираю как можно сильнее, погружаясь в мысли. Может это какая-нибудь реликвия? Поэтому-то Дженни так огрызается.

Когда, наконец, на одеяле исчезает пятно, я поднимаю его в воздух. Свет проникал через ткань, одеяло потяжелело от воды. Мне стало трудно его удерживать

на весу, и я опустила его снова в воду, затем я вместе с Мэгги принялись выжимать его, насколько хватало сил.

Затем повесели на длинную тонкую веревку, расстилая по всей длине. Ванная была настолько маленькой, что мы кое-как уместались тут вдвоём. Мэгг неожиданно выдыхает.

— Я пока пойду поговорю с Дженни. Справишься без меня?

Я кивнула головой, поправляя смокший синий комок, и она уходит.

Звуки капель от дождя здесь было еле слышны. Ночь потихоньку отступала, но солнце все еще не спешило подниматься. Оглядев комнату в поисках прищепок и открыв маленькие шкафчики сверху и тумбочки снизу — ничего так и не нахожу. Бросив эту затею в сторону, я отступаю назад.

Я прохожу к раковине и включаю изогнутый кран. Ледяная вода охлаждает кожу. Вода стекала с лица, по векам, доходя до подбородка. Капли терялись у меня под одеждой, покрывая все тело мурашками.

Снова оглядываюсь по сторонам, чтобы найти полотенце, но не обнаруживаю его. Глазами бегаю по углам, пока не натыкаюсь на вид с улицы. Точнее, на некий предмет.

Может это был человек или какой-нибудь старикашка, проходящий вдоль домов, возле леса?

Вместо зеркала у Дженни в ванной стояли деревянные окна, и не было занавесок, поэтому скрываться от кого-то не было смысла.

Все тело напрягается. Я считаю до десяти в надежде, что Оно исчезнет. Зажмурив глаза, я на секунду затаиваю дыхание, затем снова открываю. Но оно все еще ходило вдоль леса и пристально разглядывало что-то в стороне от дома Дженни.

Руки задрожали. Не уйти, не проговорить хоть слово. Оно тихо прохаживало, перебирая тяжелыми лапами, смотря вдаль, прямоком на меня.

«Может это просто глюки?» — проносится у меня в голове.

Страх нарастал, ноги не держали меня, а двинуться с места не могла. Мною овладел ступор.

Стук за окном навевал дремоту. Сонное чувство потихоньку накрывает с головой.

Тёмная шерсть и, как ночь глаза следили за каждым моим движением. Лапы переминались с земли на часть асфальта, а его вытянутая, волосатая и мокрая морда двигалась, показывая желваки. Узкие глаза животного пристально глядели на меня, но одного я не понимала: почему он не может пройти дальше? Или не может ступить на мокрый асфальт и выйти на свет?

Я тянусь к маленькому замочку в деревянной оправе по бокам. Окошко дергается и со скрипом открывается, впуская в комнату влажный после дождя ветерок. Несколько капель попадают на лоб, стекая по щеке. Со стекла пробежались капли воды, морозный ветер обжигал лицо. Из-за маленького пространства в уборной я теснюсь, как могу, и прищуриваюсь, затем смотрю через маленькую щелку наружу.

Звериный оскал, мокрая шерсть. С морды стекает вода, яркие выразительные глаза цвета шоколада. Зверь ходит и периодически его глазенки в поиске пробегают сквозь меня. Неожиданно наши глаза встречаются. Внутри пробегает тысяча маленьких осколков, страх пробирает до костей. Кричать нет смысла, когда к горлу подкатывает комок. С головы все напрочь стирается, оставляя лишь большой отпечаток чёрных звериных глаз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но нашу идиллию прервали шаги позади моей спины.

— Керри, ты должна мне помочь! — В панике окликает Мэгги.

Обернувшись назад, замечаю на ее лице дорожку из слез и красные глаза. — Там Дженни... Она совсем не похожа на себя. Она...

Её голос дрогнул. Мэгги замахала рукой и скрылась в стене. Делаю шаг вперед, выходя на лестничную площадку. Не оборачиваясь, ухом слышу громкий протяжный вой за открытым окном. Вой похож на плач маленького обеспокоенного ребёнка.

По телу пробегает легкое волнение вперемешку с беспокойством. Сердце бьётся где-то в груди. Когда я оказалась внизу, послышались тихие всхлипы с кухни. Мэгги обернулась назад, проверяя, иду ли я следом. Я в ответ лишь молча кивнула.

Пройдя шершавую стену, заклеенную дешевыми обоями, взору видится маленькое тело подруги. Плечи время от времени поднимаются и опускаются, чередуясь со всхлипами.

Здесь везде отражался черный цвет: на шкафах, вставленных полукругом, на столешнице и стульях. Даже маленькие баночки, где хранились соль и перец, тоже были окрашены в черный.

— Дженни, ты как? — Задаю первый вопрос, который приходит в голову. Она молчит. Даже когда я одолела расстояние перед нами, обойдя столешницу и сев с ней рядом. Мэг держалась в стороне, только тихое шарканье от нее слышалось где-то вдали. Дженни подняла голову, всхлипывая.

— Я... не могу.

— Что ты не можешь? — Недоуменно спросила я, осторожно накрывая рукой ее хрупкое плечо.

— Я не знаю, что с ним происходит.

Скатившаяся со щеки слеза девушки попала на руку, оставляя после себя крохотную лужицу. О ком она говорит?

Перевожу глаза на Мэгги, но та лишь подергивает плечами вверх-вниз. Но потом она вздыхает, закатывая глаза. Дженни издаёт стон, как будто ей в живот воткнули ржавый нож и постоянно им внутри крутили. Мои брови встретились на переносице.

— Стой, я же видела вас в клубе. Вы казались такими беззаботными...

Я вздыхаю, наблюдая за ней. Она хмыкает и пожимает плечами, натягивая рукава толстовки на пальцы.

— Когда мы танцевали, я спросила у него кое о чем. На что Сэм резко изменился в лице. Рывкнул на меня, а потом я... — С ее щеки снова скатилась прозрачная слеза. Девушка закрыла лицо ладонями и полностью отдалась чувству вины. Мэг встрепенулась и подбежала к Дженни, крепко прижимая ее к груди. Она гладила ее по волосам, пока та шумно рыдала, глотая ртом воздух.

— Тихо, милая, не плачь.

Мое сердце сжалось, будто в тисках. Я быстро взглянула на Мэгги, когда в дверь постучались. Дженни ахнула и сильнее зарылась, как маленькая девочка, в объятьях Мэгги. Мэг с испугом просила глазами моей помощи, но я лишь недоуменно моргала. Она кивнула в сторону двери, поглаживая плечо Дженни. Я приблизилась к ней, хмурясь.

— Что?

Она молча указала свободной рукой в коридор, махнув указательным пальцем.

— Иди, проверь, кто это такой наглый! — Рывкает нервно Мэгги.

Я встаю на ноги, чуть вытянувшись, чувствуя волнение. Медленно перевожу дыхание,

делая частые вдохи. Я иду к коридору, сжимая кулаки вдоль тела.

— Мэг, отведи Дженни наверх, ради ее безопасности. — Бросаю я через плечо. Мэгги сразу встает и уходит, поддерживая рядом с собой Дженни, на второй этаж. Через миллисекунды дверь сверху захлопнулась.

«Тук, тук, тук...» — Сердце не слушается. Грудь поднималась вверх-вниз, шаги замедлились. Стук в дверь становился все громче и отчётливее. Звон в ушах раздражал. Оглядываюсь назад, смотрю на лестницу. Снова смотрю на трясущуюся дверь и прочищаю горло.

— Кто там? — Дрожащим голосом мямлю, ломая пальцы.

«Спокойно Керри! Кто бы то ни был, он не причинит тебе боль. Ты в четырёх стенах. Дом — это безопасность», — твердила я самой себе, как мантру.

В дверь забарабанили снова, но следующий стук не прозвучал, потому что я уже открыла дверь.

С лица мужчины катились крупные капли, волосы мокрые и от этого приглажены. С кончиков волос стекает вода. Вся одежда как мокрая тряпка. Тёмная ткань прилипла к мускулам

и прессу на животе.

— Сэм...

Он тихо пыхтел, глаза прищурены и от этого казались темнее, чем когда-либо. Зрачки полностью исчезли. Он шагнул через порог.

— Мне нужно с ней поговорить. — Четко выговорил он, не смотря на шум сильного дождя позади. Он снова сделал шаг, но я вытянула руку, указывая на улицу.

— Стой, ты не можешь войти.

Я скрещиваю руки на груди. Лицо парня становится требовательнее, массивные плечи опускаются, из губ выходит жалобный стон. Стон, как и тот, был похож на плач ребёнка.

— Я должен с ней поговорить. — Повторяет он.

Я вздыхаю и смотрю ему в лицо.

— М-да, — протягиваю я, переминаясь с ноги на ногу, — видать, ты сильно влип?

Сэм, даже не подняв головы, смотря на мокрую древесину перед своими ногами, махнул головой, подтверждая тем самым мои догадки.

— Даже не представляешь насколько.

Скрип позади спины отвлекает меня. Развернувшись, вижу Дженни. На ней висит чёрный кардиган с длинными рукавами. Короткие джинсовые шорты оголяют худые ножки, а белая футболка совсем мятая. Сэм удивленно вскидывает голову на лестницу.

— Дженни!

Парень делает незаметные к ней шаги, отталкивая меня в сторону. Я сильно ударяюсь головой об дубовую дверь, прижимаясь к стенке.

— Сэм, прости меня. Дженни спускается с лестницы, одним махом преодолевает ещё две последние ступеньки и прыгает парню на шею, обматывая ногами его талию и заключая его в крепкий замок. Сэм резко вдыхает запах её волос, смахивает слезинки с горячих щёк девушки и утыкается ей в шею. Он что-то ей шепчет, от чего на ее лице появляется мимолетная улыбка.

Я стою, прижатая к стенке, возле входа, чешу ладонью затылок. Удар был сильным, но мне не привыкать. Заживет. Смотрю на них с умилением и нежностью, губы дрожат в неохотной улыбке.

Наблюдая, слышу биение сердец, наверное, каждого из этой комнаты. Сильные постукивания дождя на улице и пульсирующая боль в затылке сливаются в один сплошной шум, когда визг Мэгги слышится по всему дому. Она стоит на лестничной площадке, упираясь на перила.

— Что здесь происходит? — Она перебегает глазами с меня вбок, и брови девушки вздергиваются вверх. — Сэм, что ты здесь забыл?

Девушка опирается на перила и свисает вниз. Её взгляд становится мрачнее. Сэм нехотя поднимает голову и с презрительностью встречает ее взгляд. Он опускает тело Дженни, пока ноги той не соприкасаются с полом, и не отпускает до тех пор, пока сам не удостоверится вниманием, что Дженни стоит ровно и стойко.

— Мне нужно было поговорить с Дженни.

Мэгги хохочет, всплескивая руками.

— А другого времени для разговора не было?

На её лице проскользнула лукавая улыбка. Она спустились вниз, и обхватила Дженни за плечи, нагибаясь.

— Ты как, Дженни, лучше?

Дженни утвердительно кивает.

— Да, все в полном порядке, Мэг. — Сухо отвечает она, стряхивая со своих плеч ее руки. Сэм ухмыльнулся, наблюдая за ней. Дженни ступила назад, спускаясь ко мне и тихо спрашивая состояние. Я потираю затылок, кивая головой.

— Ничего, все хорошо. — Заверяю подругу, сдерживая себя, чтобы не заорать на все глотку от боли в затылке. Дженни улыбается, кивает в ответ, но я не слышу, что она говорит, когда ор доходит до моих ушей. Мэг что-то гневно посылает Сэму и размахивает кулаками перед его лицом.

— Не надо на меня орать, Мэг! — Предупреждает Сэм. Мэгги раздражала любого, но Сэма она доводила до белого каления, и это невозможно было не заметить.

— Она мне ничего толком не сказала, Сэм! Только ревела, пока ты не соизволил явиться сюда! — Выплёвывает в лицо парня Мэгги, сжав челюсть. Сэм хмыкнул, отстраняясь на шаг назад.

— Значит, я правильно сделал, что пришёл сюда.

Я обернулась к Дженни краем глаза, следя за Буйволом в тонкой тряпке.

— Как ты слышала, что Сэм пришёл сюда, ведь дверь была закрыта?

Дженни склоняет голову вбок и пожимает плечиками.

— Я увидела его через окно. Затем услышала низкий голос в коридоре и от этого у меня чуть ли сердце не остановилось.

Переменившись с одной ноги на другую, заключая руки на груди, опираюсь на стенку плечом.

— Как же ты выбралась из комнаты? — Хмуря брови, тихо произношу я и снова бросаю взгляд на Мэгги и Сэма. Дженни приближается ближе, один уголок губ дергается в ухмылке.

— Я просто подождала, пока уснет Мэг, и проскользнула на цыпочках на лестничную площадку.

Она подмигнула мне, что пришлось подавить смешок. Дженни поправляет кардиган, украдкой глядя на меня из-под опущенных ресниц, и облизывает губы.

— Теперь, если позволишь, я пойду и разниму эту "парочку".

Дженни хитро улыбается, разворачивается и отходит, оставляя меня стоять возле холодной стены.

— Все, давайте закончим на этом, — Стонет умоляюще Дженни, хватаясь за локоть Сэма.

Мэгги замолкает, и они смотрят на нее в недоумении. Она ошарашено бегаёт глазами по ее лицу и хмурится, отрицательно качая головой.

— Джен, но он же сделал тебе больно!

Она указывает на Сэма, стоявшего позади спины Дженни. Девушка переводит дух и закрывает глаза.

— Да, сделал. Но, знаешь, Мэг, мои родители всегда мне говорили: если тебе сделали больно, лучше простить, чем всю жизнь мучиться и убивать самого себя.

Дженни одарила её лёгким кивком головы.

Затылок уже горел синим пламенем. Девочки начинали расплываться в одно сплошное пятно. Хочу сделать шаг, но ноги подкашиваются, и вместо этого падаю на пол. Голова соприкасается с древесиной, глаза смыкаются, и меня поглощает темнота.

— Сэм, вызывай скорую, быстрее! — Кричит Дженни, хватаясь за руку парня. Он стоит в оцепенении, разинув рот.

Девочки бегали по дому. Охваченные паникой, они ищут свежие тряпки, сбрасывая все шкафы и тумбы и заглядывая внутрь.

— Сэм, найди нашатырь! — Кричит Мэгги, приводя меня в сознание. Мэгги все еще теребила мое бездыханное тело, прося очнуться сквозь собственную пелену слез. Когда я не отвечала, она принялась трясти меня за плечи.

— Мэг, успокойся! — Дженни подбегает сзади и отдергивает ее от тела. — Давай лучше положим её на диван.

— Тогда зови своего парня. — Бурчит Мэгги мрачно, не отрывая глаз от меня. Дженни качает головой. Она хватается мое тело под плечи и пытается дотащить меня собственными силами.

— Сэм, ты нам нужен! — Кричит она впопыхах. Сэм спускается вприпрыжку и озирается по сторонам. Дженни кивает на мое тело.

— Помоги донести Керри до дивана, пожалуйста.

Уголки её губ приподнялись в нервной улыбке. Сэм опускает плечи и облегченно выдыхает.

— Черт, я думал, что что-то серьёзное. — Мямлит он. Мэгги шипит в стороне, косо поглядывая на парня.

— Не каркай!

Сэм отмахнулся и с легкостью поднял меня, относя в гостиную. Затем медленно опустил на мягкие подушки и отошел в сторону. Теперь оставалось только ждать...

Чёрная вуаль накрыла меня с головой. Я не могу открыть глаза. Сознание отключено. Слабо бьётся пульс. Я пытаюсь снова, но все безрезультатно. Отрывки воспоминаний проходят как яркие вспышки от фар машины.

ВСПЫШКА:

Стою, облокотившись плечом возле стены, и смотрю на ссору Мэгги и Сэма.

ВСПЫШКА:

Голова ещё трещит по швам, и боль становится сильнее. Затылок ноет без конца.

ВСПЫШКА:

Лёгкое головокружение, ноги начинают трястись. Ко мне подходит Дженни. Она спрашивает как я. И снова уходит и её силуэт качается, как карусель.

ВСПЫШКА:

Лежу на полу, в последний раз вдыхая аромат дерева.

Снова пытаюсь открыть глаза, но ничего. Темнота поглотила с ног до головы. Я погружаюсь в омут чёрной дыры.

Падая вниз, потихоньку тело покидает чувство гравитации. Я летаю как настоящая птица. Однако приземлиться на землю, вдыхая чистый воздух, не успеваю. В нос ударяется более резкий и колкий запах, неприятный обонянию. Слышу молящие вскрики, мужские и осипшие голоса вдалеке.

— Очнись... Давай, открывай глаза...

Жмурясь от аромата, открываю глаза и оглядываюсь по сторонам.

— Мэгги. — Шепчу вполсилы, поднимаясь на локтях, но она хватается меня за плечи,

крепко обнимая.

— Керри, наконец, ты очнулась!

Озорной голосок подружки щекочет мне ухо. Она опускает меня назад и беспрестанно качает головой. — Тебе надо полежать.

Мэгги забирает вату и бросает на журнальный столик. Из кухни выбегает Дженни со стаканом в руках. Когда она замечает меня, губы растягиваются в счастливой улыбке. Она присаживается возле дивана и подает мне стакан.

— Спасибо. — Благодарю её и промокаю губы, делая жадный глоток воды.

— Ну, как она?

Знакомый, чуть грубоватый голос откликается по стенам. Перевожу глаза в сторону и вижу перед собой русоволосого парня. На нем черная футболка и джинсы. Мэгги махает рукой к двери.

— Тихо, Сэм. Без тебя лучше, иди отсюда!

Сэм молча перебегает взглядом от Мэгги на меня. Он останавливается на мне и ухмыляется.

— Привет, Керри. Очнулась?

Парень делает несколько шагов в мою сторону. Я киваю головой.

— Как видишь.

Парень садится в кресло и его смех разносится по всей гостиной. Я растерянно осматриваю комнату и недовольные лица друзей.

— Что произошло?

Дженни вздыхает, будто пережила сейчас чью-то смерть.

— Мы сами не поняли. Услышали громкий хлопок, потом обернулись, а ты уже на полу. — Из неё выходит весь воздух, и она смотрит на меня отчаянным взглядом.

— У тебя ничего не болит? Ты что-нибудь помнишь? — спрашивает Мэгги, поднимаясь с кресла и направляясь ко мне. Хмуря брови, вспоминаю причину.

— Помню, как Сэм сильно оттолкнул меня, когда увидел Дженни. — Я бросаю виноватый взгляд на Дженни и потираю затылок. — Потом удар по затылку, а все остальное — очень расплывчато.

Щеки Дженни краснеют, она просто качает головой. Мэгги переводит взгляд на Сэма напротив меня в кресле. Ее глаза расширяются с каждым шагом, щеки краснеют.

— Ты?! — Из Сэма исчезают все эмоции, когда он оборачивается к бегущей на него Мэгги. Он встаёт на ноги, переминаясь. Он тупо пялится в пол, делая глубокий вдох. — Значит, она из-за тебя потеряла сознание? Идиот, я убью тебя!

Она кидается к нему, и беспощадно бьёт парня по груди. Дженни встает и подбегает на помощь, закрывая его собой.

— Мэг, хватит! Мне это все достало! Перестаньте орать друг на друга!

Мэгги снова начинает возражать, но я уже не вслушиваюсь. Бросаю взгляд на часы и встаю с дивана, тихо выходя на свежий воздух. Нужно было проветриться.

Хватаю куртку, накидываю её через верх и надеваю, не застегивая, выходя на свежий воздух. Лёгкий прохладный ветерок пробуждает во мне новые силы, стирая запах спирта и прочей ерунды. Закрываю за собой дверь и делаю один большой глубокий вдох, спускаясь по лестнице.

Сквозь тяжелые серо-светлые тучи пробивается солнечный луч. После дождя на

асфальте остались глубокие лужи. Тёмная вода переливается в лучах еле пробиваемого солнца.

Временами появлялись сильные удары, пробираясь до затылка, когда мимо проезжала какая-нибудь машина. Я смотрела на асфальт перебирая ногами, пряча руки в карманы куртки. Звонить никому не хотелось. На душе было как-то паршиво, не знаю из-за чего точно.

Пройдя мимо высоких зданий, полностью закупоренных стеклами, мимо большого забора, завернув направо и пройдя мимо маленькой кондитерской, я дошла все-таки до места, где должна была заплатить свой долг.

Днём паб не отличался ничем особенным, кроме таблички. Я подошла ближе, когда заметила надпись.

"Вход посторонним лицам, младше 21 года, запрещён!" — гласила она, светясь красным цветом.

Дотянувшись до тяжёлой чёрного цвета двери, хватаюсь за железную ручку и тяну себя, проверяя догадку. Дверь с трудом поддается и открывается, давая проход внутрь. "Все-таки надпись не для меня". — От этой мысли на лице появляется улыбка.

Помещение совсем не было похоже на вчерашнее. Тёмного цвета стены блестели от проникающего света снаружи, около барной стойки висела большая табличка, на которой было написано большими буквами: "BLACK HAZE" (чёрная мгла). Здесь было пусто и не было ни одной живой души. Я выдыхаю с облегчением.

— Ку-ку, — окликаю я, — здесь кто-нибудь есть?

Делаю шаг за шагом, пока не дохожу до барной стойки. Нервно начинаю постукивать ногтями по столешнице.

— Эй, кого это сюда принесло? — Слышится недовольный, слегка повышенный мужской голос с хрипотцой. Из угла выходит бармен с татушкой на шее. Заметив меня, на лице парня проскальзывает улыбка. — О, малышка! — Он опирается на столешницу напротив меня. — Пришла отработать?

Его бритая голова поблескивает на слабом свете. У него была какая-то схожесть с японцами: те же узкие глаза, тонкие губы, большой приплюснутый нос, маленькие ноздри.

— Да. — Вздыхаю, снимая куртку и вешая на барный стул. Парень кивает.

— Хорошо, сейчас принесу тебе форму, и можешь приступить к работе.

Ох, думаю, это пройдет быстро...

Я разворачиваюсь спиной к бару и хожу по пустому клубу, рассматривая с большим интересом фотографии, плакаты и небольшую сцену в углу. На ней одиноко стоят музыкальные инструменты. Любопытство одержало верх, когда на глаза попадает гитара с многочисленными автографами чужих людей. Обернувшись через плечо и удостоверившись, что Японца нет, я развернулась обратно и поднялась по ступенькам на сцену.

Слева от гитары стояли барабаны с молнией, слева от них электронная тонкая гитара. Подойдя к гитаре, самовольно тянусь к ней и пальцами пробегаю по грифу и струнам. По коже проходит лёгкое волнение и дрожь.

Обхватив светло-серую Красавицу, всю описанную корявыми почерками, приседаю на табуретку позади себя. Руки переплетают гриф гитары и самовольно проходят вверх-вниз. Я настраиваю гитару, легко бренча по струнам. Из неё выходят мелодичные звуки, приятные слуху. Закрыв глаза, погружаюсь в другой мир. Звуки сплетаются воедино, складываясь в некую мелодию. Улыбка не сходит с лица. Что делает со мной это место?

Я не замечаю, как чей-то голос рушит мой щит от внешнего мира, тем самым возвращая в реальность. Распахнув глаза, моя улыбка сползает с лица при виде бармена. В руках у него приготовленный для меня фартук темно-вишневого цвета.

— Какого черта, малышка? — Раздраженно проговаривает он, смотря налитыми кровью глазами на меня. Парень яростно бежит с меня на гитару в моих объятьях.

— Прости, я...

В голове пусто. Резко встав с табуретки, я ставлю темно-серую Красавицу на место и быстро спускаюсь обратно. Бармен смеется и разводит руками.

— Малышка, ты прости, но это чужие вещи.

Развернувшись к парню, смотрю на него и молча разглядываю музыкальные инструменты.

— Тогда чьи же они? — Он с минуту молчит, затем подходит ко мне и протягивает форму.

— Это инструменты одной молодой группы, которая играет тут, когда их просят.

Приняв у него фартук, я расправляю его.

— Что за группа? — Задаю вопрос, завязывая крепкий узел сзади. Парень улыбается, подходя к бару.

— Gold guys. Слышала о таких?

В ответ я лишь качаю головой. Gold guys... Что это вообще за группа? Не удивительно, что их никто не знает.

— А почему инструменты этих ребят остаются здесь, у вас?

Парень приседает на корточки, берет полотенце и накидывает себе на плечо.

— Они просто как мальчишки, странствующие по миру. Бездомные вообще, — отрезает он с недовольным видом, — поэтому мы разрешаем оставлять их принадлежности здесь, пока они ищут крышу над головой и учатся в колледже.

Я находилась в шоковом состоянии. Интересно, как они выглядят? Хотелось бы посмотреть им в глаза и спросить: как они выживают в этом мире? Есть ли у них какой-нибудь способ?

Меня снова "разбудил" голос парня за стойкой:

— Малышка, ты пришла сюда отрабатывать долг, а не чесать языком! — Рывкает он, от чего я вздрагиваю.

— Прости, уже иду. — Произношу виновато.

Весь оставшийся день меня все-таки заставили драить полы, протирать стаканы, барную стойку. Мне понравилась гитара с росписями, и я временами посматривала на нее, глубоко вздыхая и понимая, что такую прелесть никогда не получу.

— Слушай, я же так и не знаю твоего имени. — Я пытаюсь казаться дружелюбной, надеясь, что если с ним подружиться, то парень хотя бы облегчит тяжелую ношу. Однако он был не таким уж и разговорчивым, в отличие от Тома.

Бритая голова бармена блестела при каждом попадании света от потолка. Он повернул голову ко мне и коротко произнес:

— Фил. Меня зовут Фил. — И он снова отвернулся драить стойку до идеального блеска. Но мне было этого не достаточно: я щебетала и щебетала у него под ухом. Фил оказался стойким, но его терпению пришел конец. Он оторвался от стойки и бросил тряпку, высвобождая руки.

— Ладно, малышка, я понял, что ты хочешь, но этого не будет. Даже и не проси.

Парень лукаво улыбается, хватая тряпку со стойки и направляется к столикам для посетителей в северной части паба. Я разочарованно вздыхаю, осознавая, что мой план отвлечь его и уйти разбился на мелкие кусочки, как вчерашний стакан.

Беглым взглядом пробегаюсь по гитаре, пока на глаза не попадается случайный посетитель. Он в серой рубашке и джинсах. Лицо угрюмое и слегка раздраженное.

Пока он рассматривал клуб, переминаясь с ноги на ногу, я сползаю вниз и забираюсь в самый темный угол, под барную стойку.

— Клуб закрыт, парень. — Окликает его Фил, оставляя тряпку в покое.

— Я просто хотел выпить. — Хрипло отвечает Питер. Его голос становится все ближе и ближе, пока мое сердце бьется сильнее и громче. Боясь, что оно вот-вот выпрыгнет наружу, дотрагиваюсь до левой стороны груди и потираю место, будто останавливаю ритм.

— Ты же

вчера выпивал, тебе разве мало? — Выдавливает Фил, но все же достает блестящий стакан сверху.

— Ты мне не мать, так что делай свою работу! — Огрызается гость, делая голос резче. Фил замолкает, но ненадолго. Он тихо смеется, откупоривая бутылку.

— Смотрю, кто-то сегодня не выспался?

Питер только фыркает и начинает нервно постукивать кулаком по столешнице, отбивая какой-то ему известный ритм. Я слышу каждый удар, и дрожь не прекращается. Фил опускается на корточки, при этом спрашивая у парня, что он предпочитает.

— Виски со льдом. — Отвечает тот. Когда Фил увидел меня, подвергся шоку. Я прижала палец к своим чуть припухлым губам, делая некий жест.

— Не выдавай меня, пожалуйста. — Одними губами выдавливаю из себя. По телу пробегаются мурашки, готовясь к поражению. Фил, молча захватив бутылку виски и лед, встает на ноги и наливает в стакан напиток.

— Угощайся. — Вылетает у него из губ, но сухо

Питер

Голова раскалывается на мелкие осколки, образовывая сильную боль внутри, а от вчерашнего вечера в душе зияет пустота и дыра. Что было вчера — не помню.

Спускаясь с кровати, плетусь в душ, чтобы охладиться и смыть с себя утренний кошмар. Мне не спаслось. В голову лезли разные образы и непонятные картинки неизвестно откуда.

Включаю душ, пока из крана не выкатывается ледяная вода. Она бросается на моё тело и мочит волосы, которые постепенно лезут на глаза. Выдохнув от блаженства, опускаю голову вниз, к струям воды, давая колоть иглами лицо.

"Что вчера произошло?" — задавал я себе вопрос каждую пройденную минуту.

Чьи-то бедра покачивались напротив моих глаз, каштановые локоны прыгали вверх-вниз, в такт музыки...

— "Сам же сказал, что мы все здесь собрались, чтобы отдохнуть. Так что не мешай мне наслаждаться".

Эти слова постоянно крутились в голове. Хоть я и много выпил вчера в том пабе, но даже если бы потерял память — все равно запомнил этот детский голосок, от которого сердце замирало. Замирает и сейчас.

Её схватил ублюдок в кепке... Он трогал ее невинное тело, оставляя после себя грязные следы. Чёрт, снова это чувство проснулось. Как же оно называется? Точно — ревность. Да, я ревновал, признаю. Но почему?

Когда я закончил, выхожу из ванны, и навстречу попадается Крис — самый старший из братьев. На его лице "висят" тяжелые мешки под глазами, и так уже пухлые губы были уж слишком большими для его лица, а из уголка губ текла маленькая, незаметная струйка крови.

— Крис. — Кивком приветствую его, проходя мимо.

— Привет, Пит. — Отозвался он. Я вцепился за его руку, не отпуская, смотря прямо в глаза.

— Стой, Крис.

Он остановился, но ничего не сказал. Когда кровь хлынула из его губ, меня осенило: он опять попал под чью-то горячую руку или же сам был провокатором происшествия. Я нахмурился, прищуриваясь.

— Какого черта?! — Прокричал я. Крис прикрыл мне рот своей рукой и нахмурил брови, бросаясь в меня невидимыми молниями.

— Заткнись, Пит! — Рывкает он, все ещё держа руку на моих губах. Я брыкаюсь, но, когда понимаю, что ничего из этого не выйдет, сдаюсь. Он ослабил хватку и отпустил руку, разрешая вздохнуть мне полной грудью. Бросаю взгляд на рану на его потрескавшихся губах.

— Откуда это? — Прямо спрашиваю его.

Крис вытирает кровь, текущую из раны, и смотрит на нее отрешенным взглядом.

— Этот чертов придурок просто врезал мне. — Раздраженно кидает он в ответ, вытирая с руки оставшуюся алую кровь. Я вздыхаю. Он снова пил, ходил в бары, куда угодно, лишь бы найти приключения на свою чертову задницу.

— Крис, ты опять за старое, ты же обещал? — Скрещивая руки на груди, я смотрю на него в упор и жду ответа. Он фыркает в ответ, но ничего не говорит.

— Ты на себя посмотри! — Брат окидывает меня презрительным взглядом, минуту помолчав.

О чем он вообще?

— Мне Кевин все рассказал. — Отвечает он на мой немой вопрос.

— Кевин?

Что мог сказать Кевин Крису? Я хмурюсь и качаю головой. Крис ухмыляется и задирает нос.

— Он рассказал мне про девочку... — Кевин щелкает перед своим лицом, перебирая шепотом все женские имена нам букву "К". Его глаза округляются. — Керри, если я не ошибаюсь?

Я все ещё молчал, но Крису ответ был не нужен. Он подмигивает и указывает на меня пальцем.

— Ты тоже обещал, Пит. Обещал всем нам, отцу в первую очередь, что смертный человек, будь это парень или особь женского пола, никогда не переступит через этот порог! — Крис гневно шипит мне в ухо.

Мне не нравится, когда на меня кричат, потому что тогда я начинаю заводиться. А если я заведусь, тогда меня невозможно остановить. В груди щелкает, руки невольно сжимаются в кулаки, от чего костяшки пальцев хрустят.

— Во-первых, никто сюда, кроме неё, не приходил. Во-вторых, она ничего такого не знает и, наверное, уже не узнает. И, в-третьих, она не чужой человек — она мой друг. Она дорога мне.

Слова выливались из меня без запинок и заикания. Вся злость и утреннее напряжение пало на Крису. Чертов козёл меня разозлил, а когда я злюсь, надо держаться как

можно дальше. Крис отрывает от меня взгляд, фыркая от злости. Он разворачивается и уходит в ванную. Однако в последнюю минуту останавливается и поворачивает голову через плечо.

— Смотри в оба, парень. Не делай поспешных выводов. Эти девушки делают с нами непонятные вещи. Когда ты с ними — ты теряешь голову. Держи её при себе, а сам от неё на расстоянии, потому что если ты все-таки меня не послушаешь, и будешь продолжать с ней общаться, накликаешь беду и будет очень-очень плохо.

Крис захлопывает за собой дверь, оставляя меня наедине с собой.

Вибрация телефона в кармане пробуждает интерес. Кто звонит в такую рань? Вытаскиваю из кармана мобильник.

— Да, слушаю. — Подавив зевок, слушаю такие же зевки по ту сторону провода, а потом знакомый голос.

— Привет, Питер. — Голос Кевина пробудил во мне не только интерес, но и ненависть. Я бросаю вилку на тарелку, стуча по столу.

— Какого черта, Кевин?

— Питер, ты о чем? — Невинным тоном спрашивает собеседник. Да ладно, серьёзно?

— Кевин, ты просто идиот. Ты проболтал, как последняя баба, Крису о Керри!

Кевин растеряно выдыхает в трубку.

— Прости, чувак, мне не стоило об этом говорить ему...

— Да, не стоило, — рычу, — теперь я не могу видеться с ней. Теперь доволен?

— Прости, Питер... — Мямлит Кевин, топчя что-то под ногами. Я прикрыл лицо руками, выдыхая.

— Я думал, тебе можно было доверять. — Вздохнул я, отключая телефон. Кладу снова его в карман, но на этот раз глубоко и подальше от себя.

Это место, куда в итоге я пришел после долгих размышлений, напомнило вчерашнее, но я не мог говорить об этом точно. Теперь не мог.

Какие-то фотографии, инструменты, стоявшие сбоку на сцене, темные стены — все это было и в том месте, где я вчера выпивал. Когда я подумал о выпивке, снова захотел сделать глоток, но вдруг чужой голос вернул меня на землю.

— Клуб закрыт, парень.

Я оборачиваюсь и замечаю того самого бармена, который меня обслуживал вчера. Делаю шаг ему навстречу.

— Я просто хотел выпить. — Нелепо отвечаю. Он хмуро оглядел меня, хватаясь за свое полотенце в руках.

— Ты же вчера выпивал, тебе разве мало?

Несмотря на меня, бармен протирает хаотично стойку. Он когда-нибудь от нее отходит? Ядвигаюсь к нему, стуча челюстью.

— Ты мне не мать, так что делай свою работу! — Садясь на стул, краем глаза замечаю коричневую куртку, аккуратно висевшую на спинке. Но я не особо вдавался в мелочи. Мало ли у кого еще такая есть...

Бармен достают стакан над своей головой, и усмешка выходит из его рта.

— Смотрю, кто-то сегодня не выспался?

Нет, он точно нарывается на неприятности! Но я сдерживаю себя, промолчав, у меня не было сил выяснять отношения еще и с ним. Вместо этого стал отбивать кулаками знакомый

ритм, песни "I Put A Spell On You".

— Что будешь пить, приятель? — Спрашивает бармен, смотря в мое лицо и изучая каждую клетку тела.

Он что, гей? Может он просто думает, я какой-нибудь грабитель? Тогда я взял бы пистолет с собой, разве нет?

— Виски со льдом.

Бармен кивает головой и исчезает. Я снова оглядываю помещение, и на глаза попадают две большие буквы, которые медленно соединялись в слова.

— Blake Nazi. — Читаю надпись вслух.

Бармен снова появляется в поле моего зрения, но вид у него какой-то странный. Глаза парня попытались сосредоточиться на единственном клиенте, то есть на мне.

Такое было чувство, как будто он увидел змею. Что это с ним вообще? Но снова я не вдавался в подробности, он не интересовал меня.

— Почему Blake Nazi? — Поднимаю палец на надпись сверху его головы. Бармен поворачивается и смотрит на слова, затем снова разворачивается ко мне и озадаченно сощуривается.

— Черная мгла, что тут непонятного? — Раздраженно кидает он, открывая бутылку и наливая её содержимое в чистый стакан.

— Почему именно черная мгла? — Спрашиваю, снова хмурясь. Бармен кидает два кубика льда в стакан с виски и снова поднимает на меня глаза.

— Черная мгла, ну, потому что... ночью здесь обычно становится жарко, невероятно людно, постоянно просят выпивки. Одним словом — мгла: людей все больше и больше, заказы чаще. И, конечно же, — его глаза заблестели, — у нас своя группа.

От удивления я вскидываю брови до корней волос.

— Что за группа? — Задаюсь вопросом, протягивая руку к стакану и делая первый утренний глоток виски.

Парень за стойкой издаёт вздох, как будто в тысячный раз говорит об этом.

— Gold guys — молодая группа, состоящая из пяти парней. Они приходят сюда, чтобы развеселить публику.

Бармен был краток, будто он что-то скрывал, но, опять же, я не хочу на кого-либо давить и мне это не очень интересно. И просто киваю головой.

— Gold guys, — проговариваю я, пробуя их на языке, — интересно...

Хочу задать другой вопрос, но вибрации от телефона прерывают поток мыслей, я достаю мобильник. Быстро откидываю голову назад, допиваю виски со льдом, и вопрос сам собой улетучивается.

— Да, слушаю.

Нервы начинают шалить, когда в трубке слышатся женские всхлипы. Я чувствую, что что-то не так. Мне нужно разобраться с этим. Достаю деньги из кармана и кидаю на стойку, но бармен берет купюры и протягивает обратно.

— Не надо. Будем считать, что это за счет заведения.

Лысый подмигивает и возвращается к своей работе снова. Я благодарно улыбаюсь ему и выхожу из паба, оставляя пустовать стул с той знакомой курткой.

— Аманда, я слушаю тебя, говори.

Голос дрожит как у маленького взволнованного ребенка. Что случилось с моей младшей сестренкой, что она не могла произнести и слова? Я кинулся бежать.

Керри

Как только он вышел из клуба, я наконец выбираюсь из своего угла. Ухватившись за стойку, поднимаясь, проговариваю Филу:

— Спасибо, что не сдал. — Благодарно кивая, я выхожу из бара и развязываю фартук, положив его на стойку.

— Это мелочь, малышка. — Как только он оторвал свой взгляд от своего любимого дела, Фил поднимает глаза и издает жалостный стон, от чего на лице появляется скромная улыбка.

— Ты уходишь?

— Да, я же отработала свой долг. — Напоминаю я, накидывая на себя коричневую куртку.

— Нет, я без тебя не справлюсь. — Стонет он, подходя ближе. В глазах мольба и какая-то скрытая просьба, но что он от меня хотел?

— Можешь мне помочь в одном деле? — Просит парень, бросая тряпку и быстро развязывая фартук.

— Смотря в каком?

— Сегодня вечером будет много народа, а замены нет.

Он опускает голову вниз и потухает, как свеча, по которой пробежался ветерок. Хм, а что, неплохая идея. Тем более до экзаменов не так близко, поэтому, думаю, успею. Вдруг у меня задрожали колени, поэтому подхожу ближе к стулу и сажусь.

— Ладно, я помогу тебе. — Говорю ему, улыбаясь. Фил поднимает голову и его маленькие глаза засияли, как у рождественской елки.

— Отлично, спасибо тебе!

Я встаю со стула, когда понимаю, что могу нормально ходить.

— Пока рано благодарить, поэтому просто дай мне уйти. — устало проговариваю. Голову посещает скользкая мысль.

— Фил... — Парень поднимает маленькие глазки, включив все свое внимание.

— Слушаю.

— Если я помогу тебе, ты сделаешь скидку на некоторые напитки? — Я пытаюсь ухватиться за удачу. Фил минуту думает и, пожимая плечами, кивает.

— Хорошо, я поговорю кое с кем.

Уголки губ приподнимаются кверху. Парень выходит из бара и тащится к сцене.

— Спасибо, Фил.

— Ага, — кидает он в ответ, когда я уже одним шагом на улице. Солнце давно висит в центре, нагревая асфальт и мое лицо своими лучами. Дверь захлопнулась. Когда я ступила на раскаленную дорогу, телефон сразу начинает напевать песню The Weekend.

Жгучее солнце полностью прожигало Сиэтл. Казалось, что сейчас мозг взорвется от такой жары. В Сиэтле такое не часто встретишь, хорошая погода выпадала редко.

Выйдя из паба, помыв и отодрав все сверху донизу, просто наслаждалась легким дуновением прохладного ветерка. Телефон снова зазвенел, и я посмотрела на экран. Оттуда мне виделась красивая мордашка подруги. Если сейчас ей не ответить, она не перестанет сыпать меня вопросами после. Ладно уж, была не была.

— Да. — Говорю я, как ни в чем не бывало.

— Керри, Господи! Где ты? С тобой все в порядке? Куда ты делась?

Сейчас я ощущала себя семилетним ребенком, который оплошал, а суетливая мать пытается достучаться до него и вернуть на добрую сторону.

— Успокойся, Мэг, все хорошо.

По ту сторону трубки послышался вздох облегчения.

— Лучше скажи, как там Сэм и Дженни? — Задаю вопрос, шаркая ботинками и шурясе от палящего солнца. Быстрая смена темы — лучший выход из безвыходной ситуации.

— Ты уходишь от темы, Керри. — Замечает проницательная подруга, и я чувствую, как ее брови хмурятся.

— Нет, просто беспокоюсь за них. Вдруг ты их там всех поубивала, пока меня нет, а тела спрятала под плинтус?

Из моих губ вырывается смешок. Мэгги иронично смеется в трубку, от чего на секунду становлюсь глухой на одно ухо.

— Нет, я не из таких.

— Ладно, Мэг, увидимся вечером.

— Стой, погоди-ка! Ты не сказала где ты? — Я снова вздыхаю, закрывая глаза.

— Приходите вечером, ваш ждет сюрприз.

На этой ноте завершаю разговор и кладу телефон в карман. Из-за ослепляющего солнца волшебным образом замечаю свой дом, уже так прикипевший душе, становясь родным. На глазах поблескивает черная крыша и обветренное крыльцо. Не проходит и минуты, как уже стою возле него. Последнее дуновение прохладного ветра проходит по лицу, и я захожу внутрь, захлопывая дверь.

Что-то тут не то. В коридоре чувствуется совсем чужой запах. Голова вжимается в плечи, когда замечаю чужую спину и до чертиков знакомую рыжую шевелюру. Сердце на секунду замирает, а ноги становятся ватными, от чего не могу пройти и мили.

— Уилл, что ты тут забыл?

Парень оборачивается на мой голос и хитро, с похотливостью в глазах, улыбается мне, осматривая мои ноги, затем доходит до лица.

— Привет, Керри. Мне нужно с тобой поговорить.

Он кивает головой в сторону гостиной. Я быстро перевожу глаза с него вверх на лестницу. Легкая дрожь проходит по спине, отхожу назад, прижимаясь к двери.

— Она на работе, только недавно ушла. — Будто прочитав мои мысли, отвечает он, но слабая улыбка не покидает его лица. С некой опаской я отрываюсь спиной от двери и прохожу медленно к гостиной.

— Хорошо, тогда мы можем поговорить.

Парень отдирает ноги с места и проходит следом за мной так, что я чувствую его дыхание на своем затылке, обдававшее меня табачным запахом сигарет. Уилл курит?

Проходя мимо миниатюрного стола, где в беспорядке лежали мамины журналы по психологии и воскресные газеты, собранные за неделю, сажусь напротив Уилла и устремляю глаза на парня. Он на секунду смотрит на газеты, а затем ищет себе место, куда сесть. Когда находит его, парень бросает свое тело на пустое место возле меня.

— Ну, что ты хотел мне сказать?

Я сижу, не считая дрожь в коленках и некое волнение внутри, полностью обескураженная и растерянная. В его глазах замечаю, как что-то блещет, похожее на... Испуг? Волнение или обеспокоенность? Этого я не могла разобрать точно.

Уилл

Я стою посередине маленькой комнатки, вспоминая все те моменты, которые произошли со мной в этом доме за последние несколько пройденных лет.

В доме, в котором я находился, мило стоял маленький телевизор, зеленый, мягкий диван, два кресла, которые так гармонировали со всем находящимися здесь предметами и вещами. Бросаю взгляд на ведущую на второй этаж лестницу со скрипучими ступеньками. Картинка из старых воспоминаний, как черно-белая фотография, выявляется перед глазами. Там я бегал в белом облачении с босыми ногами, поднимаясь вверх, а затем снова вниз.

Затем опять

картинка перелистывается, как фотоальбом. Я уже другой — более взрослый.

Сейчас сижу на ступеньках с другом, у которого волосы цвета бронзы, а при свете казались чуть светлее обычного. Мы затягивались сигаретами, вдыхая никотин в легкие.

Затем снова картинка резко меняется и я уже не такой, какой был прежде: я стою в облачении зверя и смотрю на свои окровавленные руки, дрожа от испуга, что же со мной происходит. Но этот кусок из моей жизни не хочу никому показывать, либо говорить. Может когда-нибудь, но не сейчас. А пока уже другое воспоминание стучится в сознание, и эта жуткая картинка расплывается, как по волшебству.

Картинка более свежая, а значит и воспоминание. Я помогаю парню с бронзовыми волосами донести девушку со светло-каштановыми локонами наверх.

Она без сознания, но еще подает признаки жизни, что даёт моему сердцу какой-то толчок биться чаще...

Не успеваю углубиться в это воспоминание, как боль внутри ослепляет меня, и я падаю на колени, придерживаясь за живот одной рукой, другой тем временем за пол, тяжело дыша.

Поднимаю глаза и последнее, что вижу — это темное пятно с оскалом зверя. В миг зрение пропадает, и пятно расширяется по всему полю зрения.

— Ты должен убедить ее собрать манатки и свалить из этого города! — Раздается в ушах животный, пугающий рык. Я не понимаю, что происходит. Пытаюсь как-то приблизиться к какой-либо опоре, но ничего не выходит.

— Кого? — Хриплю, двигаясь в никуда. Но лучше двигаться, чем стоять на месте.

— Ты должен убедить ее. — Повторяет Рык.

Я не слушаю его слов. Его бессмысленных слов, все еще перебирая ногами по полу. Как только обо что-то упираюсь, дотягиваюсь рукой до верхушки. Понимаю, куда это "что-то" ведет, цепляюсь за край древесины и поднимаюсь.

Пробежавшись пальцами по гладкой поверхности, я понимаю, что это столешница.

Помнится мне, я хранил тут свои сюрпризы, один из которых — пистолет.

Не теряя надежды, все еще не видящими глазами шарю по бокам, пока не нахожу то, что нужно. Не успеваю отодвинуть маленькую дверцу, как боль вновь возобновляется, но уже внизу живота, и полностью сковывает тело. Не могу пошевелить ни одним мускулом и кричу, что есть мочи, от ужасной нескончаемой боли.

— Прекрати! — Предупреждаю я, не переставая бороться и хватаясь за край столешницы. Рык издает смешок, будто он человек.

— Тогда ты оставь это и отойди к двери.

Я не понимаю, что ему от меня нужно, но отдергиваю нехотя руку и ковыляю к уже знакомому месту, до которого я мог бы пройти, будучи слепым.

— Верни мне зрение! — Твержу Рыку, как только подхожу к двери на исходное место.

Окутанная тьма немедленно отступает и в глазах режет яркий не привычный свет ламп. Я щурюсь, оборачиваюсь по сторонам и быстро, заметив лохматое чудовище, бросаюсь к нему, но резко замираю на месте.

Зверь дрожит, как в лихорадке, подгибает свои лапы и уже передо мной не лохматое черное животное, а знакомое лицо. Парень поднимает глаза и в них виднеется мука и жадная мольба.

Футболка перерезана в клочья, впрочем, как и джинсы на его ногах. Вещи еле-еле скрывали оголенное тело. Его потряхивало, но уже не так, как раньше.

— Сэм? — Голос задрожал. Я стал подходить к нему ближе.

Он молча указывает пальцем на зеленый диван. Я без каких-либо колебаний сразу сажусь, так как хочу знать, что здесь происходит.

— Сэм, какого хрена, чувак?! — Внутри пылает огонь. Я хочу знать правду. Нет, не хочу. Требую.

Он, все еще не проронив ни слова, садится напротив меня и смотрит в глаза. Я не отрываю от него взгляда, боясь потерять лучшего друга.

— Ты должен убедить Керри в том, что здесь не безопасно. — Спокойно отзывается друг, переводя дыхание. Видно было, что ему это удавалось с большим трудом. — Скажи, чтобы она сматывалась отсюда как можно скорее! — Его плечи задрожали, я отскочил от него подальше, чертыхнувшись.

Закивав головой в знак понимания, но, все еще не отходя от друга на более далекое расстояние, я потянулся к нему. Что тогда я за друг-то такой, который бросит своего друга в беде?

Подхожу

ближе к парню, который уже начинает биться в конвульсиях. Падаю на колени, при этом, не чувствуя ничего. Даже боли, которая, наверное, просто изливалась во мне и по моим венам.

Да к черту все!

Я хочу спасти друга, которому обязан жизнью, и мне плевать сейчас на какую-то бессмысленную боль. Пригвоздив к нему решительный взгляд, требую ответа, но парень лишь отмахивается, затем я обхватываю его плечи своими руками и крепко сжимаю, не давая Сэму увернуться от меня или сбежать.

— Я помогу тебе, слышишь? — Хочу поднять его на ноги, но его руки больше и намного крепче, от чего парень резко отбрасывает мои руки в стороны и хрипло шепчет:

— Вали отсюда, чувак! Я. Не могу. Его долго. Сдерживать. — Отчеканивает он каждое

слово по отдельности. Я качаю головой, сбитый с толку.

— Кого, приятель?

— Зверя, что сидит во мне. Он сильнее меня.

Его тело вдруг снова задрожало, теперь уже как на электрическом стуле, и Сэм упал на пол, ударяясь затылком. Однако он каким-то образом все еще прибывал в сознании.

— Уходи, Уилл! Предупреди Керри! — Кричит он последнее, когда на его лице снова прорастает темная шерсть, застилая карие глаза друга. Зрачки парня расширились, когти вновь появились на пальцах, которые страшно удлинились. Единственное, что я запомнил — это громогласный рык на весь лес.

Я дернул газу, приказывая своим ногам двигаться быстрее. Я должен валить отсюда и как можно скорее!

Волнение нарастает, руки дрожат, как у заядлого алкоголика, сердце бешено кричит тревогу. Почему Уилл здесь? Может с ним что-то случилось?

— Уилл, с тобой все в порядке? — Поворачиваю набок голову в сторону к нему, чтобы разглядеть его лицо. Рыжий поворачивается ко мне лицом, обеспокоенность вперемешку с тревогой светятся в его глазах, как маятник в море.

— Керри. — Слабый шепот выходит из его рта.

— Что?

Он запускает пальцы в густую шевелюру и, издав измученный вздох, поднимает веки. Я поняла, что такими темпами мы никуда не сдвинемся. Выдыхаю, поправляю джинсы, будто на них скопилась горка крошек, и встаю на ноги, устремляя глаза на парня сверху вниз.

— Будешь чай? — Спрашиваю я.

«Чай — лучшее лекарство, а иногда и спасение», как говорил отец. Уилл поднимает глаза и молча кивает. Шагая ступнями в сторону кухни, погружаюсь в первые дни, когда только познакомилась в школе с ним.

В день, когда мы встретились в школьной столовой, он был похож на странного парня с цвета корицы глазами. Он наблюдал за мной, как за добычей.

Как выяснилось позже, он оказался веселым и надежным парнем. Но как я была слепа, когда повстречала его на поляне... Однако сейчас я не хочу об этом думать. Наверное, больше никогда и не начну, уж сильно впечатлила меня та незабываемая прогулка. Забыть как страшный сон и больше не вспоминать. По-моему, идеально.

— Ну, так что, как там с чаем? — Низкий голос Уилла будит из комы. Сама и не замечаю, как чайник давно стоит вскипяченным и из носика выходит прозрачный пар.

— О, — следую к чайнику и разливаю кипяток в стаканы, — черный чай подойдет? — Интересуюсь, не оборачиваясь.

— Да, сойдет. — Слегка натянуто проговаривает он. Я слышу скрип стула за собой. Заварив две кружки крепкого черного чая, я разворачиваюсь к гостю и, мило улыбнувшись, направляюсь к нему за круглый стол.

Ощущаю себя как на собеседование, но, тем не менее, знаю, что речь пойдет не о работе. Здесь было что-то другое.

Молча ставлю кружку напротив парня, сажусь, сразу смочив губы. Он наклоняется, приюхиваясь, как собачка, потом аккуратно охватывает кружку руками. Не за ручку, как все нормальные люди, а сразу за края стакана.

— Разве тебе не горячо? — Удивленно выпаливаю, ставя кружку на стол так, что звук в пустом доме оглушает нас, разбегаясь во все стороны. Уилл хмыкает, отставляя свой стакан, и сам откидывается назад, на спинку стула.

— Нет, ведь после него останется лишь маленький ожог, а ожогов у меня предостаточно. — Шепчет гость испуганно. Я слушаю его, как замороженная, и последние слова непрерывно крутятся в голове, как на повторе.

— Что? У тебя ожоги? — Моргаю недоуменно, открывая рот. Хлопая глазами, рассматриваю каждую его черточку лица. Парень хмурит брови и цокает языком, смотря куда угодно, лишь бы не на меня.

— Это не та история, в которой я должен открываться, Керри. — Сказал он просто и

отпил еще чая. Я замолчала, притупляя свое слишком перевозбужденное любопытство. Тишина успокаивала, но не сейчас, когда я просто сидела и ждала ответа. Всю прошлую неделю меня мучало странное чувство. Как будто я должна была узнать что-то важное. Однако если бы услышала странную новость, радости бы не прибавилось все равно.

— Ты хотел поговорить, — напоминаю ему, устремляя глаза на Уилла в ожидании действий, — слушаю.

Парень снова ставит пустую кружку на стол, выдыхает через нос, переводя дыхание. Он будто решался сказать, борясь с собой.

— Предупреждаю, он будет очень серьезным и ты должна выслушать меня и не перебивать. — Твердо говорит он, смотря на меня. Его выражение лица непроницаемое, как твердый лед.

— Хорошо, я внимательно слушаю.

Уилл утвердительно кивает головой и усаживается по удобнее. Сердце бешено стучит, отдаваясь в висках.

— Речь пойдет о Сэме. — Эти слова заставили мое подсознание раскрыть старое воспоминание о том утре, когда я нашла расцарапанную дверь. По коже тут же прошлись мурашки, заставляя сильно нервничать.

Тишина окутала нас, я слышу лишь биение своего сердца, размеренное дыхание Уилла, наблюдавшего за мной, подобно ястребу, и вечно капающую воду из крана. Что-то в этой тишине было злостное и мне становилось не по себе.

Казалось, день не предвещал ничего плохо, но тут появился он и мои планы рухнули.

Он молчал и ничего не говорил. Сделав глубокий вдох, я начинаю первая. Отодвигаю стакан в сторону и выпускаю вздох.

— Ты хотел рассказать о Сэме. Я слушаю. — Скрестив руки, я откидываюсь на стул. Умоляю сердце прекратить так сильно биться. Уилл почесывает затылок, так же откидывается на спинку стула, тот издает жалкий скрип, и Уилл поднимает взгляд, хмуря брови. Что он так смотрит? Почему не скажет все сразу в лицо? Почему тянет? Я хотела возразить, но Уилл наклоняется и, прищурив глаза, склоняет вбок голову.

— Сэм не тот, кем ты его видишь. — Шепчет парень. По венам закипает кровь, дыхание учащается, сердце на миг останавливается. Кем бы он ни был, я знаю его как человека, который попал в меня мячиком в школе, на уроке физической культуры. Это единственное, что пришло в голову, когда Уилл произнес его имя. Я насупила брови и так же, как и он, наклонила голову. Я не верила его словам. По крайней мере, это были лишь слова.

— Тогда кто же он?

Я знаю, что Сэм не идеал, но человек не выбирает, кем ему быть. Он выходит на свет, не планируя и даже не мечтая об этом. С самого раннего детства меня учили быть спокойной, обдумывать по несколько раз решения, а уж потом отвечать. Принять или отвергнуть — дело выбора. Уилл усмехается и качает головой, опуская её вниз. Он скрещивает руки в замок перед собой, поднимая глаза на меня.

— Керри, ты знаешь его как парня из класса. Сэм — атлет. Он любит играть и принимать вызовы. Он сует свой нос куда нельзя. — Уилл фыркает и закатывает глаза, прежде чем снова встречается со мной. Я сплываю ком в горле, пока борюсь с туманом перед глазами.

— Но он надежный и верный. — Продолжая, кивает головой парень. Поднимаю руку между собой, качаю головой, дабы остановить его пылкую речь.

— Стой, каким образом это изменит мое мнение о нем? — Говорю я, все еще хмурясь. Картинка из леса и дверь, которую никогда уже не забуду, снова выплывает в голове, и меня передергивает. — Что ты хочешь этим сказать?

Уилл делает вздох, закрывая глаза, качает головой. Он снова молчит, но я не понимаю почему. Не понимаю, зачем люди сначала пытаются что-то объяснить, а потом снова закрываются на полуслове? Какой смысл? Он шумно выдыхает и сжимает пальцы в кулаки.

— Керри, только скажи, что ты меня выслушаешь, хорошо? — Его глаза блестят, в них виден страх. Я киваю головой в надежде.

— Хорошо. — Он закрывает глаза. — Помнишь, как ты оказалась в лесу?

Меня передергивает снова, и я чаще моргаю. Единственное лицо, которое помню — лицо Сэма. Я съеживаюсь и чуть ерзаю на стуле.

— Да, ты помнишь. — Уилл прищуривает глаза, подтверждая. Затем парень вздыхает. — Тогда ты упала и потеряла сознание... — Я начинаю качать головой, и Уилл замолкает.

— Не нужно... — Шепчу я. Он пожимает плечами и кивает.

— Я знаю, тебе это трудно понять, но поверь мне. Прошу. — Он падает на колени и ловит мои плечи, обхватывая. — Ты должна собрать вещи и катиться из этого города!

Его голос дрожит, как и его руки на моих плечах. Он продолжает восстанавливать дыхание, закрывает глаза и снова открывает. Рот само собой раскрывается, когда я вижу в них ярость и злость. Зрачки страшно узкие, цветная радужка сменилась на ярко-желтый цвет. Я пытаюсь освободиться, но он впивает в меня свои пальцы и крепко держит, не отпуская от себя.

— Уилл... — Хриплю, продолжая попытки. Через несколько минут его отпускает, глаза закрываются. Он разжимает пальцы на моих плечах, и я с шумом выдыхаю, обхватывая себя за плечи.

Уилл открывает глаза, смотрит на меня с наклоном в сторону и резко встает, когда понимает всю ситуацию. Он качает головой, стул от его быстрых шагов падает. Хватается за свои рыжие волосы и, что-то говоря себе под нос, уходит за угол, в темноту.

Я осталась

одна. Дрожь по всему телу, на глазах пелена слез, но до сих пор не даю им выход. Они так и остаются стоять у меня, как стекло. Я не могу выпустить из себя хоть слово. Кажется, из меня вытряхнули всю душу и оставили ни с чем.

Его глаза.

Я видела.

Неужели мне не показалось? Знаю, иногда глаза могут врать, но неужели минуту спустя это была иллюзия? Почему вообще это происходит сейчас со мной? Может это сон? Да, именно!

Сейчас я проснусь в своей комнате, и все это уплывет как страшный сон.

"Попробуй ущипнуть себя и тогда ты поймешь, где ты", — в голове слышится голос отца. Я принимаю это и закрываю глаза. Вздохнув, щипаю себя за руку, морщась от боли. Ощущения, будто меня кольнули иголкой и оставили как украшение в руке.

Снова открываю глаза, но картинка не изменилась. Из горла выходит разочарованный стон. Оглядываюсь по сторонам, все по-прежнему на своем месте: кран как капал, так и

капает, за окнами лучики уходящего солнца падают на стол и на мои волосы. Краем глаза замечаю две кружки.

Две.

Опускаю глаза на ладони и, не веря, качаю головой. Я не сплю. Вдруг резкий тяжелый звук привлекает мое внимание, я поднимаюсь и резко вылетаю из-за стола, пятаюсь назад.

— Уилл... — Шепчу самой себе, приходя в сознание.

Он стоит в гостиной, держа в правой руке стеклянную вазу. Мама купила ее во Флориде, когда они с папой были еще вместе. В другой же у него был деревянный маленький сундучок, где лежали мамины сокровенные вещи. Она была сделана в конце семнадцатого века. По бокам золотые, подобно веткам, тянулись линии. Крышку покрывала хрупкая гладь, на боках выделены четыре золотые полосы, а маленький квадратной формы замок закрывал то, что хранилось внутри от посторонних глаз. Никому еще не довелось заглянуть туда, даже мне. Я уважаю родителей и, поэтому держусь подальше от нее.

— Не смей! — Предупреждаю, показывая пальцем на вазу. Парень тут же замирает. Он осторожно поворачивается в мою сторону, его глаза расширились.

На дрожащих ногах приближаюсь к парню, но его рука отдергивается и все валится на пол. Не успеваю даже поймать хоть одну вещь — все крупным стеклом разбивается вдребезги перед нашими лицами. Я наблюдаю с открытым ртом и не могу пошевелиться. Сундук даёт трещину, и замок вылетает, подобно пробке, укатываясь куда-то под диван.

Я медленно поднимаю глаза на Уилла, поджав губы в жесткую линию. Он стал пятиться назад, поднимая руки в защитном жесте, и качает головой.

— Прости, Керри, я не хотел. — Говорит он так, будто это для него ничто. Я шмыгаю носом. Ноги подкашиваются, и я падаю на колени, даже не пытаюсь остановить нахлынувший поток слез. Одна слеза скатывается по щеке, обжигая. Я поднимаю голову на Уилла и сощуриваю глаза, очередная слезинка снова покатила из уголка глаза.

— Теперь ты доволен?

Парень падает на колени возле меня и склоняется перед моим лицом.

— Прости меня. — Просит он приглушенно. Голос дрожит как у испуганного мальчика. Я мотаю головой, выдвигая руки вперед. Откидываю его назад, подальше от себя. Пытаюсь на ощупь отползти, оставляя приличное расстояние между нами. Уилл замечает на моем лице нескрываемый испуг и идет на меня, но я молча качаю головой, все еще не подпуская к себе.

— Керри...

Голос парня, полный мольбы, зазвенел в ушах. Страх полностью захватил мой разум. Когда я подняла глаза на Уилла, то на месте его лица появились те зловещие ярко-желтые глаза. Вздвогнув, натыкаюсь на стену. Обхватываю колени руками и закрываюсь от Уилла. Отчаянный всхлип выходит из горла. Я даю волю эмоциям, больше не сдерживая себя. Почему именно сегодня? Почему?

Теплая ладонь накрывает мое плечо, от чего дрожь проходит по коже колючим градом. Все еще не поднимая лица, я съёживаюсь и крепче обхватываю себя руками.

— Керри, ты должна мне поверить, — говорит Уилл как можно тише, — Сэм не тот, кто есть на самом деле. Будь осторожна, и уезжай отсюда. Так будет лучше для твоего же блага.

Парень потирает мое плечо. Я отмахиваюсь. Не хочу слышать больше его бред и байки о том, что

Сэм какой-то другой. Нет, это невозможно...

Послышался скрип ботинок. Я поняла, что Уилл уходил. Руки задрожали, когда я подняла голову, встречаясь с его спиной. Он слегка горбился.

— Уилл? — Сипло зову парня. Он останавливается и поворачивается ко мне. Лицо печальное, полное отчаяния. Он молчал.

— Почему я должна тебе верить? — Тихо спрашиваю я. Голос был слабым и подавленным. Он покачал головой и безысходно пожал плечами.

— У тебя нет другого выбора.

Он развернулся и ушел, оставляя меня ни с чем, за исключением осколков на полу.

Капли из крана все так же текли, ударяясь о раковину, стекла трещали под сильным ветром, что даже рамы окон не выдерживали и вот-вот готовы были треснуть.

Я осматриваю гостиную: все, до самого пола и потолка, пропахло Уиллом. Перед глазами плывет. Ощущение, что я видела только что чей-то силуэт, который стоял на месте Уилла, а сейчас его Тень исчезла в проеме между коридором и гостиной. Хотя на самом деле, ничего не было.

Снова трясую головой и скидываю играющее воображение. Возможно, это все из-за переживаний. И вот, докатилась — видятся чьи-то силуэты, схожие с призраками.

Блеск!

Садясь на корточки, глазами цепляюсь за блестящие осколки на полу, лежащие в хаотичном беспорядке. Медленно подползая, хватаю самый ближний ко мне осколок и подношу к лицу, медленно вертя перед собой. Он блестит и переливается всеми возможными цветами, но осколок быстро соскальзывает с рук и снова падает на пол, разбиваясь еще на несколько мелких кусочков.

Молодец, Керри. Продолжай сокрушать до тех пор, пока не уничтожишь все.

Я выдыхаю, вставая на ноги. Взяв под раковиной совок и ведро с мусором, возвращаюсь обратно в гостиную и снова усаживаюсь на корточки. Когда я убрала все осколки в ведро, рука заняла сильнее, чем прежде. Бросаю совок, когда замечаю красный цвет на ладони.

Что за день?!

Бегу в коридор и заворачиваю на кухню, крепче сжимая ладонь, дабы остановить поток крови. Правой рукой молниеносно сбрасываю все на своем пути, открываю дверь шкафа и, после недолгого поиска аптечки, я, наконец, нахожу ее. Не доходя до стола, руки слабеют и начинают сильнее дрожать, поэтому все, что находилось внутри аптечки, выходит наружу.

Бинты, неиспользованные уколы в упаковке, различные таблетки и разные бумажки рассыпаются на пол, некоторые закатываются под стол. Обреченный вздох вылетает из горла, когда падаю на колени.

Кровь не перестает течь, рана сильнее пульсирует и постепенно рука становится слабее, будто вата. Я сдуваю мешавший локон и принимаюсь искать бинт, йод или хотя бы перекись водорода. После скоропалительного поиска нашла то, что искала.

Поднимаю все на одну руку, прижимая крепче к груди, самостоятельно доношу до стола. Лекарства катятся по столу, как только рука соприкасается с древесиной. Чтение о различных происшествиях и чрезвычайных случаях на всяких сайтах не прошло впустую. Теперь я могла самостоятельно помочь себе и без всякой чужой помощи. Не теряя больше ни минуты, я открыла кран и промыла ладонь в холодной воде.

Следующим действием принимаюсь обрабатывать рану йодом, чтобы не попала инфекция. Йод адски пощипывает кожу и щекочет нервы. Прикусываю губу, подавляя крик, и проглатываю ком в горле, когда вата пробегается по одному и тому же месту снова и снова. Я медленно перевязываю ладонь, ту же затянув бинт, чтобы окончательно остановить кровь.

В дверь сильно постучали. Резко отрываю глаза от повязки и бегу к двери. Сердце уходит в пятки, я перестаю дышать. Может, если не отвечать, этот "кто-то" уйдет?

Следую собственному совету и медленно подбираюсь к окну, чтобы зашторить

занавески от дневного света. Стук снова разразился по всему дому. Я остановилась на месте и все сильнее, даже не замечая, сжимаю тонкую ткань красно-клетчатой занавески.

— Керри, ты что, уснула? — Послышался звонкий голос Мэгги через дверь. Я закрываю глаза, облегченно выдыхая.

На пороге стоит Мэгги с ослепительной улыбкой на лице и стрелками на глазах. Ее и так большие глаза стали в два раза больше. Она захлопала накрашенными, слегка накрученными ресницами и расправила руки для объятия, присев.

— Керри! — Пропела она мое имя и, подпрыгнув, побежала на меня, обнимая. Ее появление стало неожиданным. Я обняла ее в ответ. Когда осознала, что это и правда она, сжала будто в тисках.

— Мэгги, это ты? — Спрашиваю, но голос тих, как у мыши. Она отходит назад и отстраняет меня на расстояние вытянутой руки.

— Конечно же, я, а кто еще то? — Она хмурится. — Керри, с тобой все хорошо? Ты же сама меня

пригласила, помнишь? — Я выдохнула и покачала головой.

— Я помню, Мэг. — Говорю, натягивая счастливую улыбку. Она не узнает, что произошло со мной несколько часов назад. По крайней мере, не сейчас. Подруга заходит на кухню и ахает, когда видит высыпанный ящик и разбросанные таблетки по всему полу.

— Керри!

Я закрыла глаза и направилась к ней, по пути ругая себя за то, что сначала не убрала за собой перед тем, как открывать и кого-то впускать.

Мэг сидит на стуле и перебирает молча руками таблетки и банку йода, расширив глаза.

— Мэгги, ничего страшного не произошло. — Начинаю я, приближаясь к ней. Лицо подруги было не читаемым, брови нахмурены и одно только недоумение в глазах говорило, что она в сомнениях.

— Что случилось? — Я подхожу, чтобы убрать со стола, и нагибаюсь на корточки ближе к аптечке.

— Ничего. Я просто поранилась, когда случайно задела вазу. — Говорю невинно, но все еще изучаю пол. Мэг садится возле меня и накрывает мое плечо, сжимая. Я поднимаю глаза на подругу. — Прости, просто переволновалась. — Лепечет она и обнимает, утыкаясь мне в шею. Вдруг чувствую, что-то мокрое на плече и отстраняю девушку от себя. Она шмыгает носом, вытирает прозрачную слезинку с уголка глаз и слабо улыбается мне. Она пожимает плечами.

— Не пугай меня больше. — Я улыбнулась и пожала ее плечо.

— Никогда. — Она улыбается и склоняет голову набок, соединяя брови в одну линию.

— Так зачем ты меня звала? — Я хитро ухмыляюсь, оставляя лучшее на десерт. Пожав плечами, встаю на ноги и тяну подругу за собой.

— Мы собираемся в клуб.

Мэгги подпрыгивает на месте, и ее лицо светится от слабых лучиков солнца за окном.

После того, как Мэгги помогла мне с уборкой на кухне, мы поднялись ко мне в комнату.

— Как тебе это? — спрашиваю я, давая ход ее изумительному вкусу. Это было платье без рукавов, черного цвета и длина доходила до колен, не ниже и не выше. Она встала с кровати, дошла до меня и пододвинула вбок.

— Дай мастеру поработать. — Засмеялась Мэг. Я вздохнула и рухнула звездой на одеяло. Мэгги копалась в моих вещах, скидывая вешалки в разные стороны. Одежда вылетала, как пуля из пистолета.

Сегодня я хотела просто веселиться и забыть все проблемы хотя бы на одну ночь.

— Господи, Керри, у тебя что, нет подходящего платья? — Взвизгивает девушка и махает руками. Она цокает языком и проходит еще раз рукой по рядам вешалок. Я улыбаюсь и встаю, но ноги шатаются, и со вздохом падаю обратно на кровать.

— Это то, что надо! — Вскрикивает Мэгги, хлопая в ладоши. Я сдираю ткань с лица и осматриваю ее. Подхожу к зеркалу, наспех примеряя на себе.

Это оказалось черное платье из грубой кожи. Небольшой вырез на груди открывает вид на длинную шею. А низ, как тюльпан, распускался по бокам, что придавало платью красивую и аккуратную форму.

— Думаешь, оно мне подойдет? — С сомнением в голосе спрашиваю, поворачиваясь к ней. Она улыбается во весь рот и приобнимает меня.

— Я уверена.

Улыбнувшись, чувствую, как внутри становится теплее, а сердце трепещет, как колибри в быстром биении. Мы еще минуту разглядываем платье, пока Мэгги не встряхивает меня за плечи, отходя назад.

— Теперь макияж. — Она подходит к кровати, осматривая тумбочку, и поднимает глаза в молчаливом вопросе. — Ты не пользуешься косметикой?

Я пожимаю плечами, подходя к изголовью кровати, и бросаю платье на одеяло. Мэг смеется громко и свободно. Я стою в одних джинсах и в спортивном топике. Мэг уходит из комнаты и через секунду за собой тащит бледно-розовый чемодан.

— Что это?

Она открывает чемодан с двух сторон и у меня отвисает челюсть. Перед глазами открывается красочный мир: множество карандашей для глаз, аккуратно уложенных в одном отделении, все возможные цвета помад, баночки и румяна...

Прикрываю рот ладонью, опасаясь, что слюни потекут на глазах у Мэгги. Она смеется, завидев мою физиономию, и просто пожимает плечами. Взяв в одну руку тонкий карандаш для глаз, а в другую тушь для ресниц, она машет ими, широко улыбаясь.

— Простое волшебство. — Она подмигивает, кивая в сторону кровати, — а сейчас садись, закрывай глаза, и доверься профессионалу!

Ожидание убивает. Я не могу ничего видеть — это мучительно. Мэг работает с моим лицом, непрерывно летая возле него: накручивает ресницы, намного добавляет румяна на скулы, дабы прибавить естественности. Последним штрихом была помада темно-красного оттенка. Она причмокнула губами перед моим лицом и велела сделать также. Последний мазок и я открываю веки.

— Вау... — Полушепотом говорю. Это единственное, что приходит в голову, когда Мэгги подводит меня к зеркалу. Я вижу в отражении новый образ. Новую себя. От увиденного по коже пробегают мурашки, на затылке волоски встают дыбом. Подхожу ближе и аккуратно провожу по щеке, направляя лицо в разные стороны и углы. И действительно, лицо сияло как чистый алмаз, глаза стали больше благодаря нанесенным коричневым теням в виде smoky eyes, цвет помады выглядел страшно прекрасно, подчеркивая контур губ.

С приталенным платьем все сочеталось идеально. Я выглядела как одна из героинь "Beautiful Creatures". Как одна из заклинательниц. От этого на глазах проступают слезы. Махаю руками, дабы предотвратить нахлынувший поток, поворачиваюсь к подруге. Она крепко обнимает меня.

— Спасибо. — Шепчу я ей в шею. Она отстраняется, улыбается и качает головой, поправляя мои волосы, накрученные крупными локонами.

— Сейчас не время для слез, милая. — Она отходит от меня и открывает дверь. — Время для веселья!

Подруга махает рукой в пригластительном жесте. Я подхожу к ней и хочу уже выйти, как вспоминаю, что на ней было надето. Оглядев ее скромные шортики, черные кеды All Star, серый свитер с чёрными сердечками, поверх которого был длинное, серого цвета, пальто. Мои глаза округляются.

— А как же ты? — Она поднимает брови, беглым взглядом пробегает по своей неброской одежде, и снова поднимает голову, улыбаясь.

— У меня все в машине. — Мэгги выходит из комнаты чуть ли не вприпрыжку. — Скорее, Керри!

— Ты поведешь!

Мэг кидает в воздух свои ключи от машины. Я ловлю связку ключей и открываю дверь. Смотрю на подругу, на минуту задерживаясь.

— Ты уверена?

— Безусловно. — Кивает она, указывая на багажник большим пальцем. — Тем более мне нужно переодеться.

Я изумленно моргаю, залезаю в салон и давлю на газ. Позади меня послышался шорох. Я посмотрела в зеркало на задние сиденья, когда заметила Мэгги. Светофор окрасился в красный цвет, колеса остановились.

— Эй, Мэг, что ты делаешь? — Она сдувает волосы назад и вздыхает, указывая на багажник.

— Хочу переодеться. — Говорит Мэгги. Глаза округляются, когда понимаю, что она имеет в виду. Я подтягиваюсь к ней ближе.

— Прямо здесь? — Провожу взглядом по всему салону, и Мэгги кивает, закатывая глазенки.

— Я не хочу заезжать домой, нет времени. — Отмахивается подруга, надувая губы. Я бросаю попытки переубедить ее. Смотрю по сторонам и выглядываю через окно: впереди большая пробка и нескончаемый поток машин, сигналивших другим водителям. Я возвращаюсь в салон, оборачиваясь назад.

— У нас две минуты. — Предупреждаю, показывая два пальца в воздухе. Она быстро кивает и пулей вылетает из машины. Мэг показывает большим пальцем, чтобы я открыла багажник. Багажник распаивает свои двери, девушка сметает все пакеты в одну руку и

захлопывает с шумом багажник. Улыбка счастья не сходит с ее лица. Я ухмыляюсь.

— Отличная работа!

Светофор сменяется на добродушно зеленый цвет и машины трогаются с места.

Погода сегодня солнечная и теплая, деревья желтели, птицы летали по городу, некоторые сидели на лужах, чистя перышки, а другие кружились на крышах и на крыльцах домов.

Постепенно солнце уходило за горизонт, небо окрашивалось в насыщенный розовый цвет, где-то далеко от нас фиолетовая полоса раскрашивала остальную часть облаков. Теплый ветерок подул на наши лица, я вдохнула и закрыла глаза, прочищая легкие. Я улыбаюсь и выхожу из машины. Здание с черными лаковыми дверями и записка о запрете не покидали своих мест. Мы остановились в скромном баре, где недавно я пряталась от Питера.

— Мы на месте. — Оповещаю Мэгги. Она не слышит и мне приходится топтать ногой.

— Эй, Мэг!

Хочу подойти ближе, но дверь резко открывается, и я отпрыгиваю назад.

— Я уже готова, готова.

Она выходит из салона. Сразу пробегаюсь глазами по темно-синему платью на девушке. Оно ей был слегка коротковато, оголяет худые ножки. На ногах высокие туфли синего цвета, как и само платье, богато украшенные бархатом. Еле заметный кружевной узор прозрачными цветочками, как пятна красок, рисовал один большой круг. Подол тонким слоем закрывал подъюбник, а верхняя часть прилипала к груди, идеально подчеркивая формы. Она пригладила ткань на талии и тяжело вздохнула, приподнимая глаза.

— Скажи ведь идеально? — Мэг подмигивает и кружится, показывая образ. Я поднимаю два больших пальца вверх и одобрительно киваю.

— Как всегда. — Я иду следом за ней. — А теперь идем веселиться.

Она закрывает машину и забегает внутрь. В гущу событий, веселья и вечных беззаботных людишек.

Как только мы заходим в здание, нас тут же охватывает в свой "плен" темный, обволакивающий с ног до головы, густой туман. Я обхватываю локоть подруги и с лукавой улыбкой мы осматриваем помещение. С момента, когда я была здесь, прошли, казалось, века.

На танцполе ритмично двигаются вспотевшие люди, приподнимают руки в воздух и что-то кричат в толпу. Колонки позади нас яро шумели, отбивая хлопki в собственном ритме. Затем нежный голос певицы на полном серьезе стал напевать Star A Riot.

Освещение приглушенное, свет синего цвета падал с потолка на наши платья и поднятые вверх руки танцующих тел, легкая дымка

летает по залу, как пелена тумана.

Бедра сами собой качнулись, когда отпускаю локоть Мэг. Не в силах сдерживаться, отхожу на пару шагов от нее, на что Мэгги медленно вздергивает уголки губ и направляется ближе, слегка пританцовывая.

Песня сменилась на более ритмичную и дерзкую. Слушая ее, уплываю на какую-то футбольную игру, где группа поддержки машет длинными ногами и помпонами в руках, выкрикивая гимн страны. Я закрыла глаза и отбивала головой ритм, наблюдая за Мэгги. Та сразу поняла настрой, подняла руки и стала прыгать на месте, головой отбивая звуки.

Когда песня дошла до припева, толпа вокруг нас заверещала, подпевая. Я не могу больше сдерживать себя и смеюсь как ребенок, закидывая голову назад. Мэгги ловит мой

смех, и мы сливаемся с группой остальных в толпе "певцов", подпевая вместе с ними. Кажется, будто мы родились для того, чтобы веселиться и танцевать.

Не знаю, сколько прошло времени, но мне кардинально нужно было сменить обстановку. Дыхание сбилось, сердце шумно стучит. Невидящими глазами кое-как добираюсь до барной стойки.

— Что, выдалась жаркая ночь?

Слышу краем уха звенящий баритон. Поворачиваю голову и замечаю накаченного бармена. Свет освещал только его неровную горку на плечах.

— Еще какая. — Я выпучиваю глаза, подыгрывая. Он подходит ближе, облакачивается на стойку и подмигивает.

— Помощь нужна? — Говорит он и играет бровями. Лениво смеюсь, удерживаясь за стойку двумя руками.

— Не стоит, — качаю головой и бросаю рукой в сторону, — я здесь с Мэг.

Парень переводит озадаченный взгляд на мой палец, щурится и отрицательно качает головой.

— Я никого не вижу. — Говорит он, перекрикивая музыку. Поворачиваю голову на танцпол. Там и правда пусто.

Бегаю глазами по всему помещению, но никого не нахожу. Чья-то горячая рука обхватывает мой локоть и тянет в свою сторону. Начинаю кричать от неожиданности, замахиваюсь, и под ладонью слышится звонкий хлопок.

— Ауч, малышка, за что?! — Скулит бармен сквозь гул, и я позволяю себе расслабиться.

— Прости, я не могу найти подругу.

Он сощуривает глаза и снова осматривается. Кивает головой и его рот растягивается в улыбке, давая мне вид на его разноцветные, бело-золотые зубы.

— А это не она? — Он наклоняется ко мне ближе, указывая на толпу за моей спиной.

— Что? — Шепчу, оборачиваясь за плечо. Тонкий силуэт, но смутный, становится больше. Пока мое зрение не становится более или менее четким, замечаю идущую в нашу сторону Мэг. Ее лицо красное, как помидор, зрачки расширены, а щеки окрасились густым румянцем.

— Мэг? — Мой голос дрожит. Я оглядываю ее, снова бросаю взгляд на бармена, готового сожрать девушку в любую секунду.

Чертов извращенец!

Оглядываюсь, но знакомых лиц в толпе не вижу. Снова возвращаюсь к подруге, сидящей на стуле. Она смеется и что-то показывает на пальцах, бурно общаясь с парнем за стойкой.

— Что произошло, Мэг? Где ты была? — Я склоняюсь ближе к уху и задаю вопрос, хмурясь. Она закатывает глаза и отмахивается от меня.

— Керри, я что, в уборную не могу сходить?

Ее щеки вспыхивают сильнее, девушка возвращается довольным взглядом в толпу, после снова возвращаясь ко мне. Я обхватываю ее лицо руками за щеки, требуя сконцентрироваться на мне. Она смеется мне в лицо, перебегая затуманенными глазами из стороны в сторону. Я сглатываю и встряхиваю ее за плечи.

— Послушай, тебя чем-то накачали?

Слова медленно выходили изо рта. Сама не верю в то, что говорю. Смысла никакого не было в них, но это клуб и тут может случиться все возможное. Мэгги продолжала гоготать. Она наклонилась и чмокнула меня в губы, но я успела отвернуться, и ее губы обрушились на

щеку. Убираю с лица ее ручонку, морщась, отбрасываю волосы назад.

— Эй! — Зову бармена за стойкой, но он уже обслуживал другую девушку со светлыми тонкими локонами, проделывая игру с бровями еще и с ней.

— Эй! — Повторяю более громче и резче, на что он, наконец, оборачивается. Парень поднимает палец и подходит ко мне.

— Что тебе, малышка? У меня работа, если не видишь! — Рывкает он.

— Не знаю. — Говорю, облизывая пересохшие губы. Хотелось сделать сюрприз, но в итоге провалилась. Шумно выдыхаю и бросаю попытки оставаться на высоте. Запускаю пальцы в волосы, сильно сжимая.

— Я не знаю, — повторяю, поднимая обреченный взгляд на него, — она сказала, что была в уборной, а сейчас из нее даже слова внятного не вытащишь. — Я киваю в сторону Мэг и указываю пальцем на веселую девушка позади себя. — Посмотри на нее!

— Черт! — Прыскает бармен отчаянно. Он обгоняет стойку, возвращается с белым полотенцем на плече и блестящим ведром со льдом в правой руке. Бармен открывает прилавок, поднимает лаковый стол и кротко кивает в свою сторону, бегло оглядывая шумное помещение.

— Идем за мной. И подружку захвати.

Озираюсь на него в недоумении и в поиске ответов, которых так и не смогла найти. Он зашипел мне в лицо, отчего я подпрыгиваю.

— Ладно-ладно. — Сдаюсь, спрыгивая с барного стула. Подхожу к шатающейся подруге, размахивающей руками в стороны и что-то напевавшей себе под нос, при виде меня она улыбнулась и потянулась ко мне.

— Скиле-еф, я так тебя люблю! — Признается она, распевая каждое слово. Я киваю головой, обхватывая ее за плечи, даю ее тонким ручонкам обхватить мою талию.

— Да-да, знаю, Мэг.

Попробовала ее стащить со стула, но получилась так, что мы обе оказывались на полу.

Мэгги сильнее рассмеялась, и меня это уже стало постепенно раздражать, нежели смешить. Хмурюсь и всплескиваю руками, подтягивая пьяную подругу с грязного пола.

— Керри, эй, давай останемся здесь. Здесь так весело-о... — Протягивает подруга и рушится мне в объятия.

Господи, за что мне это чудо?

Она явно что-то выпила, если даже не в состоянии передвигаться самостоятельно.

На раскачивающихся ногах все-таки несу ее в сторону открытой двери, где нас уже ожидал высокий и сильно перекаченный бармен с бритой головой.

— Спасибо. — Кряхчу, обходя его с грузом на плече. Он качает головой, и дверь за мной закрывается.

— Не сейчас, малышка. — Говорит он, вздыхая. Он машет рукой, зовя за собой в сторону угла, где то горит свет, то снова угасает как светлячок.

— Куда ты нас ведешь? — Спрашиваю, поглядывая на Мэгги. Она играла с моими волосами как кошка с клубком. Парень поворачивается ко мне, переводит глаза на Мэгги, и слабо улыбается, отходя дальше от шума.

— В безопасное место.

Шествую за Громилой в полной тишине, удерживая на своих руках спящую Мэгги, могу учуять вонь ржавой воды и перегар от сигарет. Я морщусь и останавливаюсь. Что-то подсказывает, что то место, куда ведет нас Громила, совсем не безопасное...

— Эй... — Окликаю его, и спина парня напрягается. Он поворачивает голову, но не показывает своего лица. Совладав со своим бьющимся сердцем в груди, попятилась назад. Мэгги только что-то пробормотала, и мне пришлось обхватить ее покрепче, дабы не свалиться снова. — Скажи, тебе можно доверять? — Спрашиваю неуверенно, но он молчит. Молчание действует на нервы. Я хочу развернуться и убежать, но сдерживаюсь. Склоняю голову, терпеливо жду, пока он ответит. Но парень глубоко вздыхает.

— Можешь, но я не ручаюсь за остальных.

Он делает еще несколько шагов вперед по темному коридору. Я шмыгаю носом, поправляю Мэгги, но та лишь мычит сквозь сон. Затем подруга снова заваливается на мое плечо. Когда парень объявил об "остальных", я вошла в ступор. Что это значит?

Он резко останавливается и обхватывает меня за талию, прижимает к стене левой рукой и закрывает рот. Мэгги плашмя валится на грязный пол, и я вскрикиваю, расширив глаза.

— Тише! — Рывкает он, сузив глаза. Я кричу как могу, пока веки не переходят на стену. Точнее на блеклые тени на ней. Я затихаю и киваю. Он медленно, но все ещё с опаской в глазах, опускает руку и освобождает меня. Пока Тень вдалеке, он садится на корточки и берет Мэг на руки, затем машет головой в сторону.

— Идём. — Шепчет он. Я отрываюсь от холодного бетона и молча следую за ним. Куда он меня ведёт? Что за тень я видела?

Вопросы, вопросы, а ответа ни одного нет. Парень снова останавливается, медленно заворачивая в тёмный угол. Я, поглядывая на него, поднимаю озадаченно бровь. Громила кивает в сторону и смотрит напротив себя. Неожиданно какой-то звук привлекает мое внимание, и я вздрагиваю. Быстро подскакиваю на месте и бегу к Громиле, зажмурив глаза.

— Они должны быть здесь.

Мужской голос с ударом баса лепечет кому-то рядом. Тело натягивается как струна, поднимаю взгляд на парня с татушкой на шее. Он ставит Мэгги на ноги, но не отпускает полностью, придерживая её тельце за пояс. Правую руку Мэг перебрасывает одним движением к себе на шею. Он наклоняется, чуть сгорбившись. Накрывает свои губы указательным пальцем, побуждая меня к тишине. Я киваю и осторожно выпускаю груз из лёгких.

— Он точно их нашел или это его очередная идиотская шутка? — Спрашивает отрывисто низкий голос. На стене появляется вторая тонкая тень и по коже проходят мурашки. Расширив глаза, я прикрываю ладонью рот, чтобы не вскрикнуть снова. Парень накрывает мое плечо рукой, слегка сжимая, и предупредительно качает головой.

— Кто они? — Шепчу, наклоняясь ближе. Он снова качает головой, приближая лицо анфасом в мою сторону.

— Это чужаки. Они не те, кем кажутся на самом деле, малышка.

Его голос на секунду успокаивает, и я выдыхаю, закрывая веки. "Не те, кем кажутся на самом деле", — слова напоминают мне слова Уилла. Он говорил то же самое. Слово в слово. Я поворачиваю к нему голову, тщательнее вглядываясь в узкие щёлки.

— Не те, кем кажутся? — Переспрашиваю, сощуриваясь. Он молча кивает и подтягивает ближе к себе мою подругу. В голове все смешивается в одну густую кашу. Мотаю головой от непрошенных и навязчивых мыслей, сердце бьётся в быстром темпе. Боясь, что Чужие услышат, сжимаю ткань платья в кулаки, прячу голову в плечи. Я не понимаю, что происходит. Почему всегда со мной происходит что-то странное, не подвластное разумным

объяснениям? Что я не делаю или за что не берусь — все валится из рук. Или я теряю того, кто мне дорог.

Я безнадёжная.

— Малышка, все хорошо. Я говорил, что приведу вас в безопасное место.

Он пытается успокоить меня, пока я вжимаюсь в стену, мечтая слиться с ней навсегда. Часто моргаю и качаю головой.

— Со мной невозможно находиться вблизи. — Слова вылетают, будто раскаленное железо, обжигая горло. Я зажмурилась.

— Нет, это не так! — Он берет меня одной рукой за плечо и встряхивает. — Посмотри на меня.

Я открываю веки и вижу его лицо. Слабый свет от настенных лампочек падает на него, показывая морщинку между бровей. Левый глаз становится ярче, окрашивая его в тёплый шоколад. Зрачок его становится настолько маленьким, отчего меня берет в дрожь.

— Ты не виновата в том, что с тобой случилось. Просто такова судьба и с ней уже ничего не поделаешь. Нужно только смириться и принять это.

Он кивает и пристально смотрит на меня, ожидая, пока до меня дойдут его слова. Я долго молчала, бегая по острым чертам парня. Он выжидал, пока я произнесу хоть слово, но я не могла ничего сказать. В голове рой шмелей, которые жалят все сильнее, и с каждым разом становится не по себе. Хочу свернуться в клубок и выпустить пар, но не могу. Качаю головой и моргаю, вдыхая тяжёлый воздух, пусть даже не такой чистый.

— Я не могу... Не могу отпустить. — Говорю ему, и голос дрожит. По щеке катится горячая слеза. Парень качает головой и пожимает плечами.

— Тебе придётся, малышка. — Говорит он тихо и замолкает, отстраняясь. Его рука опускается на моё плечо, я скатываюсь по скользкой стене, закрывая лицо.

Тени приближались. Рвотные позывы становятся все невыносимее сдерживать. Проглатываю ком, встаю на ноги и выхожу в свет. Больше не могу сдерживать накопившийся гнев на весь этот мир.

Парень зовёт меня вернуться обратно, но я не слушаюсь. Когда выхожу в коридор, правая нога задерживается на чем-то железном, похожем на капкан. Стон вырывается из губ, я падаю на колени. Мужские голоса становятся отчётливее с каждой минутой. Сердце бешено kloкочет в груди. Пытаюсь освободить себя, но все попытки оказываются тщетны.

— Чёрт,

вернись! — Шипит парень позади. Он ковыляет с Мэгги ко мне, приседает на корточки, оставляя спящую подругу в углу. Она даже не шевельнулась, и её голова рухнула на каменную стену. Морщусь от адской пульсирующей боли, пока парень преодолевает расстояние между нами.

— Не двигайся. — Предупреждает он и берётся за полукруглые железяки, расправляя их в стороны. Железо с трудом открывается, пока острые шипы на концах не освобождают ногу. Боль становится невыносимой, морщусь, ощупывая красную кожу.

— Переживешь, — бросает он, выбрасывая капкан подальше от нас, — скорее всего, пока мы скрывались, они расставили их, чтобы позже найти мышь, идущую за своим сыром.

Парень глазами бегло смотрит вдоль коридора, где тени, похожие на свечи, играли на стенах, а затем снова на меня. Я прохожу дальше, пока он в очередной раз не окликает меня.

— Ты не слышала меня? — Повторяет резко бармен, но сдерживается. Я оборачиваюсь к нему и скрещиваю руки на груди.

— Кто они? Кто эти люди, о которых ты говоришь?

Я пропускаю его вопрос мимо ушей и вместо ответа задаю свой. С меня хватит недомолвок и секретов! Он встаёт на ноги, скрывается в темноте, однако через минуту появляется снова, удерживая Мэг у себя под боком. Парень приседает и берет её на руки, оглядывает её лицо снова и обращается ко мне.

— У меня к тебе предложение: я прячу вас, а ты не задаешь вопросов. Или я тебя отпускаю, но твою подружку, он перебегает глазами на мою подружку, оставляю здесь.

Я подхожу к нему ближе и всматриваюсь в лицо. Он мне кажется знакомым, но сложно понять точно. Разум в мутной паутине.

— Кто ты такой вообще? — Вздернув брови, шиплю. Он лениво улыбается и снова оглядывает, с опаской, помещение.

— Так что ты выбираешь, малышка?

Я нагло молчу и не могу произнести и слова. Я не уйду без неё, даже если придётся платить собственной жизнью. Плевать. Хочу вернуться домой, но не в одиночку.

Обречённо киваю головой, выдыхая. Порой делать выбор так сложно и нелегко. Но если его не сделать, то в итоге останешься ни с чем. Я прочищаю горло для чёткого вердикта:

— Хорошо.

— Хорошо это значит, ты согласна? — Переспрашивает он, ухмыляясь. Ещё раз киваю и на время перестаю дышать, когда замечаю его зловещую искру в глазах. Он широко улыбается и начинает приближаться ко мне.

— Тогда не отставай.

Молчание снова повисает над головой, я не могу произнести ни слова и снова иду за ним. Меня мучали сомнения: почему именно я? Что будет со мной? Порой мне кажется, что я — ходячая катастрофа.

Повсюду каменные стены, слабый свет светит с настенных ламп, на некоторых даже висит паутина. В других местах лужи, образованные от висящих сверху дырявых труб. Делаю шаг и, не замечая, снова наступаю в лужу. Вдруг, слышится, как крякает ключ и тяжёлый замок открывается.

— Мы пришли? — Спрашиваю тихо, озираясь по сторонам. Дверь открывается, и парень входит вместе с Мэг внутрь.

— Теперь да. — Проговаривает он и включает свет в чёрной дыре. Свет поочерёдно включается и освещает место. На потолке металлические трубы, поверх них висят цепи, в углу стоит поношенный серый диванчик, занимая довольно много пространства. Стены обклеены различными плакатами и обрисованы непонятными символами и прочей ерундой, схожей с той, когда маги вызывают духов. По коже моментально прошёл рой мурашек, когда замечаю небольшую клетку в форме квадрата.

— Что это?

Я подалась назад и мельком взглянула на Змею. Громила подталкивает боком дверь и, когда та захлопывается, он проходит к поношенному дивану, бережно кладет тело Мэг и аккуратно вытягивает её ножки, освобождая ступню от темно-красной туфли. Он оборачивается ко мне, всматривается в сторону моего пальца и ухмыляется.

— Не обращай внимания.

Парень скрывается за какой-то тёмной дверью. Через минуту снова заходит в комнату, удерживая на руках белоснежное одеяло с чёрными тонкими буквами, и кивает на железный квадрат позади меня.

— Это старая шутка. — Он накрывает одеялом похрапывающую Мэгги.

Я прохожу мимо клетки, сжав кулаки. Когда оказываюсь в другой части этого до жути странного места, изо рта выходит вздох изумления. Напротив меня на всю стену красуется надпись на непонятном древнем языке. Красный цвет был повсюду, а вокруг этой надписи плясали многочисленные символы, которые я видела, когда только вошла сюда. Пытаюсь найти выключатель, но кроме чёрного пятна и изогнутых силуэтов ничего не вижу.

— Тебе здесь нельзя находиться! — За спиной слышится грубый голос парня. Я вздрагиваю и подскакиваю на месте, прижимая руки к груди.

— Что...

Я начинаю растерянно оборачиваться и вглядываться в силуэт. Вижу, как он подходит ко мне, сливаясь с темнотой как одно целое. Снова иду назад, но натыкаюсь спиной на стену, облезлую и неприятную на ощупь.

Чувствую тёплое, чистое дыхание на своих волосах и чья-то рука прижимается к моему левому запястью. Вздрагиваю, пытаюсь не закричать.

— Здесь тебе не место. — Шепчет он все также грубо, но медленнее. Закрываю веки, зажмуриваюсь и снова, как в лихорадке, открываю их.

— Это не сон, малышка.

Голос знакомый. У меня подкашиваются ноги, но рука на запястье сжимается сильнее.

По коже идёт некое жжение, будто я дотронулась до крапивы. Шиплю, но хватка не слабеет, а только усиливается.

— Как ты видишь, что я делаю... тут же темно?

Слова выходят из меня с трудом, и я качаю головой в неверии. Голос с минуту молчит и мною овладевает паника, сердце замедляется, и я пытаюсь вырваться, но рука на запястье не даёт прохода. Снова вырываюсь, но из темноты расходится рев, похожий на животный, и я застываю. Прижимаю голову в плечи, надеясь, что меня он не съест.

— Я знаю это помещение, как свои пять пальцев, и не надо задавать вопросов. — Голос затихает. Слышу, как он сглатывает. — Ты обещала.

Я снова брыкаюсь, и пытаюсь подать голос, но его нет. Будто что-то вкололи в кожу или перекрыли ход действиям.

Медленно моргаю, чтобы не позволить темноте забрать себя, но выходит вяло. Рука на запястье ослабевает хватку. Чувствую, как меня берут на руки и крепко сжимают в своих объятьях.

— Ты должна поспать. — Говорит Голос, но уже чуть теплее, чем прежде. Я отрицательно качаю головой и бью по крепкой груди парня. Но с каждым разом удары становятся слабее, а тупая боль отдается в костяшки пальцев. Свет озаряет его лицо и, моргая через силу,

разглядываю его черты. Брови вздымаются вверх, когда я узнаю его. Губы соединены в жёсткую линию, узкие глазенки парня сощурены, когда он смотрит вперед. Я обхватываю его за шею, другой рукой лениво провожу пальцем по подбородку и части открытой кожи, где я замечаю чёрные чернила. Тело парня дрожит. Я перевожу глаза и хмуро гляжу на него.

— Я, кажется, знаю тебя. — Произношу тихо. Веки уже готовы закрыться, но я все еще молю себя не засыпать. Лицо Громилы становится непроницаемым: челюсть вытягивается, глаза прищурены, один уголок губ приподнимается вверх. Он вытаскивает откуда-то одеяло и накрывает меня.

— Ночью всегда и всем кажется. — Лепечет он, вставая на ноги. Но только парень пытается отдалиться, я хватаю его руку и сжимаю, насколько хватает сил. Он останавливается, все ещё держа меня за руку. По моей ладони проходит тепло, глаза дрожат.

В голове столько мыслей и вопросов, на которые я хочу знать ответы, но слова заплетаются на языке, и я зеваю, прикрывая другой рукой рот. На лице парня появляется улыбка, и он сжимает мою руку. Снова отходит, но мои пальцы не позволяют. Он оборачивается и разглядывает мою руку, не смотря в глаза.

— Пообещай мне одну вещь. — Подавляя очередной зевок, шепчу я. Он склоняет голову набок и прищуривается.

— Что именно? — Спрашивает он, поглаживая мои пальцы. Уголки губ приподнимаются вверх, когда смотрю на его светлую половину лица.

— Дай слово, что не сделаешь ей больно. — Просьба выходит словно пар. Я поворачиваю голову к подушке. Чувствую теплоту на щеке и скрип двери, когда окончательно растворяюсь в темноте, падая в бездну и мир грез.

Тёмное помещение. Из узких щёлок просачивается жёлтый свет и вмиг исчезает. По моей коже проходят мурашки, как электрический ток. Обхватив себя руками, медленно иду на свет. Что это? Что за свет по ту сторону, который так и манит?

Я осторожно приоткрываю дверь, прищурившись смотрю в комнату, где двое солидных

на вид мужчин и маленькая девочка сидят на невысоком стуле и о чем-то шепчутся. Кто они? О чем они говорят?

— Нам надо быть тише, мы можем ее разбудить! — Предупреждает мужчина в пятнистой рубашке и приглаженными, будто гелем, блондинистыми волосами. Девочка с ангельским личиком и ярко голубыми глазами молча поднимает руку вверх и качает недовольно головой.

— В этом нет смысла. — Говорит она и смотрит на каждого, медленно всматриваясь. Её взгляд пробирает до дрожи. — Рано или поздно она об этом узнает.

Уголки губ девочки криво приподнимаются. Я отступаю назад, чтобы не заметили. Запрещаю себе кричать, но звук позади меня пугает, и я вскрикиваю. Пара тёмных и ярко голубых ледяных глаз замечают меня. Они встают, постепенно становясь ближе и ближе. Они повсюду. Мне негде спрятаться. Парень с приглаженными волосами становится ближе и протягивает руку, кивая головой в доверительном жесте и уверяя, что ничего не сделает.

— Идём с нами, Керри.

Меня трясёт. Я не могу произнести и слова. Мне страшно.

С вами когда-нибудь такое случалось? Когда вы не знаете, где находитесь, и от случившегося мурашки по коже. А когда просят что-то рассказать, у вас наоборот не находится слов? То же самое происходит и со мной. Не знаю, где я и кто они. Качаю головой и закрываю сильно глаза, пытаюсь остановить поток непрошенных слез.

— Керри, это ты? — Зовёт меня знакомый, как мёд на вкус, голос. Осторожно открываю глаза и вижу перед собой Тень с непроницаемым взглядом. Ничего кроме серых глаз и тёмного плаща не замечаю. Кто он? Я киваю. Тень искривляется, и я вздрагиваю. Повсюду одно белое покрывало, с неба падают крупные снежинки, доставая до меня и тая при соприкосновении.

— Я не знаю вас! — Говорю Тени, осматривая ее. Прохожу вокруг тёмного пятна, пока она молча наблюдает за мной. Почему-то с ней мне спокойнее, и даже чувство паники нет. Тень снова колышется и также медленно ходит по кругу.

— Мы просто ещё не встречались. — Она снова искривляется и замирает. — Знаешь, есть люди, которым не стоит верить и доверять самое сокровенное.

Я хмурюсь, но молчу в ожидании.

— С ними как с огнём: если долго держишь в руках, в скором времени можешь получить ожоги.

Тень снова движется, набирает обороты, и с каждым шагом я задыхаюсь. В горле встаёт ком, перед глазами резко темнеет и по всему телу молниеносно проходит дрожь, как сильный ветер зимой обдувает твоё лицо, выжигая открытую рану. Хватаюсь за горло, колени подгибаются, и я падаю на белое снежное покрывало.

— Кто ты? Что тебе нужно? — Хриплю, не в силах поднять головы. Тень ускоряется, и я падаю, образуя форму эмбриона, на холодный снег.

— Эх, Керри, если бы не ты, то не было бы этой войны...

Его слова вертятся в голове не переставая, пока не достигают крика, и я затыкаю уши. Наконец, вздрагиваю, в последний раз осознавая, что крик, который терзает уши — мой собственный.

— Керри, очнись!

По ту сторону кричит взволнованный голос. Перед глазами все плывет, и я медленно открываю сначала один глаз, затем второй.

— Эй, ты нас напугала! — Говорит парень с бритой головой, лукаво улыбаясь мне. Я хмурю брови и встаю с постели, осматривая комнату.

— Нас?

Парень кивает в сторону двери, где горит свет, я пожимаю плечами. Поворачиваю голову к двери и улыбаюсь. Передо мной стоит Мэгги в целостности и сохранности. Она опирается одним плечом о косяк двери и сощуривает глаза, когда видит меня.

— Тебе снился кошмар, и ты кричала. — Говорит она, делая шаг. Недоуменно смотрю, отрицательно качая головой. — Ты меня сильно напугала, и я прибежала сюда.

Она садится на край шаткой кровати. Показываю на парня позади неё, ухмыляясь.

— Захватив в придачу и этого Громилу? — Смеюсь, но получается хрипло. Мэгги ударяет меня в плечо кулачком, но все равно еле-еле улыбается.

— Если бы не он вообще-то, то я бы тебя не вернула.

Девушка с минуту молчит и кивает в сторону парня. Она опускает плечи и из её горла вырывается разочарованный вдох.

— Мне было страшно. Без него я бы не справилась.

Я качаю головой, и сжимаю крепко плечо подруги.

— Это уже неважно.

Мэгги удивленно смотрит на меня, затем притягивает к себе и сжимает в объятьях. Кошмар это был или очередной непонятный сон — мне все равно его не разгадать. С самого детства мне снится что-то неизвестное. Порой, даже труднообъяснимые вещи. С каждым разом, по мере моего взросления, у снов появлялись краски, некоторые были настолько реалистичными, что сначала не понимаешь, где ты и что происходит.

Я путала действительность с миром иллюзий: реально ли это или это был сон?

Каждый раз, когда ложилась спать, появлялась в другом месте. И каждый раз в новом. Иногда меня трясёт до чертиков, когда открываю глаза от очередного кошмара. Или пытаюсь проснуться, борясь с туманом перед собой. Однако, со временем поняла, что, рассказывая это другим, в результате становишься человеком с повернутой психикой. Если молчать и не говорить об этом, кошмары сами собой исчезнут. Но это была ошибка. Теперь я окончательно запуталась.

Через пару часов, полностью потеряв счет во времени и днях, Мэгги снова излучала теплоту из сердца и энтузиазм изнутри. Мы сидели на облезлом диване, и я слушала ее чирикание. Она спрашивала Громилу, откуда он, но тот лишь усмехался и потер грудь, как будто его терзал зуд. Когда он отошёл в сторону, лицо Мэг преобразилось. Брови нахмурены. Она молча барабанила тонкими пальцами по своему плоскому животу и смотрела в одну точку.

— Я ничего не помню. — Начала она, бормоча под нос. Я оглядываю её с ног до головы.

— Ты правда ничего не помнишь? — Она качает головой и вздыхает.

— Ты достаточно выпила, и мне пришлось везти тебя всю дорогу на спине, пока мне не помог Он. — Я указываю пальцем на парня за стеной. — Он и привёл нас сюда. Он сказал, что это наше временное убежище. — Я замолкаю, когда глаза Мэг расширяются. Она резко встаёт и начинает, к моему удивлению, громко смеяться.

— Что, убежище? — Она охватывает рукой все помещение и фыркает. — Это Богом забытое место?

Я неуверенно киваю. Хмурюсь и пытаюсь совладать с собой, чтобы помочь ей. Усаживаюсь удобнее, и наблюдаю за её действиями. Она садится рядом и поправляет одежду.

— Мэгги, ты хоть что-нибудь помнишь? — Задаю вопрос еще раз. Её лицо резко становится серьёзным, надевая маску. Она смотрит сквозь меня, и я замечаю, как на её глазах появляются слёзы. Мэгги быстро кивает, закрывает глаза и рушится на диван.

— Я помню один туманный момент, когда я вышла в уборную. — Её слова постепенно переходят на шепот.

— Когда я поправляла макияж, заметила чужую тень. Сначала думала, что это очередная девушка, но не подавала все равно виду. Когда я закончила и уже хотела выйти к тебе, меня крепко схватили за запястье и развернули к двери. Я ударилась затылком. Не знаю, кто это был, — Она начинала всхлипывать и качать головой. — Но он...

Девушка начинает плакать, и речь прерывается. Я осторожно накрываю рукой её плечо, и начинаю трясти, моля о том, чтобы она продолжала.

— Мэгги! — Прошу её. — Скажи, что он сделал с тобой?

Мэг качает головой, но только после нескольких секунд вытирает слезы с глаз. Медленно поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза, не отрываясь. По моей коже проходит табун мурашек, но я не показываю этого.

— Он сказал, чтобы я кое-что передала тебе. — На полном серьезе говорит она. Не могу шевельнуться. Я молча смотрю на неё и хватаю ртом воздух, как рыба.

— Что именно он сказал? Кто? Что он хочет мне передать?

— Я не помню его лица, но... голос был грубым.

Она вздыхает и только её рот открывается, на пороге появляется Громила. Мэг снова натягивает улыбку до ушей и отстраняется от меня. Я озадаченно вглядываюсь в неё, но она отмахивается и поднимается на ноги, удаляясь на несколько шагов.

— Так что, расскажешь мне свою историю? — сладко повторяет ему Мэгги.

Из дальнего угла слышится резкий стук. Я вздрагиваю. Кого принесло сюда? Как кто-то мог найти это место?

Темно. Лишь тусклый свет фонарика виден из соседней комнаты. Я встаю с кровати, босыми ногами бесшумно иду на свет.

Стуки по двери продолжают. Волоски встают дыбом, сердце уходит в пятки и, с каждым приближением к выходу руки начинают дрожать.

Свет от фонарика замирает на месте, но не спешит отключаться. Я опираюсь плечом к двери, и пытаюсь разглядеть в темноте, кому это не спится. После долгой истории о своём детстве Громила отключился, и Мэг отправила меня спать. Он рассказывал, что недалеко от этого места живут его друзья, которые тоже скрываются под масками обычных людей. Значит это его маска. От кого он прячется? Мне даже не верится, что сейчас это происходит со мной. Порой я не замечаю как летит время...

— Эй, кто там? — Кричит басом Громила. Кидаёт осторожный беглый взгляд в мою сторону, кивает мне в комнату, откуда я пришла, и снова проходит мимо. Вместо того чтобы уйти назад, сжимаю кулаки и, тихо подстраиваясь под его нелепые медвежьи шаги, прячусь за его спиной.

Дверь с шумом открывается. Последние ржавые петли вылетают из своих мест. Перед нами стоят три не Бритые Головы, лица которых скрыты в крошечной тьме. Я прижимаю руки к себе, вклиниваясь всем телом к парню с фонариком. Кто они?

Скорее всего это мой очередной детский кошмар. И сейчас я открою глаза, и все исчезнет. Я зажмуриваю веки, и считаю медленно до пяти.

Один...

Громила находит мою ладонь и сжимает, от чего я морщусь. От трех голов снаружи разбивается свет огня со стороны. Чувствую холодок на своей талии, сжимаю губы.

Два...

Свет фонарика гаснет. Слышится крик Мэгги. Резка, сковывающая, будто в тисках, боль ослепляет.

Три...

Чей-то низкий голос называет мое имя, я слышу хлопок двери.

Четыре...

Почувствовав невесомость под ногами, я открываю глаза и понимаю, что меня подхватили на руки и резко перевернули на чье-то массивное плечо. Шлепок по заду и голос Громилы, полный уверенности и власти.

— Они не получают ее! — Я вскрикиваю.

Пять...

Краем глаза замечаю силуэт Мэгги, быстро исчезающий перед глазами, и снова появляющийся в поле зрения. Что она делает? Зачем ей одеяла?

Детский счет не помогает. Выдыхаю, и неожиданно меня охватывает паника. Кто эти люди и что им нужно? Кто меня хочет забрать? Колочу кулаками по широкой спине Громилы, извиваясь в его руках.

— Пусти, сейчас же!

Рука Громилы скользит по талии, и через минуту я стою на ногах, хотя чувствую, что

вот-вот готова упасть. Глаза встречаются с его карими щелочками и, кивая, быстро оглядываюсь через плечо. Три Бритые не знакомые Головы смотрят на меня голодным взглядом, пожирая. Я возвращаюсь к Громиле.

— Кто эти люди? — Удивленно спрашиваю, но мой голос тихий. Парень качает головой, выдыхает мне в лицо и двумя пальцами давит на переносицу.

— Боюсь, ты не поверишь.

Он делает шаг в мою сторону и наклоняется, чтобы находиться на уровне со мной. Все в теле дрожит, сердце перестает биться. Это был не сон.

— Если эти люди приходят, значит дела обстоят куда серьезнее и гораздо опаснее. — Он склоняет голову, упираясь руками в колени. Еще какие-то миллисекунды собирается с силами, борясь с собой, пока я стою ошарашенно, осмысливая его слова.

Снова бросаю гневный взгляд через плечо и оглядываю каждого внимательнее. Один одет во всё чёрное: его голову покрывала черная плотная ткань, на щеке, будто от туши, полоса, прорезавшая половину угловатого лица.

Второй оказался ниже Номера Один. Он смотрел, казалось, через меня, но когда Второй ловит меня на том, что я его разглядываю, хмыкает и отворачивается.

Последний парень, третий по счету, стойко стоит на одном месте. Чуть ближе к Громиле, но чтобы он что-то говорил, я этого не припомню. Хотя, как могу судить, если ничего не видела? Он кротко кивает кому-то позади меня и ели уловимая улыбка кажется на светлой части его лица.

— Нам нужно брать ноги в руки и сваливать отсюда! — Молвит парень, окутанный во все чёрное. Я хмурюсь и озадаченно перевожу на него взгляд.

— О чем ты?

Парень Номер Один глядит на меня, и в его глазах вспыхивает огонь неприязни. От его взгляда все внутренности сжимаются. Он указывает на меня пальцем и прищуривает глаза.

— Пустому месту право слова не давали! — Плюет он в мою сторону. Чувствую, как дают пощечину. Отворачиваюсь, чтобы он не успел заметить, как слезы катятся по моим щекам.

Парень с тату берет мою руку и крепко сжимает. Опускаю голову на наши сплетенные пальцы и выдавливаю слабый смешок. Большим пальцем сквозь темноту он сдавливая слезу и смахивает ее. Всхлип разочарования выходит из горла, когда качаю головой, высвобождая руку из его хватки.

— Эй, Фил, ты оглох? Нужно валить из этой дыры. — Слышится рывканье за моей спиной. До меня доходит, как два плюс два, почему его лицо кажется мне все время таким знакомым.

От тумана в глазах и временного помутнения разума память на несколько часов отшибло напрочь. Вдруг чувствую, как с меня слезает стена пьянящего дурмана и глаза расширяются.

— Фил... ты? — С дрожью в голосе спрашиваю и отхожу назад. Он кивает в знак согласия и по моему горлу выходит все то, что ранее когда-то глотала. Морщусь. Он снова хватает мою руку и притягивает к себе, но я вырываюсь на волю. Парень качает головой, в глазах явный страх.

— Нет, Керри... — Он опускает глаза и сглатывает. — Ты должна поверить мне.

Выпускаю руку и шиплю от гнева. В ушах звенит, внутренности стягиваются в узел. Руками накрываю живот, будто защищаю что-то ценное, пока не понимаю очевидного. Вижу

паническое, как при нехватки воздуха, лицо Фила. Он тянет меня в сторону выхода, другой рукой держит черный потрепанный рюкзак.

Во мне вспыхивает картинка, как Мэг недавно пробежала мимо. Я начинаю искать ее и заглядываю во все углы, пока не нахожу красное личико девушки. Она сидит на спине у парня Номер Один. Она крепко прижимается к нему, но лицо не разглядеть. Она прячется за его спиной как за стеной. Меня снова манят куда-то вперед в неизвестном направлении, пока красный уголок лица Мэгги не исчезает совсем. Куда вели нас? Что будет, когда придем, и от кого так бежать?

Моё сердце бьётся с каждым шагом быстрее. Сжимаю крепче руку Фила, дабы не увязнуть в тягучей мокрой земле. Он ускоряет шаг до бега и осматривает меня через плечо, прищуриваясь.

— Только не отпускай мою руку! — Кричит он против ветра. Я киваю и сжимаю его руку в ответ.

Холодный ветер бьёт по лицу, над нашими головами сгущаются тучи и уже через две минуты начинает накрапывать дождик. Вид перед глазами расплывается в одну точку, чувствую, как меня покидают силы. Хочется кричать и плакать одновременно. Такое вообще возможно?

Чавканье под ногами прекращается. Слышу топот наших ботинок по мокрому асфальту и шлепанья по лужам. Фил останавливается. Шелест позади настораживает меня, и я быстро оборачиваюсь с выпученными глазами на зелёный хвойный лес.

Когда вижу приближающийся силуэт, вскрикиваю и сжимаю в кулак рубаху Фила, прячась как ребёнок. Послышался гортанный смех. Его грудь вздымается под моей головой и снова опадает. Тёплая рука парня хлопает меня по плечу, пытаюсь оторвать от себя.

— Не бойся ты так, все в порядке. — Он кивает в сторону двоих парней в пограничной форме, и улыбается. Выдыхаю и, ослабевав хватку, подхожу к двойке.

Один из двоих бледный, как лист бумаги. Из его макушки лезут тёмные волоски и сейчас он похож на лесного ежа. Второй парень обладал смуглой кожей, тёмными глазами, готовыми просверлить дыру в ком угодно, а на голове торчит небольшой хохолок. Виски парня выбриты какими-то замысловатыми полосами, теряясь сзади на затылке.

— А где Мэгги? — Я пробою искать её глазами, заглядывая за спины ребят. Но парень под Номером Один, видимо, не хотел быть пойманным. Я поворачиваюсь к Филу, и качаю головой.

— Только не говори, что с ней что-то случилось! — Предупреждаю, махая перед ним пальцем. Как только он открывает рот, его глаза расширяются. Парень делает два больших шага вперёд, незаметно отстраняя меня в сторону, сам же выходит к Пограничникам, заслоняя меня спиной.

Я озадаченно испепеляю его затылок. Однако, когда взгляд падает на некую дрожащую тень, челюсть отвисает. Он несёт на руках Мэг. Сердце останавливается, когда замечаю, что она не подаёт никаких признаков жизни, её глаза сомкнуты, лицо багровеет. Я разом отпихиваю Защитника с татушкой змеи в сторону, и бегу к подруге, падая на колени.

— Что произошло с ней, Раш? — Спрашивает Фил, оглядывая лицо Мэгги в полном спокойствии.

Когда из леса вышел третий парень в чёрных тряпках, Фил велел отнести немедленно девушку в грузовик. Фил был хладнокровен во всем дальнейшем процессе, остальные парни были его помощниками в осмотре, пока я сидела в салоне грузовика и наблюдала за спасением жизни Мэг. В один миг нитка оборвалась и теперь я, как заблудшая душа в этом мире, ищущая свое место.

Как оказалось позже, самый высокий парень с черной полоской на щеке — Раш. Я до сих пор не знаю, что случилось с Мэг, и как он смог допустить такую оплошность. Меня временами колотит, как на электрическом стуле. Что с ней? Может она чем-то отравилась?

Когда мы находились в "Берлоге", она выглядела скрытной по отношению к личным проблемам, включая тот инцидент с уборной. И как вернуть ей ту радость?

Я сижу на переднем сиденье и смотрю на одинокую дорогу. Снова начинает стучать дождь по окнам, будто чьи-то слезы. Вздрагиваю от прикосновения к своему плечу, и поднимаю глаза, брови соединяются в одну линию на переносице.

— Она тебя ждёт.

Раш кивает в сторону задних сидений, на приоткрытую дверь грузовика. Я молча киваю смачивая пересохшие губы, и встаю. Рука покоится на ручке дверцы, когда голос Раша останавливает. Замираю, но не поворачиваюсь, оставаясь смотреть на свои пальцы.

— Прости меня за слова, которые я тебе выплюнул там. — Он с минуту молчит, и я наслаждаюсь тишиной. — Просто забудь, как страшный сон, идёт? — Слышу в его голосе нотку издевательства.

— Возможно, я забуду, но в памяти это останется навечно. — Слова вылетают на одном дыхании. — Все равно, как ни старайся, но то, что говорят люди - остаётся как осадок внутри.

Делаю шаг и оставляю его сидеть с открытым ртом. Нам приходится или проглотить обиды, начав жизнь с чистого листа, или же жить со шрамами.

Приглушённые голоса слышались даже отсюда. Маленький фургончик с внутренними компактными комнатами, биотуалетом и кухней при входе не мог утаить секреты.

Подхожу ближе, прислушиваясь. Из другой комнаты доносятся голоса на повышенных тонах.

— Я говорю, что это опасно! — Твердит Фил и неприятный стук, видимо, по твёрдому предмету, доносится до моих ушей.

— Ты же даже не знаешь, что я хочу тебе предложить! — Возмущённо лепечет тихий мужской голос.

Смешок.

— Поэтому и говорю, что это опасно. Я догадываюсь, что ты хочешь предложить.

В ответ тишина. Слышу шёпот, но не понимаю, что они произносят.

— Нет! — Внезапный рев Фила пугает. Пальцы дрожат от вибрации, исходящей от двери. Поэтому прижимаюсь к ней теснее.

— Я этого не допущу!

Я хочу отступить назад, но дверь резко распахивается, и я валюсь с ног. К счастью, вместо холодной поверхности оказываюсь в руках Фила. Его глаза становятся пяти рублевыми, неприкрытое удивление видно невооружённым глазом. Рот, как у рыбы, открывается и захлопывается.

— Керри, что ты тут, чёрт подери, делаешь? — Рычит он. Я высвобождаюсь из его рук и поправляю одежду, отступая на шаг.

Нервно кашляя, быстро перевожу взгляд с него на парня Хохолка, который с азартными глазами явного игрока разглядывает меня, будто что-то потерял.

— Я пришла к Мэгги. Раш сказал, что она хочет видеть меня? — Последнее слово выходит совсем ровно и скорее как вопрос, нежели утверждение. Фил косится на парня с хаером и чешет затылок.

— Он сидит с Мэгги, Керри. — Говорит Фил в недоумении и, склонив голову, сощуривает глаза. Он обхватывает мое плечо.

— С тобой все нормально?

Я хмуро гляжу на его лицо не в состоянии понять, что он только что сказал. Что значит сидит с Мэг? Кого же тогда я видела и с кем разговаривала?

Как безумная смотрю по сторонам, пятаюсь все дальше от парней. Качаю головой и, как только спиной чувствую холодный металл, ноги подкашиваются. Скатываюсь вниз, запуская пальцы в волосы.

Нет, этого не может быть...

Тепло окутывает щеку, большой палец поднимает моё лицо за подбородок, и я встречаю Фила. Он молча смотрит в мои глаза, пытаюсь разглядеть что-то.

За последние несколько недель я потеряла смысл. Во всем. Теперь для меня каждый следующий день, каждое новое утро и конец дня — сплошное пятно. Не могу чувствовать ничего: ни страха, ни радости даже за кого-то, ни печали. Даже если бы и хотела... В результате ни-че-го.

— Керри, послушай меня. — Просит Фил, осторожно поглаживая меня по щеке. В его глазах вижу собственное отражение. В нем читается чистый страх. По щекам катятся слёзы, оставляя видимые следы на коже. Его лицо искажается мукой, он качает головой.

— Я понимаю, что ты напугана. Все мы здесь в подвешенном состоянии. — Пальцы парня перемещаются на мои плечи и сжимают их.

— Ты не виновата в том, что с тобой произошло. Это обычная случайность.

— Но... — Я пытаюсь возразить, но парень поднимает палец вверх.

— Ты говоришь, что Раш тебе сказал, Мэгги тебя хочет видеть? — Интересуется он. Я озадаченно киваю. В горле горький спазм, глотать больно. По лицу Фила пробегает тень смирения. Он кивает, принимая решение, и поднимает меня.

— Ладно.

Он обхватывает мои плечи и притягивает к себе. Я не сопротивляюсь и, обессиленная, в сонном бреду, ковыляю за ним.

— Тебе нужен отдых.

Он уводит меня в угловую сторону. Железная дверь, как на космических кораблях, открывается. В голове крутятся вопросы. Сомнения вперемешку с нервозностью плывут в одном потоке. Желая разобраться во всем, но крепкие руки удерживают мой порыв.

— Фил, я должна разобраться, что со мной происходит, я должна...

Я начинаю вырываться, но он сжимает руки сильнее и укладывает на полукруглое кресло-кровать. Тёмные стены постепенно плывут перед глазами, веки дрожат.

— Когда придешь в себя, мы во всем разберёмся. — Уверяет он и незаметно отходит назад, пока не скрывается в темноте.

Перед глазами стоит неопиcуемый вид: колеса мчатся вперед в неизвестном направлении со скоростью света. Мне остаётся только держаться за верхние поручни. Рядом сидит Фил и играет с Горби. Он пытается словить его руку, как зверек. Парень с хаером как у заядлого музыканта читает потрепанную книгу. Парень, похожий на ежа, ведёт фургон, никуда при этом не сворачивая.

Я наблюдаю за Животным и размышляю, что же с ним приключилось, но ничего нормального в голову не приходит. Он корчится около Фила, прыгает, но что-то ему явно мешает. Фыркаю и отворачиваюсь к окну.

Хвойные деревья рядами плывут перед глазами, слышу шелест листьев и проезжающих мимо нас легковых машин. На небе не одного серого облачка, и я понимаю, что сегодня будет жарко. Солнечные зайчики прыгают по всему салону.

Я не слышала больше ничего от Мэгги, кроме того, конечно, что она до сих пор спит, и заходить к ней запрещено. Раш по-прежнему сидит возле неё и следит за состоянием девушки. Что с ней произошло конкретно, никто не говорит. Я в неведении уже второй день. И это меня напрягает. Головная боль разбивает черепушку, я тихо прохожу через весь салон и плюхаюсь на переднее сиденье, поджимая под себя колени.

— Что, они тоже тебя достали? — Со смешком в голосе спрашивает Ежик. Я поворачиваюсь к нему лицом и киваю, улыбаясь.

— Есть немного.

Больше он не говорит и продолжает сверлить глазами дорогу, временами сжимая кожаный круг. Я смотрю на лобовое стекло и считаю белые полосы на асфальте.

Когда счёт доходит до ста, бросаю это дело и снова наблюдаю за водителем.

— Как твоё имя? — Интересуюсь, все также сидя в кресле. Он бросает на меня игривый взгляд и снова обращается к дороге.

— Ты флиртуешь со мной? — Он смеётся и подает газу. Качаю головой и отворачиваюсь.

Придурок!

— Почему, если пытаешься быть вежливым, то все думают, что ты флиртуешь? — Вопрос больше относился ко мне, нежели к нему. Однако истошный вздох вырывается из моего горла.

— Наверное, некоторые просто забыли, что такое вежливость. — Скорость снижается до минимума. Парень молчит и только барабанит пальцами по кругу, бегая глазами от меня и снова на окно. Он вздыхает и цокает языком.

— Йорки меня зовут. — Отвечает он и слабо улыбается.

Я открываю окно, и лёгкое дуновение теплого ветерка обжигает лицо. Хватаю ртом воздух и закрываю веки. Нервы на грани, хочется выпрыгнуть отсюда. Из жизни. Чувство вины не хочет покидать меня. Если бы этого ничего не было, то Мэг сейчас по-прежнему продолжала излучать юный свет и радоваться каждому дню. Все было бы, как и раньше...

— Что с Мэгги? — Спрашиваю его спустя минуту. Меня терзают сомнения и бессмысленные догадки о том, что с ней. Йорки смотрит на боковое зеркало.

— Она сейчас спит. — Он ухмыляется, явно начиная нервничать, и качает головой. — Я не был там, Карри.

Йорки поднимает брови и заворачивает. Мне приходится ухватиться за поручень, чтобы не слететь. Он смеётся и по коже проходит холодок. Хмурюсь и закрываю окно.

— Тогда... откуда вы все знаете, как меня зовут, если я вас впервые вижу? — Парень поднимает брови вверх.

— Ты та, кто поможет нам. Я искал тебя много лет.

Краем глаза он замечает мое выражение лица и снова тень улыбки пробегает по его губам.

— Что? — Лепечу, пребывая в шоковом состоянии. Зачем я им вдруг понадобилась?

— Ты ещё многого не знаешь, верно? — Спрашивает он, однако слышу в его голосе подвох. Качаю в ответ головой, все ещё не веря. Он открывает окно со своей стороны и просовывает руку, ловя невидимый поток воздуха.

— Эх, мир так прекрасен! — Напевает водитель фургона, но я не понимаю, кому он это напевает. Йорки улыбается, прибавляя звук радио громче, и давит на газ. Я вжимаюсь спиной в кресло, чувствуя, как все внутренности прижимаются к спине. В магнитоле поёт Сэм Кук, и с каждым следующим куплетом по моему лицу расплывается улыбка. Что же меня ждёт в том месте, куда держит путь эта странная машина на колесах? Чем окажется то место и безопасно ли там?

Постоянная тряска, один и тот же вид, запах бензина, доносящийся через отверстия кондиционера — все это влияет на меня как снотворное для кошки. Мои веки тяжелее, чем свинец, и с каждым зевком я погружаюсь в темноту. В конце концов, перестаю сопротивляться и засыпаю, примкнувшись к холодному окну. Резкое торможение, и я снова на ногах.

— Что случилось? — Спросонья шепчу, протирая кулаками глаза. Я осматриваюсь вокруг, но ничего замечаю. Все спят без задних ног кроме Йорки. Сощуриваюсь, привыкая к темноте и пытаюсь разглядеть его профиль.

— Ты спал? — Спрашиваю, осматривая его. Он быстро кидает на меня подозрительный взгляд, но когда дымка ночи выветривается, парень с облегчением выдыхает и качает головой. Он зевает и глядит на боковое окно, затем снова глаза на дорогу и никуда больше.

— Осталось чуть-чуть, — зевая, предупреждает Йорки. Он прикрывает рот и сжимает руль, — не хочу становиться десертом для какой-нибудь шайки голодных волков.

Его плечи передергиваются, и он вяло усмехается. Качаю головой и, усаживаясь удобнее, обхватываю себя руками, чтобы не околеть совсем. Я умолкаю, но смешок всё-таки выходит. Смотрю, как и днём, в окно, считая до ста.

Ночью Сиэтл волшебен и по своему красив: дорога, до бесконечности, длинная, а деревья по бокам от неё бегут подобно реке, которая все никак не желает останавливаться. Снова зеваю, вздрагивая. В фургоне становится на градус прохладнее, чем раньше. Даже если я и старалась себя обнять или свернуться в комок, дабы не спугнуть тепло, ничего, в итоге, не помогало. Йорки потянулся до обогревателя и молча привёл его в действие: тёплый поток воздуха подул напрямиком в лицо, осторожно касаясь плеч и рук. Я потеряла ладони и промычала:

— Спасибо, Йорки.

В ответ сплошная тишина. Я перекатилась на другой бок и попыталась заснуть. Головная боль все ещё не проходила.

Пытаюсь думать о чем-нибудь непримечательном и приятном, но что-то все равно

внутри гложило и волновало. Может это долгое и неясное ожидание?

Снова зевок прорвался через меня, но спустя десять минут сон так и не пришёл. Он будто исчез. Я снова сидела в кресле, неосознанно потирая плечи.

— Бессонница? — Сквозь сумрак слышится шепот водителя. Я оборачиваюсь и пытаюсь натянуть улыбку.

— Похоже на то.

Час нашего молчания я смотрела вперёд, ловя себя на мысли, что же нас ждёт. Если мы вдруг вернёмся обратно, изменится ли что-то или же окажется все как прежде?

— Что-то тебя волнует. — Йорки хотел спросить, но прозвучало скорее с утвердительной интонацией. Я промычала в согласии, но сказать причину не посмела, что-то останавливало. Он снова заворачивает, смотря на меня в вялой, а может и в сонной ухмылке.

— Можешь спросить, если хочешь.

Я перевожу на него удивленный взгляд. Йорки качает головой. Поджимаю неуверенно губы, пытаюсь придумать стоящий вопрос. Минуту спустя вздыхаю, набирая больше воздуха в лёгкие.

— Наверное... — На пару минут задумываясь, смотря на пробегающие широкие полосы на дороге. — Зачем я вам понадобилась и кто вы такие, если это не секрет?

Он молча слушал, иногда была его улыбка в свете фар от проезжающих машин, а потом посмотрел на меня краем глаза и сдал руль, возвращаясь к ровной дороге.

Меня охватил озноб, внутри все сжалось, однако парень подал голос раньше, чем мне пришлось извиняться за некорректный и, возможно, даже личный вопрос.

— Ох, насчёт того, кто мы такие, не могу сказать. — Он нахмурился. — Но я могу объяснить, зачем ты нам нужна.

Его голос стал на тон ниже и более серьёзным. Йорк сбавил скорость, машина теперь скорее плыла, чем неслась, как пару минут назад, убавил звук в радиоприёмнике, чтобы не потревожить других, и покачал головой. Тяжело вздохнул, с опаской поглядывая на меня. Неужели я услышу правду? А смогу ли я в неё поверить?

— Ты — источник. — Парень перевёл дыхание. — Источник или недостающая часть в мозаике. Ты девушка, которая нам нужна, потому что в тебе есть что-то... не от мира сего, понимаешь? — Я шмыгнула носом, натягиваясь как струна.

Мне это не нравилось, но, поборов себя, продолжила слушать. Хоть это и было с роду сумасшествием. Он медленно кивнул.

— Знаю, полный бред, но это так. Я не знаю, что в тебе такого особенного... Не могу сказать. — Он вздохнул, пробегая по мне озабоченным взглядом. — По крайней мере, не я.

Йорк повернулся к дороге и резко затормозил. От этого я чуть ли не встретила лбом со стеклом напротив и не пробила огромную дыру. Меня сильно начинало трясти, как на горке аттракционов. В горле образовалась желчь.

— Все хорошо, Керри. — Йорки подхватил меня за плечи и притянул к себе, когда я уже билась в конвульсиях. Мне не хватает воздуха. Такое ощущение, что я вдруг перестала знать, как дышать. Конечности пробрал холод. Йорки поспешил на помощь, но все спали как убитые. Мне казалось, что это был кошмар. Когда я почувствовала, как что-то холодное коснулось моего лба, вся боль ушла и тряска прекратилась.

— Дыши, Керри. — Послышался знакомый голос.

Медленно выдыхаю и с хрипом выпускаю весь оставшийся воздух наружу. Перед

глазами все плывет.

Я видела, что меня кто-то выпустил из своих рук и усадил на переднее сиденье. Мне с теплотой улыбаются серые родные глаза.

Я пытаюсь смахнуть пелену, но только попыталась моргнуть, передо мной стоит лицо Йорки, который обеспокоенно бежит взглядом по моему лицу.

— Прости. — Вымолвила я, кладя свою руку на лоб. Йорки ничего не ответил, лишь покачал головой.

— С кем не бывает, — Он вздыхает, — но ты меня напугала.

Он встает с корточек, поднимая меня следом, и уводит в темную комнату, откуда доносится запах, чем-то похожий на медикаменты. С кем не бывает? Со мной.

Комнатка выглядела просторной на вид, но в действительности здесь трудно было развернуться или вытянуть ноги, пришлось ютиться кое-как вдвоем.

Помещение напоминало квадрат, только этот квадрат был весь обвешан разными непонятными символиками, картинками практически разными по стилю, но одинаковыми по цвету. В основном тут преобладали чёрные и красные цвета. Жутко, но притягательно. Йорки усадил меня на скрипучий стул и выдвинул прямоугольной формы, окрашенный в бледно-желтый цвет стол на колесиках, молча стаскивая бинт и вату.

— Что ты собираешься делать? — Я начинаю хмуриться, но от этого загудела голова, будто внутри кто-то поселился и временами стучит по черепу. Он потянулся с ватой к моему лбу, мрачно поглядывая.

— Тебе нужно обработать рану. — Йорки стучит себе по лбу. — У тебя небольшая рана на лбу.

Я поморщилась и дотронулась до лба, где пульсировала боль. Действительно, там была небольшая впадина и чуть отдернута кожа.

— Ладно, сделай это. — Йорки ухмыльнулся и приступил к обработке раны.

После того, как рана была обработана и кровь перестала течь, Йорки сумел скрыть мою рану довольно смешным пластырем, который все никак не хотел держаться.

— Что это было... Там? — Решаюсь спросить его, кивнув в сторону входной железной двери. Он втянул воздух и просто пожал плечами.

— Вероятно, у тебя переутомление. — Вздыхает он и уводит назад.

Я все никак не могу сопоставить то, что видела, точнее то, что мне привидилось, и тем, что же произошло. Меня никогда еще так сильно не трясло.

Неужели правда настолько меня поразила? Да и еще эти серые глаза... Только у моего отца были такие. Неужели я видела его?

«Или у тебя окончательно поехала крыша» — подсказал мне мой внутренний голос.

Я обречено вздохнула и покачала головой. Как только мы появились в салоне, где поначалу Ращ, Фил, Горби и парень-хохоллок спали, они уже стояли на ногах, казавшиеся бодрыми. Однако на счет себя я не могла сказать такого же. Я зевнула, крепко держась за руку Йорки.

— Керри!

Передо мной появился Фил, улыбаясь. Он протянул мне кружку, из которой выходит пар. Я выгибаю бровь.

— Ты хочешь меня сподить? — Я указываю на темную кружку. Он качает головой и насильно вручает в руки.

— Нет, это лишь то, что заставит тебя не свалиться в обморок.

Фил подмигивает и махает за спину, отходя назад. Йорки отпустил меня, ободряюще потрепал плечо и скрылся в салоне.

— Идем, нам нужно кое-что тебе показать. — Продолжает Фил, отступая и поворачиваясь спиной ко мне.

По пути краем глаза смотрю в окно, но из-за ночных морозов все стекла запотели, в уголках даже видны слабые, но довольно впечатляющие трещины. Сквозь темные тяжелые тучи просачивается лунный свет, благодаря которому я могла видеть, куда следую. Фил

усаживается около одного из немногих запотевших окон и просит сесть напротив.

Я подчиняюсь, и по плечам проходит мороз, когда голая кожа соприкасается с ледяным стеклом.

Когда я повернула голову, заметила, что рядом со мной примостился Горби. Он улыбается чарующей улыбкой, она была никак у всех парней. Что-то отталкивающее, но с другой стороны его зубы были похожи больше на клыки какого-то зверя, чем на человеческие.

Отбросив дурацкую идею, дружелюбно протягиваю ему руку. Он сразу накрывает своей и сжимает. По коже проходит табун мурашек, замечая его глаза. У него отсутствовали зрачки. Горби будто когда-то закатил глаза и его парализовало. Глаза белого цвета с сероватым оттенком смотрели на меня и ритмично двигались.

— Керри. — Произношу хрипло, но он отмахивается. От него веет жимолостью и морской водой. Откуда он такой взялся?

— Я знаю, кто ты, но... — Впервые он открыл рот за время своей поездки, и меня тут же удивил его голос: хриплый и до невозможности противный. Но губы изгибаются в улыбке и я качаю головой.

— Горб! — Его прерывает Фил, хлопая по древесине. Я вздрагиваю вместе с ним, отпуская руку. Горби указывает на Фила.

— Ты должен скафать, а не я!

Он показывает на меня, и я слышу в его речи долю картавости. Некоторые буквы парень просто не выговаривал. Хотя, если Горбу быстро говорить, то ни один человек бы этого не заметил. Фил закатывает глаза и смотрит в запотевшее окно.

— Что ты должен мне сказать? — Падаю голос, но все внутри дрожит. Фил не отвечает.

— Фил!

Я дотягиваюсь до его вытянутой и сжатой в кулак руке на столе. Он вздрагивает, отдергивает руку и переводит с окна на меня глаза. Растерянным взглядом он начинает бегать от меня на окно, затем обратно на меня. Я молча качаю головой, дабы подтолкнуть его к продолжению, осторожно склоняясь, чтобы не спугнуть его.

— Что я должна знать?

Фил поежился, сгорбился, быстро переводя глаза на Горба сбоку от меня. Фил с минуту молчит, затем кивает.

— Значит, ты хочешь знать?

Я киваю.

— То, что мы хотели тебе показать, — парень обводит взглядом себя и Горба, — частично зависит от тебя, — он откашливается и виновато смотрит, — точнее от твоего дома.

— А что с ним не так? — В недоумении я уточнила, теряясь в догадках. Почему место, в которое мы направлялись, зависит от него и почему именно мой дом? Фил схватил мою руку и перевернул ладонью вверх. Что-то брякнуло и коснулось моей ладони. Фил закрыл это "что-то" моей второй рукой и медленно перевел дыхание, будто с его плеч в это время спадала огромная ноша.

— Это должно быть у тебя. Наденешь его, когда мы будем на месте. — Произнес он четко. Я медленно раскрыла ладонь, рука задрожала, когда я увидела знакомый медальон, но уже слегка поношенный и где-то стертый. Я ахнула.

— Откуда он у тебя? — Спросив, я подняла глаза, еще раз убеждаясь. Он покачал головой и полностью погрузился в вид за окном.

— Досталось от одного человека. — Был его ответ. Он обхватил себя руками, освобождая меня. — Керри, послушай, — он перевел глаза, осмотрев помещение, затем вернулся ко мне, — этот медальон имеет огромную силу, и я хочу, чтобы ты никогда больше не снимала его, поняла?

Я сглотнула.

— А что произойдет, если я его сниму?

Фил огорченно вздохнул.

— Тогда те, кого ты любишь и кто тебе дорог — исчезнут. Исчезнут навсегда.

Я снова сглотнула, слезы навернулись на глаза. Фил откинулся назад и тихо посмеялся, но смех был не злорадным. Скорее грустным.

— Я предупреждал тебя, малышка: за все в этой жизни нужно платить.

Я покачала головой, зажмурила глаза и резко вышла из-за стола, убегая к себе. Точнее в то место, где я бы могла закрыться и спрятаться от всего, что меня окружало.

Между всхлипываниями меня клонило в сон. В голове было пусто, все мысли превратились в один большой комок. Внутри все будто умерло. После слов Фила я могла только надеяться на чудо. Постоянно перебирая вялыми ногами, я молча шла прямо по коридору, пока не наткнулась на дверь. Открыв ее, я вошла, но сразу пожалела об этом. На полу красовались одной лужей капли воды, что-то капало на меня, и я подняла глаза.

— Кто ты такая? — Шепнула я, запрокинув голову вверх.

На корточках сидела девушка и медленно поворачивала головой из стороны в сторону, разглядывая меня. Лицо ее было искривлено, с губ текла вода ручьем, падая вниз и попадая на меня. На щеках виднелись шрамы, похожие на порезы от ножа. Она легко спрыгнула с потолка и стала приближаться в мою сторону с хищной ухмылкой на губах. Девушка с детским личиком протянула ко мне руку и дотронулась пальцем до моей щеки. Все мое тело задрожало, я хотела закричать, позвать Фила или Йорки, но меня приморозило к месту, ноги не могли пошевелиться. Я попыталась скрестить руки, сделать шаг, вымолвить слово, но от одного прикосновения холодного пальца девушки с янтарными глазами меня парализовало.

— Пойдем со мной. — Звала меня она, обходя вокруг. Она была облачена в бархатный плащ кричащего красного оттенка, волосы прикрыты плотным капюшоном, а рукава скрывали ее руки. Лишь единственный палец был виден будто из черной дыры. Меня снова передернуло. Она улыбнулась и замедлила ход, останавливаясь за моей спиной. Я повернула в левую сторону голову и закрыла глаза, вдыхая манящий аромат, оставшийся после

девушки. Мною, такое ощущение, управляли: мое тело не подчинялось мне, а язык и подавно онемел и не мог выпустить слов протеста. Я попыталась открыть глаза и взглянуть на незнакомую женщину в капюшоне.

— Я никуда с тобой не пойду! — Вскрикнула я и правая нога оживилась, я топнула ее по полу. Дикий смех резал уши, я поморщилась. Девушка запрокинула голову назад, хватаясь за ткань, и засмеялась от моих слов. Мне стало дурно.

— Ты все равно придешь ко мне, Caro (дорогая).

Она успокоилась и заметно стала серьезной. Незнакомка дотронулась до моих волос и пробежалась рукой по одному волнистому локону, плавно играя с ним. Она тяжело вздохнула, из ее рта вышел клубок пара. Она подняла глаза, и фиолетовые крапинки в радужке заискрились ярче, ослепляя. Завораживая.

— Совсем скоро мы увидимся, моя прелесть. — Ворковала она и погладила меня по щеке, уходя от меня все дальше и дальше. Я попыталась ее поймать, но она лишь мягко покачала головой и улыбнулась, прикрыв глаза. Постепенно девушка в капюшоне исчезала и становилась тенью, сливаясь с железной дверью. Я даже и не заметила, как слезы, текущие по щекам, высохли. Моя ладонь загорелась, я раскрыла её и увидела, как серебряный, овальной формы медальон стал горячим. Я отдернула руку и медальон брякнулся на пол, звонко соприкасаясь со дном. Я ахнула и попятилась назад.

Медальон заискрился фиолетовым цветом, как крапинки в глазах у девушки. Я подняла глаза в поиске девушки в красном капюшоне, но ее и след простыл. Она исчезла. Я откинулась назад, затылок соприкоснулся с металлом за спиной, я выдохнула всё, что было внутри, и мне стало на секунду легче, но это легкость не задержалась надолго. Снова в моей голове всплыло воспоминание о том, как я сижу на похоронах отца и смотрю на него невидящими глазами. На его бледное лицо, впалые мешки под глазами и ссадины от произошедшей аварии. От этого мои щеки вспыхнули, в глазах защипало, а в горле вдруг вырос ком, который я еле смогла сглотнуть, чтобы не расплакаться.

Я закрыла глаза и дала волю слезам одиночно скатываться по моим щекам. Если бы я не приезжала сюда, в этот город, если бы мы не поехали к бабушке в плохую погоду, а переждали бы ее дома, то этого ничего не было бы. Я покачала головой.

— Я во всем виновата. — Шепчу, закрываясь руками. Теплое прикосновение на макушке помогло мне на минуту остановить тихие всхлипы, я замерла.

— Ты не виновата. — Глубокий голос произнес это, я подняла голову и посмотрела наверх. Из-за пелены под глазами все виделось мне расплывчато. Заметив черную повязку на голове, я облегченно вздохнула. Раш, одетый во всё чёрное, присел рядом со мной, обнимая свои колени. Он ударил меня по плечу, и на его лице появилась легкая улыбка.

— Что ты здесь делаешь? — Спросила я, мой голос был неузнаваем. Раш указал на дверь напротив меня и улыбка исчезла.

— Я был здесь неподалеку. — Он с минуту замешкался, но быстро собрался. — Сидел с твоей подругой, и слышал плач. — Его брови соединились в одну линию, между ними образовалась обеспокоенная складка. При упоминании о Мегги я встрепенулась и ухватилась за его плечо, поворачиваясь с распахнутыми глазами. Плечо Раши напряглось, и он повернулся ко мне.

— Она проснулась?

Он кивнул. Я поспешила встать, но рука Раши крепко обхватила мое запястье, и уже через минуту он стоял напротив меня, заслоня собой дверь, где была моя подруга. Он покачал головой и опустил вниз.

— Пожалуйста, Раш, мне нужно ее увидеть! — Взмолилась я, обходя его, но он снова покачал головой. Подняв руку перед моим лицом, он предупредительно заявил:

— Я поработал над ее ранами. — Мои брови поднялись вверх от удивления. — Не пугайся, если не увидишь той Мегги, которую знала до этого.

Он отступил и прошел к двери, впуская меня после себя. Какой бы она не была, она моя подруга и главное то, что она жива.

Ее веки были закрыты, бледность все еще не покидала лица, золотистые волосы стали блеклыми. Краска постепенно слезала, и девушка становилась собой.

Я оглядела ее лицо, руки и покачала головой. На носу виднелся маленький порез, но уже затянувшийся, щека фиолетового цвета, нижняя губа сильно опухла, на верхней запекшаяся кровь. Поворачиваюсь к Рашу, который тихо стоит позади меня со сцепленными руками за спиной и смотрит на мою подругу.

— Что с ней произошло? Почему у нее лицо настолько исковеркано?

Раш опускает голову и подходит ближе, по пути хватая мокрое полотенце из маленького блюдца. Капля воды капнула мне на руку. Парень молча провел тканью по губе и щеке Мэгги. Та лишь вздрогнула и поморщилась, но глаз не открывала.

Я напряглась и попыталась взять ее за руку, лежащей на ее животе, но широкая рука Раша опередила меня, накрывая ее руку и слегка сжимая. Я хмуро перевожу на него глаза.

— Ее лучше пока не трогать какое-то время. — Выговорил он, отходя к плетеному креслу недалеко от кровати Мэг. Я кивнула и отошла от нее, примостившись рядом с Рашем, но мои глаза все еще не покидали подругу.

— Так что с ней? — Задаю уже такой "избитый" вопрос Рашу. Какое-то время он сопоставлял все у себя в голове, затем развязал темную повязку, и на голове показались взлохмаченные непослушные каштановые волосы.

— Когда мы убегали с Берлоги Филадельфия, она сильно испугалась, и я был вынужден запрокинуть ее себе на спину, чтобы ускориться, но когда мы уже приближались к выходу из леса, к вам, она шепнула мне на ухо, что больше не может, и ослабила хватку на моей шее. Затем упала на мокрую траву, тем самым ставя меня в полный ступор. Блин... — Раш потрепал волосы и обрушился на спинку кресла.

— Я так испугался, но когда она подала голос, я поднял ее на руки и побежал. Она сказала, что у нее болит бок, а когда мы оказались в фургоне, после того, как я ее осмотрел, оказалось, что на больном боку красовался большой синяк. Я попытался у нее разузнать, откуда он появился, но она покачала головой, сказала, что не помнит этого, и отрубилась.

Боковым зрением Раш глянул в мою сторону и слабо улыбнулся. Я покачала головой, посмотрела на Мэгги и все еще не верила, что это было с ней.

Такое ощущение, что Раш рассказал про кого-то другого, но не про Мэг. Она же другая!

— Не могу поверить. — Произнесла я, разинув рот, сжимая пальцы в кулаки.

— Но такова правда. — Говорит Раш и выключает лампу, стоящую неподалеку от него. Я замечаю, как его тень поднимается, и он отворяет входную дверь.

— Идем, ей нужен отдых.

— А как же... — не успеваю договорить, он меня перебивает.

— С ней все будет нормально. Дай ей поспать. Завтра утром я приведу тебя к ней.

Я утвердительно киваю, и мы выходим из комнаты, оставляя Мэгги в тишине. Вся информация, моменты и события, которые происходят со мной, не укладывались в голову.

Виски начинали болеть, но по пути, где сидели ребята, головная боль стала сильнее, и я, проскользнув мимо них, оставляя Раша наедине с Филом, Горбом и парнем-Хохолком, которого я до сих пор не знала, уселась снова на переднее пассажирское сиденье, выдыхая. Как только Йорки заметил меня, широкая улыбка расплылась на его лице.

— Эй, Керри, снова бессонница или ты меня, как мне кажется, преследуешь? — Йорки заиграл бровями и я засмеялась.

— Определенно второе. — Поддразнила я, смотря в окно. — Сколько нам еще осталось? Йорки подал газу и пожал плечами, быстро перебегая с бокового зеркала на дорогу.

— Еще одна ночь и будем на месте.

Меня передернуло от того, что мне придется трястись здесь еще одну ночь. Мне нравится езда на машине или на фургоне тем, что можно вечно смотреть на дорогу, пробегающие фары и слушать музыку, уезжая куда-то в неизвестность. Подальше от знакомых мест и прошлого, направляясь только вперед, к невозможным возможностям окружающего нас мира. Но сейчас я не могла больше нести этот груз на своих плечах. Еще один гость из другого мира или откуда-то там еще он появится, и я больше не смогу вытерпеть.

— Керри, — зовет меня Йорки, отдергивая по руке. Я повернулась к нему, — если хочешь, можешь спать со мной.

Я изогнула бровь, на что Йорки тут же запротестовал и замахал руками.

— Нет, ха-ха, я не в том смысле! Я имею в виду, если будут кошмары, можешь спать там, — он кивает в салон, — я буду здесь, и если что, зови, — подмигнул он. Я ударила его в плечо и отвернулась.

— Очень смешно, Йорк.

Повсюду вода, я стою в самом центре и пытаюсь взглянуть вперед. Что там?

Черный силуэт машет мне и с каждым разом, когда я моргаю, он приближается. Сердце в груди бешено стучит, я начинаю часто дышать, но вместо того, чтобы идти назад, прятаться, спасаться, я иду навстречу.

Тень искривляется мне и, наконец, он становится на уровне глаз. Я поднимаю голову и молча смотрю на него. Пытаюсь задать вопрос ему, кто он такой, но не получается.

Правая рука вздрагивает, дотягивается до губ, и я обнаруживаю, что рот заклеен скотчем. Я мычу, смотря на Тень, которая наблюдает за мной и бежит по воде, будто летает. Я не могу заметить его ног или рук, лишь большое чёрное пятно, которое перемещается из стороны в сторону. Она молча пробегает мимо меня, я отхожу назад и падаю в воду. Начинаю тонуть. Тело будто напичкано камнями и теперь меня тянет вниз, на самое дно.

Я карабкаюсь вверх, мимо меня проплывают мелкие рыбешки, и со временем вода становится темнее и холоднее. По моим рукам пробегает дрожь, я брыкаюсь, но как только соприкасаюсь спиной с твердой поверхностью, водоросли обхватывают тело, руки и ноги, окольцовывая, и хватка становится крепче.

Чувствую, как кислорода в легких становится все меньше и не хватает воздуха. Веки дрожат, но я успеваю заметить маленький, пробивающийся сквозь толщу воды, яркий, но все же слабый свет, который падает прямо передо мной, поверх головы. Перед глазами становится мутно, у меня больше нет сил бороться, и я закрываю глаза.

— Керри, открой глаза. — Шепчет дрожащий голосок Дженни возле моего уха.

Дженни? Каким образом она оказалась тут? Я открываю медленно глаза, но четко все равно не могу видеть. Рука Дженни крепко сжимает мое запястье, я вздрагиваю.

— Слава Богу, ты жива! — Вопит она, и ее лицо исчезает с моего поля зрения. Я пытаюсь встать и оглядываю свое местонахождение.

Я у себя в квартире: все на своих местах, приятные запахи чувствуются даже сейчас.

Секунду спустя Дженни сидит возле меня, в руках держит маленький сундучок с круглыми часами посередине. Она гладит его по деревянной поверхности и улыбается.

— Что это у тебя? — Интересуюсь, кивая на сундук.

Сундучок выглядел сам по себе небольшим, прямоугольной формы с овальными боками, на середине сундучка, как вышитые, были часы, показывающие десять вечера. Держало на замке этот сундук маленькое перышко со стариной заклепкой в виде заколки для волос. Дженни похлопала по бокам и внутри что-то зазвенело. Я улыбнулась и придвинулась ближе.

— Это старый сундук с сокровищами. — Объяснила она, поставив сундук на колени. Я печально вздохнула, осознавая, что это лишь сон и сейчас подсознание играет со мной.

— Внутри есть то, что вы ищете. — Говорит она вдруг и гладит перышко. Оно расправляет свои легкие, будто по дуновению ветра, крылья, и оборачивается в замок. Я наблюдаю с открытым ртом, как Дженни спрыгнула со своего места, опустила сундучок на пол и подошла ко мне. Она взяла мою руку и мягко развернула к нему.

— Просто наблюдай. — Шепнула она в ухо, и я почувствовала ее улыбку. Я сжала кулаки, готовясь к чему-то неизбежному, и смотрела, как перышко образовалось в замок. Заклепка, державшая его на замке, медленно проползла змеино образными движениями по всему сундуку, сделав несколько оборотов, дошла до ржавого замка, и сундук со щелчком открылся.

Как только он открылся, из него крупным облаком вывалилась пыль, отчего я прокашлялась. Дженни с улыбкой на лице достала оттуда какую-то карточку и поднесла ее мне.

— Что это? — Принимая карту, спросила я и стала изучать содержимое. Она ударила меня по руке, которой я тянулась до углов карточки. Поднимая глаза на девушку от удивления, Дженни только пригрозила мне пальцем перед лицом.

— Не смей трогать ее уголки, они опасны. — Она отнимает у меня карточку, чтобы та не навредила кому-либо еще, затем берет ее в руки и усаживается на диван.

— Это старая карта и довольно давно пропавшая. Когда-то в Италии жили четыре девушки, которые обладали невероятной силой и сгоняли всех туристов и тех, кто хоть раз притронется к их вещам. Они были опасны для смертных, так как их мать бывшая колдунья, которая погибла на смертном одре. Она предупредила их, чтобы те не впускали людей в дом и никогда сами не заговаривали с противоположным полом, иначе они просто погибнут и их единственный род исчезнет навеки.

— И что с ними стало?

— Две пропали, так как не послушались мать, одна, старшая, вышла одним днем наружу. Увидев какой-то огонек, пошла к нему, но как только становилась ближе к пламени, до нее дошло, что это было какое-то жертвоприношение. Тогда она испугалась, но убежать не успела, ее нашел охотник и убил.

— А что случилось с последней? — Я прижала колени к груди, усевшись напротив Дженни на полу. Она вздохнула и покачала головой. Её короткие локоны отросли, и теперь она напоминала мне эльфа из сказочного мира.

— У последней была добрая душа, и эта доброта ее саму же и погубила. Ранним утром постучались в дверь и, увидев маленького мальчика, она подумала, что ничего не произойдет, если она поможет ему, но открыв дверь, она пожалела об этом. Что с ней потом случилось — никто не знает.

Меня пробрал страх до самых костей. Я попыталась совладать с собой, но ничего не получалось, я не могла в это верить. Это невозможно.

— Это ведь неправда? — Спрашиваю я напрямик. Дженни рассмеялась и пожала плечами.

— Кто его знает...

С минуту она молчала и вздохнула, крутя карту в своей руке. Я кивнула на ее руку, в которой она держала карту.

— А как это история связана с картой?

Дженни помахала картой перед глазами. На карте был изображен черный полумесяц, над ним римская цифра четыре, а внизу темного полумесяца полукругом стояли на белом поле голые стволы деревьев.

— Это карта Колдуньи, что умерла на одре. Она специально спрятала ее от своих дочерей, чтобы те ни в коем случае не трогали и даже не касались её. Она заклеила эту карту и уложила подальше. Однажды трое парней, где-то примерно не больше шестнадцати-семнадцати лет, нашли место, где обитали те молодые колдуньи, и вошли туда. В доме успело все обрасти плесенью, паутиной и выбитым стеклом. Один из троицы нашел эту карту и просто украл. Они не знали, что эта карта была проклята, и, примерно через пару суток, один за другим, парни умирали: кто-то от сильного гриппа, кто-то от тяжелой болезни, а кто-то, попав в аварию.

Не успела я что-то спросить, в дверь постучались. Я посмотрела на Дженни, которая тут же оказалась возле моих ног, как привидение, и потащила меня к выходу.

— Куда мы? Кто это? — Проторила я впопыхах. Дженни ухватила за мою руку и отворила дверь, выталкивая меня из собственного же дома. Ее лицо показалось мне чужим, глаза потемнели, образовались мешки под ними, а на руке, которой она меня держала на расстоянии, видела небольшие синяки на всю длину.

Я ахнула и попыталась перехватить ее за руку.

— Что это? — Взвизгнула я в панике, но Дженни лишь покачала головой и из уголков ее глаз потекли горячие слезы.

— Тебе нужно бежать из этого города! Не возвращайся сюда, Керри, это опасно.

Она снова меня подталкивает, но я не сдвигаюсь с места. Я не обращаю внимания на свои же слезы, катящиеся по лицу, на боль в сердце или внутреннюю борьбу, которая, кажется, никогда не закончится.

Она покачала головой.

— Нет, объясни мне, почему я не должна возвращаться сюда и почему нельзя возвращаться? — Сквозь слезы лепечу. Она ослабевает хватку и аккуратно продвигает меня через порог.

— Не стоит сюда возвращаться, потому что здесь тебе не место и если ты сюда вернешься, спасись уже не удастся.

Снова стук по двери. На этот раз дверь вылетает из петель и по всему дому раздаётся волчий рев, звенящий в ушах. Я затыкаю уши и взвизгиваю.

— Они уже здесь. — Проговорила Дженни и исчезла, не давая мне шанса объяснить. Когда я открываю глаза, резко встаю и разом падаю с мокрой кровати на пол, ударяясь боком. Услышав громкие шаги, поднимаю глаза и вижу парня Хохолка с обезумевшей физиономией. Он поднимает меня и усаживает на кровать.

— Что случилось? — Спросил он, голос его был грубым.

Я утыкаюсь лицом в подушку и бурчу:

— Они пришли, пришли...

Парень поднял меня и всмотрелся в лицо сквозь крошечную темноту. Я качаю головой.

— Повтори. — Велит он, качая головой и хмурясь. Я закрываю глаза.

— Они пришли.

Его руки сжались на моих плечах, он что-то пробурчал себе под нос и отпустил. Затем все остальное как в тумане. Нас резко откидывает в сторону, я слышу Фила и топот Раша по другую сторону помещения.

— Йорки, что за дела?! — Вскрикнул Фил, подходя к нему и заглядывая в салон. Йорки остановил грузовик, и я слышу, как захлопнулась его дверь. Быстро прибежав к нему в салон, проталкиваюсь мимо Фила.

Сердце уходит в пятки, когда вижу его. Йорки жестикулировал довольно резко руками и орал на другого парня, который был выше него на голову.

— Что он здесь делает?

— Кто? Кто это? — Спрашивает меня приглушенно Раш, стоявший за спиной. Я сказала это вслух? Я медленно поворачиваюсь к нему и качаю головой.

— Еще одна ходячая проблема.

Дверь со скрипом открылась и в фургон, в маленький коридорчик, вошел Йорки, а за ним Питер. Я скрываюсь за спиной Раша, краем глаза наблюдая за двумя парнями, которые скидывают со своих волос росу от дождя. Холодок пробегается по ногам, я сжимаю пальцы в ботинках. Питер синхронно смахивает капли воды со своих непослушных темных волос, пока Йорки выговаривал ему слова недовольства:

— Парень, ты совсем без крыши?

Он подходит ближе и указывает на дверь позади него.

— Ты же мог погибнуть, черт тебя дери!

Питер ухмыльнулся, его ничего не волновало. Впрочем, как и всегда... Он пробегает глазами по месту с улыбкой на лице и пожимает плечами.

— Мне просто нужна была машина, на которой я бы уехал отсюда. А вы были единственными, кто попался мне на пути и...

Он запинается, когда встречается со мной. Я отхожу назад, загораживая себя Рашем.

— Кто ты такой? Откуда ты и что тебе надо? — Это был Раш. Его руки сжались в кулаки, он прищурил глаза, смотря на Питера, который сделал шаг к нему навстречу. Питер подходил все ближе, как тень из моего сна, пока я пряталась за спиной другого парня. Он прищурил глаза.

— Кер?

От его голоса меня всю передергивает, я зажмуриваюсь, вздрагиваю. Как только Питер открывает рот, его прерывает Раш, останавливая его, вытянув руку. Питер метался глазами с меня на Раша, хмуро переминаясь на месте.

— Я задал вопрос. — Требовательно пригрозил Раш, наклоня голову.

— Я Питер, и мне нужна машина, чтобы добраться до дома, но... — Он переводит глаза недоверчиво. — Откуда... Керри, что ты тут делаешь?

Я открываю рот и хмурюсь, отстраняясь от Раша, и прохожу к Питеру.

— У меня к тебе тот же вопрос. — Иронично диктую, к моему удивлению, спокойно. Замечаю, как Фил делает шаг вперед.

— Ты его знаешь? — Спрашивает он. Я быстро перевожу на него глаза и снова оглядываю Питера.

— Да, старый... Знакомый.

Питер ухмыльнулся, покачал головой, отходя назад. Фил начинает истерично смеяться, Раш косо поглядывает на меня и продвигается дальше, медленно проходя мимо всей толпы и уходя к своей двери.

— Мне нужно идти. — Сказал он, скрываясь за углом. Фил и парень Хохолок переглянулись. Хохолок кивнул и Фил пожал плечами. Йорки стукнул кулаком в стену и виновато посмотрел на меня.

— Ладно, Питер, мы люди добрые, поэтому пока можешь оставаться у нас.

Фил закидывает руку на плечо Питера и указывает на парня.

— Где твой дом?

Питер переводит недоуменный взгляд на Фила, подбрасывает походную сумку на плечо и защелкивает замок на груди.

— В Сиэтле.

Фил покачал

головой, двумя пальцами надавливая на переносицу.

— Нет, теперь тебе нужно забыть про него. Мы едем в другой... В другую сторону.

Фил замешкался, но все равно одаривает мимолетной улыбкой. Питер кивает и пожимает ему руку.

— С удовольствием! Главное, подальше отсюда.

Они оба засмеялись и ударились кулаками, как могут только старые друзья.

Я качаю головой и фыркаю. Не верю собственным ушам. Неужели теперь каждое утро я должна видеть это лицо?

— Ты его оставляешь?

Фил посмотрел на меня и утвердительно кивнул. Питер улыбается и отходит в сторону.

— А ты что, не рада? — Спрашивает он, лукаво одаривая меня своей слащавой улыбочкой. Я закатываю глаза и скрещиваю руки на груди, проходя мимо.

— Напротив. — Шикнула я, подходя к Йорку. Тот изумленно хлопает ресницами, отходя к своей стороне грузовика.

— Йорк, твое предложение еще в силе?

Всю оставшуюся ночь я слушала гогот и шептания Питера и Филадельфии. Фил разрешил перекапаться сегодняшнюю ночь в своей комнате, которая находилась в правом крыле от салона, где сидела я с Йорком, который молча вел машину. Он всё время был сосредоточен только на дороге, и как я не старалась его разговорить, он по-прежнему смотрел в упор на дорогу, которая все никак не хотела заканчиваться.

Я вздохнула и уткнулась в стекло, соприкасаясь с ним лбом. Как Питер оказался на нашем пути? Что он вообще забыл рядом в дремучем лесу? Фил принял Питера как родного, как брата, которого явно у него, судя по тому, как он общался с ним, не было. Последний день, когда мы с ним виделись, уже стерся в памяти, будто кошмар. Я волновалась больше за Мэгги, но волнение из-за Питера все никак не могло исчезнуть.

Приоткрываю окно, и легкое дуновение морозного ветерка обдувает мои щеки и макушку. Я закрываю глаза.

— Откуда ты его знаешь? — Спросил Йорки чуть приглушенно. Я, не открывая глаз, вздохнула, пытаюсь не быть настолько эмоциональной, какой показалась в коридоре.

— В первый день, в школе, он подсел ко мне, когда у меня случился припадок. — На этом я закрыла тему, чтобы огонь в груди не разгорелся в пламя. Йорки усмехнулся.

— В школе? Почему у тебя случился припадок? — Настойчиво спросил он, краем глаза кидая в меня любопытные взгляды. Я откашлялась и посмотрела через небольшую щелку, где слышались приглушенные голоса парней. Они были далеко, но все же даже у стен есть уши. Откинувшись на спинку сиденья, я уперлась смотреть поверх головы Йорки, вспоминая тот минувший день.

— Это был мой первый день. Я волновалась и происшествие, случившееся со мной, подействовали как оружие. Мне было не по себе от обстановки, окружающей меня, потом накатил буря эмоций и я вспомнила момент, когда сидела на похоронах своего отца. От этого меня трясло и... тут появился Питер, весь такой сияющий и излучающий позитив.

Йорки разинул рот и покачнул головой, сглатывая. Он виновато на меня посмотрел и чуть сбавил скорость.

— Прости, я не знал, что... твоего отца не стало.

Он еще раз посмотрел на меня, свободной рукой сжал мою руку на колене.

— Сочувствую.

Я отдернула руку и покачала головой.

— Не нужно. Жалость — удел слабых. — Выговорила я, слабо улыбаясь ему.

Больше Йорки не произнес ни слова. Мы оба глядели на черное пятно перед нами, полностью уходя в себя. Я не винила себя за то, что я ему рассказала. Но почему? Дорога и место, куда мы ехали, меня взволновали сильнее. Вдруг карта из сна всплыла перед моими глазами четкой картинкой. Мне захотелось разузнать об этом больше, но на данный момент больше хотела расслабиться.

— У вас есть бумага и карандаш? — Спросила я тихо, смотря на парня за рулем. Йорки выгнул бровь и удивленно зыркнул в мою сторону.

— Ты рисуешь?

Я кивнула и щеки вспыхнули, как если бы меня подловили на чём-то преступном. Он понимающе кивнул и указал большим пальцем в сторону салона.

— Прямо и налево, в моей комнате, кажется, завалилось пару бумаг. — Он зевнул. — Карандаши в тумбочке, около кровати.

Внутри что-то затрепетало, а руки зачесались, готовые приступить к работе. Дремота тут же отступила на второй план, я поднялась и сжала плечо Йорка.

— Спасибо. — Чирикнула я и чуть ли не вприпрыжку побежала в комнату Йорка.

Его комната кардинально отличалась от тех, какие я уже успела завидеть: стены полностью голые, повсюду железо, сверху вентилятор. Матрас на полу, обмотанный небольшой тонкой тканью и две подушки лежали в углу от матраса. Я сразу же стала искать бумагу и карандаш. Найдя, наконец, нужное, усаживаюсь на матрас, скрестив ноги перед собой. Как только карандаш соприкоснулся с полотном, рука самовольно задрожала и я постепенно уходила в другой мир.

Черный полукруг по середине преобладал и выделялся на фоне всего остального, поле усыпано черными размазанными точками. Он занимал огромное пространство на бумаге.

Легкий стук в приоткрытую дверь заставляет вздрогнуть и тут же поднять глаза. Я напряглась, когда услышала голос.

— Можно?

Из проема двери высунулись темные взъерошенные волосы парня с улыбающейся физиономией. Я выдохнула, отложив бумагу и карандаш в сторону.

— Да, Питер, заходи.

Он прошел мимо стенок, и я заметила, что его плечи стали больше и шире. Питер прошел к матрасу, где я сидела, и стал оглядывать комнату.

— Тут довольно необычно. — Он махнул на потолок. — О, а это просто оригинально!

Я молча взглянула на потолок и улыбнулась: потолок был весь усыпан черными крупными пятнами, а в середине расплывчато осталась белая краска и множество точек, похожих на звезды в небесах, были объединены желтой полосой, как дорога, ведущая по кругу. Я тихо посмеялась. Питер, видимо, услышал мою смену настроения, резко устремив на меня свои глаза.

— Неужели она может смеяться? — Поддразнил он, подходя ближе. Я нашла подушку неподалеку от себя, и кинула в него, но все еще улыбаясь.

— Заткнись!

Но парень лишь улыбнулся. Мы молчали, я смотрела на свой рисунок, напоминавший рисунок на карте из моего сна, Питер что-то напевал себе под нос и это, почему-то, успокаивало и в одно время приводило в восторг. Я мялась и думала, как же спросить его о том, что он делал в лесу, но боялась. Боялась напугать или показаться странной. Возможно, он просто гулял и не уследил время, поэтому-то и появился на дороге в эту ночь. Я почувствовала холод на своей руке и вздрогнула, переводя глаза на свою руку.

— Прости меня. — Шепнул Питер, сжимая мою руку. Его холодок становился настойчивее, мне было не по себе. Я склонила голову, не понимая, что он несет. Он приблизился, однако успеваю отстраниться, и Питер вздыхает, пряча свое лицо в руках.

— Если бы тогда я к тебе не подошел, ты бы была в безопасности. Ты бы жила, как и все остальные: со своими проблемами, из которых легко было бы выйти, ты бы жила со спокойной душой и...

— Скучно. — Закончила я за него, чуть улыбаясь. Он винит себя, потому что хочет для меня, как друг, лучшего. Из-за стольких произошедших моментов я совсем забыла про то, что он мой друг и, в конце концов, про доверие. Я ухмыльнулась, когда увидела озадаченность

на его лице. Он выпрямился.

— Скучной, потому что если бы не ты, всего этого никогда не произошло бы. — Я обвела комнату и указала на него. — Не было бы этого приключения. Хоть и сама не знаю, куда держим путь, я бы не встретила Мэгги или Дженни, Уилла или Саймона... Я бы не прожила те моменты, которые вспоминала потом через много-много лет...

Я вздохнула и закрыла глаза, отгоняя все сомнения.

— Благодаря тебе у меня есть, что вспомнить. — Послав ему кривую улыбку, я открыла глаза и заметила, как слезинка скатилась по его щеке, теряясь где-то за воротом небрежно бледной рубашке.

— Спасибо тебе. — Заверяю его и, прищурив глаза, медленно киваю. Он молча улыбнулся и просто всматривался в мое лицо, пока не заметил краем глаза то, что лежало около меня. Питер с улыбкой на лице медленно поднес к лицу и изучал несколько минут, затем указал на меня пальцем.

— Твоя работа?

Я кивнула и протянула руку, хватаясь за край бумаги.

— Но она еще не законченная, Питер. — Проговорила я, выхватывая рисунок. Он крепче сжал лист бумаги и покачал головой.

— Нет, твоя работа — удивительна! — Он перевел глаза с меня на бумагу, отдирая пальцы и кладя в сторону.

— Почему ты это нарисовала?

Он прищурился. Я поежилась от его пристального взгляда и пожала плечами.

— Рисуя, я не задумываюсь "почему". Я рисую, потому что хочу, потому что мне это нравится. Наверное — это мое второе "я". — Я покачала головой.

— Но это все каракули, ведь есть и другие творцы, которые рисуют куда лучше меня. — Я махнула на бумагу. — Я рисую как курица лапой!

Питер успел возразить, защищаясь. Он схватил листок и указал им на меня.

— Но это ты. То, как ты рисуешь, показывает настоящую тебя. И чем бы ты не занималась, танцами, рисованием, граффити, писанием книг, либо машиностроением, это говорит о том, что у тебя это хорошо получается. Ты это умеешь, а

главное, тебе нравится. Это главное, Кер. — Заключение он, сложив бумагу пополам и убирая её подальше от меня.

— Это всего лишь хобби, — прошептала я, — Только и всего.

Питер улыбнулся и указал на меня.

— Если после всего этого у тебя все еще не пропадет это хобби, открой свое картинную галерею. — Подмигнув, говорит Питер. Я открываю рот и смеюсь.

— Что, извини? — Питер пожал плечами.

— Я серьезно. Просто подумай об этом.

Я киваю. Как бы то ни было, но рисование для меня действительно хобби. Возможно, когда закончу школу... Однако это пока только в пределах мечтаний. А пока мне нужно разгадать эту загадку, состоящую из того, что есть, как предполагает Фил, у меня дома и из рассказа Раша про Мэгги. Что-то здесь не складывалось: откуда у нее такие крупные синяки, из-за чего, а главное — как они появились?

— Не трогай её, Питер! — Предупреждаю его, когда парень в тысячный раз вертит хрустальную балерину перед собой, подобно ребёнку. Он громко хохочет, а бедная кукла плачет внутри. Её фарфоровое личико потрескалось и покрылось глубокими трещинами. Она на миг замерла в пируэте и зависла в воздухе навсегда. Она была такая же тонкая, как балерина, стоявшая в пируэте, плавно расправляя пухлые ручонки. Губы в счастливой улыбке, а на ногах блестящие пуанты цвета тонкой слоновой кости перевязаны на концах ниточкой.

Неожиданно Питер спотыкается и падает на матрас с дырками на нем. Кукла порывисто парит в пространстве, но не долго. Я успеваю её словить и крепко прижать к груди.

— Идиот. — Шиплю, грозно смотря на все ещё хохочущего парня. Он отмахивается, но резко замирает, прося меня на секунду замолчать. Я хмурюсь, пока Питер медленно добирается до пола. Он прощупывает все углы, пока не наткнется на трещину под собственными ногами.

— Что там? — Спрашиваю я его сипло. Он ухмыляется, заводит руки и приподнимает обрисованный квадрат на полу. Через минуту на моих глазах появляется тёмное, словно чёрная дыра, отверстие.

Я оставляю куклу на матрасе и на четвереньках подползаю к Питеру.

Тот свисает над чернотой и угукает внутрь, глубже теряясь в потемках. Я ловлю его за рукав, пока он не упал окончательно.

— Эй, Питер, что ты делаешь?

Он оборачивается, осторожно повисает и свешивает ноги в, так скажем, подвал.

Изнутри пахнет сыростью, проточной водой и ещё чем-то резким и неприятным. Я морщусь. Питер махает в сторону и широко улыбается.

— Идём со мной! Чего ты теряешься, Кер?

Мотаю головой, но парня и след простыл. Я начинаю звать его, чтобы тот вернулся обратно, но Питер только и делает, что идёт дальше.

— И правда, что ты теряешь, Caro?

Мое нутро трепещет от перебоя эмоций внутри. Я узнаю этот голос. Голос, который поверг меня в шок, когда я встретила Её здесь, в коридоре. Я медленно оборачиваюсь и замечаю, как на меня наступает девушка в красном облачении. Она указывает за мою спину и мягко улыбается. Голос Питера уходит куда-то далеко-далеко. Сглатываю, чтобы не поперхнуться, и сжимаю кулаки.

— Кто ты? — Лепечу я тихо. Девушка качает головой и пожимает плечами.

— Иди за ним и узнаешь.

Не успела я сказать хоть слово, Незнакомка рассыпается передо мной градом песка и разлетается на невидимом ветру.

Голос Питера снова возвращается ко мне. Я снова ощущаю прилив адреналина. Делаю шаг, повторяю его жесты и падаю во мрак с головой.

Тут же меня ловят крепкие руки и сжимают, будто в тисках. Питер молча уводит в никуда, но я не сопротивляюсь. Мы проходим в глубокой тишине по странному тоннелю. Рука Питера сжимается при каждом шаге. Он останавливается, когда перед нами встаёт развилка.

— Что там, Питер? — Спрашиваю я, подходя к парню ближе. Он зажмуривается и оборачивается ко мне. Здесь он другой. Какой-то тихий, и до жути пугливый.

Он обхватывает меня за плечи и резко притягивает к себе. Я вдыхаю аромат дождя и теплого костра, но парень тут же отстраняется, даже не успеваю толком понять, что произошло. Он всматривается в моё лицо, точнее пытается из-за темноты. Я качаю головой.

— Ты должна знать правду. Мою правду.

— Какую? Ты же мне итак рассказал все об этих волках, так? — Парень кивает, но крепче сжимает кулаки.

— Нет... то есть, да. Однако речь пойдёт о моём происхождении, Кер. — Говорит он и приподнимает бровь. Я отхожу назад и слышу, как капает позади меня проточная вода. Она проникает в уши, словно слова Питера в душу.

— То есть? — Лепечу в ответ. Питер машет рукой и указывает на себя.

— Я правда виноват в том, что сделал. Я не тот, кем ты меня считаешь у себя в голове. Все это — иллюзия. Иллюзия, которую ты сама придумала.

Я сглатываю, но только Питер начинает что-то объяснять более внятнее, труба поверх наших голов издает звук стонущего зверя. Изнутри выходит проточная вода, будто извержение вулкана, пока нас не сносит в быстром течении. Я успеваю ухватиться, вижу краем глаза Питера. Но Питер еле дышит, слабо держится за какую-то корягу.

Через секунду меня смывает на другую сторону. Смутно вижу, как перед телом Питера вырастает тёмная тень. Он приближается к нему, тщательнее обнюхивает, но тут же фыркает, когда замечает меня. Я замираю на месте. Несмотря на капли, стекающие по телу и одежде, ничего не чувствую. Ни страха, ни чувство самосохранения. Я открыта для Него.

Все проносится перед глазами в сознании четкими картинками: как проходит выпускной бал, вручение аттестатов, улыбки и тёплые объятия родителей, которые безумно рады за своих детей... В одну секунду проходит вся жизнь, и я вижу, как тёмная тень в капюшоне склоняется над моей матерью и тихо шепчет ей:

— "Она не вернётся".

Но этому не бывать! Надо как-то отсюда выбираться. Я часто моргаю, возвращаясь в не избыточное настоящее, и пытаюсь вникнуть в суть происходящего.

— Ты та, кто мне нужен. — Шепчет довольно сипло Тень. Я вздрагиваю. Через минуту передо мной стоит полу человек-полу птица.

Как объяснить увиденное, я не знаю. Он вдруг возвысился надо мной и обратился в нечто неподвластное объяснению. Над ним склонились чёрные вороны и громко каркнули, прежде чем усыпать его с ног до головы темными перьями и удобнее сесть на его плечах и голове, будто корона короля. Он вздергивает свой острый подбородок и зорко разглядывает меня.

— Что тебе нужно? Верни моего друга! — Прошу я, озираясь по сторонам в поиске Питера. Но его нигде не видно. Он где-то лежал, явно без сознания. Человек-Ворон усмехнулся и покачал головой.

— Нет, так не пойдёт. Я предлагаю тебе сделку. Но сначала ты должна познакомиться кое с кем, дорогая. — Лепечет он.

Я мотаю головой и отхожу назад, но падаю на колени перед Чудовищем в сером плаще.

Он начинает хохотать, причиняя боль в сердце. Я шмыгаю носом. Однако Человек-Ворон продолжает, скользя вокруг меня тихо и плавно.

— Если ты намереваешься оставаться здесь и гнить дальше, то начинай оплакивать

своего дружка. Он все равно умрёт, рано это будет или совсем поздно. — Твердит Чудовище. Я поднимаю в панике на него глаза и качаю головой, не веря в его слова.

Он склоняет голову и накрывает левое плечо своим плащом, будто мантией.

— У тебя нет шансов выжить, если будешь сопротивляться. Отдайся тому, что суждено быть.

— Какой в этом прок? — Изогнув одну бровь, интересуюсь, хоть и с долей сарказма. Тень кивает и улыбается.

— Ты получишь нечто большее и навеки обретешь покой. — Он откашливается и приподнимает тонкий, словно остаток чей-то кости, палец. — В хорошем смысле этого слова, конечно же, дорогая. Если пойдешь со мной, то тогда с твоим дружком будет все нормально, я обещаю.

Я с минуту раздумываю, но Человек-Ворон тверд как скала на обрыве. Он не намерен ждать и минуты. Тень врзается в меня и шипит:

— Нет времени на раздумья. У тебя есть здесь и сейчас.

Он вырывает меня с земли, как вялый цветок, и уводит в темноту, откуда сам и пришел. Своей собственной спиной он перекрывает мне вид на Питера. Точнее на то, что с ним стало. За нами уплелись чёрные вороны, и обволок синий поток какого-то одеяла, будто звёздная пыль. Звёздная пыль вместе с Тенью уводили меня все дальше и дальше, пока я окончательно не потерялась во времени и пространстве.

Вокруг густой туман. По бокам от меня худощавые тела мужчин, парней, девушек и даже маленьких детей дошкольного возраста. Они смотрят на меня, но в тоже время их глаза смотрят куда-то вдаль. Как бы поверх моей головы остекленевший взгляд, почти у каждого, вселял в меня ужас и с каждым нашими, почти не коснувшимися земли, шагами мне становилось не по себе, а на их лицах бледные губы трескались, дергаясь в слащавой улыбке. Люди были похожи на зомби, а дети на отродье ночных существ, которые в полную луну высасывали кровь и жизнь из простых смертных.

Я могла только еле-еле перебирать ногами, когда перед глазами начинало все расплываться, а локоть, за который вел Человек-Ворон, побаливать.

Обходя очередную клетку толпившихся детей с остекленевшими глазенками, один из толпы дернулся и потянул руки ко мне, что-то шепча себе под нос. Не успела я отскочить, мальчик с обезумевшими горящими глазами посмотрел на меня, будто просил о помощи, но я быстро отвернулась.

— Не смотри на них долго. — Посоветовал Человек-Ворон, медленнее ведя меня по жуткому коридору темного помещения, облаченного в туман. Я вздернула подбородок вверх, в его черные зрачки бусинки. Он смотрел вперед с хмурым видом на призрачном профиле, даже не удосужившись своего внимания на меня.

Я ничего не ответила, но казалось, Человек-Ворон даже и не ждал моего ответа или какой-нибудь реакции. Он сжал свои холодные тонкие кости на моем локте, и я запищала.

— Они просто потерянные души, которые ищут выход.

Его голос был холоден, как и он сам. Как и все это помещение. Хотя помещением это убогое место невозможно было назвать. Темное туманное место с обитаемыми потерянными душами детей.

— Ты, похоже, один из них, раз тоже так себя ведешь? — Шикнула я, бросая осуждающий взгляд на его руку на моем локте. Он остановился, освободив мой локоть, и его глаза-бусинки исчезли. В помещение стало на несколько градусов холоднее, чем было раньше. Теперь Человек Ворон был просто какой-то безликой тканью среди тумана, сливавшийся с окружающей средой обитания.

— Я намного ужаснее их. — Выговорил он.

"Ужаснее? Насколько? Настолько, что надо похищать невинных? Или же настолько, что нужно пугать людей и угрожать им?"

Но в реальности я не задала ему ни одного вопроса. Просто стояла и глядела поверх его призрачного лица. Он не дышал, не издавал каких-либо звуков. Нас окружила гробовая тишина, и лишь писк детей и шорохи голых ступней заключенных или же побеспокоенных душ через решетку не давали полного покоя. Я размяла локоть пальцами, надеясь, что следы его костей не останутся на мне навечно.

— Насколько?

Человек-Ворон развернулся ко мне, его еле видимое лицо сморщилось. Вернулись глаза-бусинки, но сейчас они стали серого отблеска, гипнотизируя.

— Настолько, что могу убить человека, при этом даже не почувствовав боли или сожаления. Я просто робот и убить тебя сейчас, — из его рта вышло белое облачко, прототип настоящего куска неба, — не составит для меня особого труда.

Меня передергивает. Мне не хотелось умирать. Такого расклада я не ждала и не совсем в восторге от происходящего. Ком застрял в горле и не давал промолвить ни слово.

— Испугалась? — Надавливая на слабые места, говорит Существо.

— Правильно, бойся, потому что если это так, то ты ничего не потеряешь.

Он взглянул на меня серым отблеском, в ответ я покачала головой.

— Не из пугливых? — Говорит он, будто пробует на вкус. Его наигранность, как сожженная бумага на ветру, скользкая и сильно пропитывается в самые поры.

— Почему ты не убегаешь?

Я пожалала плечами и теперь смотрела на потерянные души, на единственного, привлечшего мое внимание, мальчика с горящими глазами.

— Наверное, мною управляет любопытство. Это как твоя бездушность.

Человек-Ворон изогнулся и искажил гримасу, отстраняясь. Он махнул костлявой рукой.

— То есть?

— Ты практически ничего не чувствуешь, когда что-то делаешь, когда как я наоборот ловлю каждый момент, бросаясь в волны с головой, в слепую. Не думая.

Интуитивно. Всем сердцем, не боясь последствий.

Существо улыбнулось, как мне показалось, и поиграло костяшками своей руки перед моим лицом.

— Твоя открытость погубит тебя, Caro. — Произнес он, отходя дальше.

Туман потихоньку захватывал его, оставляя лишь блестящие глаза, а руки детей медленно тянулись вдаль, тихо шепча себе под нос слова о помощи.

— "Помоги нам, помоги нам!"

Я развернулась на 360 градусов и побежала к Человеку-Ворону, который лишь издавал ядовитые усмешки и звал своими тонкими костями пальцев за собой. Увидев дубовую, впечатляющих размеров, на всю стену дверь, я остановилась, как и Существо.

— Ты не убьешь меня? — Вырвалось из моих губ неожиданно. Я смотрю на дверь, украшенную золотыми иероглифами на всю длину, украшая каждый угол. Ветки, как во сне на сундучке, вились змейкой и завивались в спираль, образуя форму замочной скважины. На голове Существа вороны взмахнули своими крыльями, его плечи поднялись вверх и угольно-черные перья спали, где-то теряясь в тумане.

— Не сейчас. — Уверил он и хлопнул в ладоши.

Оглушив на пару секунд, дверь отперлась, вороны закаркали и влетели в открытую дверь. Человек-Ворон также вальяжно последовал за ними. Он кивнул в сторону другой комнаты, но более светлой, я посеменила за ним.

Когда он переходил порог, Человек-Ворон обретал человеческие черты: овальной формы лицо, с маленькой горбинкой полукруглый нос. Пухлые губы искривлены в улыбке, глаза все так же темно-черные бусинки, а волосы стали белее. Его вороны, сидевшие на макушке ранее, исчезли. Черные услужники переместились на три трона, величественно стоявших на этом месте.

Потолки изрисованы рисунками конца пятого, начало шестого века до нашей эры, освещала все двадцать пять квадратных метров одна огромная люстра со спиралевидными ветвями, на которых прорастали почки листьев, но сейчас почки служили светом.

Мой внутренний голос подсказывал, что мне здесь не место и нужно поскорее бежать, но другая часть меня колебалась: ей наоборот хотелось все разузнать и осмотреть. Человек-Ворон обхватил меня за локоть и повел к трем тронам, где сидели два ворона и злоеще

разглядывали меня, как десерт, предназначенный для них.

— Эльза, выходи! — Кричит Человек-Ворон и суживает глазенки, крепче сжимая мою плоть, отчего, видимо, уже точно останутся его следы.

— Я выполнил свою часть договора, теперь плати!

Я тут же повернулась к нему и изогнула бровь.

— Договора? Какого еще договора? — Вскрикнула я, начиная нервничать. Его рука дернулась к себе, тем самым я ударилась боком о его ногу, и другой рукой он закрыл мне рот.

— Сейчас не время, я же сказал! Ты забыла, о чем я тебя просил? — Он снова нахально заправил мой локон за ухо.

— Не сопротивляйся тому, что уже предназначено судьбой сбыться.

Я смерила его убийственным взглядом и попробовала укусить. Он заскулил, закатывая глаза к потолку, и потряс рукой. Мои ноги дрожали, но я заставила их двигаться, пробуя убежать к дубовой двери.

Человек-Ворон усмехнулся и ринулся за мной. Из-за чувства преследования я ускорила, чуть ли не крича. Когда я коснулась, внушительного размера, ручки, похожей на кольцо, раздался знакомый смех и мои ноги застыли на месте.

— Так, так, так, — пропел женский голос позади меня, — кто к нам пожаловал?

В ее голосе слышалась нотка нервозности. Кто бы это ни был, Она веселилась, и происходящее ей безумно нравилось.

Почувствовав холод на своих плечах, я бесшумно вздохнула и закрыла глаза. Пара секунд, и меня уже развернули лицом к воронам, все так же сидевшими на тронах, спиной к свободе.

— Подведи ее ближе. — Просит Голос. Человек-Ворон пихнул меня на шаг вперед, и я упала на колени со звуком, чувствуя, как стирается кожа на ладонях и ногах. Подняв глаза, я прямо посмотрела на того, кто всем этим, как я поняла, управлял.

Эльза сидела на кресле, задрав ногу на ногу, медленно покачиваясь. Пальцами она играла со своим рукавом, проводя пальцем по каждому узору. Окончательно убедившись, что это она, поневоле из меня выходит нервный смешок.

— Почему ты смеешься, саго? — Мягко спросила Эльза, поднимая фиолетовые глаза. Она перестает рисовать у себя на рукаве и быстро спрыгивает с трона, слишком большого для неё, направляясь ко мне. Я сглатываю, туплю глаза на такой же разрисованный, как и потолок, пол, и сглатываю. Девушка поднимает меня с колен и всматривается в мои полуопущенные глаза.

— Посмотри на меня!

Я поднимаю глаза и застываю, когда снова вижу ее. Фиолетовая радужка искрится, зрачки узкие, как у кошки, но меня не пугает ее облик. Как раз наоборот — притягивает. И я знаю, что если тянуться к опасному, можно обжечься, но из моей головы все разом повывлетало, когда она показалась мне впервые.

— Где он? — Спрашиваю я прямо. Уверена, она уж точно знает, о ком я говорю. Лицо девушки искажается от боли, фиолетовые в крапинку глаза перемещаются за мое плечо и она мельком кивает.

— Сейчас он будет здесь, но для начала нам нужно с тобой о многом поговорить.

Эльза выпускает меня из своих горячих рук и ведет к другой двери, но уже не такой

красочной и богато украшенной.

— Я могу тебе доверять? — Спрашиваю дрожащим голосом. Эльза пожимает плечами и впускает меня, на минутку останавливаясь в проеме.

— Ну, раз ты не убегаешь, то скорее всего ты и сама знаешь ответ на свой вопрос.

Когда дверь за нами захлопнулась, Эльза хлопнула в ладоши и синий свет, как ни странно, озарил маленькое, но довольно уютное место в викторианском стиле.

Повсюду стоят книжные полки, захудалая, давно позабытая мебель и кресла возле небольшого камина, который пылал оранжевыми языками пламени. В этой комнате не было света, чтобы хоть что-то четко разглядеть, светом служили мелкие, как тараканы, лампочки, да свечи, слабо моргающие.

— Присаживайся, почувствуй себя как дома. — Ласково говорит Эльза и шествует к полке с книгами.

— Это не похоже на мой настоящий дом. — Жалуюсь я, обходя маленькую коробку возле двери. Она закрыта и обклеена вся серым скотчем. Что в ней, желания узнавать не было. Я аккуратно, дабы не повредить здесь ничего или не сломать, сажусь возле кресла бардового цвета и осматриваю комнату еще раз.

— Теперь это твой дом, Саго. — Говорит Эльза, возвращаясь ко мне, но уже не одна, а с довольно Старым Другом. Я хмурюсь и встаю на ноги.

— Что значит "теперь это твой дом?" — Удивленно лепечу я. Эльза поднимает руку и кивает.

— Тише, тише.

Она кладет Старого Друга на стол и подходит ко мне. Лицо ребенка, легкая походка, а характер и поведение как у взрослой. Такое возможно? Она снова дотрагивается до меня, кладет левую руку мне на сердце, а правую кладет на плечо, мягко поглаживая. Она закрывает глаза и выдыхает через нос. Затем кукольные губы дергаются и улыбка озаряет ее личико. Она кивает и открывает веки.

— Да, я не ошиблась. Это ты.

Я в смятении качаю головой. Я не понимаю ее слов. Кто я, и в чем она не ошиблась? Эльза будто слышит меня и снова кивок.

— Это ты. Ты — наше спасение, Саго.

Слышу ее залихватистый смех, когда она садится напротив меня.

— Насчет дома я сказала правду. Теперь и отныне ты здесь живешь. Связь с внешним, прошлым миром тебе придется забыть. Мы не общаемся с Будущим, и подходим ко всему с осторожностью. Она говорит медленно, чтобы до меня дошли ее слова, но в голове все вперемешку, мысли текут как огромный водопад, путаясь в одну кучу. Я кашляю от услышанного, как будто почувствовала едкий запах перегара или гари.

— Что, простите? — Переспрашиваю, надеясь, что это сон. Потому что я реально хочу проснуться. Это похоже все на страшный сон. На чью-то злую шутку. Или сейчас выбегут со скрытыми камерами и скажут, что это розыгрыш? Тогда почему они медлят? Я озираюсь по сторонам, пока Эльза слащаво улыбается и играет с маленькой статуэткой в руках.

— Ты услышала меня правильно, Керри. Ты не уйдешь отсюда. Твой дом здесь. — Она улыбается, поднимает свои глаза и часто-часто моргает. — Ты теперь в безопасности... Пока. Тебе придется сбросить с себя все старое, чтобы облачиться в новое.

— Что значит ваше "пока"?

Я склоняя голову,

задавая вопрос. Она вздыхает и спускает один рукав, подтягиваясь вперед, и я вижу на ее руке, начиная от изгиба локтя, шрам, похожий на ножевое ранение. Я прикрываю ладошкой рот и округляю глаза, бегая от ее лица к изувеченной руке.

— Кто это вас так?!

Эльза проводит указательным пальцем по шраму, слабая улыбка виднеется на губах.

— Это сделали Будущие. Давным-давно, в лесах, где жил наш народ, появились Они и перерезали каждому жителю, даже ребенку, безжалостно горло. Крови и потери было немерено. Их Вожак Эль был во главе этого кипиша. — Эльза вздыхает. — Он заявил, что все земли Юго-Запада по праву становятся его. Для этого он заключил с моим предком пари, что его предки впредь не ступят на эти земли.

— И что же произошло?

Эльза переводит на меня глаза, ставит статуэтку и печально выдыхает.

— Мои родители первые поплатились за это, затем и я. Когда они проходили по этим местам, они забыли о старом договоре, настолько были поглощены друг другом, и остались ночевать в маленькой избе с прекрасным видом на горы и высокими пышными деревьями. На следующий день они не проснулись. Когда я поняла, что что-то идет не так, направилась на их поиски и спустя два часа поисков с криком нашла их, лежащими на траве. Их переплетенные тела были похожи на бутон одной розы. Долгое время я проливала по ним слезы, пока не услышала шорох за спиной, а когда только поняла, что это не совсем человек, не успела издать и голоса, позвав кого-нибудь на помощь, он замахнулся на меня с диким шипением. Однако моя рука успела подняться в защитном жесте, и острое клинка задело только кожу на локте. После этого, со временем своего взросления, у меня охладело сердце, превращаясь в ледышку. И теперь, когда появляются Будущие, я хладнокровно приказываю им убираться. — Говорит Эльза с горечью в голосе. Она возвращает рукав на место, два раза глядя ткань. Место, как напоминание о том, что с ней приключилось.

— А почему Эль? Кто такие Будущие? Такие как и Вы? Почему я, и как именно помогу, если во мне нет ничего такого, чтобы реально помогло?

Я тараторю как попугай, но один стук в дверь прерывает все, и Эльза возвращается к своей слащавой улыбке. Она быстро кивает, что услышала меня, но ничего не отвечает. Она махает в сторону двери и откидывается на спинку кресла. Я озадаченно поворачиваюсь открывающейся двери. Когда замечаю Человека Ворона, фыркаю.

— Он здесь. — Говорит он и отступает в сторону, давая Ему проход.

В проеме дверей втискивается Питер. Его вечный беспорядок на голове, мятая футболка, дырявые и грязные джинсы свисают как на скелете, напоминают мне былое и то, что сейчас это все блеф.

Одна сплошная тень свечи, которая в скором времени угаснет и сольется с темнотой. Он воплощение прошлого и настоящего. Он — путеводитель и искра в моем сердце, но в тоже время и якорь, который постепенно тащит ко дну. В одно время он — покой для моей души. С другой — ад в реальной жизни. Невозможно находиться подолгу с ним и не находиться вдалеке — вечная дилемма, которая по несколько раз бьет черепушку и я битое время не могу взять себя в руки. Один уголок его рта приподнялся вверх, когда он заметил меня. Я поспешила встать и прошествовать к нему, но массивная рука Человека-Ворона остановила меня. Переведя с него на Питера глаза, я нахмурилась.

— Что, мне теперь с ним и поздороваться даже нельзя?! — Кидаю ему в ответ и ударяю

по руке. Человек-Ворон сильно хмурится, складка между бровей четко выделяется, когда он прошел к Эльзе, слегка задевая меня плечом.

Я вернулась к Питеру и кивнула. Парень подошел ближе и заключил в объятия. Запах после дождя, листьев и шум моря сразу врезались в ноздри. Я закрыла глаза и крепко сжала его тонкую материю, дабы убедиться, что он настоящий.

— Все хорошо, я здесь.

Его полусшепот ласкает ухо, я отстраняюсь и вглядываюсь в его глаза. Он пожимает плечами, но не отпускает. Его пальцы пробегают по моей коже и сплетаются с моими. Он утвердительно кивает и смотрит в глаза.

Я хмурюсь, когда вижу насколько

изменились его черты лица: брови стали гуще, губа треснута и видно, как небольшая кровь, теперь засохшая, остановила свой путь до подбородка. Рука дернулась к его подбородку, большой палец провел полукруг до него, и я заметила, как Питер дрогнул. Рука парня коснулась моего запястья и крепко сжала. Я взглянула на него, но он лишь покачал головой.

— Откуда у тебя кровь? — Спрашиваю тихо я, отворачиваясь к его уху, чтобы некоторые не смогли услышать. Питер нагнулся, опуская руку с моего запястья.

— Это довольно долгая история, Кер, я потом все объясню.

Он отстраняется, и я чувствую, как мое сердце сжимается. Я резко развернулась спиной от друга к Эльзе и, сократив расстояние, очутилась напротив Человека-Ворона, прищуривая глаза. Он смотрит на меня с ухмылкой, из его рук выходит какое-то бряканье железа, но сейчас мне не до его игрушек. Я вздернула подбородок и пригрозила пальцем.

— Твоих рук дела?! — Вскрикиваю я, чувствуя, что взрываюсь внутри. Он обещал, что если я пойду с ним, он не тронет его. Как он мог? Человек-Ворон засмеялся, закинув голову вверх. Я видела как его горло двигалось и руки-кости затрещали вместе с железякой.

— Кер, отойди от него! — Предупреждающе намекает Питер, взяв меня за руку, пытаюсь оттащить, но я стою на своем. Быстро смерив его взглядом, чтобы держался подальше, он отступает на шаг назад.

— Если бы я мог избить, а я могу, убил бы. Но я держу обещания. — Он косится на Эльзу, которая смотрела на всю эту нелепость с улыбкой на лице. — И если дал слово, то не в праве его нарушить. Избиение — это с другой стороны насилие, а бой на кулаках не по моей части, Кэролайн. — Он выговаривает мое полное имя так, что мне становится противно, и я, закатив глаза, отворачиваюсь от него.

Лера

Лера

19.08.17

От этого Существа меня пробирает дрожь, которую я не могу унять. Здесь что-то не так, когда он появляется. Что-то не человеческое. Выбрасываю никчемные мысли из головы, вдыхаю откуда-то аромат вишни и пытаюсь собраться с мыслями, смотря на маленькую дверцу как в лесной избушке. Питер подходит ко мне и берет за плечо, оборачивая одной рукой, сжимая.

— Все хорошо. — Уговаривает он, будто сейчас я для всех бомба, которая вот-вот может взорваться и всех убить. Я смотрю на Питера и оглядываю каждое озадаченное, у кого-то даже заинтересованное, лицо, и хмурюсь. Они боятся меня?

Эльза плывет в нашу с Питером сторону, отстраняя другим рукавом Человека-Ворона.

Ее игривая улыбка появляется на губах бантиках и что-то шепчет Существо. Тот с минуту хмурится, оглядывая меня с ног до макушки, затем Питера и, разворачиваясь на своих каблуках, хлопает руками.

Минута, и его уже нету в комнате.

Его голова превращается в плотную ткань, вороны усаживаются на свои места, будто никогда прежде не покидали своего Правителя. Каркнув в последний раз, Человек-Ворон, теперь уже полностью возвратившийся в свой прежний облик, бесшумно ушел, оставляя после себя небольшую горку снега и мерзлый ветерок, который успеваешь обдуть присутствующих. Эльза проскакивает мимо снежной горки с бледностью, но непоколебимым восторгом на лице, и оказывается, наконец, возле нас. Она машет левым рукавом и горка из снега приподнимается вверх. Та завертелась в воздушном водовороте, медленно расплываясь перед моими глазами.

— Впечатляет! — Не удержался Питер, хмыкнув. Эльза одаривает его блеском своих сапфировых глаз и чуть наклоняется.

— Это мелочь. — Она перевела глаза на меня, склонив голову. — Керри, пришло время прощаться с ним.

Девушка переводит глаза на Питера, который крепче прижимает меня к себе и в ответ шипит. Что значит прощаться? Что значит пришло время? Я не готова!

Я резко отстранилась от Питера, перед этим быстро похлопав его по руке. Он сбросил руку, но я успела заметить, как его руки сжались в кулаки.

— То есть как, пришло время? — Сомнительно перебирая слова, спрашиваю. Эльза кивает.

— То и значит, Саго. — Она шепчет, ее глаза блестят. — Ему здесь не место. Он другой. Ты другая. Вы не созданы друг для друга.

Она подходит ближе, но я ставлю перед собой руки, и она останавливается. Чувствую, как в глазах стоят слезы, образ Эльзы расплывается, и я не могу сдержаться, горячая слеза катится по моей щеке, обжигая кожу. Питер встает позади меня и становится легче, но недостаточно.

— Я не готова, Эльза...

Впервые я зову ее по имени, на что ее глаза-сапфиры округляются, на лице появляется мягкий свет материнской теплоты, хотя она мне больше годится в старшие сестры, нежели в матери. Эльза качает головой и улыбается слабо, пытаюсь сделать шаг вперед.

— Рано или поздно тебе придется с ним попрощаться. Просто сделай это сейчас, чтобы потом не было больно. — Говорит она. Я отрицательно всплескиваю руками, скрепящая их на груди, дабы приостановить разъедающую дыру внутри, которая с каждым ее словом поедает меня.

Я вздрагиваю, когда теплые пальцы Питера касаются плеч и легкая дрожь проходит по телу. Медленно развернувшись с непролитыми слезами на глазах, поднимаю голову и всхлипываю. Рот Питера искривляется, он склоняется, его зрачки расширены, а глаза цвета мокрой травы были теплыми и такими родными, что сердце начинает сжиматься сильнее. Он пожимает плечами и подмигивает мне. Я хихикаю, но сдерживаюсь, чтобы не распадаться на глазах у Эльзы. Он крепче обнимает меня, передавая свой трепет сердца, кусочек себя самого. Чувствую, что теряю нечто особое в своей жизни. Нечто важное. Всклип становится громче. Я сжимаю его футболку в кулаки, пытаюсь совладать с собой, пока голос Питера что-то спокойно шепчет в ухо:

— Можно нам минутой?

Я слышу, как Питер спрашивает Эльзу, пока зажимаю веки и начинаю трястись.

Шелест ее плаща. Захлопывается дверь и больше ничего, кроме гробовой тишины и своего дыхания, я не слышу.

— Керри, открой глаза. — Просит

Питер, поглаживая по щеке. Я медленно открываю глаза и бегаю ими по его знакомому лицу. Его все та же счастливая на все лицо улыбка, звездочки в глазах и угловатые черты лица, будто не покидали меня. Я улыбнулась, но тут же запротестовала. У нас есть минута. Минута на то, чтобы спросить, сказать, объяснить, выслушать, понять. Попрощаться.

— Я не готова.

Питер молча кивает, но глаза выдают парня. В них глубокая тоска, от которой мне становится не по себе. Он начинает играть с ниткой на своей футболке, я наблюдаю, и мы оба просто молчим. Что говорить, когда больше не остается слов? Только молчать.

Мы садимся в мягкие кресла друг от друга. Я погружаюсь в теплоту и огонек потрескивающего костра неподалеку от нас. Питер медленно осматривается, пока не касается моей руки и не улыбается.

— Керри, послушай меня...

— Нет, они не могут тебя забрать... Ты не можешь вот так просто исчезнуть, Питер! — Выпаливаю я ему в лицо, но парень немой как рыба. Он продолжает меня слушать, но ничего не говорит в ответ. Наконец он утвердительно кивает и присаживается на колени возле меня.

— Эльза была права. Я другой. Это и была моя часть правды, которую я хотел сказать.

Если открываться человеку, то только если доверяешь всецело и полностью. Я доверяю тебе и знаю, что ты напугана. Тебе нужна поддержка, Кер, но смогу ли я тебе ее обеспечить — не уверен. У нас с тобой мало времени и лучшего момента не найти сейчас, понимаешь?

Я синхронно киваю. Он облизывает губы и сжимает мою ладонь, крепко притягивая к своей груди. Он часто дышит и продолжает. Какая бы не была правда, я выслушаю.

— Что произошло на самом деле, Питер? Расскажи мне все. — Прошу его, горько улыбаясь парню.

— Правда... — Он поиграл с этим словом некоторое время, затем выдохнул.

— Я — чтец мыслей и владею щитом, Керри. Я знаю свой город, как свои пять пальцев, и хорошо ориентируюсь в пространстве. Я — ходячая проблема, которую невозможно решить. Со мной невозможно находиться рядом, потому что я сам не понимаю, что со мной, и могу в любой момент взорваться. Просто знай, что где-то живет такой же человек как ты, который держит внутри бомбу замедленного действия. Очень сложно держать все в себе и при этом знать, что ты окружен людьми, которые тебе желают помочь. Но с другой стороны, эти люди, как пешки: пустоголовые и никчемные. Они просто существуют и живут, как им захочется. Они не знают, что такое смерть или потеря.

Я прищурила глаза в неверии.

— А ты значит знаешь?

Питер кивнул.

— Я всему тому причина. Из-за меня она погибла, а я не мог защитить даже своими силами. Я не достоин жить и веселиться, когда она там...

— Кто Она? Что случилось тогда?

Питер понизил голос до шепота.

— Это было жарким летом, когда мы с Ней гуляли в Парке Вудленд. Она заметила четырех волчков в белоснежно-белой окраске. Они поскуливали и тянулись к ее вытянутой руке, в которой она держала буханку хлеба. Один из четверки подошел к ней ближе, обнюхал и укусил ее за руку. Она сразу отпрыгнула ко мне, но только мы попытались сбежать от этих голодных детенышей, послышался в самой чаще леса, неподалеку от нас, ужасающий вой, который становился все ближе и с каждым моим прерывистым дыханием приближался. Она спрятала меня в кусты и попросила не вылазить, пока все не утихнет. В тот момент люди не гуляли по Вудленду, так как Она выбирала определенное место и время. — Питер перевел дыхание, видно было, как ему это давалось с большим усилием.

— Так вот, время шло, я пытался выглядывать и наблюдать за всей картиной, но видел только волчий оскал и острые клыки тех голодных детенышей. Мне было страшно до такой степени, что меня приморозило к месту, и когда Она кричала мое имя, зовя на помощь, я заткнул уши и закричал, на что визг по ту сторону кустов прекратился, и клацанье клыков пошло на меня. На миг я замер, будто превратился в лед, шарканье не прекращалось. Я попытался отползть на корточках назад, в безопасность, но наткнулся на камень и промычал от боли в пояснице. Сжав кулаки,

почувствовал, как внутри что-то растет, и это "что-то" я не мог держать долго в себе. Тогда Это вышло наружу. Я закрыл глаза и полностью отдался неизвестному.

Я слышал только хлопки и тяжелое бряканье за спиной. Когда это что-то испарилось внутри меня, я осмотрелся и увидел лежащих на траве голодных детенышей, но уже в довольно больших размерах, чем когда видел их на поле в парке. Потом я побежал к Ней, но понимал, что не могу услышать ее и сейчас. Она где-то там бегает и ищет меня... Но мои надежды разбились на мелкие осколки, когда я увидел бездыханное тело. Также как и голодные детеныши, она лежала на траве, усыпанная фиалками и лилиями. Тем телом, лежавшим на траве, была моя мать. Это моя вина в том, что не был рядом с ней. Я не защитил ее и теперь расплачиваюсь. Я защитил себя вместо нее. Я виноват. И только...

Я думала, что он пай-мальчик, у которого все на мази: счастливая, а главное, полноценная семья с вечной улыбкой на лице. Никогда бы не подумала, что все так обернется. Его история меня привела в полный тупик. Как может человек настолько скрывать свое настоящее лицо? Как настолько долго можно ходить в маске?

Я молча положила на его вздымающуюся грудь вторую руку и закрыла глаза. Минута, и его рука уже покрывала мою, крепко сжимая, что даже пальцы покраснели и склеились вместе. Я вздрогнула.

— Теперь ты знаешь мою правду, Керри. Всю.

Я кивнула.

— А как насчет братьев и сестер? — Склонив голову, спросила я. Он усмехнулся и кивнул в сторону.

— Не родные. Я — единственный приемный ребенок в их семье.

Я разеваю рот от услышанного. Приёмный ребенок.

— Ты так хорошо скрывал это... Как? — Неуверенно проговариваю я, качая головой. Он пожимает плечами, будто бы это было обыденным делом.

— Люди постоянно что-то скрывают. Просто мы этого не замечаем или же не хотим замечать. Всё просто.

— Я не хочу терять тебя.

Мой голос дрожит, снова возобновляется тряска. Он падает на колени и приближается.

На его лице паника. Он тянет ко мне руки и подбирает мой подбородок, обхватывая мои щеки. Он часто дышит, глаза влажные, губы больно сгибаются, он просит посмотреть ему в глаза. Я сглатываю ком в горле, наблюдая за ним, как он мельтешит по всему моему лицу.

— Все будет хорошо. Я тебя не брошу. Я буду рядом, ты даже и не заметишь моего отсутствия.

Питер качает головой, убеждая меня, а может и себя тоже, но от этого мне не легче. Я качаю головой, сглатываю, и бросаюсь ему на шею, цепляясь за его спину.

— Нет, пожалуйста... — Хриплю я.

Мягкий смех расходится по всей комнатке, я чувствую его протест. Он освобождает меня, отстраняя на вытянутой руке, просто наблюдая.

Что-то идет не так: я не чувствую душевного покоя здесь. Это не мое. Это все не по-настоящему.

Лера

Лера

19.08.17

Это невозможно. Я все еще думаю, что это очередной сон, только он более реалистичный. Питер качает головой и ухмыляется, выпрямляясь.

— Боюсь, что это все уже никакой не сон. — Говорит он, выдыхая, проводит пальцами по волосам, растопыренные острые концы непослушно развиваются и остаются в утреннем беспорядке.

Я медленно встаю и скрещиваю руки, защищаясь. Запах морской волны, идущий от Питера, нависает над нами, как купол. По моим плечам и кончикам пальцев пробегают мурашки, заставляя волосинки вставать дыбом.

Несколько дюймов между нами будто разделяют на две части. Как два разных мира. Я сразу вспомнила слова Эльзы.

— Ты какой-нибудь серийный маньяк-убийца, как Человек-Ворон?

Питер смеется при упоминании Костлявой руки и качает головой, потирая подбородок.

— Нет, он другой, но гораздо темнее.

Он быстро подходит ко мне с полной серьезностью на лице, глаза стеклянные и холодные. На мои глаза наворачиваются слезы, но они не собираются стекаться по щекам. Они продолжают стоять у меня в глазах, как зеркальная стена.

Мысленно продолжаю умолять его остаться, но он лишь отвечает на мои крики о помощи картавой улыбкой. Снова он тот, кого я встретила в первый школьный день, такой же тихий, загадочный, полный тайн и секретов парень. Его пальцы играют с моими локонами, они мягко приглаживают волосы и Питер, улыбаясь, кивает головой в одобрение.

— Я другой, это правда. Но не для тебя. Для тебя я по-прежнему все тот же Питер который помог тебе справиться с приступом в твой первый день.

Я начинаю шмыгать носом и повторяю его плавный кивок.

— Ты помнишь?

— Никогда не забывал.

Купол тишины не покидает нас. Мы стоим посередине маленькой уютной комнаты и молчим, временами качаясь из стороны в сторону. Этот миг я бы хотела запомнить и никогда не забывать. Все в этом мире временно, никогда не знаешь, что произойдет в следующую секунду.

Снова прохладный воздух окутывает наши тела, меня передергивает, но тепло Питера

помогает согреться. Когда он медленно отстраняется, я хмуро наблюдаю за ним, однако остановить не могу. Он бормочет себе что-то губами под нос. Бесенята в глазах все также продолжают играть с отражаемым пламенем за моей спиной.

— Мы еще встретимся, Керри.

Он благородно наклоняется, и я вижу, как на его темной голове появляется угольно-черная вытянутая шляпа с заостренным концом. Конец вяло кивает мне, когда Питер, загадочно улыбаясь, возвращается ко мне. Я склоняю голову набок и киваю в сторону шляпы.

— Что это?

Я хрипловато смеюсь, когда в голове вспоминаются картинки ведьм и волшебников. Питер указывает на шляпу и пожимает плечами.

— Это мой истинный образ, который я давно никому не показываю.

Питер протягивает мне руки, я молча плетусь на дрожащих ногах к парню, и как только мы оказываемся близко друг к другу, между нами проходит электрический ток необъяснимой тяги друг к другу. Хищная улыбка озаряет его лицо, он быстро кивает, и я чувствую, как он приближается ко мне.

Мое сердце замирает. Я жду, когда он что-то сделает, и крепче сжимаю пальцы на ногах, пытаюсь совладать с пожаром внутри. Через секунду он выдыхает и, закрывая глаза, сталкивается с моим виском. Его теплое дыхание щекошет мне ухо, я открываю веки и озадаченно бегаю глазами.

— Я не могу. Не должен.

Он начинает отстраняться, натягивая темную шляпу на глаза. Я сощуриваю глаза и медленно отхожу назад.

Мой живот скручивается в тугий узел, мне перекрывают, будто чужие руки, кислород, и я становлюсь все дальше и дальше от Питера, который начинает идти на меня с виноватым лицом, но я останавливаю парня, вытягивая руку перед ним.

— Не переживай за меня. — Я шмыгаю носом. — Я справлюсь.

На его лице появляется озабоченная складка, он начинает бегать глазами по всему телу, что меня пробирает колкая дрожь и становится не по себе. Только он открывает рот и хочет что-то сказать, позади него разбивается стекло и мелкие осколки летят в разные стороны, долетая даже до меня.

Питер подпрыгивает на месте. Когда он приходит в себя, тут же на корточках доползает до меня и осматривает взволнованным взглядом.

— Спрячься! — Шепчет он на ухо, отходя от меня на приличное расстояние. Я закрываю уши и также на коленях доползаю до ближайшего миниатюрного круглого столика с кривыми ножками. Дыхание ни к черту, накрываю рукой бьющееся сердце и пытаюсь унять боль внутри.

— Время пришло, парень!

Голос Человека Ворона доносится по всей комнате, он медленно ходит и ищет Питера. Я бегаю глазами по темным углам, до которых Костлявой Руке не добраться, и вижу, как под одним из кресел пристроился сам Питер, крепко обхватив руками колени.

Парень улыбается мне нахальной улыбкой, накрывает указательным пальцем свои израненные губы и я, уловив его жест, киваю в ответ.

— Где же ты Питер? — Напевая, Костлявая Рука подгибается подо мной, и я замираю, тупо глядя в его серость в глазах.

Его призрачные губы ехидно искривляются, он протягивает свою кость в мою сторону,

но я лишь качаю головой, смотря на руку. Пытаюсь отползти назад, но Костлявой Руке везёт, и он ловит мою дрожащую руку, подтягивая на себя. Я начинаю кричать, когда морозный холод проходит по моим костяшкам пальцев. Успеваю головой удариться об стол и морщусь, чувствуя тупую боль на макушке.

— Нет, нет...

Мой голос хриплый, грудь сковывает. Костлявая Рука в хищной улыбке наклоняется ко мне, скользит одним длинным пальцем по моей щеке, я резко отстраняюсь, фыркая.

— Мы просто поиграем, Кэр. — Сладко и зловеще напевает он. Но не успеваю я подняться, снова падаю, ударяясь спиной об стеклянный журнальный столик.

— Не смей называть ее так!

Позади Костлявой Руки всплывает разгневанный Питер с кулаками, готовый к драке.

Он преодолевает несколько шажков к Костлявой Руке и делает приличный замах. Его кулак врезается в прозрачную черепушку Костлявой Руки, на что тот просто громко смеется и вытягивает один палец в воздух.

Один взмах его пальца и Питер, как тряпичная кукла, летит в воздухе в немом крике, смотря на Костлявую руку, который за всем этим наблюдает, подобно кукловоду, как будто для него это одна сплошная игра. Внутри меня все кипит, и я сжимаю кулаки.

— Для тебя это все шуточки, да? Ты что, не понимаешь, что из-за тебя страдают люди? Неужели чужие страдания для тебя ничего не значат?!

Я начинаю вскипать, чувствую, как щеки краснеют. Костлявая Рука замирает, медленно поворачивается в мою сторону и наклоняет еле видную черепушку, на которой при свете все же видна вмятина от кулака Питера.

Костлявая Рука тихо посмеивается, и левой рукой, облаченной длинным рукавом, проводит по комнате и качает черепушкой.

— Эх, а я тебе говорил, Кэролайн, у меня нет чувства сожаления к ним. Весь мир — это одна сплошная шутка, так почему же не принять участие в этом спектакле?

Он снова качает головой и играет неподвижным телом Питера, который лежит на куче хлама, сделанного после своего падения, без сознания.

— Говоришь, я — причина людским страданиям? — спрашивает он, мельком рассматривая мои глаза.

У меня встает ком в горле, и не могу сказать ничего вслух, поэтому лишь киваю ему. Он прыскает со смеху, и я хмурюсь.

— А что, это не так? — Поднимая брови, спрашиваю я.

Костлявая рука пыхтит. Вижу, как из его темных дырочек выходит серая пыль и меня передергивает от такого вида. Все перед глазами стоит мокрой стеной. Повсюду серая мгла, туман, скользящий по комнате из разбитого панорамного окна, и полный беспорядок, в некогда красиво обставленной комнате.

Теперь здесь поселился хаос: книжные полки разгромлены, книги лежали в открытом виде со странно язычными словами и саморучными записями, обложки которых были перерезаны на мелкие куски.

Одно окно, недавно встроенное в стену, теперь разбито на мелкие кусочки, и холодный ветер заходит сюда, как к себе домой, пробирая присутствующих до самых костей. Я съезживаюсь.

— Сам мир сделан из страданий. Не я всему причина. — Говорит Костлявая Рука. Он тяжело выдыхает, опускает рукав, и его черепушка, да и сам он, становятся видимыми. Лицо

приобретает человеческие черты, костлявый

палец теперь перерастает в обычные длинные пальцы пианиста, а глаза снова становятся мелкими щелками с синевой. Я выдыхаю, но подойти к нему боюсь. Вместо этого быстро перебегаю к Питеру, ищу пульс дрожащими руками, но не могу обнаружить его. Наклоняюсь ухом к его груди, где находится сердце, но оно не стучит.

— Что ты сделал с ним?! — Я резко встаю на ноги, но они меня еле держат, поэтому приходится держаться за стену. Человек-Ворон смахивает стекла со своего плаща и фыркает:

— Поживем — увидим.

Я сжимаю и разжимаю руки, топаю ногой, но это выходит слабо.

— Я ненавижу тебя!

— Взаимно. — Произносит он и направляется к двери, но только его рука дотягивается до ручки, дверь сама распахивается и в проеме появляется Эльза. Ее щеки красные, в глазах мечутся молнии, а капюшон, ранее закрывавший ей лицо, теперь за спиной. Она переходит порог, гневно смотрит на, теперь уже обличье, Человека-Ворона, нежно и с опаской в глазах на меня. Когда ее глаза-сапфиры доходят до Питера, она прикрывает маленькой ладошкой свой рот и морщится, косо смотря на виновного:

— Что. Ты. Наделал!?

Она подходит ближе. Человек-Ворон делает шаг назад и начинает трястись. Он качает головой и указывает на меня.

— Я хотел забрать его, но они спрятались от меня и он, — Человек-Ворон указывает на Питера, — не хотел уходить по-доброму...

— И поэтому ты решил, что убив его, он согласится?! — Кричит Эльза, махая рукавами. На фоне высокого Человека-Ворона Эльза казалась маленькой куклой. Только разгневанной. Он качает головой и выдыхает.

— Я это уже понял, Эльза.

Он поднимает глаза и качает головой. На лице парня проходит тень разочарования и глаза сверкают. Лицо искажается, похоже на глюк, и его всего перетряхивает. Эльза в ужасе отступает назад, подходит ко мне, закрывая нас своим тельцем.

— Что с ним происходит? — Шепчу я не в силах на большее. Эльза качает головой, все так же не смотря на меня. Ее рыжие кудрявые на концах локоны пружинят на спине. Чувствую, как она сжимает мою руку, и я выдыхаю от исходящей от нее волны спокойствия.

— Он сожалеет. Только и всего.

Рука Эльзы сжимает мои пальцы и тихо шепчет:

— Забирай Питера и уходите отсюда. Я дам вам сигнал. Вы должны уйти отсюда, как только солнце уйдет за горизонт. Мои помощники помогут вам благополучно добраться, они уже ждут вас снаружи. Эльза качает головой, смотря в пол, а потом встречается со мной обреченным взглядом.

— Видимо, я поторопилась с этим всем. Но мы встретимся с тобой вновь, саго. Скоро, — заверяет она. Я в недоумении качаю головой, чувствую, как вскипает кровь.

Я протестую, но Эльза непоколебима. В ушах встает душераздирающий крик и мне приходится оторваться от Эльзы, закрывая уши, и сильно сгорбиться. Она отходит от меня на несколько шагов, и только я успеваю скинуть туман с глаз, Эльза уже в двух шагах от Костлявой Руки, который чудовищно кричит, птясь от нее назад. Он качает головой и вытягивает один костлявый палец перед ее лицом, но Эльза слабо улыбается, надевает свою кричаще красную мантию и взмахивает рукавом.

— Керри, сейчас!

Я подпрыгиваю на месте и начинаю бегать глазами по всей разрухе как после сильного взрыва, и только глазами замечаю тело Питера, подбегаю к нему и начинаю прощупывать пульс, моля его мысленно проснуться.

— Питер, открой глаза! — в панике кричу, хватаю его за шкурку и трясусь. Но Питер не желает меня слушаться и я, пыхтя, семимильными шажками обхватываю его за талию, давая секунду, пока его левая рука не упадет на мое плечо. Я подтягиваю неподъемную "тушу" и тащу к выходу. Точнее к тому, что от него осталось.

Крики, зверские вопли и даже плач перемешиваются в один комок, и мне становится трудно дышать. Кусок двери медленно распахивается, и только мы оказываемся в огромном исписанном зале с двумя величественными тронами, перед глазами стоят Фил, Йорки и Раш.

У всех троих каменные лица, остекленевший взгляд, куда-то смотрящий в пустоту, зрачки-блюдца, будто троица под чьим-то гипнозом, и все, как один, идентичны друг другу: военная форма, высокие замшевые ботинки и черные перчатки. Мое сердце глухо стучит в ушах от опустошения в их глазах и от того, что они вообще здесь. Что происходит?

— Вы?! — пыхтя еще сильнее, говорю я и смотрю на Раша, который мельком кивает и в его глазах поблескивает слабый, но все еще видимый огонь.

— Откуда? Вы же...?

Йорки откашливается и быстро говорит, как будто через силу пытается выбраться из плена:

— Два мира разделены одной сплошной полосой. Перейдешь черту — все рухнет!

Его голос дрогнул и он утих. Я долго думала над его словами, но смысл их не могла раскрыть. Все смешалось в голове, и я не могу толком разумно мыслить. Это все не настоящему. Это нереально...

Голос с той стороны закричал так, будто кого-то резали на куски. Меня всю передернуло, и мелкая дрожь дошла до обморочного Питера.

Вдруг крепкие пальцы обхватили меня и потащили назад. Я вскрикнула от неожиданности и, понимая, что меня куда-то затаскивают в темноту, стала карабкаться руками и ногами, хватаясь за косяк раздробленной двери. Тело Питера плашмя упало на пол,

и я в ужасе ахнула, зовя кого-нибудь на помощь. Я не могла долго держать его в одиночку.

Через минуту появился Раш и сгреб в охапку тело Питера, унося за собой. Он перекинул его через плечо и, на полусогнутых ногах, пошел на меня. Его сил не хватало, как он не пытался ухватить меня крепче и потянуть на себя — все без толку.

— Раш, спасайте Питера. Это бесполезно, — говорю я, почти хрипя, когда мерзость по ту сторону тянет меня еще дальше, а мои пальцы уже не могли долго держаться за деревяшку. Но Раш, что-то говоря себе под нос, не отставал и пытался освободить меня.

Голос Йорки пробрался мне под кожу и губы дрогнули, вспоминая его слова, сказанные две минуты назад.

— Видимо, это всё. Может это моё предназначение? — говорю я. Раш на минуту прекращает свои попытки меня удерживать и смотрит на меня исподлобья как на что-то вон выходящее из понимания. На его лице пролегает глубокая задумчивая морщинка между бровей, и он ухмыляется.

— Не сейчас, — говорит он и замирает. Один кивок и он начинает шептать мне, чтобы я задержала дыхание и расслабилась.

Закрывает глаза и снова стала считать до пяти, пока не почувствовала под ногами отсутствие пола и стала невесомой. От легкого предвкушения, как будто я перебегаю финишную черту и вот-вот перебегу, я распахнула веки, и не успела перевести дыхание в стабильное, как рука Раши тянет меня вперед, и мы бежим, сломя голову, от воплей, криков и чудовищно мерзких рук подалеже, направляясь к ликованию, идущему из выхода. Как можно быстрее и только вперед!

Темный подвал, по которому мы шли с Костлявой Рукой ранее, теперь был мокрым, дурно пахнувшим и каким-то мистическим местом. Питер все также спал на плече у Раши, Йорки звенел ключами, а Фил молча ступал в темноте так, как будто она была хорошо освещена. Мы проходили мимо одинокой клетки, вытянутой вдоль стены, и голос мальчика снова всплыл в моей голове.

Я остановилась и медленно обернулась, стала смотреть на кромешную темноту, пока оттуда мне не показались большие глаза, полные грусти и безнадежности.

— Керри, ты чего? — Позади меня очутился Йорки и также попытался взглянуть сквозь черноту, в поиске того, что вижу я.

— У нас мало времени. Питер долго не протянет! — напоминает он. Я помнила о нем и, кажется, я теперь знаю, как его спасти. Йорки снова меня окликает и сжимает плечо, поворачивая к себе. Он покачал головой в непонимании и пожал плечами, кивая в сторону.

— Идем!

Я хватаюсь за его рукав и парень останавливается на месте в полной озадаченности, что со мной. Послышались тяжелые шаги, и перед нами появляется Раш с Питером на плече, весь запыхавшийся и с явными мешками под глазами.

— Что вы тут забыли?! Керри, нам нужно его спасти! — Он указывает правой рукой на Питера. — А ты тянешь резину. Тем более, здесь ужасно воняет и, кажется, здесь кого-то убили... — сомнительно Раш начинает осматриваться по сторонам.

— "Скажи им"

Вдруг детский голос прошептал мне позади, и решетки затряслись в страшных детских столах. Парни отпрянули назад, Йорки потянул меня за собой, но я остановилась и покачала головой.

— Нет, выслушайте меня! — крикнула я, моля их. Парни сомнительно переглянулись,

но кивнули. Сердце бешено заклокотало в груди, я сморгнула пелену щипкового дурмана.

— Покажется странным, но, кажется, я знаю, как вернуть Питера.

Раш склоняет голову и хмыкает.

— И что же ты предлагаешь?

Я указываю на трясущиеся за спиной решетки и хитрая улыбка, не присущая мне прежде, растягивается на моем лице.

— Нам нужно выпустить души.

Раш и Йорки поглядывали на меня как на неопознанный объект, из которого вылез зеленый человечек со щупальцами и попросил их захватить Землю. В этих полутемных трудных условиях совершенно невозможно было что-либо разглядеть. Оставалось только надеяться на свои ощущения. Я осторожно развернулась к испуганному, одиноко стоящему в клетке, мальчику, и попыталась протянуть руку, как Йорки с Рашем в один голос завопили:

— Керри, нет!

Рука самовольно дернулась на полпути, кончики пальцев задрожали, и я сжала ее в кулак, когда почувствовала жуткий холод, исходящий из клетки. Я зажмурила глаза и тихо шепнула мальчику:

— Не бойся меня. Я лишь пытаюсь помочь.

Открыв веки, чувствую, как железки снова начинают дрожать. Я пячусь спиной назад, уставившись на безоглядное пятно на дальней стене внутри клетки. Чьи-то дрожащие пальцы обхватили меня за плечи и быстро подняли на ноги. Пока я нехотя отбивалась от крепкого захвата, краем уха слышался детский всхлип несчастного ребенка, и голос Йорки о том, что нужно уходить. Я быстро повернулась к нему, сложив ладоши вместе, подняла перед лицом.

— Йорки, мне нужна ваша помощь, пожалуйста!

Он долго изучал мое лицо и все решал: его глаза дьявольски заискрились, ехидно искривились губы в ухмылке и, не разрывая со мной зрительного контакта, крикнул через плечо Рашу:

— Эй, Раш, выносите отсюда Питера, и ждите нас снаружи!

Раш кинул в ответ, что у нас есть ровно пять минут, и потом они вместе с бессознательным Питером исчезли в темной щели подвала. Когда за ними ничего не слышалось, кроме постепенно утихающих шагов, голова Йорки снова обернулась в мою сторону. Он передернул плечами, разминаясь, вскинул руки в стороны и хитро оскалился.

— У нас с тобой хватит пяти минут, чтобы освободить их?

Я многозначительно пожала плечами, косо поглядывая на темное пятно. На нем просачивались ярко-голубые бездонные глаза мальчика, и снова исчезали. Я сглотнула.

— Надеюсь.

В полной тишине и зловещей темноте, в которой даже черт ногу сломит, мы проходили в этих потемках, пока я не почувствовала на своих пальцах холодный и скользкий металл.

— Упс! — шепнул Йорки, резко врезаясь в меня, и мы оба впечатываемся в клетку. От этого дверь дрожит и, с разрывающим душу звуком, медленно начинает открываться. Мои руки дрожат. Йорки покосился на меня и словил решетчатую калитку, вибрирующую на ходу.

— Кажется, кто-то приглашает нас в гости, — попытался пошутить Йорки, пролезая мимо решеток, пока я осматривалась между узкими щелями клетки. Я пыталась найти пугающе одинокого мальчика. Но его нигде не было. Может его и вовсе не существовало?

"Тебе не кажется" — вдруг слышится в голове голос того самого мальчика из клетки. Я нервно метаюсь глазами по всему периметру клетки, но она пуста, и я в полной озадаченности. Я замираю на месте, глубже вдыхая терпкий аромат, оставшийся после Йорки. Парень, видимо, замечает мое отрешенное состояние, так как он постепенно приближается, и вот он уже смотрит на меня.

— Эй, Керри? Мы идем спасать твои души или ты передумала? — ухмыляется он, слегка трясся мое плечо.

Но я не могу ответить или сказать хоть что-то, меня парализовало. Я не в состоянии моргнуть и вдохнуть. Просто стою на месте и смотрю на огромные, печальные, но уже не по-детски глубокие глазенки мальчика. Он здесь.

Хоть его присутствие и было слабым, будто отражение или дефект камеры, я ощущала его. Видела его и он был реальным. Уголки губ потянулись вверх,

дрожь в руках прекратилась. Я протянула к Одиночке руки в пригласительном жесте, но он не шелохнулся. Его яркая пара глаз, размером с блюдце, перебежала с моих рук к Йорки.

— Он ничего не сделает, — предупредила мальчика и он облегченно вздохнул. Я почувствовала, как Йорки напрягся и вздрогнул. Он придвинулся ближе, слегка преклонив голову.

— Ты это кому? Кому я не должен ничего делать? — парень выгнул бровь, глаза зорко оглядывали клетку. Но он не заметил Одиночку, стоявшего прямо позади него. Я покачала головой, сделав шаг вперед, отодвинула Йорки в сторону.

— Потерянной душе, которая говорит, что тебе стоит оставаться на месте и ждать здесь.

Мои ноги не несли меня, я ими не управляла. Я будто парила в воздухе, как мотылек. Одиночка вел меня, а я не сопротивлялась, спокойно плыла за невидимой путеводной ниткой. Йорки остался позади, жуткие стоны, беспокойство за других: за Питера, за Мегги, за Джен и маму. Всё исчезло и ушло на второй план. Перед лицом стояли только иссиня-чёрные глаза, которые без какого-либо стеснения и злобы глядели на меня из-под своих густых ресниц.

— Ты в опасности, — молвил малец, указывая на меня тонким пальчиком.

Я быстро кивнула и сделала еще один неуверенный шаг к нему, пока он скользил босыми ножками по незначительной берлоге в поиске чего-то, на его взгляд, ценного. Я бегло прошлась незначительным взглядом по месту, но кроме ржавой воды, растекшейся по твердому полу, повсюду старых, страшно изуродованных труб, на которых белым мелом нарисованы палки, как если бы кто-то считал дни до своего освобождения или кончины, я ничего такого не заметила.

— Возьми, но больше никогда не теряй.

Я обернулась к мальчику и глаза готовы были выпасть из орбит, когда я глазела на амулет, подарок Сэма.

— Откуда он у тебя? — с дрожью в голосе спросила, показывая на предмет в его ладонке.

Мальш замотал головкой; завитки на голове запружинили, кружась в воздухе. Другой ручкой он попытался дотянуться до моей и, аккуратно обхватив, сжал. Тут же морозный холод пробежался по коже, впитываясь до

самых костей. Отпрянув от него и выхватив руку, хмуро озиралась на него, пока до паренька не дошла сама суть загвоздки. Я перебежала с озадаченным взглядом с него на его кончики пальцев, но он лишь покачал печально головой и вздохнул:

— Все боятся этого. Ты не первая, кто замечает холод моих рук.

— Но почему они такие?

Мальчуган слабо улыбнулся, протянул ко мне руки и молча отдал амулет.

— Я потерянная душа, и со временем каждая душа леденеет. Мы постепенно превращаемся в камень, однако ты можешь нам помочь, выпустив нас. — Мальчик приблизился, одарив пронизывающе ехидной ухмылкой, и коряво протянул пухлый пальчик вдаль, но, все еще не разрывая зрительного контакта, разглядывал меня пораженную.

— Теперь ступай, время ограничено. Когда выйдешь из этого места, одень медальон и не снимай ни при каких обстоятельствах, ты услышала? — Я нервно сглотнула, чувствуя недостаток кислорода.

— Как я помогу вам, если ничего не умею такого и вообще без понятия, с чего начать?

Но мальчуган с непослушными кудрями продолжал идти на меня: его глаза становились темнее, тельце то увеличивалось в размерах, то исчезало из вида.

— Ты видишь меня, а это уже что-то. А теперь успевай спасти всех, иначе все, кто тебе дорог, пропадут безвозвратно. — Он в последний раз отмахнулся от меня и, когда я уже стояла за порогом клетки в полном замешательстве, паренек с золотистыми кудряшками покинул меня.

Секунда, и я уже на том же самом месте стою с Йорки, глядя на горизонт. Там, вдалеке, играют птицы, кружа в собственном танце, ветер проходит по моему лицу и веки закрываются. Сейчас мне спокойно. Я чувствую, что здесь, как не странно, мое место. Мой дом.

— Ну, что, куда теперь? — спрашивает издали Йорки также расслабленно, как себя чувствую я. Я оборачиваюсь к парню. Слабая улыбка касается моих губ, я киваю.

— Только вперед, — лепечу, кладя ручонку на его массивное плечо.

Деревья рядами пробегали сквозь нас, ветер резал кожу. Наши пальцы переплетены, Йорки вел меня по узкой тропе, пробираясь мимо протяжной пожухлой травы, которая хрустела под ногами.

У нас оставалось каких-то пару часов, чтобы спасти всех. У меня оставалось пару часов, чтобы спасти свою семью. Когда Йорки резко остановился, я врзалась в его спину и оторопела.

— Йорк? — обходя его, спросила, тормоша парня. Его будто околдовали или заморозили: он стоял, как вкопанный, и смотрел сквозь меня остекленевшим взглядом.

Ветер колыхнулся, отчего деревья гулко завyli на месте, передавая горький запах чего-то живого. Но сказать наверняка я не могла. Тем временем рука Йорки шевельнулась. Он схватил меня за руку и попытался крепко сжать, потянув на себя. Вместо того, чтобы закрыть меня собой, ноги задрожали и мы оба очутились на траве. Йорки с минуту оглядывал меня, словно находился во сне.

— Это же сон? — промямлил парень, хватая ртом воздух. Я ошарашенно таращилась в его полутемные глаза, когда как он лицезрел на небеса, укрытые легкой дымкой. Я попыталась сжать его плечи, ногти впивались в плотную ткань, надеясь на скорое пробуждение.

— Очнись! Ты не спишь! Нам нужно уходить, Йорки! — я била его кулаками по плечам и груди, но в результате лишь появлялись синяки на обветренной коже.

Он покачал головой и сгреб меня в охапку, передвигая. Теперь я лежала на траве,

прижатая им. Я пыхла, высвобождаясь от него. Но парень был сильнее меня: его руки закрыли мою голову, прижав к груди. Его пальцы дрожали, он склонил голову и произнес, совершенно поражая:

— Совсем темно на этой обветованной земле,

Ты не знаешь меня, но я знаю тебя.

Не бойся нового,

Будь собой — это единственное, что тебя спасет.

Его голос напевал старую колыбельную, которую еще в глубоком детстве напевал мне мой отец.

Каждый раз, когда мне становилось не по себе, папа шептал мне ее, будто это было то, что я просила. В чем я нуждалась. Тем не менее, как не странно, это помогало. Несомненно, действовало и сейчас. Все тело напряглось, как будто было под напряжением. Его пальцы мягко поглаживали мои плечи и макушку, успокаивая. От воспоминаний по коже прощлись мурашки. Его голос, манера... будто часть отца была сейчас со мной, а Йорка не было вовсе. Я осторожно поднимаю встревоженный взгляд кверху, и вместо задорного луча в мальчишеских глазах я видела только взрослый серый мрак, который наблюдал за мной.

— Здравствуй, милая, — промолвил отец. Я была ошарашена. Этого не может быть. Это нереально, Я не могу видеть покойников.

Я бегаю по родному лицу и не понимаю одного: как такое возможно? Рука невольно тянется к его щеке, скользит, рисуя шершавые круги, отчего отец прикрывает глаза, прижимаясь щекой к моей ладони. От него веет холодом, практически морозом. Мне хочется укрыться теплым пледом, но что-то говорит мне, это было бы все равно недостаточно.

— Ты правда здесь? — хриплю я, скованная. — Это же не так на самом деле?

Отец все также улыбается мне одним уголком рта, глаза резко открываются. Почему я его вижу? Он ведь мертв, и лежит далеко от меня, под грудой земли. Чувствую, как прохлада пробегает по моей щеке.

— Действительность — это то, что ты должна видеть, но не то, что хочешь сама. — Взирая на меня почти изголодавшим взглядом, говорит отец. Я качаю головой и пытаюсь привести мысли в порядок, но его присутствие все равно ощущаю.

Вдруг его руки отстраняются от меня; я обнимаю себя за плечи и сворачиваюсь калачиком в этой, на удивление сейчас, мягкой траве, будто это матрас. С уголков глаз катятся отчаянные слезинки, стекая по щекам. Я хочу быть нормальной, а не каким-нибудь отбросом, которому четко приписано: "больная на голову".

— Ты будешь меня все равно чувствовать, милая, — шепчет в ухо голос отца.

Я жмурюсь, хватаю себя за голову и пытаюсь кричу, надеясь вытолкнуть все плохое внутри наружу.

— До тех пор, пока ты думаешь обо мне, я буду с тобой.

Я отчаянно качала головой до того времени, пока не осталась в одиночестве, утопая в слезах, потихоньку засыпая.

Меня разбудили чьи-то горячие пальцы. Вздвигнув, задрожали веки, и я открыла глаза. Я по-прежнему находилась в темной холодной пещере с крысами в углах. На меня измученным взглядом смотрел Йорки, бегая глазами по всему моему лицу. Я протяжно зевнула.

— Керри, ты в порядке? — забеспокоился парень, проверяя лоб на наличие температуры. Я покачала головой.

— Йорки? Это правда ты? — я попыталась встать. Йорки нахмурено разглядывал меня с минуту, что-то говоря под нос; я заметила, как двигались его губы. Он почесал затылок и кивнул.

— Когда ты ушла, я остался здесь. Тебя не было сутки, и мне стало не по себе, поэтому я начал биться о стену, кричал и просил тебя вернуться. Но ты не приходила. Тогда я в конце иссяк, надеясь на проблеск в темноте, на какое-нибудь чудо. Я нашел тебя лежащей на грязной земле, ты была вся в мокрой траве, с красными щеками, будто в лихорадке, вся тряслась.

Слушая его, я не верила в это, я была уверена, что видела отца, как бежали с Йорки из трепещущей ямы, из которой, на самом деле, мы так и не выбрались. Я вздохнула, прикрывая веки.

— Нет... Я была с папой и говорила с ним, Йорк! — Парень встрепенулся, отошел на пару шагов от меня и завел руки за голову.

— Ух! Как же тебя вертит после него, Керри! — ошеломленно прикрикнул темноволосый. Я качнула головой, не понимая, о чем он толкует.

— О чем ты? После чего?

Йорки молча указал на мою шею, и моя рука тут же потянулась к месту чуть выше груди. Ощувив на своей шее тяжесть от некоего груза, поморщилась. На шее висела тонкая цепочка, с которой свисал медальон. Я покосилась на невзрачный предмет недоразумения. Неужели это все из-за какой-то железяки?

— Тогда что... — я сглотнула, — что произошло на самом деле?

Йорки потер свое плечо, усаживаясь напротив меня, скрещивая ноги.

— После твоего ухода передо мной появилась непробиваемая стена. Я мог видеть тебя, наблюдать за твоими действиями, но ты не слышала моего голоса. Я видел, как ты надела его, он указал на медальон, покоившийся на моей шее, и тебя окружила какая-то синяя оболочка, становящаяся с каждым разом все больше, пульсируя. Ты улыбнулась, а потом я потерял зрение и все исчезло. — Йорки закрыл глаза, переводя дыхание. На его лице исказились жгучая боль, появилась обеспокоенная складка между бровей.

— Сейчас в моей голове пустота, я помню только сильный удар от синей вспышки... — Йорки почесал лоб и всплеснул руками.

— Ты ничего из этого не помнишь?

Я растеряно покачала головой. Я не могла произнести хоть что-нибудь связное. Разум покинул меня, оставляя задыхаться в молчаливом крике. Йорки подскочил на месте, хватая меня за плечи и подтягивая вверх. Мои спутавшиеся локоны запрыгали в воздухе, когда я крутнулась на месте. Когда Йорки обхватил мой локоть и стал вытаскивать из глухо одинокой клетки, меня как молнией ударило. Я резко остановилась.

— Стой!

Парень обернулся, озадаченно разглядывая меня.

— Что? Ты что-то вспомнила? — Он подошел ближе, разглядывая место, где мы находились. Его пальцы напряглись на моих плечах, он втянул воздух, ноздри расширились.

— Только одно, — Йорки перевел на меня глаза, склоняя голову вбок. Я нервно улыбнулась, показывая ему медальон. — Он поможет Питеру.

Темноволосый сощурился. Он протяжно выдохнул, качая головой.

— Ох, не нравится мне это все.

Вдруг Йорки рассмеялся и приобнял меня за плечи, выходя на слабый свет в конце

бесконечно длинного тоннеля.

— Ладно. Главное, что память тебе не отшло! — Он указал на цепочку на моей шее. —

А это, пожалуй, лучше спрячь.

Я облегченно вздохнула, закатывая глаза, но все-таки спрятала медальон подальше.

Когда мы показались снаружи, к нам тут же прибежал Раш с явной тревогой в глазах. Йорки обреченно закатил глаза, выставив перед собой руки. Я облокотилась на парня, вставая вперед, но Йорки качнул головой и шикнул:

— Отойди в сторону, а то хуже будет.

Я сделала, что он велел, понурив взгляд.

— Где вас носило?! — прикрикнул Раш, грозно наступая нам на пятки. Он пылал огнем, — я уверена, даже был готов пустить в нас грозовые молнии.

Йорки весь напрягся, стиснув зубы, он покосился на меня. Он метался между тем, рассказать ли или все-таки промолчать, спокойно выдержав нападки со стороны друга. Я мельком мотнула головой, пытаюсь донести до него, чтобы он не сболтнул чего лишнего. Остальным знать это не обязательно. Йорки снова кивнул и вернулся к Рашу.

— Ну мы же вернулись, — он пожал плечами. С минуту Раш поочередно разглядывал нас, я заметила, что кое-кого нет.

— Где Питер? — отозвалась я, приподнимаясь на носки. Раш перегнулся, сжал кулаки и отошел в сторону. Лицо парня резко сменилось: глаза потемнели, на щеках появился розовый румянец.

— Он ждет тебя.

Я сглотнула нервный ком в горле, ловя себя на мысли, что же будет после? Краем глаза заметив нервозность на лицах обеих парней, мое сердце забилося чаще. Раш кротко кивнул, разворачиваясь к закату небу.

— Все путем, Кер, — тихо шепнул Йорки, прикладывая на мое плечо тяжесть своей руки. Я робко закивала, но силы пойти не было. Я сжала кулаки. Чувствую, как поднимается температура и перед глазами все расплывается. Деревья покачнулись, и золотистые листья завертелись, кружась, двинулись по пыльной тропе к грузовику.

— Иди. Сама же говорила, что его нужно спасти, — проговорил темноволосый, прикасаясь к моим дрожащим пальцам. Я покосилась на него, склоняя голову. Один уголок губ приподнялся вверх.

— Что? — спросил Йорки, замечая мою резкую смену настроения. Я покачала головой в неверии.

— Почему ты так беспокоишься за него?

Щеки Йорка стали пунцовыми, кончики волос заколыхались на слабом ветру. Он пожал правым плечом, ухмыляясь.

— Он твой друг, и я вижу, как ты беспокоишься за него. — Йорк обхватил мое запястье и слабо стиснул, прикасаясь губами к моим волосам. Он тяжело обдал меня своим горячим дыханием, пока я пыталась собрать свои мысли в кучу.

— Если обратить ничего уже будет невозможно, просто знай, что рядом есть тот, кто готов выслушать тебя и поддержать в любое время.

Я снова взглянула на его лицо, на черноту его глаз, где лишь одно таинство и сплошная загадка. Он слабо улыбнулся, отстранился и удалился. Покидая меня, темноволосый еще долго не убирал с меня пристального взгляда, пока я решалась.

Один момент, одна ошибка, допустимая тобой, одно неправильное слово — может изменить твою жизнь под самый корень. Я сглотнула, провела тыльной стороной ладони по лбу, стряхивая капельки пота. Я сжала медальон на груди и пошла на дрожащих ногах к железной двери, разрисованной различными граффити.

Преодолев расстояние от коридора до небольшой комнаты, где стояла хрустальная балерина, я увидела спящего Питера на кровати. Рядом с ним сидел Фил, а по другую сторону Мегги. Она была снова живой и яркой звездой. Будто я ее и не теряла. Сделав шаг на встречу, входя в комнатку, Мэгги заметила меня и встрепелулась. Она подбежала ко мне и крепко обняла, завизжав от счастья.

— Керри, ты здесь!

Я притянула ее к себе и не отпускала, пока полностью не убедилась, что она действительно в порядке. Я кивнула и улыбнулась, ощущая в себе приток энергии. Она подвела меня к кровати, где лежал Питер. Фил бегло оглядел меня, и тухло мотнул головой, уступая свое место.

— Как он? — приглушенно сказала я, изучая лишь парня на кровати. Мегги испустила жалкий вздох, Фил издал досадный стон.

— Он не просыпается. Я даю ему еду, пытаюсь чем-то накормить, говорить, но Питер как в кому впал. — Проговаривает Фил досадно.

— В вечную, — поддавливает Меган, озираясь по сторонам. Я посылаю ей убийственный взгляд, та тут же умолкает.

Пробегаю дрожащими пальцами по утончённым изгибам лица парня, от него разит холодом и чистой лавандой. Мое сердце сжимается при виде такой отчужденной картины. Я притягиваю медальон к груди, закрываю веки и тихо шепчу:

— Выйдите все.

Фил, вздыхая, топчется из комнаты. Через минуту все мое тело начинает медленно вибрировать, но прилив эмоций останавливает рука Мег на моем плече.

— Что ты намерена делать? — спрашивает она, пытаясь взглянуть в мои остекленевшие глаза. Я качаю головой и молча показываю ей побрекушку, висящую на шее.

— Этим. Не знаю, как точно, но это единственный выход. — Я вздыхаю. Подруга бережно обнимает меня за плечи, поправляя спутанные локоны, и целует в лоб.

— У тебя все получится, — заверяет она и тихо отступает, притворяя за собой дверь.

Я еще долго пялюсь на дверь, пока до меня не доносятся стоны. Я оборачиваюсь и сжимаю кулаки, резко распахнув медальон. Питер корчится на месте, цепляясь за одеяло и простынь. Его веки дрожат, но сам он не в состоянии открыть их полностью. Он считает себя узником в собственном теле.

— Питер, все хорошо, — тараторю, взволнованно снимая кулон. На нем что-то написано, но из-за пелены перед глазами все видится расплывчато. Я смахиваю катившиеся слезы, громко шмыгая. Самозащита уходит на второй план, когда близкий человек в опасности.

Парень изгибается, гулко мычит, что-то несвязное вырывается из его уст. Но понять мне его сейчас нелегко.

— Подожди секунду, Пит, прошу! — молю я. Медальон в руках не по-детски начинает собственную тряску: строки перебегают друг через друга, пока не собираются в одну цепочку. Я вытираю последнюю слезу и читаю, хоть голос неузнаваем даже в этот момент.

— Борись или умри...

Произнеся последнее слово, медальон самовольно захлопывается перед носом; пробегает лютый мороз, покаявая нежную кожу. Я с надеждой оглядываю Питера, но тот лежит, как статуя: неподвижно и безмолвно. Слезы начинают течь с новой силой.

— Ты готова, каро? — слышится голос Эльзы за спиной. Я обхватываю себя руками, встаю, прикрывая парня своим тельцем, мотаю отрицательно головой. Эльза пересекает расстояние от кровати до меня, качая головой, цокает и вытирает слезинки с моих щек.

— Ну, будет тебе, будет, — мурлычит она, облаченная все той же мантией кричаще алого цвета. Ее глаза-сапфиры поблескивают даже сейчас. Она берет мою руку, мягко поглаживая.

— Все в этом мире не вечно: каждому отдан свой срок жизни, — успокаивая, воркует девушка. Она косится за мое плечо, бросая головой в сторону парня.

— Его жизнь сочтена, милая. Позволь ему уйти.

Меня начинает всю выворачивать наизнанку, я шмыгаю носом и говорю слабо "нет" Эльзе, но она лишь непринужденно улыбается. Эльза проходит мимо меня, садится подле Питера и обхватывает его запястье. Она закрывает глаза и на долгие минуты уходит в себя; ее зрачки бегают как одна быстрая строка. Я выжидаю ее сурового вердикта, сидя по другую сторону от них.

— У меня есть одно условие, — произносит Эльза, приходя в себя. Она указывает на медальон, уже превратившийся из серебряного в угольно-черный. Я настораживаюсь, скрещивая руки на груди, пряча безделушку. Эльза снова смотрит на меня, затем переходит на мирно спящего Питера.

— Ты сможешь спасти его, но тебе придется пожертвовать собой.

Я раскрываю рот от изумления. Жертвовать ради него? Сомнения кусали меня до последнего, пока я не почувствовала принятие осязаемого. Я вздернула подбородок кверху, слезы разом высохли. Будто сейчас меня защищал непроницаемый щит, хоть я и не могла увидеть его, но могла его ощущать поверх себя. Я почувствовала шепот Питера у себя над головой, как он приобнял мои плечи и крепко сжал. Я остолбенела, слыша лишь свой учащенный трепет сердца.

— Я не стою такой жертвы, Кер! Не надо убивать себя ради меня. Живи.

Я часто заморгала, Эльза, видимо, поняла мой молчаливый намек, тихо улыбнулась.

— Он говорит с тобой? — подстегнула она, изгибая бровь. Я качаю головой, закрываю глаза и отхожу в сторону.

— Я согласна на твое условие, — обреченно выговариваю ей в лицо. Эльза, ухмыляясь, поднимается, проскальзывает ко мне и берет за руки.

— Милая, тебе нужно привыкнуть к утратам. — Она приподнимает мой подбородок, заглядывая в меня. — Жертва ничего не значит. Лучше быть жертвой, чем палачом.

Я фыркаю, закатывая глаза к потолку.

— Но сейчас я чувствую совсем другое.

Эльза аккуратно привлекла меня к изножию кровати и тихо шепнула на ухо:

— А теперь закрой глаза и вытяни руку.

Я так и сделала. Рука все еще дрожала, сердце отбивало бешеный ритм в груди. Я спрятала голову в плечи, прижимая угольно-черный медальон.

— Решайся, милая, — шепчет Эльза, обходя меня. Она кладет руку на грудь и медленно постукивает пальцем.

— Слушай свое сердце и тогда ты спасешь весь мир.

Я глубоко тяну в себя воздух; медальон снова самовольно открывается, и я чувствую, как оттуда выползает змейкой синяя оболочка, осуществляет один круговой оборот, захватывая меня и парня. Тело отделяется от меня само собой. Остановить это я не в силах, все идет своим чередом.

Чувствую внутренний мандраж, легкие сжимаются в тугий узел, начинается головокружение, я чувствую рвотный позыв.

Единственное, что управляет мной — мысль о спасение Питера, который уже заливадается собственной пеной. Я распахиваю глаза, и меня обволакивает еле заметная стена. Питер открывает глаза, мотает головой, стряхивая зимний иней с темных волос. Я улыбаюсь, зову его, когда наши глаза встречаются. Он подбегает к стене, проталкиваясь ко мне, но мы все равно далеки друг от друга. Питер нападает на довольную Эльзу, но в ответ на свои удары парень получает внушительную пощечину. Питер озирается по сторонам, я бью стену кулаками, разрывая кожу.

— Нет, не смей! — воплю я. Эльза ухмыляется и взмахивает рукой, играя в воздухе пальцами. Ограда стирается, и я падаю на колени.

— Кер!

Меня поднимает Питер, всматривается в мое лицо. Когда я киваю в ответ, он ограждает меня от Эльзы.

Девушка раскрывает капюшон, откидывая его назад, и измеряет комнату размеренными шагами, сцепив руки за спиной. Я прохожу мимо обеспокоенного Питера к Эльзе и тихо молю:

— Эльза, пожалуйста, оставь его в живых!

Она останавливается и вздымает в удивлении брови: ее лицо косится, она начинает покрываться красными пятнами.

— Это ты его спасла, не я. Ты должна научиться решать проблемы самостоятельно, — шипит она, тыкая на меня пальцем. Я отступаю назад. Эльза распахивает окно и ступает одной ногой из него.

— Керолайн, ты не виновата в этом, просто... — Я прерываю ее, уже слыша эту песню не в первый раз.

— Просто такова судьба, — закончила я. Эльза склоняет голову в мягкой улыбке.

— Видишь, ты сама все понимаешь.

Она бросает быстрый взгляд на Питера.

— У него есть ровно три месяца, — слышу ее завершающий вердикт. Я вздыхаю, но киваю в понимании. Эльза дарит последнюю мягкую улыбку, от которой внутри растекается тепло. Она прячет себя под слоем мантии и прыгивает с тонкого карниза.

— Что она тебе наговорила? — рычит в нетерпении Питер, кладя руки поверх моих плеч. Я вздрагиваю от холода при одном прикосновении. Качаю головой, все еще взирая взгляд на открытое окно, где желтая листва слабо колышется на прохладном ветерке.

— Ничего, все хорошо. Пока...

После томительной дороги домой я не помнила и половины того, что произошло. Нам осталось проехать всего лишь сутки, и я уже буду дома. Фил всё еще одержим найти сундук, который поможет ему в своем личном деле. Йорки со мной не разговаривает, при виде нас вместе с Питером он проходит мимо. Когда они встретились после спасения Питера, Йорки

лишь сухо фыркнул в его сторону, уходя в свою комнату, чуть задевая меня плечом.

— Что с ним такое? — спрашивал Питер, кивая на место, где стоял Йорки. Я лишь пожимала плечами.

Когда солнце уходит за горизонт, последние лучи играют в салоне, отчего веки дрожат, и я засыпаю. Дневная тряска в ночное время сменяется легким покачиванием из стороны в сторону. Лишь так я могла понять, что за рулем сидел Фил. Всю дорогу я думаю о доме, что будет с мамой, встретит ли она меня или ее уже убили? Придется ли мне терять еще и ее? Этого я точно не вытерплю. Чувствую, как постепенно сжимается мое сердце, с каждым новым днем наполняясь жестокой ядовитой кислотой, разжигая внутри крупных размеров пламя.

Что бы не произошло на месте, я все сделаю, чтобы избежать крушений.

— Керри, мы дома, — будит мужской, сиплый голос. Я потираю глаза и разом встаю, выгружаясь на знакомые места обитания. Потянувшись, вдыхаю чистый кислород, наполняя легкие свежестью. Озираюсь по сторонам, и замечаю свой дом. Он стоит в гордом одиночестве, засыпанный весь хрустящей листвой и тонной пыли.

— Готова вернуться назад к семье? — спрашивает Йорк, вежливо надевая мой рюкзачок на плечи. Я искренне улыбаюсь, ловя его на его добродушии.

Он утвердительно кивает, я киваю в ответ. Йорки берет мою правую руку, сует комок помятой бумажки.

— Открой его, когда мы исчезнем, — просит парень. Когда остальные потягиваются к нам, становясь ближе, я незаметно соглашаюсь, и он отходит от меня, ухмыляясь в последний раз.

Дом встретил меня с шумным скрипом под ногами, когда мы поднимались на крыльцо и когда я открывала дверь. Древесина уже вся испортилась, оставляя черные полосы после неизвестного мне бедствия. А может я просто этого раньше не замечала...

Проведя по выключателю, лампочки с содроганием засветили, освещая все пространство комнаты. Парни на долго не остались. Фил тут же ушел, когда я только вошла в дом, сказав, что того, как он думал, здесь хранится, нету. Йорки и парень с выбритыми висками топтались в коридоре, когда как Питер свободно перемещался, куда его душе хотелось.

— Еще увидимся, Керри! — махнул рукой парень-Хохолок, широко улыбаясь. Он почесал растерянно подбородок и на уголках глаз появились морщинки.

— Надеюсь, — засмеялась я, — Э...

— Флоуп, — подсказал он, изгибая брови. Я щелкнула пальцем и кивнула.

— Флоуп... Хм, странные у вас имена, парни, — замешкалась, нервно глотая. Они оба громко засмеялись.

— Нет. Мое редкое, — отстаивал Флоуп. Я кивнула в одобрении.

— А у остальных?

— Уникальное, — подловил Йорки, мягко смеясь.

Когда дверь за ними закрылась, сверху послышался громкий звук разбитого стекла. Ухватившись за шаткие перила, ринулась на второй этаж. В своей комнате стоял хаус: везде бардак, окна заклеены плотным серебряным скотчем, кровати аккуратно заправлены и почти нетронутые. Питер сидел на коленях на полу, смотря на свои ладони. И только сейчас я заметила, что на ладонях парня сочится кровь. Я подскочила на месте, подбежала к нему.

— Пит! — обхватила его ладонь и стала пытаться остановить хлынувший поток. Он

поднял на меня виноватый взгляд и покачал головой.

— Извини, я не хотел.

Я попыталась поднять его, но вышло неловко и непросто. Усадив его, наконец, на кровать, крепко обхватила его раненную руку.

— Сейчас будет неприятно, — предупредила я, доставая уже не первый раз за это время новый, но мощный овальный предмет. — Закрой глаза.

Он нахмурился.

— Что это?

— Закрой. Глаза, — грозно парировала, нажав на рану. В результате он пискнул, слушаясь выполнил просьбу. Я сделала то же самое, что и в грузовике, лишь с одной новой частью: я попыталась попробовать забрать у него

ноющую боль, что так мучила его. Но в следствии рана на шершавой ладони лишь затянулась, оставив сухой шрам. Чтобы привести себя в порядок, мне понадобилась целых пять минут. Питер удивленно разглядывал меня, разминая руку. Его глаза потеплели и он улыбнулся.

— Теперь у нас схожие раны, — подметил черноволосый, указывая на левую ладонь моей руки. Я слабо ухмыльнулась ему.

— Надеюсь, что у меня не появится после этого вторая.

Как только солнце исчезло, впуская вольно гулять морозу по пустым улицам, а людишки стали забегать в свои теплые картонные дома, Питер ушел, оставляя меня в доме в полном одиночестве. Зашторив все занавески во всём доме, уселась на кровать. Здесь мне становилось не по себе, хотя и находилась в собственной комнате, защищенная родными бетонными стенами.

Я долго разглядывала знакомые счастливые лица в рамках и свободных фотографиях на двери, сердце тянулось к прошлому, былым временам, где я ничего не знала, но душа желала иного — хотелось типичной свободы, жить, где понравится и просто веселиться, не думая, что будет завтра и наступит ли оно вообще?

— Жалеешь? — Я резко обернулась, услышав ее. Опять. Теперь она выглядела иначе: ситцевое платье колыхалось даже сейчас, однако окна были повсюду закрыты. Она прогуливалась по комнате, играя тонкими пальцами, будто касается по струнам гитары. Девушка улыбнулась, усевшись на подоконник.

— О чем ты, Эльза? Что ты здесь забыла? — устало чирикнула, хмури брови.

Эльза спрыгивает с подоконника, ее пальчики ног касаются ламината, а ее платье брезжит в наколенном воздухе. Она присаживается подле меня на колени, обхватывая в свой плен мои руки, и долго разглядывает меня, как если бы щенок пытался выудить у своего хозяина корм.

— Каро, я желаю тебе добра! Я не зверь, и не буду тебе причинять боль, — взмаливается она, подаваясь вперед. Я округляю глаза.

— Тогда почему защищала меня там и позволила Питеру ступить за край жизни, лишив смерти?

Она сжала мои пальцы, качая головой.

— Я защищала и буду тебя защищать, потому что ты нам нужна. А Питер... — девушка опустила топазные глаза вниз, — Его срок вот-вот истечет, и когда он исчезнет, ты поймешь свое истинное предназначение, Керолайн.

Меня передернуло. Качнув головой, втянула воздух в легкие.

— Кому нам и что значат все твои слова?

Эльза мягко подернула уголками губ, черты лица стали настолько юными, почти детскими, что на долю секунды показалось, что перед глазами совсем еще ребенок.

— Мы — падшие, дорогая, стражи города, которые всегда живут на острие ножа, — она закатила глаза, — нам не привыкать к потерям, разочарованиям и холодной смерти.

Я качнула головой.

— Не понимаю... — хмуро молвила.

— Всею свое время, — она усмехается, и ее щеки становятся пунцовыми.

После моего приключения к Душам проходит неделя. В сознании лица некоторых обитателей того места замывались, запах жимолости давно уже выветрился, а кошмары покинули, как если бы их и вовсе не существовало. Все шло своим чередом: после недельных выходных по случаю недомолвок и непонятных убийств, одноклассники все же вышли на учебу с сияющими от уха до уха улыбками, прелестным видом, готовые к новым открытиям. Питера все время спрашивают, где он пропал, в свою очередь я уже получила гору расспросов и нравочений от Мегги к своей персоне.

Однако Дженни не появилась даже на историю, но волноваться я пока не собиралась, эта девушка — запутанная загадка. Если с ней и дружить — ты по любому так и не узнаешь о ней всю правду.

— Доброе утрецо, мои дорогие! — восторженно ликует учитель истории, заходя в класс. Ее серые глаза осматривают присутствующих, и женщина улыбается. Она присаживается на уголок стола, сцепляя пальцы в замок.

— Спешу вам напомнить, что зимний праздник не за горами, вы должны подготовиться заранее, чтобы потом не произошел с кем-либо казус. Все оставшиеся три недели школа будет в полном хаусе, и поэтому нам понадобится любая помощь. Чем больше людей помогут, тем быстрее наступит долгожданный всеми праздник. — Она всплескивает руками вверх, — Ой, чуть ли не забыла! — Женщина достает элегантную черную шляпу и отправляет в захудалые ряды.

— Передавайте по цепочке, доставая один листок. Какой выпадет, такая у вас и помощница на двухнедельную подготовку к празднику, — указывает учитель серьезно. Парни футбольной команды с хитрой ухмылкой скользят по ряду, заполненному новенькими студентками, вытягивая скомканный клочок бумаги. Я чаще задышала, когда таинственная шляпа оказывается передо мной. Во мне все трепещет от предвкушения, и, закрыв глаза, достаю последний смятый листок. Вдыхая, бегло осматриваюсь по пустым напротив меня рядам и, наконец, раскрываю.

"Том"

После урока я лихорадочно крутила волосы на палец, кусая нервно нижнюю губу. Когда я узнала о том, что все последующие две недели буду работать с Томом, меня вдруг передернуло и ладошки стали мокрыми. То ли от переменчивой погоды за окном, то ли от ситуации в предверии праздника. Дверь аудитории громко распахнулась, не на шутку задев идущую девушку. Она отскочила назад и упала в звенящем писке. Из аудитории вышел Том, студенты рассыпались возле него, как тараканы.

Казалось, он никого не видел, прошел мимо пострадавшей, даже не удосужившись ей

помочь, проскочил на школьный двор, где-то скрываясь за группкой ребят-отшельников. Мне хотелось последовать за ним, узнать, что с ним происходит.

Я спрыгнула с подоконника, и только перекинув рюкзак на одно плечо, я повернулась к выходу и тут же оказалась в объятьях знакомого аромата французских духов. Я улыбнулась. Но сияющая улыбка тут же пропала, когда заметила слезы на прекрасном лице Мегги. Она шмыгнула носиком, разводя руки в стороны.

— Что произошло? — спросила я, не на шутку обеспокоенная. Подруга взмахнула ресницами, черная капля снова скатилась по ее щеке.

— Том во всем виноват... Я даже не знала, что он был там...

— Был где?

Меган вздохнула и указала большим пальцем в аудиторию, откуда только что выбежал разгневанный Том.

— Это была случайность, Керри. — Мег подняла красные глаза к потолку и пару секунд не дышала. Я стояла, смотря на нее. Внутри образовалась бесконечная дыра, которая тащила меня за собой и всех тех людей, которых я люблю и когда-то любила. Мег тряхнула головой, взлохмаченные чуть влажные локоны запружинили в воздухе. Она выдавила из себя улыбку.

— Все хорошо, — соврала она, вытираясь рукавом кашемирового свитера. Я склонила голову, хмурясь.

— Мегги, ты не должна скрывать себя настоящую. Покажи себя реальную, такую, какая есть на самом деле. Ты же прекрасна и без всяких масок! — я пыталась открыть ей глаза. — Если люди не воспринимают тебя настоящую — они идиоты. — Я пожала плечами, закатывая глаза. Подруга расхохоталась.

— Тогда уж только после него, Кер, — отозвалась она. Меган приобняла меня за плечи.

— А теперь расскажи мне, где ты все это время пропадала?

День выдался поистине тяжелым и насыщенным, за этот промежуток времени мы успели украсить половину учебного заведения "Бремсберг": теперь она по-настоящему сияла, подобно новогодней елке. Везде висели лозунги школы, на каждом шкафчике приклеены светящиеся звезды, новогодний дождик разных цветов висел при каждом входе, в столовой повсюду развешаны синие огоньки, а пол усыпан искусственным снегом, красиво поблескивающим в софите огоньков. Оставалось только разукрасить макеты снеговиков и повесить фонарики на потолок.

— Ричард, будь осторожнее! Идиот, не так повесил... Ох, слезай... — прискорбно высказывается Лили, сидящая на коленях, чтобы помочь нашему вечному неудачнику. Я тихо смеюсь над маленькой Лили, как она задирается, чтобы казаться выше. И виновато, почти жалея, смотрю на Ричарда, который неуверенно спускается вниз.

— Сейчас грохнется, смотри! — гогочет Том позади меня. Я фыркаю, закатывая глаза. С его помощью сами мы далеко не двинулись, так как мне до сих пор кажется, что он ненадежный. Я еще не могу довериться ему до конца. Парень по-прежнему мазюкал бедного снеговика, когда как я расправлялась с последним

штрихом — распутыванием гирлянд.

— Поспорим? — Я вытянула руку. Он ухмыльнулся, отложил кисть и отряхнул грязь с рук.

— На что же?

Долго мне придумывать не пришлось. Я уже знала, что я в выйгрыше. Я сощурила глаза

и выплюнула:

— Ты миришься с Мег.

Том резко вырывает руку, указывает на меня. Его глаза пылают огнем, готовые сжечь и превратить меня в пепел на этом месте, перед всем народом.

— Не лезь в то, что тебя не касается, Заяц! — выплёвывает он. Я пялюсь на него, ком в горле не мог скатиться вниз. Он долго смотрел в пол, а потом закрыл себя руками.

— Прости, — шмыгнул он, подняв измученные глаза. — Я просто не понимаю, что ей нужно. Она сводит меня с ума...

Я вяло хлопнула его по плечу. Краем глаза заметив направляющуюся к нам Мэгги, я приподнялась, тихо шепнув напоследок:

— Тогда сейчас самое время узнать, что она хочет, — подмигнула я. Том устало поднял голову, озадаченно глядя на меня. Я покачала головой, уходя в сторону. Том невзначай обернулся и застыл на месте, когда увидел стоящую Мэгги: усталую и истерзанную.

— Приветик, — сипло шепнула она парню.

Я вышла в коридор, пустовавший на тот момент, и брела, медленно перебирая ноги. Бесцельно гуляя по зданию, по случайности набрела в кабинет изобразительных искусств. Всё мне здесь казалось возвышенным, несуразным, даже где-то странными. Вещи жили своей жизнью: тряпки и полотна лежали друг на друге, изрисованные стены густой краской, портреты пожилых и неизвестных людей окружали меня. Я оборачивалась вокруг себя, с изумлением разглядывая красоту. Однако мною была замечена до жути любопытная картина, и довольно пыльная.

Я прошла несколько шагов к этой искусной работе, осторожно дотрагиваясь до картины, и провела по черной полосе. На холсте удивительно выделялся стародавний замок, слегка уходящий вбок. Медальон на моей груди начал непринужденно вибрировать, я приложила руку к нему, обдумывая, что он хочет донести. Но так ничего и не могла понять. После того дня я уже не снимала его, до сих пор веря, что он — мой оберег.

— Любуешься здешней красотой? — протянула Эльза за моей спиной. Я натянулась словно струна, когда она подошла ближе и со слащавой улыбкой смотрела на подкошенный особняк. — Похвально, Каро. — Девушка вздохнула, качнув головой.

— Ты — приведение, которое бродит сама по себе, ожидая конца, — размышляла она. Я тряхнула головой, обхватив медальон и крепко сжав в руке.

— Неправда! — посмела возразить. Я покосилась на точенный профиль Эльзы, спокойно лицезревший картину.

— Я просто боюсь за Питера. Тебе самой хоть раз приходилось так волноваться за незнакомого тебе человека, при этом полностью в нем теряясь?

Улыбка Эльзы померкла, уголки губ поползли вниз. Ее плечи напряглись, и из уст вышел вдох разочарования.

— Приходилось.

Я оторопела, явно не ожидав услышать от нее такого. Я хотела прикоснуться к ней, утешив, но страх оказался сильнее: я просто отошла в сторону, потупив взгляд на балетки.

— Но только это называется не беспокойство за незнакомца, а любовь.

Ее глаза заблестели, когда она повернулась ко мне лицом. Эльза обхватила мои щеки и пытко смотрела мне в глаза, выжидая моей реакции. Я лишь недоуменно хмурилась в ответ.

— Стой-ка, ты случайно не влюблена в Питера? — Она с минуту томительно глядела и,

наконец, произнесла, словно присмертный приговор:

— Ты влюблена в него. — Она покачала головой. — Послушай, глупышка: не влюбляйся в тех, кто может тебя погубить.

— О чем ты? — шепнула я.

Она отпустила меня, отступила назад и указала на медальон, висевший на моей шее.

— Любовь — жестока. Она приносит лишь душевную боль. И поверь мне — некоторых даже губит. А это спасет тебя, — она махнула рукой на серебро. — Мы поможем тебе, если ты поможешь нам.

— Но, как и чем я помогу, если не знаю даже в чем проблема? — взволнованно спросила, размахивая руками. Эльза накрыла свою голову красной накидкой с золотыми узорами, и лишь один раз одобрительно кивнула, указывая.

— Для этого ты должна стать одной из нас. Одной из Падших. У тебя есть ровно две недели на окончательное решение.

Я поспешила ее остановить, ведь вопросы и не состыковки все же были. Но Эльза прощально помахала ручонкой и растворилась в картине с покосившимся набок замком.

Близился всеми ожидаемый праздник, а вместе с ним заканчивался мой срок на принятие решения о том, кем мне стать. Я уже искала в просторах интернета об этих Падших, но определенного ответа он мне не выдал. Спрашивать у кого-либо самой не хотелось, чтобы не показаться более странной на глазах у окружающих, чем казалась в реальности.

Единственное, что мне оставалось — это наслаждаться секундой, запоминая моменты.

Мамы не оказалось в доме и на второй день, а когда я увидела очередную записку на холодильнике — содержимое в ней окончательно добило меня.

Я читала, перечитывала, снова читала, пока ее слова до каждого знака препинания не отложились у меня в памяти:

"Керолайн Адамс Скилеф, ты уже большая девочка, которая в состоянии о себе позаботиться. Ты нуждалась во мне с самого своего первого дня, но пора тебе вылететь из гнезда, дорогая. Этот мир — не самый лучший подарок: он жесток, ведя опасную игру с людьми. Не поддавайся чьим-нибудь уловкам, даже близким тебе людям не стоит доверять. Помни, что даже самый родной человек может ударить так больно, что ты этого даже и не заметишь. Кроха, будь сильной, решительной, мужественной и непокалеблемой. Я в лучшем мире. Не беспокойся за меня.

P.S. С домом можешь сделать, что угодно: можешь жить в нем, можешь продать...

Я всегда буду в твоём сердце. Насчет денежных средств не переживай. Я оставила энную сумму денег под твоей кроватью, а все документы внутри дивана, на всякий случай.

Твоя любящая мама".

После такого неожиданного удара я проревела всю подушку, приходя несколькими днями в себя. Я потеряла ее. Потеряла частичку себя самой. Эта дыра никогда не затянется самовольно. Или продолжать жить как все, или мстить. Но кто это мог сделать, если это была обманка? В этот самый момент меня посетила мысль: решение. А если я соглашусь, что будет тогда?

— Тогда ты все забудешь и начнешь жизнь с чистого листа, — устало протянул чей-то грубый голос. Вздвогнув, я обернулась и нечаянно ударила ногой. Передо мной стоял Он. Человек-Ворон, испепеляющий пронзительными черными глазами. Его голова была покрыта

бинтом. Он был одет в серую длинную мантию с рукавами, а за спиной его величественно окружали пернатые толстенные крылья.

— Ты, — шикнула я, обходя его. Он искривил сухую улыбочку и наклонился, превознося себя. — Керолайн.

Я нахмурилась и сжала кулаки.

— Что ты здесь делаешь? Мой дом — не проходной двор!

Он засмеялся, встрепенул крыльями и обошел меня, на ходу играя с моими мокрыми, от недавнего принятого душа, волосами.

— Правильно. Дом — там, где спокойно твоей душе.

Его замудрённые ответы выбивали меня из колеи, нервы начинали сдавать, а мне не хотелось снова взрываться, да еще и ради него.

— Можно без твоих загадок?

Парень фыркнул, подошел ко мне, и тут же его лицо стало до ужаса серьезным.

— Я здесь, потому что ты думала обо мне. Я наблюдаю за тобой, когда ты одна. Я, почему-то, чувствую твое состояние и появляюсь. Просто ты меня не замечаешь. Я лишь пешка, которую ты приписываешь к неудачникам. Ты же Керри. Керри, которой нужна лучшая жизнь.

Он поймал мой медальон, но уберечь его от него я не смогла: он был более быстрее и прозорливее, чем я.

— Эта безделушка на меня не действует, Керолайн. — Он усмехнулся. Я сжала зубы, сопротивляясь его силе.

— Что тебе нужно от меня, придурок?

Я попыталась вырваться. Он отступил назад, давая мне свободно упасть назад. Я поморщилась. Парень склонился надо мной, в его глазах я заметила каплю сожаления, но не блеф ли это?

— Мне от тебя ничего не нужно. Просто хотел огородить от опасности.

Он встал, встрепенул плечами и крылья снова оживились за его спиной. Они закрыли его, и он загадочно оскалился. Я протянула руку, пытаюсь встать с колен.

— Подожди, о какой опасности ты говоришь?

Парень встрепенулся и покачал головой. Он открыл входную дверь и махнул на нее, в проеме двери образовалась голубая, похожая на водоворот воды, бездна.

— Она придет неожиданно. В зимнюю ночь, когда часы будут показывать новый оборот дня.

Он снова сделал поклон и прыгнул в бездну, засасывающую его с головой.

Я попыталась взять себя в руки, все соединить в логическую цепочку. Если смотреть на это все с трезвой стороны — выходила путанница и полная неразбериха. Одно я точно поняла: нормальному человеку не понять мир сумасшедшего. Это факт.

С другой стороны — наступала опасность, от которой даже у меня шли мурашки по коже. Я волновалась и не знала, как поступить. В таких случаях обычно помогает материнский совет, но моя мать таинственным образом исчезла. И сейчас я в действительности одна. Одна, со своими мыслями и кучей баракла, которую самостоятельно нужно разобрать. И последнее — это мой выбор.

Сделав его, мой мир не на шутку кардинально изменится. Я изменюсь. Но, а если так и буду тянуть резину, погублю всех и навсегда. Жалкий конец...

Под конец дня я все-таки набралась смелости собрать все документы и мелкие купюры в доме. Когда дело дошло до документов, на глаза попался смятый, все еще пахнущий приторным ароматом елей, кусок бумаги. Я достала его из-под дивана, стряхнула скопившуюся за время пыль, и бегло принялась изучать каракули Йорка. Легкая улыбка появилась на губах, увидев его знакомое словечко.

"Возможно, ты так и не прочтешь это письмо, но я все же рискну признаться. Керри — ты удивительная девушка с сияющей улыбкой, небесной красоты дар. Ты — особенная, потому что не похожа на других. Ты — наше спасение. Я безумно рад, что встретил тебя! Спасибо тебе за такое пусть и недолгое, но поистине чудесное время. Всегда иди вперед и только вперед. Надеюсь, еще свидимся, Керри. Помни, что я всегда готов помочь, в любой день и час.

Твой Друг по несчастью".

Сложив клочок бумаги в несколько раз, спрятала в карман. Быстро собрав все к себе, я снова зашторила все комнаты и попыталась заснуть, хоть это и было не из легких. Без мамы здесь с каждым разом становилось все пустее и холоднее. Внутри все сжималось от ее равнодушия ко мне, неужели ей настолько все равно, что она взяла и просто так с легкостью сбежала, оставляя свою дочь на голодное выживание. Я сильно зажмурила глаза, зарываясь с головой в одеяло.

Спустя час бессонницы сон все еще не хотел приходить, я ворочалась, словно спала на гвоздях, которые безжалостно впивались в спину. На очередном перевороте послышался стук в окно. Я подпрыгнула, довольно сильно ударяясь головой об изголовье кровати. Бесшумно встав, добежала на цыпочках до закрытого, единственного целого окна.

Я вскрикнула, завидев черное каркающее существо на моем подоконнике. Я чуть приоткрыла окно, и птица залетела внутрь.

— Эй, кыш, Бродяга! — Я попыталась его отпугнуть светом или газетами, но ворон лишь летал по комнате с места на место. Он уселся на мою кровать с левой стороны, помял своими острыми лапами чистую подушку и сразу заснул.

Хотите — верьте, хотите — нет, но птица странным образом буквально спала на моей подушке, подобно простому человеку. Я обреченно вздохнула, прошлепала на свою сторону кровати и разом уснула, только голова коснулась подушки. Ночной ветерок легко проходил в комнату, лаская нас спящих, и не заметно уходил, растворяясь в пространстве.

Утренние лучи проникают через плотный скотч, попадая на лицо, я морщусь, закрываясь рукой от света.

— Кар! — Мои глаза резко открываются, когда вижу перед собой уличную птицу. Черный ворон пугающе разглядывал меня своими черными маленькими бусинками, а длинный клюв лениво тыкал в мое плечо.

Ворон приближался ко мне, и я сразу насторожилась. Я отступала, пятясь назад, и в итоге упала спиной на ледяной пол.

— Ауч! — отозвалась я. Птица вприпрыжку дошла до края кровати. Она склонила свою мордашку в бок, и я была готова кричать, настолько мне было не по себе. Птица спрыгнула, подлетела к моей руке и стала принюхиваться. Я отпрянула от отвращения.

— Фу, не трогай меня! — Ворон вскинул голову. Его узкие глазенки перебежали к открытой настежь двери и снова на меня.

— Кар? — птица взметнулась в воздух, задевая крыльями мое плечо, и улетела

вниз. Я встала, пыхтя через силу.

— Что еще нужно этой бродячей птице? — кинула я в вечную пустоту.

Когда я коснулась ногой первой ступеньки, на первом этаже раздался звонок. Ворон сидел на перилах лестницы, удерживая свой никчемный вес на цепких тонких лапках, он встрепенулся, заметив меня замахал крыльями, чуть ли не прыгая на месте. Я приказала ему замолчать, прикасаясь пальцем к губам. Когда раздался звонок снова, я вздрогнула, явно не ожидав. Кто такой настойчивый в такое время?

Покосившись на темного ворона за своей спиной, я резко открыла дверь.

На пороге стояла Мегги и Дженни, на них были пуховики и высокие зимние сапоги, уже испачканные в грязи. От них разило прохладной свежестью и утренним морозом.

— Проснись и пой! — запела мелодично Мег, широко заходя в тепло. Вчерашней разбитой Мег будто и не было вовсе, в глазах прошла краснота, слезы удивительным образом высохли, и на смену горю появилась улыбка и легкий румянец. Дженни улыбнулась и обняла меня, пока Мег запирала входную дверь, перекрывая доступ морозу.

— Привет, Кер, — произнесла Дженни, чуть отстраняясь. Я нахмурилась, смахивая таявший снег с лица и голого тела.

— Привет, — проговорила я, мягко улыбаясь. Ворон, сидевший на перилах, подал голос со своего места, и Мегги заверещала, всплескивая руками. Дженни обернулась, медленно подходя к существу, которое широко махало пушистыми крыльями перед собой.

— Какая прелесть! Откуда он у тебя? — восторженно спросила Дженни, пока Мегги приходила в себя.

— Прелесть?! — фыркнула Мег в ужасе, закатывая глаза. — Скорее это — крылатый мусор, переносящий только одну заразу да венерические болезни!

Ворон оскалился, его перья встали дыбом, как после сушки фена.

— А по-моему, оно прекрасное существо, — Дженни погладила пернатого, и тот сразу рассыпался на мелкие кусочки.

— Откуда эта птица, Керри? — спросила Мегги все еще не в восторге от утреннего сюрприза. Я на минуту замаялась, не зная, как объяснить столь неожиданную ситуацию. Я откашлялась, косясь на птицу.

— Он просто вчера неожиданно появился, а у меня не было сил его прогнать. Знайте, как молния среди ясного неба, также и Бродяга очутился у меня под окнами. — Уголки губ поползли вверх. Дженни рассмеялась.

— Бродяга? — Я кивнула, а Ворон быстро кивнул, как только смог, показывая свое одобрение.

— Ладно, — Мегги подошла ко мне ближе, кладя руку на плечо, — Это твоя жизнь, но сейчас нам нужно готовиться к празднику, — девушка отряхнула с себя пылинку и покосилась на птицу.

— И пока пусть Это, — она кивает на ворона, — будет держаться в стороне.

Ворон встрепенулся, видимо задетый, взлетел вверх и полетел на второй этаж. Я усмехнулась, скрывая нервозность и дрожь в голосе, устремившись на подругу.

— Кажется, он тебя понял. — Дженни хихикнула, прикрывая смех рукой, Мегги же сильно нахмурилась: она не любила, когда над ней смеялись.

После долгих и мучительных часов в злополучных руках Мег, произносящей целую тираду о том, что странно — ворон, живущий в доме, да притом и совсем уличный, она театрально взмахнула руками и прошла в небольшую гостиную.

— Керри, я просто за тебя волнуюсь, как ты этого не поймешь? — упрекает подруга, пощенив меня. Из груди выходит досадный смешок, я закатываю глаза.

— Ну, ты же мне не мать, — вырывается из моих уст. Я плююсь на поражённую Мег. Слышу гогот Дженни сбоку от себя, но самой совсем не хочется улыбаться. Моя жизнь постепенно рассыпается на кусочки, я совсем одна, обитающая в непроницаемых стенах, будто в куполе.

"Такая же, как те души, закупоренные в своих клетках" — шепчет голос внутри. Я застываю на месте, прокручивая эту сумасшедшую мысль. На глазах застывает пелена слез, я шмыгаю и мотаю головой.

Нет, это не может быть правдой. Это обман твоего сознания!

Я должна сама справиться с этим. Не буду подвергать больше друзей опасности — они достойны спокойной, тихой и обычной жизни.

— Керри, если бы он тебя загрыз ночью? Как бы я это пережила? — Мег проходит маленькое расстояние между нами и кидается на шею.

— Я не переживу этого, слышишь? — она начинает всхлипывать и мое сердце сжимается. Я обвиваю ее талию и крепко сжимаю за плечи.

— Слышу, Мег, — лепечу тихо, — ты не потеряешь меня.

Сильный грохот, идущий сверху, заставил нас вздрогнуть, отходя друг от друга.

— Что это было? — гулко отзывается Дженни, делая шаг в сторону лестницы. Я останавливаю ее и прошу не ходить туда, прижимая палец к губам. Она пожимает плечами, но останавливается.

Я сжимаю кулаки и делаю первый шаг, останавливаясь на середине пути. Дверь моей комнаты дрожит на месте, качаясь в стороны. По коже проходит холодок, и я сплываю. Через протяжную долю секунды из комнаты вылетает ворон, отряхиваясь на месте. Я облегченно выдыхаю, заставляя сердце не биться в сумасшедшем ритме. Дженни нервно смеется, а Мегги ругается всеми возможными словами, выпуская комок нервов, скопившийся за эти пугающие часы. Ворон бросает на меня озадаченный взгляд и подлетает ко мне ближе.

Всем своим телом я напрягаюсь, ожидая неизбежного. Я медленно, неуверенно киваю и выпускаю вдох. Птица царапает пространство перед собой своими когтями, я закрываю глаза. Он аккуратно взмахивает крыльями, касаясь моей щеки, и я чувствую груз на своем плече. Я озираюсь по сторонам, открывая веки, но птицы не нахожу. Когда она подает молящий каркающий крик, я изгибаю бровь.

— Хочешь пойти с нами? — смешливо спрашиваю, даже и не надеясь на его понимание.

Что-то просилось спросить существо на моем плече об этом. Его яркие темные бусинки вспыхнули при свете лампы, и его пернатая головка качнулась в согласии.

Я нервно вздохнула и усмехнулась. Вернувшись с птицей к подругам, я улыбалась и указала на пернатого пальцем.

— Мы возьмем его с собой. — Я поглядела на Мег, но та лишь кинула презрительный взгляд в птицу и фыркнула. Дженни провела пальцами по своим взлохмаченным и вьющимся, от природы, волосам, и улыбнулась.

— Я люблю птиц, а значит я всеми руками за! — радостно вскрикнула подруга. Она открыла дверь и отошла в сторону. Мегги пробежала мимо, направляясь к своей машине.

— Только без следов и сюрпризов от этого, — предупредила Мег, указывая на Бродягу.

— Кар! — отозвался он, махая одним крылом.

При входе в магазин, Ворона просили оставить, но птица так крепко вцепилась мне в плечо, что я была вынуждена остаться в грузовике дяди Джен, который он разрешил взять на время покупок. Они сказали, что возьмут для меня отложенное уже платье. Я кивнула и осталась ждать их в машине.

В салоне стоял тяжелый аромат свежих кисло-сладких лимонов, а на пассажирских сидениях, включая задние, гуляли запахи свежескошенной травы, переплетаясь с клубом перегара и крепких сигарет. Все это наводило на крепкую дрему, и мои веки постепенно тяжелели. Бродяга мирно сидел возле меня, на руле, ухватившись за кожаный ободок. Он смотрел на меня, пристально изучая. Мне стало не по себе, я поежилась.

— Что? Что ты смотришь? — брызнула я, не выдержав. Мое сердце билось в груди, подобно скачущему зайцу от хищника, но птица лишь как-то необычно развернула голову и встрепенула крыльями.

Я раздумывала о том, почему тогда сказала Дженни, что его имя Бродяга. Сама по себе птица, после нахождения со мной, очистилась, стала более возвышенной. Но её пернатые непослушные перья постоянно выпадали, когда она взлетала или просто чертила перед собой круги, указывая на свое собственное право на пространство, тем самым они опадали, теряясь где-то на земле. Клюв бродяги был длинным и острым, он был схож больше на сизового орла, чем на уличного вороненка, сбежавшего из своего гнездышка. Я потеряла подбородок в задумчивости.

— Почему же Бродяга, м? — беседовала с пустотой, которая только и делала, что внимательно слушала меня.

Ворон потоптался на руле, а когда, видимо, услышал мой голос, встрепенулся и поднял головку. Уголки губ приподнялись.

— Значит, тебе нравится это прозвище? — спросила я с усмешкой и поджала руки. Бродяга снова качнул головой и задвигал грозно крыльями, ему было здесь неудобно, но мне не показалось это чем-то пугающим.

Я наоборот еще шире улыбнулась и попыталась его пригладить, осторожно касаясь его головы.

— Значит, по-твоему, это да.

В этот момент между нами проскочило нечто не подвластное и всепоглощающее. Нечто, похожее на силу. Мощно. Моментально. Ни на что не похожее. Единственное в своем роде. Я отпрянула от осознания этого, вспоминая слова Костлявой Руки.

Она придет неожиданно. В зимнюю ночь, когда часы будут показывать новый оборот дня.

Получается, до свершения неизбежного осталось 24 часа, не больше. Меня всю передернуло, и я закрыла глаза. Бродяга, уловив мою перемену в настроении, подлетел ко мне и в утешении подтолкнул клювом в сжатый кулак. Его удар пришелся мне отрезвляющим уколом. Снегопадом в летний день. Молнией, от которой я до сих пор приходила в себя. Бродяга издал стон, не совсем похожий на птичий. Я открыла глаза, одинокая слеза скатилась по щеке. Повернулась ко птице, смотрящей во все свои глаза-бусинки мучительным взглядом, и кивнула в её догадках.

— У нас есть всего 24 часа, Бродяга.

Сигнал оповещения о смс на моем телефоне заставил меня подпрыгнуть в кресле. Птица издала оглушительный вопль и отлетела от меня на заднее сиденье.

Пришло смс от Мэгги, она завершила меня, что мой подарок уже завернут, и они возвращаются ко мне.

Я с легкостью выдохнула, облегченно встряхиваясь.

Нам нужно поторопиться...

Пока я играла с медальоном на моей шее, убивая время, Бродяга заснул, укрывая себя крылом. Машину внезапно затрясло, и я поспешила удержаться на месте. Из меня вышел вопль и птица проснулась.

Она громко каркала, летая из угла в угол как загнанный в ловушку зверек. Я успокаивала его, отодвигаясь назад, ловила его, но он не хотел поддаваться мне. На водительском сиденье оказался Костлявая Рука. Меня обдало жаром, кончики пальцев покалывало. Он отряхнулся и поправил капюшон.

— Что ты здесь забыл? — потребовала я, вложив в слова всю уверенность. Его улыбка вытянулась, рука потянулась в карман. Ухмыляясь, он молча достал оттуда коробку довольно изысканную, чтобы хранить в кармане, и отдал мне. Мои глаза готовы были вылезти из орбит, когда я узнала, что это была за коробка.

— Откуда она у тебя? — вдруг мой голос треснул. Это была шкатулка моей мамы, где она хранила все свои самые ценные, дорогие сердцу, вещи. Я закрыла рот ладошкой, издав одиночный выдох. Тоскующий стон по родному мне человеку.

— Она отдала мне ее перед тем, как уйти. — Костлявая Рука был резок. Он потряс перед моими глазами ею и улыбнулся, показывая все зубы, ровно стоявшие в один ряд. — Я думаю, ты уже догадалась, кому она принадлежит. — Он склонил голову и пожал одним плечом. Я подняла на него глаза, оставаясь непоколебимой, и кивнула. Он сморщил нос, глаза забегали в нерешительности. Он дотронулся до моей свободной руки и обхватил ими древесину, крепко сжимая, говоря:

— Это мой последний визит к тебе, Керолайн. Я просто хотел предупредить тебя, что время уходит, его совсем мало. У тебя есть два дня, чтобы вынести вердикт. — Он вздыхает, затем бросает взгляд в сторону шкатулки в наших с ним руках. — Береги ее и не открывай, пока не придет час. Она бы этого хотела.

— Кто? — перебиваю его, хмурясь. Он выдыхает, из его полных губ выходит клубок пара. Он долго все обдумывает и, наконец, шепчет, что поражает меня.

— Твоя мама. Керри, ты должна сделать выбор, и только тогда тебе откроется больше, чем ты знаешь. Тебе откроются врата в другой мир.

Я качаю головой, истошно выговаривая:

— Но у меня столько вопросов... — мои щеки пылают. — Почему она ушла?

Костлявая рука осторожно вытирает тыльной стороной ладони катившую обжигающую кожу слезу и тихо лепечет, моля о спокойствии.

— Эй, ты не виновата. Так было нужно. Ты сможешь ее видеть, когда захочешь. — Его рука переместилась на мой висок, обхватив шею, и указала пальцем на место, где неравномерно билось сердце. — Она с тобой всегда будет здесь. Ты должна быть сильной, даже если и осталась одна: несмотря ни на что — борись.

Я сглотнула накопившийся комок боли и закивала, борясь с мучительными иглами внутри себя, беспощадно впивавшимися в грудь. Они будто шили из меня свой собственный кокон, который бы смог укрыть меня от всех напастей. Но на деле он лишь сковывал меня, душил и не давал глоток кислорода, в котором я так нуждаюсь.

— Все закончится, когда ты решишься сделать выбор. Все закончится, если ты

отпустишь прошлое. — Его слова были медом для моих ушей, я сильно зажмурила глаза, когда он отпустил меня и отодвинулся. Он издал игривый смешок.

— Блэйк все-таки добрался до тебя, — отозвался он Бродяге, глядя по взъерошенным в стороны перьям. Я шмыгнула носом, откашливаясь.

— Блэйк?! Он — Бродяга! — уперто стояла я на своем, сжав сильнее шкатулку. Он резко повернул на меня голову, его глаза вспыхнули ярким гневом. Он с минуту наблюдал за мной, но в результате подавил вспыльчивость и рассмеялся.

— Бродяга... — он поиграл с этим прозвищем и почесал затылок. Пожал плечами и накрылся серым капюшоном, становясь серьезным до мурашек. Я заерзала на месте.

— Пусть будет по-твоему. В любом случае он теперь твой и обязан охранять тебя от бед, служить вечной преданностью. — Он выговаривал это так глубоко, смакуя каждое слово, что было невозможно сидеть на месте. Я часто-часто моргала, глотая ртом воздух. Его темные глаза посмотрели через мое плечо, и он встрепенулся.

Я ошарашенно, хмурия брови, взглянула через плечо. К грузовику приближались Мэгги и Дженни, довольные и счастливые, с полными пакетами сюрпризов. Я вернулась в салон, но на водительском сиденье никого не было. Я вздохнула и покосилась на Бродягу-Блейка, играющего со своим длинным хвостом, подобно кошке. Я хмыкнула, и дверь открылась. С улицы пошел холодный сквозняк, отчего по моим плечам и ногам прошелся холодок, а птица взметнулась вверх, жалуясь на омерзительный всплеск со стороны. В салон ворвались вместе с морозом Мэг, с улыбкой на все лицо. Дженни уместилась позади нас, впихивая пакеты подле себя.

— Скучала? — поинтересовалась Джен, смеясь. Мэг подловила ее смех и вырулила с парковки, вливаясь в поток.

Город становился все более живым и красочным по мере нашего приближения в самый центр. Все летели с выпученными глазами, в руках держа себе подобных, будто маленьких бабочек, улетающих от грозного охотника. Джен придвинулась ближе и махнула рукой на дерево в моих руках.

— Откуда это у тебя? — спросила она, ее брови взметнулись вверх. Я оглядела хрупкую вещицу, и отмахнулась.

— Ничего особенного. — Я поспешила добавить, чтобы не показать больше сомнительных ноток в голосе. — А давайте сходим в паб, я бы не отказалась от стаканчика.

Дженни пожала плечами, соглашаясь, Мэг томно вздохнула и рассмеялась.

— Что же тебя туда тянет? — любопытно поинтересовалась подруга, но завернула за угол, откуда показалась верхушка темной постройки.

— Дешевые напитки? — отшутилась я невинно, и по всему салону пробежался хохот.

Мне нужно было потянуть время.

Потянуть время или провести его со стаканчиком шота — это как сказать. Когда мы появились в пабе, нас сразу окружила толпа похотливых самцов, развратная дымка, затуманивавшая вид на настоящее, пока все проблемы не отошли на задний план. Джен весело проводила время с Ковбоем на танцполе, а Мэг игриво покачивала бедрами вместе со мной на сцене.

По местным слухам здесь выступала каждые выходные рок-группа: и сегодня появился шанс услышать их.

Фил по-прежнему угощал посетителей и завсегдатаев бара, музыка шумела в ушах,

припев повторялся снова и снова в моей голове. Воздух был чем-то накаченным или мне так только казалось, но в глазах бегали синие пятна, расплываясь передо мной. Люди шумно скандировали имя новой группы на сцене, широко улыбаясь, некоторые ошеломленные девушки готовы были сделать для них все, лишь бы солист группы заметил их.

Солист группы, допев последнюю песню своего альбома, подтянул микрофон и сипло произнес, временами откашливаясь:

— Готовьтесь к новому пику ощутимой эпохи: идут перемены! — Толпа взревела и потянула к сцене руки. Я отпрянула к Мэг, и та подловила меня за плечи, громко смеясь.

— С тобой все в порядке? — она отступила назад и провела меня до столика, одиноко стоявшего возле панорамного и единственного окна. Она принесла мне воды из бара и велела посидеть здесь. Я кивнула в знак понимания и, помахав мне, девушка скрылась в возбужденной от восторга толпе.

Я вздохнула и бросила голову на руки. Дыхание было не спокойным. Голова начинала кружиться, и меня клонило в сон. Тяжелая рука упала на мое плечо и потрясла, отчего я вздрогнула и вскрикнула.

— Черт! — я отодвинулась дальше, но упала со стула, не удержавшись. Владелец тяжелой руки поднял меня с пола.

— Малышка, да ты совсем в хлам! — баритон Фила вернул меня на землю, и я округлила глаза.

— Что ты здесь делаешь? — он спросил удивленно. Я ахнула.

— Лишь тяну время... Мне нужно время, чтобы спасти...

— Ладно, малышка, — Фил прервал меня и потянул вслед за собой.

Он вошел в бар с северной стороны и усадил на деревянную табуретку.

— Протрезвей и приходи ко мне. — Парень протянул мне стакан воды. Взяв его, я хмуро взглянула на парня. Его лицо было полностью размыто, лишь синие блики пробегались по нему, освещая маленькие глаза.

— Мне нужна твоя помощь, и ты как раз убьешь время с пользой для себя, да еще и оставаясь в разуме. — Фил почесал затылок, кинул в меня полотенце и махнул рукой, указывая место, где он будет меня ждать. Я вяло кивнула, чувствуя усталость и как силы покидают меня.

Я похлопала себя по горячим щекам, обмакнула уголок полотенца в воду и провела по овалу лица, со временем чувствуя, как с меня стекают капли пьяного пота и влажность пространства. Постепенно голова становилась невесомой, я сделала глоток прохладной воды, и прилив энергии прошел внутрь.

Фил стоял, облокотившись на бар, и вежливо разговаривал с девушкой с лохматой челкой и разного цвета прядями, висящими на ее оголенной спине. Я привлекла свое внимание откашлявшись, и Фил оглядел меня, выглядывая из под своего плеча.

— Малышка, — протянул он, привлекая к себе. Мои щеки загорелись пламенем, я потупила глаза, делая вид, что увлеклась своими руками. Он подтолкнул меня плечом и указал на девушку с разноцветными прядями.

— Познакомься, это Лу — моя сестра.

Девушка радостно помахала мне и ее красные губы изогнулись в загадочной полуулыбке. Я помахала в ответ и улыбнулась.

— Лу расскажет, что ты здесь должна сделать на сегодняшнюю ночь. — Фил отошел назад, бросая тряпку другому парню в кепке, который стоял на другой стороне бара, дальше

от нас. Я нервно покачала головой, мои волосы запорхали в воздухе, рана мое лицо.

— Почему я?

Фил хмыкнул.

— Ты возвращаешь мне долг, малышка, — напомнил он и подмигнул. — Не забывай об этом.

Когда Фил ушел, Лу окружила меня своим вниманием, все время тараторя в ухо. Она ловко перепрыгнула через лакированную стойку и взмахнула рукой.

— Здесь в твои обязанности входит: следить за тем, чтобы все гости были довольны и были сытыми, оставляли чаевые, и ни при каких обстоятельствах не давай им касаться себя. — Она вздернула вверх накрашенный ноготь. Ее густые брови встретились на переносице, и она ухмыльнулась.

— Бармен — человек, не достигаемый до скользких рук пьяных мужчин, запомни, малышка.

Я качнула головой и издала смешок.

— Меня зовут Керри, а не малышка. — поспешила я возразить. Но Лу будто не услышала и продолжила вводить меня в дело. Я считала, Ангелы неподвластны всему и недостижимы людишкам. Оказывается, я была слепа?

— И, наконец, заказы. Если ты увидишь поднятый палец, значит ты должна подойти и принять его. — Голос девушки был неровным, иногда терялся среди прочего гула. Я быстро все запоминала, бегло осматривая места. Лу схватила меня за запястье, нацепила серую кепку с логотипом бара и пихнула в центр — первый клиент ожидал меня. Она склонилась ко мне и прошептала на ухо:

— Ты справишься, — она отошла и помахала, скрываясь в комнате для прислуг. Я отмахнула пелену с глаз и вернулась к клиенту.

— Что вы будете пить? Виски, Колу?

— Два виски со льдом, пожалуйста, — просил клиент. Я быстро сделала заказ по напоминалке, прикрепленной к столу, и отдала ему. Паренек с карими глазами лукаво одарил меня улыбочкой и ушел за столик.

Я облегченно вздохнула. Пфф, проще простого!

После пяти стаканов шота и недобора на южной стороне бара, оказалось, что отдавать долг не так уж просто.

После гогота и многочисленных жалоб в мою сторону я уже изнывала от головной боли и ноющей в ногах. Тут впопыхах прибежала Дженни с Мэг, все краснощекие и с яркими звездочками в глазах. Причем у обоих.

— Керолайн, черт подери тебя, Скилеф! Что ты здесь забыла!? — Мэг была в бешенстве и не держала себя в руках вообще. Алкоголь полностью захватил ее в помутненный плен. Я вскинула руки и протяжно вздохнула.

— Мэг, думаешь сейчас самое время, чтобы спросить меня об этом? — Мои нервы были на грани.

Руки дрожали, стаканы разбивались на месте. Стоило мне сделать шаг к посетителю, возгласы становились с каждой секундой громче и неприятнее. Что-то мне подсказывало, что одна уборка бара и помощь с напитками меня не спасет. Я пропала.

Из другого угла вышел Фил, на его щеках виднелись мелкие увечья, похожие на порезы, из которых сочилась кровь. Но умеренно это было или неосознанно, и кто виновник в

причинении вреда, я не знала.

— Что здесь происходит? — Фил взглянул на меня, посылая молнии, которые тут же приковали меня к месту. Я опустила голову. Он одним махом разобрался с разъярённой толпой: обслужил одну сторону, созывая Лу и своих помощников. Однако, к сожалению, я к ним не относилась.

Я взглянула на него из полуопущенных ресниц, но он даже не смотрел на меня. Краем глаза заметила идущую на меня Лу. Она виновато посмотрела на меня, качая головой. Она обвела меня за плечи и крепко обняла, задерживая свои губы возле моего уха. Я замерла и мое сердце заныло от безысходности, когда она выкрикнула сквозь шум, стоящий вокруг:

— Тебе лучше уйти, малышка.

Я закрыла глаза, но не смела отвечать — сил не хватало. Я — порождение сплошного недоразумения.

Она провела меня к выходу, заправляя свои африканские косички за ухо.

Ее лицо было пухлее моего, большие глаза сияли даже при лунном свете. Она тяжело вздыхала и поправляла свою нескромную униформу официанта.

— Теперь он меня ненавидит? — спросила, отчаянно смотря на нее искоса. Лу слегка улыбнулась, затем пожала плечами. Ветер подул в нашу сторону, когда какой-то ночной велосипедист проехал мимо нас.

— Он сейчас не в себе, но он не держит на тебя никакого зла. Ты же не виновата в том, что не делала. Ты просто не знала, что и как поставить. Все мы делаем ошибки и никто из нас не идеален. — Она почесала локоть в смятении.

— Я не знаю, что такое идеал, ведь по сути я таковой и не являюсь. — Хмыкнула слабо, укутываясь в куртку. Лу закатила глаза.

— Идеал — это что-то недостижимое человеку. Никто не станет им в жизни, на это уйдет вся жизнь человека. Нет, на нее не хватит одной жизни. Идеала просто нет, мы сами писатели своей судьбы.

На ее лице снова появилась загадочная улыбка, и она подмигнула. Я лишь оставила это без ответа на тот момент, когда останусь одна и буду глубже думать о ее словах.

Вдруг она встрепелась и подпрыгнула вверх, убегая, она скрылась за дверьми бара. Я осталась на какое-то время в полном одиночестве, окутанная непроницаемым панцирем тишины и запаха пряностей.

Дверь паба снова открылась, и оттуда вылетел мой старый пернатый друг. Единственный, кто не обвинял меня ни в чем, по крайней мере, пока, и тот, от которого грудь сжалась, а по всему телу расплылось тепло. Он уселся на мое плечо, как будто оно было предназначено только для него.

Лу вышла следом, и протянула небольшой пакетик сырого мяса.

— Я подумала, что ему не помешает подкрепляться время от времени. — Я взяла мешок и сунула его в карман.

— Спасибо, Лу.

Девушка улыбнулась и просто пожала плечами. Она указала на птицу и только ее рот открылся, вместе с ним распахнулась дверь паба и оттуда пулей вылетели Джен и Мэг.

На их лицах стояло неодобрение вперемешку с яростью. Лу зыркнула в их сторону, хмурясь из своего плеча. Я заметила, как она переменялась в лице, стала более растерянной и даже пугливой. Лу бегло улыбнулась мне краем губ и помахала рукой.

— Берегите себя, — пожелала она и исчезла в дверном проеме, давая мраку себя

забрать.

Птица зашевелилась на моем плече, и я почувствовала, как когти вцепились в кожу.

— Кер, что с тобой? Не хочешь объяснить, что там было? — Требовательным голосом попросила Мэг, скреживая на груди руки. Бродяга резко среагировал на ее голос и, когда она приблизилась к нам, получила уверенный удар от пернатого.

Она вскрикнула, зажимая щеку:

— Господи, Кер! Держи свое животное в узде! — Огрызнулась она, отходя назад. Ее глаза испепеляли меня, я покачала головой и сделала шаг назад, неуверенно глядя по сторонам. Мне вдруг вспомнились слова Йорки:

"Два мира разделены одной сплошной полосой. Перейдешь черту — все рухнет!"

Вероятно, это моя плата за все содеянное. Возможно, мне просто придется смириться с происходящими обстоятельствами, ведь не зря мне говорил отец: жизнь — это длинный урок смирения.

Дженни быстро подбежала к Мэг, обхватила ее за плечи, пока та вырывалась и просилась ко мне, враждебно атакая.

— Керолайн Скилеф, я больше не могу видеть тебя! Ты причиняешь мне только боль, — она хлопнула себя по груди в той части, где находилось сердце. — Вот здесь!

Я часто заморгала. В груди образовался ком, готовый плачем вырваться из горла. Я хотела ответить ей, что мне очень жаль. Но мне как будто кто-то или что-то не позволяло.

— Посмотри на меня! — она тыкнула пальцем в свое лицо, подставляя его так, что свет освещал искаженную часть лица. — Твоя пташка сделало это! Как я по-твоему пойду на Бал?

— Мэг, не кипятись. За три дня все пройдет. — Дженни попыталась успокоить ее, но она будто была глуха, и ее мольба о спокойствии и гармонии развеялась в потоке ночного ветра.

Дверь паба в очередной раз распахнулась, и оттуда выскочили два парня, которые играли на сцене публике. Я узнала одного из них по включенным в разные стороны лохмам, красиво развивающимся на ветру.

— Дамы, — он сделал поклон, подавая пример второму. Второй выглядел менее похожим на бродягу с улицы, но более похожим на приличного среднестатистического подростка с обычными проблемами. Мне он напомнил о брошенной собаке из-за его карих глаз.

— Нас просили вас сопроводить до дома, — сказал кареглазый Щенок. Он махнул в сторону своего чуть подвыпившего друга, не стоявшего на собственных ногах. — Простите его, он немного пьян.

— Немного? Кажется, он в хлам, — заметила Дженни, стоя подле него, все еще удерживая разгоряченную Мэг в руках.

Я подалась вперед, птица последовала за мной.

— Уйди от меня! — вскрикнула она. Подруга отошла от меня, закрываясь, будто я была порождением чего-то темного. Птица уселась на плечо, и мое бешеное сердце слегка утихомирило свой бешеный темп.

Я и не заметила, как оно бешено стучало, отдаваясь гулом в моих ушах. Я сжала кулаки и зажала губы тонкой полоской, когда бедная Дженни проговорила:

— Слушай, Керри, я думаю, нам лучше поехать отдельно, — ее голос был тихим, а слова стали пожизненным приговором. Я долго раздумывала, перебирая все грязные словечки в голове, но ничего так и не приходило, чтобы как-то загладить вину Бродяги на

моем плече. Я вздохнула.

— Хорошо.

Я сделала пару шагов, обернулась к ним спиной и последовала блуждать по пустым и глухим окраинам Сиэтла.

— Стой! — Через пару минут послышался низкий голос, и я вздрогнула, резко оборачиваясь на него. Это был парень с полным беспорядком на голове. Птица подала встревоженный, но угрожающий вопль, но парень даже не вздрогнул. Он подходил медленно, пока я ждала.

— Тихо, птенчик, я только провожу вас до дома.

Он поравнялся со мной и кивнул. Я озадаченно пожала плечами и продолжала идти домой, уже зная дорогу.

Весь путь мы молчали, я крутила все моменты, исследуя каждый, дабы найти тот, с которого все пошло наперекосяк. Но кроме удара по голове не могла толком ничего вспомнить.

— Три, четыре, — Я резко остановилась и посмотрела на парня. Он обернулся, хмуро оглядывая меня, подошел ближе. Бродяга летал в воздухе, ожидая нас.

— Все в порядке? — спросил он. Я поразмыслила об этом пару мгновений. А было ли? Ведь порядок — слово многозначно. Я не знала ответ на этот вопрос, возможно, что и никогда не узнаю. Я снова пожала плечами и пошла вперед.

— Знаешь, ты напоминаешь мне мою сестренку, такая же тихая. — Усмехнулся он. Я натянула улыбку, шагая в направлении дома.

— А ты напоминаешь мне приведение Каспера из мультика "Каспер", — выпалила я и парень рассмеялся.

— Это мой один из любимых. — Его улыбка растянулась на все лицо.

— Как тебя зовут? — Я саркастически его оглядела.

— Ты думаешь, что если я ответила тебе, то сразу стану знакомиться? Ты ошибаешься, если думаешь так.

Парень лукаво подарил мне самую горячую улыбку рок-звезды, но мне было по барабану. Не в этот раз.

— Я не могу просто узнать твое имя?

Он подмигнул, ехидничая. Я фыркнула и, когда мы оказались рядом с моим крыльцом, вздохнула и поднялась по ступенькам. Размышляя, обернулась, чтобы посмотреть, как он уйдет. Но парень стоял на гравии дороги, спрятав руки в карманы потертых джинсов.

— Я думаю, что узнав его, ты потеряешь все, — досадно сказала, поднимаясь выше. Он лишь усмехнулся и пожал плечами, качая головой.

— Может, этого я и хочу.

Я тряхнула головой, слабо улыбаясь. Открыв дверь, Бродяга сразу же залетел внутрь, скрываясь в гостиной. Я попыталась закрыть дверь, ощущая усталость во всем теле, но она не хотела закрываться. Ей что-то мешало.

Я хмуро оглядела дверь, когда увидела на пороге парня с беспорядком на голове. Он удерживал ногой дверь.

— Можно мне переночевать?

Я покачала головой.

— Не в этот раз, Каспер, — Я сделала вздох. — Ты сделал свою работу.

Парень ухмыльнулся. Минуту его серые глаза блуждали по мне и, наконец, он вздохнул.

— А знаешь, что ты красивая?

Это что, какая-то игра? Я закрыла веки, хотя мне было приятно.

— Ты пьян.

— Знаю.

— Тогда тебе лучше проспать. — Я попыталась снова закрыть дверь, однако парень ставит блок своей рукой.

— Постой, — шепчет он и его голос был схож с отчаянным воплем лани.

— Что еще? — меня эта ситуация начинала выводить. Он показал на мой медальон и скривился.

— Откуда это?

— Тебя это не касается, — спокойно ответила я, удерживая самообладание в руках.

Он в очередной раз вздохнул, но отступил.

Я последний раз взглянула на его раздавленное в прах лицо и молящие затуманенные глаза. Медальон — это личное, а незнакомец всегда останется таковым. По крайней мере, для меня.

— Что ж... Тогда до свидания, Little Disaster, (Маленькая Катастрофа) — промолвил он и, в последний раз улыбаясь мне, махнул рукой.

Я закрыла глаза на его придуманное для меня прозвище, чтобы избежать его следующей попытки остаться на ночь.

Я заперлась на замок, и, выключив везде свет, зарылась в одеяло, выпуская своих демонов наружу. Я не была готова. Пока еще нет...

Но теперь я решила для себя, что буду осторожна с людьми. Буду сама по себе.

Засыпая, я чувствовала, как выстраиваю стены. Бетонные и высокие стены, закрываясь от внешнего мира.

Ради своей безопасности.

Близился всеми ожидаемый праздник, а вместе с ним заканчивался и мой срок на принятие решения: кем мне стать.

Я уже искала в просторах Интернета об этих Падших, но определенного ответа он мне не выдал. Спрашивать у кого-либо самой не хотелось, чтобы не показаться более странной на глазах у окружающих.

Единственное, что мне оставалось — это наслаждаться последнем днем, запоминая моменты.

Мэгги теперь со мной не разговаривает, не отвечает на звонки и даже в школе обходит стороной. Дженни по-прежнему бежит между двумя огнями как кролик, потерявший семью. Я нахожусь в одиночестве, которое постепенно превращается в сплошную вязкую стену.

Раздался

писк на кухне. Я резко встаю и спускаюсь вниз. Заметив разбитую тарелку, лежащую на чистом полу, осматриваюсь. Бродяга летает вокруг тарелки, как будто что-то ищет.

— Отойди отсюда, — прошу его, подходя ближе. Я опускаюсь к осколкам и тянусь к ним с замиранием сердца.

— Не поднимай! — ревет голос и рука отдергивается сама собой. Резко оборачиваюсь через плечо и вижу парня в сером капюшоне. Он подходит ближе и скидывает ткань с головы.

— Это посуда проклята, — Он поднимает один из осколков и проводит острым углом

по ладони. Через секунду из раны сочится темная кровь. Я ахаю, отодвигаясь. Парень хватается за запястье и придвигает ближе.

— Смотри, Керри! — Рывкает он с мольбой в голосе. Кровь капает на пол, растекаясь по всей ладони. Парень сжимает ладонь с раной и открывает вновь. Раны уже нет, а вся кровь впиталась в его шершавую кожу.

— Что это было? — ошарашенно спрашиваю, краем глаза поглядывая на него. Он качает головой, встает с колен и открывает дверь.

— Лишь твоя иллюзия. — Он шагает через порог и махает рукой. — Идем, только одень что-нибудь черное, и прихвати медальон. У тебя две минуты.

Я стою на месте, хлопая глазами. Птица задевает меня со спины и подталкивает вперед.

— Ты уверен, что ему можно доверять? — иронично спрашиваю Бродягу, но он только подталкивает и машет перьями.

Через минуту поправляю черную кофту, застегиваю кожаную куртку и подтягиваю черные брюки, сильно обтягивающие мой зад. Бродяга летит впереди меня, я вылетаю на улицу и открываю рот, когда вижу парня в сером капюшоне. Он протягивает мне руку и губы его изгибаются в ленивой улыбке.

Птица пролетела мимо него, останавливаясь позади спины парня. Мороз колит кончики пальцев, я прячу руки в рукава.

— Доверься мне и закрой глаза, — просит он. Я качаю в неверии головой, закрываю глаза. Чувствуя запах водорослей, вдыхаю аромат. Его руки скользят по моим плечам и останавливаются на поясице. Зажмуриваюсь и накрываю лицо руками.

— Раз, два... — Парень натягивает капюшон и накрывает нас плащом. — Три.

Воздух покидает меня, я глотаю ртом кислород, постепенно задыхаясь. Парень качает головой, крепче прижимает к себе.

— Не шевелись!

Мы попадаем в другое пространство, когда синяя нить волной обматывает наши тела.

— Открывай глаза, — шепчет мужской голос. Я отхожу назад, слегка пошатываясь. Парень улыбается и заводит меня наверх. Я смотрю по сторонам и вздыхаю.

— Что это? — Парень смеется, но не отвечает. Большой обширный зал похож на заброшенное место, где когда-то проводились торжественные балы.

На середине зала стоит широкая лестница. На перилах тонна пыли, многовековая паутина опустилась на позолоченные подсвечники, а потолок украшен темно-фиолетовыми облаками, темная тонкая полоса пробиралась сквозь них как венка у человека на запястье. Как будто в стенах заточены муки людей, а в полу лежат их тела.

Я кинулась к парню, тихо вскрикивая. Он подал мне револьвер, успев самостоятельно перезарядить. Парень показал, как из него стрелять и правильно держать.

— Я не могу, — шепчу я, и в голосе прорезается испуг. Он хмурится и протягивает пистолет.

— Всем страшно. Просто вдохни глубже и сделай шаг.

Я сделала шаг в пучину мрака, когда он протянул мне оружие и поднялся по затхлой лестнице. Я видела его силуэт до тех пор, пока синяя дымка не захватила нас с головой.

На этой стороне стены все потресканы, глубокие трещины взлетают вверх и расходятся в стороны. Из угла выходит Эльза и сердце уходит в пятки.

— Добро пожаловать, каро, — она обнимает меня за плечи и счастливо улыбается.

Револьвер выпадает из рук. Я оглядываюсь на парня в капюшоне. Эльза оборачивается и кивает ему.

— Спасибо, дальше я сама.

Парень покорно кивает и растворяется в потрескивающих стенах. Она уводит меня за дверь и отпускает.

Комната вся обставлена в готическом стиле, кроме богатой библиотеки. Вдоль стены расположились полки с многочисленными потертыми и старыми книгами.

— Теперь ваш дом здесь? — вылетает из уст неожиданно, и я поворачиваю голову к Эльзе. Она качает головой и двигается в сторону библиотеки. Она достает книгу в бирюзовой обложке и садится на диван.

Я подхожу ближе к черно-белым клавишам в углу комнаты. Бегло пробегаюсь по ним, пока оттуда не вылетает тонкий писк похожий на чайку или тонущего кита.

— Простите. Если бы меня там не оказалось, вы бы жили спокойно.

— Это вовсе не из-за тебя, каро. Это все Дарк. С ним что-то происходит, но спросить его об этом никто не осмеливается, — Она вздыхает и моргает. — Но не переживай, он уже поплатился за это. Дарк изгнан.

— Но почему никто не спросит его, что с ним? — любопытно, продолжая наигрывать по клавишам. Эльза махает рукой и расширяет глаза.

— Потому что все знают, на что он способен. — Ее уголки губ тянутся вверх, она хлопывает пустое место возле себя.

— Присядь, я кое-что покажу тебе.

Подхожу ближе, касаюсь твердой кожи и присаживаюсь возле нее. На тонких ножках девушки лежит книга в бирюзовой обложке. Когда Эльза раскрывает переплетенные вековые и кропотливые труды работы, то изнутри вылетает пыльный шторм, крутясь в воздухе спиралью.

— Это история моего народа. История нашего начала, — шепчет тайно она, поглаживая уголки страничек. Я вздыхаю, чувствуя, что заступаю на чужую территорию.

— Ты считаешь, мне нужно об этом знать? — указываю на одну из строк, недоверчиво поглядывая на вещицу в ее владениях. — Почему именно я, а не кто-то другой?

Эльза понимающе кивает и дрожаще улыбается, пожимая мое плечо. Лицо освещается невидимым светом, брови поднимаются.

— Я в этом уверена, Керри. Судьба выбрала тебя, а она, запомни, никогда не ошибается. — Я ухмыляюсь и качаю головой.

Эльза возвращается к книге и перелистывает следующую страницу, отдаваясь порыву полной расслабленности.

Свет от единственной свечи в комнате освещает все пространство, наши лица и бросает слабые отголоски к приоткрытой двери, откуда выходит слабая полоска света.

— Падшие, как я тебе говорила раньше, — это люди, у которых нет душ. Они безжалостные и прямолинейные. Они — бесстрашные, защищают своих людей и близких. Пожертвуют собой, чем сделают больно своим близким, — начинает Эльза, указывая на нечеткую картинку.

На меня смотрит Ангел с изумрудными глазами. Его волосы красиво застыли в хаосе, переплетаясь между собой. Тело, полностью отточенное и доведенное до идеала, закрывал серый плащ. А за спиной росли величественные крылья, прикрывая одну сторону его лица. Я

ахнула.

— Их множество! И все такие... разные, — шепчу пораженно. Осторожно прикладываю ладонь к правому углу страницы. Слышу баритон Эльзы, хлопающей ресницами.

— Это естественно, Каро. — Она перелистывает на следующую страницу. — Каждый из них уникален по-своему. А это у нас Будущие.

Ее лицо кривится, когда из губ вылетают слова. На странице некоторые уголки прожгли спичкой, оставляя черный след. На этой странице как будто поселились сами Будущие. От этой мысли по коже проходят мурашки и я сглатываю. Эльза хлопает меня по спине.

— Тише, не переживай, — заверяет она. — Они тебе не сделают ничего плохого.

— Что они могут сделать для других? — выворачиваю вопрос, наблюдая за реакцией самой Эльзы. Ее рука на моей спине застывает и отходит на задний план.

— Со смертными они делают, что хотят. Керри, они безжалостны. Их сердце окрашено мглой, тела пропитаны гнилью. Будущие испорчены с головы до пяток. Это не люди. Это лживые душонки, ищущие свою выгоду. — Она поднимает тонкий мизинец кверху, вздергивая подбородок. — Никогда не верь им, они не умеют говорить правду.

Бегло пробегаюсь по выжженной бумаге и съеживаюсь. Меня оглядывают голодные большие глаза. Светло-серая радужка практически заполняет весь глаз. Полоска белого слабого отблеска пробивается внутри зрачка, но слабо. Почти у каждого сильно выделены скулы, курносые носы и кровавые губы. Меня снова передергивает, глаза закрываются. Эльза оттягивает назад и смеется, продолжая вводить меня в свой мир. В голове возникает вопрос: выдержу ли я такого накала, если все-таки скажу ответ?

— И последнее, что ты должна знать, — это потерянные души. — Эльза указывает на последнюю страницу. Ее палец дрожит, когда показывает масляный портрет одинокого парнишку. — О них почти ничего неизвестно, так как это дети Будущих. — Я озираюсь на нее удивленно, вглядываясь в профиль.

— Повтори? — дрожащим голосом вылетает вопрос. Как такое возможно? Эльза кивает и пожимает одним плечом.

— Так и есть. Когда у Будущих появляется ребенок, те ждут его шестнадцатилетия, и потом отдают ему указ, который гласит: выбрать либо семью, Стать Будущим, либо они больше не его родители. Потерянные души — это израненные миром дети, ищущие спасение, — выдыхает она, опуская голову.

На странице, будто за каждым моим движением следит бледный мальчик с волнистыми до плеч волосами. В глазах отсутствуют зрачки, все заполняет белок, и от этого мальчик кажется бездыханным трупом. Я замечаю, как на левом ухе паренька прилипла засохшая кровь. Вдыхаю воздух, но кашляю, представляя ее неприятной запах.

— Напоминает того мальчика из Темной Пещеры, — все еще откашливаясь твержу. Эльза недоуменно смотрит на меня, захлопывает книгу, и уводит на край дивана. Бровь изгибается в неровной радуге.

— Какого еще мальчика, позволь узнать? — улыбка появляется на розовых губах, когда она поправляет свою кричаще-красную мантию.

— Я видела его только раз, если быть честной. Он вернул мне мой медальон, сказав, чтобы я его больше не теряла. — Я дотрагиваюсь до медальона, и чешу затылок. — Странно вот что: никто не видел парня, кроме меня.

Эльза в один миг замирает, отбрасывает толстую ткань из рук. Ее рот искривляется в страхе. Она склоняет голову, и долго всматривается в мои глаза. Блеск изумрудных глаз

прожигает. Эльза дотягивается до моей руки и закрывает глаза.

— Ты удивительная. В тебе есть то, чего в нас нет.

— И что же это? — почти задыхаясь, шепчу я. Эльза дотрагивается до моего солнечного сплетения и улыбается.

— У тебя есть сердце.

Эльза поднимает меня на ноги и уводит в пустой коридор с высокими толстыми колоннами. Пыль окутывает каждый угол. Она зовет парнишку в капюшоне снова. Секунда — он стоит напротив нас с яркой улыбкой на лице. Эльза кивает ему и затем указывает на меня.

— Отвези ее домой, — говорит она почти как мама. Неожиданно из меня выходит жалкий всхлип, отчего медальон начинает гореть, а топазные глаза возвращаются ко мне.

— Что такое? — Она долго всматривается в меня, осторожно выводя в сторону. Качаю головой, поглаживая медальон на шее.

— Мама исчезла. Я не знаю, где она. — Опускаю голову, позволяя локонами закрыть меня. Эльза легко обнимает меня одной рукой и задерживается возле уха.

— Тебе придется сбросить с себя все старое, чтобы облачиться в новое. — Я послушно киваю, но угнетающая боль не отпускает.

Парень снова берет меня за руку и накрывает нас двоих теплым плащом. Эльза в надежде махает рукой и тыкает на запястье, будто на нем наручные часы. Я закрываю глаза. Знаю, мало времени на решение.

Весь путь я молчу, не издавая воплей.

Парень отпускает из объятий, когда мы появляемся в моей комнате. Меня окружают старые рисунки на стенах, заклеенные серым скотчем окна и темнота. Я снова поглощена одиночеством и прошлым. Парень молча накрывает голову и вмиг исчезает в проеме двери. До вечера остаются считанные минуты.

Поднимаю с полки телефон — экран чист. В окнах шумно барабанит дождь, асфальт полностью в воде, капли нескончаемого ливня падают в лужи, отскакивая как от огня. Людей почти не видно. Действительно, они спрятались, как крысы в норы. Улыбаюсь, сама не знаю чему, вылетаю на улицу, даже не удосужившись внимания, рядом ли Бродяга.

Улицы серые и невзрачные. Пытаюсь слиться в этой картине и опускаю черный капюшон толстовки на глаза. Под ногами шумит вода. Капли хлещут по лицу и костяшкам пальцев. Я наслаждаюсь моментом, вскидывая руки в стороны. Начинаю ходить по скользкому тротуару, не заботясь ни о чем.

— Да, я все-таки угадал, — слышится чей-то голос позади. Я оборачиваюсь с опаской и вскрикиваю. По середине дороги стоит белокурый парень, шурясь от мокрой стены.

— Что ты... — оглядываюсь за спину и хмурю брови. — Ты что здесь забыл? — Он подходит ближе и я узнаю в нем того парня, который просил меня проводить. Кулаки сжимаются, и я шиплю на него.

— Так это ты тот парень из музыкальной группы? — парень ядовито усмехается и качает головой, постукивая ботинками.

— Это я, — улыбка сходит с его лица и он мрачнеет. — Хотел найти, извиниться за произошедшее. Как мне искупить вину? — Качаю отрицательно головой и слабо улыбаюсь.

— Ничего не нужно. — Говорю ему, но он будто не слышит и его глаза встречаются с моими. Они ярко поблескивают сквозь дымку.

— Может, сходим куда-нибудь? — предлагает он и снова начинает объяснять свои слова. Он смеется и отбрасывает капли с волос.

— Как сумасшедшая и музыкант, — из меня вырывается смех. Возможно, он прав. Я настолько запуталась, что мне ничего не остается, кроме как сходить с ума.

— Я непротив, — проговариваю, протягивая ладонь.

Через пару часов дождь утихает и на смену темным тучам восходит яркое солнце, осушая город. Музыкант волочится где-то под боком, когда замечаю, как солнечный луч света пробегает мимо него и останавливается на некой темной тени. Я считала, что дождь закончился. Может это снова плод моего воображения. Резко останавливаюсь, Музыкант спешит ко мне.

— Что с тобой? — спрашивает он, озираясь по сторонам. Я качаю головой, но снова не могу ничего сказать. Тень кивает мне в знак приветствия и медленно приближается ко мне. Я отхожу назад, не глядя хватаясь за руку парня. Музыкант усмехается.

— Пожалуйста, давай уйдем, — прошу его. Парень оглядывается назад, но останавливаю его и пробегаю вперед, подтягивая его за собой.

— Не оглядывайся, он может тебя заметить! — предупреждаю, пока мимо нас пробегают тонкие деревья и дети с радостными лицами. Музыкант просит меня остановиться, но я не могу. Чувствую, что он еще рядом. Сердце щемит от его близости.

Что-то внутри меня шепчет — это он. Родной человек, которого когда-то потеряла, но не могу произнести слова вслух. Мне нужно было уединение. Осмыслить все и расставить все точки над "i".

Когда я вижу перед собой темный переулочек, останавливаюсь и перевожу дух. Музыкант обходит меня и тихо подсаживается на колени. Он оглядывает меня и задумчиво склоняет голову.

— Что с тобой? — повторяет он, но мне остается только покачивать головой. Медленно посматриваю через плечо, но сзади никого нет. Тень исчезла, как и подозрение. Кто это был?

Музыкант поднимает меня и сжимает мои плечи. Я поднимаю глаза и хищно сощуриваюсь.

— Зачем тебе знать то, что потом забудешь? — Музыкант хмурится и качает головой. Он приближается ко мне и улыбается.

— Твои слова никогда не забуду.

Внутри начинает все покалывать, щеки пылать, перед глазами мутнеть. Все кажется нереальным. Это не может происходить. Со мной.

Пока ветер гулял по нашей коже, щекоча пальцы рук и развивая мои волосы по сторонам, Музыкант поглаживает мои плечи. Минуты текут медленно. Кто он и потерплю я и его потерю — неизвестно. Хочу спросить у него настоящее имя, но он перебивает.

— Знаешь, тут небезопасно. Я где-то неподалеку заметил местный паб... Давай прогуляемся, — предлагает он и хватает меня за руку.

Изнутри меня разъедает, но я вежливо киваю и следую за ним в паб.

В пабе оказывается не так многолюдно, как я думала сначала. Здесь пропитано запахом хвои, лимона вперемешку с розами, стоящими на барной стойке. Нас окликает добродушная девушка, одетая в серый фартук и белую кофту. Музыкант ведет меня к барной стойке и усаживается напротив.

— Что пожелаешь... — Девушка замолкает, когда видит лицо парня. Он смиренно ей

посылает, чтобы она остановилась и юная леди кивнула. Музыкант попросил у нее две содовые, и бармен отошла в сторону.

— Почему она так себя ведёт?

— Как? — Парень ухмыляется и кладет локоть на стол. Я закатываю глаза, уголки губ неохотно поднимаются вверх.

— Только не говори, что она так резко замолчала, потому что забыла слова.

Парень хохочет, закидывая голову назад. Он достает откуда-то тонкую соломинку и начинает дуть в нее. Я хмурюсь и махаю руками.

— Она просто моя хорошая подруга, которая понимает с полуслова.

Бровь приподнимается, киваю головой в неверии. Но не успеваю ответить, бармен поднимает бокалы и ставит перед нашими лицами.

— Что привело вас сюда? — спрашивает девушка и поворачивается на меня. Я приподнимаю брови, хмыкая. Музыкант отмахивается и отпивает.

— Одна ситуация... — он пересекается со мной взглядами, но я качаю головой. — Голод. Девушка улыбается и качает головой. Она берет меню, и передает парню.

— Тогда выбирай, красавчик, только у тебя есть две минуты. — Девушка морщит носик и снимает серый передник.

— А что произойдет через две минуты? — Выпаливаю на одном дыхании. Парень смеется заливистым смехом и ставит стакан на стол. Он кивает девушке.

— Софи, иди, я тут сам все объясню.

Барменша отбегает к другому столу, тщательно его протирая. Перебегаю к Музыканту и жду продолжения.

— Что ты объяснишь?

Он вздыхает и разлохмачивает волосы. До меня доносится запах свежей крови, и от этого вздрагиваю.

— Софи — патологический фанат группы Rove, и сегодня они выступают здесь.

Глаза округляются, когда раскрываю от удивления рот. Музыкант хмыкает и отпивает еще содовой.

— А теперь расскажи, что случилось там, в парке? — спрашивает напрямик он. Все тело приковывает к стулу, я опускаю глаза на колени. Сказать ли ему, что я видела на самом деле? Вдруг и он не поверит, как это было с Питером?

Я тщательнее разглядываю его лицо, и ничто не говорит мне о противоположном. Что-то шепчет мне, что он безобиден. Парень приподнимает бровь и незаметно склоняется вперед.

— Кого ты там увидела? — Переспрашивает Музыкант и весь задор в глазах исчезает.

Решение приходит за долю секунды, я собираюсь с силами и закрываю глаза.

— Отца. Это был мой отец, — шепчу в пол силы. Музыкант отскакивает назад и его губы изгибаются в неохотной улыбке.

— Но он же умер, не так ли?

— Откуда ты знаешь? — чуть ли не кричу на него я. Он ведь не знает меня да и имя не говорила. Я резко вскакиваю с места и медленно приближаюсь к парню. Теперь руки потряхивает, губы дрожат. Из его губ вылетает смешок, от которого по моим плечам пробегают мурашки.

— Вообще-то я читаю газеты и постоянно смотрю новости. Если я не знаю твоего имени, это не значит, что я не узнаю тебя по лицу.

Музыкант встает, поправляет футболку и приближается ко мне.

— Тебе не уйти от меня, потому что я знаю, где ты, — шепчет на ухо парень. Сердце перестает биться в груди, внутренности сжимаются в узел. Я нервно сглатываю и перевожу глаза на него.

— Так это ты...

Собственный голос был неузнаваем, зубы стучали, когда я выговаривала слова. Это не могло быть на самом деле. Этого не может быть. Все не по-настоящему. Музыкант кивает, лишь подтверждая мои догадки или опасения? Делаю шаг назад, но он достает меня и ловит за локоть, пригвождая к себе.

— Ты никуда отсюда не уйдешь, милая. — Он вдыхает через нос, крепче зажимая пальцы на коже. Хочу крикнуть, но парень перекрывает мне рот. Он слащаво улыбается, я озираюсь по сторонам, но никого не замечаю. Софи пропала, посетителей нет. Помощи нет.

Начинаю брыкаться, но только делаю себе больнее. Может и вправду сдаться? Кому какая разница, что станет со мной? Мама исчезла. Лучшие друзья отвернулись, а реальность превратилась в один сплошной кошмар. Что если я просто приму то, что есть и просто закрою глаза?

Начинаю расслабляться и, когда Музыкант понимает, что никуда не убегу, отпускает меня. Он смачно целует меня в щеку, но я только брезгую, отворачиваясь от него. Парень присаживается на край стула и машет в сторону.

— Тебе все равно не сбежать, можешь даже не пытаться, милая.

— Никакая я тебе не милая, перестань меня так называть! — возмущаюсь, хмуря брови. Он начинает хохотать на весь чертов клуб, пытаюсь меня напугать. Но ему это не удастся. Музыкант указывает на меня, сжимая губы в одну суровую линию.

— Не смей даже бороться со мной, твоих силенок недостаточно, чтобы справиться со мной, тебе ясно?

Его слова разбудили во мне гнев. В животе вспыхнул огонь, готовый испепелить здесь всё, включая Музыканта.

— Пока я жива — буду бороться! — плюю ему в ответ, от этого он сильно хмурится и невольно встает на ноги.

Грубый шлепок по щеке заставляет меня очнуться и еще больше воспламениться. Как он смеет? Парень хватает меня за локоть и без промедления уводит в другую, может и комнату, сторону.

Я резко хватаюсь за стену, чтобы не покалечиться, когда Музыкант, или уже настоящий убийца, скидывает меня на кровать и закрывает дверь. Я пытаюсь выбраться, но все тщетно. Он закрывает дверь на замок.

— Теперь ты будешь находиться здесь, пока я не придумаю, что делать с тобой дальше. Хотя... Лучше тебе привыкнуть к обстановке, потому что теперь это — твой дом. — Последние слова, которые он мне говорит, пока полностью не исчезают.

В комнате, где я находилась, стоял только один шкаф, кажется соорудированный еще в эпоху девятнадцатого века, на дверях которого были разрисованы полуголые ангелы и купидоны. Вся комната окрашена в карамельный цвет. На другой двери висели лишь скомканные полосатые шорты, а на стенах разбросаны однотонные бутоны ненастоящих роз.

Мне нужно было отсюда убраться, звонить в полицию и пытаться разобраться во всем, но вместо этого встаю и начинаю осматривать каждый предмет.

Омулет по-прежнему на шею и сейчас он никак не реагирует, даже если бы я попыталась.

Шкаф привлекает больше, поэтому — даже не осознаю, что делаю, подхожу ближе и осторожно, чтобы его не сломать, открываю дверцы. С одной стороны шкафа дверца полностью исцарапана, но с другой — идеально отполирована и чуть ли не блестит.

Внутри нет ничего примечательного, когда провожу дрожащими пальцами по ним и верхушке шкафа.

— Не смей трогать вещи, которые не принадлежат тебе! — Рывкает голос позади. Я вздрагиваю, руки опускаются, и двери шкафа закрываются.

Я оборачиваюсь на голос и вижу перед собой Музыканта. Он чуть ли не извергается синим пламенем, когда смотрит на меня. Надеюсь, из-за этого он меня не убьет.

— А ты не смей держать меня здесь, я не домашнее животное! — огрызнулась я. Парень фыркает, бросает на кровать майку, пару брюк и, зачем-то, мужскую шапку.

— Я принес тебе одежду. Теперь это будет твоё повседневное тряпье. И... — он проходит ко второй двери, задерживаясь на полпути, — ты — не домашнее животное. Теперь ты — моя рабыня.

Рабыня. Всего шесть букв, а уже прожигает тело до дыр. Я ненавижу его всем сердцем. Кто он мне вообще?

Нужен был план. Но как выбраться отсюда я не представляла. Прошло уже два дня, а я так и оставалась на том же самом месте. В его комнате, на той же кровати. Он постоянно спрашивает перед тем, как заснуть, мое имя, но я молчу. Только сейчас понимаю, какая я дура, что согласилась вообще с ним связаться.

Я лежу на кровати, накрытая с головой тонкой простыней, пытаюсь как-то собрать все в одну картину, но ничего не получается.

Музыканта нет. Из двери слышатся приглушенные голоса, но я не могу распознать, кому они принадлежат. Главная задача рабыни, то есть моя, состояла в том, чтобы сидеть здесь, а вечерами потакать Господину.

Парень всегда в половину первого ночи звал к себе в комнату и просил ему читать одну и ту же книгу. Сначала я брыкалась и притворялась, что не умею вовсе читать, однако он меня с легкостью раскусил. Тем не менее, парень оказался, хоть и суров внешне, мягок внутри.

Я уже думала, что начнет приставать или делать с собой, а может и с ним, кто знает, грязные вещи, однако ничего из придуманного не произошло. Но все равно всю жизнь находиться здесь невозможно.

Конец второго дня завершался очередным возмущением и криками Музыканта, когда я заканчивала читать его таинственную книгу. Он махнул рукой в сторону двери и мои плечи вздрогнули.

— Не надо так! — молил он. — Объясни мне, что там было... Ты должна мне объяснить, ты моя рабыня!

Я сглотнула и закрыла глаза. Неужели он болен или в действительности не понимает, что это конец?

— Послушай, ты большой мальчик и должен понимать, что книга — это просто содержание чей-то истории. Я не могу находиться здесь вечно, понимаешь? Так нельзя, у меня есть семья и своя жизнь...

— Нет! Ты будешь тут, пока сам не отпущу, — твердит он. Я слабо улыбаюсь, но молчу.

Он опускает голову и шмыгает носом. В его комнате нет света. Здесь притаился мрак, как и, я уверена, в его душе. Почему он такой и что стало, я догадывалась, что резкая смена настроения это не просто так, но боялась спросить. Музыкант выдохнул и покачал головой.

— Ладно, извини меня. Это все мои проблемы. Я не хотел тебя грузить.

Он встал и медленно прошел к стене, на которой висели маленькие листочки из блокнота и странные черно-белые фотографии. Он сдернул со стены один листок и фотографию, затем, что-то черканув, передал мне.

— Это тебе пригодится.

— Что это? — спрашиваю, неосознанно хватаясь за края листочка и бегло осматривая фотографию. Я покачала головой, не понимая, что он хочет предложить и зачем мне какой-то неизвестный адрес. Он хочет отправить меня в магазин или нужно кого-то оповестить? Парень указал на зеленый лист бумаги и усмехнулся.

— Это адрес, куда тебе нужно отправиться и больше не возвращаться сюда. Со мной происходит что-то странное, ты это видишь, не отрицай, и, поэтому, завтра будет твоим последним пребыванием здесь, услышала? — Рывкнул он, кивая подбородком в мою сторону.

Я закивала головой, не понимая, что сделать в первую очередь: поблагодарить его или радоваться от счастья, что скоро увижу родных.

Пока я металась от одного огня к другому, Музыкант скинул футболку и прошел мимо меня, укладываясь на дырявый матрас.

— Теперь ты мне не нужна. Можешь идти и... Спокойной ночи.

Я побрела в свое крыло комнаты, когда дыхание парня стабилизировалось, и он уснул. Здесь мне не спалось, а за последние два дня не могла сомкнуть глаз вовсе. Если у него это был новый способ обзавестись девушкой — он странный. Вдруг, откуда-то из шкафа, послышался детский смех, но уже не могу встать или разобрать что-то, я окончательно избавляюсь от груза и падаю в темноту комнаты.

Третий день успел сразу запасть мне в душу, не успела я открыть веки. На подушке лежал белый конверт с каллиграфическим почерком на нем. Я приподнимаюсь, потирая кулаками глаза. Осматриваюсь, но никого не нахожу. Комната Музыканта пуста и девственна чиста, чем в прошлые разы, когда я к нему приходила. Шкаф блестит от падающего на него света ночника. Дверь, ведущая в бар, полуоткрыта, хотя и была заперта, как я помню, по крайней мере.

Полностью придя в себя, цепляюсь за неровные края конверта и раскрываю его. Внутри какое-то письмо, сложенное на четыре части. Шмыгнув носом, приступаю к чтению.

"Доброе утро, милая.

Сегодня твой последний день со мной как ты помнишь. Сегодня приезжают мои друзья.

Что от тебя нужно — покорность. Сегодня ты весь день будешь со мной. Обещаю, тебя никто не тронет. Главное, что ты должна делать — помогать мне и выполнять то, о чём попросят мои друзья".

Собираю листок в кулак и разрываю на мелкие кусочки. Слезы покатались по щекам, когда понимаю, что из этого выйдет. Какие еще друзья? Если все обернется провалом? Что-то мне подсказывало — последний день запомнится мне на всю жизнь.

Дверь с треском распаивается и в нее входит Музыкант. Он громко посмеивается, указывая на меня.

— Одевайся, нечего лежать в кровати целый день, так и всю жизнь можно проспять. Я вижу, ты уже ознакомилась с сегодняшним расписанием дня, не так ли?

Парень проходит по комнате, открывает дверь шкафа и кидает мне серую футболку и кепку с эмблемой Янки.

— Ты хочешь, чтобы я это надела? — спрашиваю тихо, вытирая слезы. Он хмыкнул, кивая головой.

— А ты догадливая, милая, — смеется он.

Облачение занимает пару минут. Вот уже на мне серая, длинная до колен, футболка, видимо мужская, серые ласины и кепка Янки. Поправляя, тихо молю Бога, чтобы этот день прошел быстро и незаметно.

Музыкант хватает меня за локоть и выводит в паб. Сегодня здесь намного тише и не многолюдно. Софи протирает столешницы, а паренек, на вид где-то лет двадцати, протирает полы, что-то напевая себе под нос.

— Так все пройдет здесь, верно? — спрашиваю как можно спокойнее и мягче. Парень сжимает мой локоть сильнее и хмыкает.

— Точно. Сегодня это место охватит похоть и жгучее веселье, милая. Вот увидишь, — отвечает он.

И правда. Как только солнце пересекло небесную черту, я это поняла, когда внутри здания заходили слегка подвыпившие буржуи, вся мерзость оказалась тут. Музыкант шумно распивал уже пятую бутылку виски со своими друзьями, пока я сидела сбоку от него и смотрела на каждого, пытаюсь понять, что в них такого. Один парень — низкорослый с розовыми прядями — заметил и фыркнул, не спеша наклоняясь ко мне.

— Что, у меня что-то с лицом? — Ехидно спрашивает он. Я качаю головой, понимая, что если скажу, он сделает только хуже. Тот кивнул и обратился к Музыканту.

— Эй, Фрэнк, почему твоя... м-м-м... подружка так смотрит на меня? — Парень встает, допивает виски и ставит стакан на столик, тот шатается на месте, но, к счастью, остается стоять. Фрэнк — теперь у него, наконец, появилось имя — закатывает глаза и перебегает на меня убийственным взглядом.

— Милая, не нужно глядеть на него, иначе худо будет.

По спине прошлись мурашки, вся группка за столом откинулась на спинки небольшого кожаного дивана, и разошлась хриплым смехом. Я удивленно хлопаю глазами, Фрэнк молча протягивает мне стакан золотистого напитка и просит выпить. В голове крутится его слово «покорность» из письма, в ушах начинает звенеть, когда я улыбаюсь. Ну что ж, игра начинается...

Если он хочет, чтобы я была покорной, я буду. Единственный выход отсюда — делать вид, что все хорошо. Фрэнк уже в стельку пьян, впрочем, как и его друзья-музыканты. Однако за это время они успели отыграть чуть ли не половину своего альбома, как сказал потом парень с розовыми прядями, недавно написанный Фрэнком лично.

Новость порадовала меня, хотя я смотрела на него все еще подозрительно. Когда я хотела спросить у него об альбоме больше, он только качал головой, лениво улыбаясь, и молчал.

Он снова ушел со своими друзьями на сцену, оставляя меня наблюдать со стороны. В голову сразу пришла — хоть и смутная — идея.

Я незаметно решаюсь пробраться через ревущую от восторга толпу в свою комнату. Там собираю свои вещи, переодеваюсь в домашнюю одежду и осторожно, скрываясь за спинами толпы, забегая в уборную.

Осматриваю помещение, но кроме неприятного запаха их кабинок ничего не чувствую. К моему удивлению — а может и счастью — замечаю открытое окно. Это единственный шанс, когда я могу сбежать. Шанс, чтобы быть свободной.

План действий приходит незамедлительно, я закидываю ногу на подоконник, встаю на батарею, которая едва может выдержать меня, и хватаюсь за раму окна. Дверь резко распаивается, слышу женские крики, затем рывок, кажется, Софи, но уже не могу остановиться. Последний рывок и я на свежем воздухе, бегу по мокрому асфальту, вдыхая аромат свежести и ночного города.

Криков больше не слышно. Я одна. В руках только этот листок и фотография, которую передал мне Музыкант. Теперь уже Фрэнк. Мне хочется закричать во все горло, что я спаслась, но сдерживаюсь. Сейчас нужно разобраться кое в чем другом и принять единственное решение.

Когда подхожу к крыльцу дома, в окнах которого темнота, а на крышах покоятся сухие листья, вижу чью-то тень. Я резко останавливаюсь, когда некто подходит ко мне.

— Стой, где стоишь! — прошу его, отходя назад. Тень хмыкает и снимает серый капюшон. Я облегченно выдыхаю, вспоминая кто это.

— Привет, — лепечет он. С губ слетает мимолетная усмешка, я киваю головой и тихо ступаю вперед к нему.

— Что ты тут делаешь?

Человек Ворон забегает на освещенную сторону и машет рукой, испепеляя меня льдинками внутри глаз.

Внизу живота завязался очередной нервный узел, готовый задушить на месте. В глазах пробежался игривистый огонек, а грудь сжалось как в тисках. Он протянул мне руку и указал на небо.

— Я пришел сообщить, что у тебя осталось три дня, чтобы принять решение, — выговаривает он тихо, бегло перебирая свою мантию.

Парень осторожно дотягивается до моей щеки, затем останавливается на шее, поглаживая медальон. Тот отзывается, нагреваясь, и рука парня отдергивается. Он шипит, но молча отходит в темноту.

Не успеваю толком расспросить его, он склоняется и исчезает за углом дома.

В доме стерильно чисто, на кухне не одной пылинки. Будто здесь никто не живет. Разочарованно вздыхаю, проходя по одиноким комнаткам дома, раскрываю окна нараспашку — теперь мне все равно кто или что придет сюда.

Со спальни мамы вылетает Бродяга, он расправляет свои крылья в стороны и направляется на меня, громко приветствуя. Я широко улыбаюсь и падаю вместе с ним на пол. Плевать, что пораню или получу синяк. Единственное, что радует — птица дома.

Он слетает с меня и просит глазами-бусинками пойти за ним. Когда мы заходим в мамину спальню, замечаю некие коробки и кучу пожелтевших бумаг на полу.

— Что это, Бродяга?

В ответ ворон каркает, подлетая к одной из бумаг. Он цепко присваивает ее себе на клюв, и передаёт мне в руки. На бумаге написаны какие-то строки из стихов, схожие на

гадание, однако трудно разобрать. Все буквы на латыни. Мне нужна была помощь, даже сейчас, но никого нет рядом. Единственный, кто, как я думала, знает этот язык — моя мама. Но и ее нет.

Рука тянется к медальону. Тот без колебания дрожит в руке и резко открывается. Меня с Бродягой ослепляет синий свет, и от этого морщусь.

Проходит несколько минут, когда могу полностью привыкнуть к нему, открывая глаза. Синий свет на что-то указывает, рисуя хаотичные черты. Когда последний штрих завершает круг, понимаю, что это не просто змеиные движения. Это пентаграмма.

Бродяга замолкает, подлетает к пустому месту внутри фигуры и поднимает на меня головку.

Я качаю головой и опускаюсь к нему.

— Мне самой страшно, — шепчу в полголоса, но он молчит и стучит клювом по полу. Когда стук прекращается, уголок древесины трещит и изнутри выходит клубок пыли.

— Что...

Бродяга отлетает, доска из пола приподнимается, и я вижу темное место, похожее на погреб. Внутри пахнет жимолостью и лимоном. С левой стороны кладовой торчат такие же пожелтевшие бумажки, как и на полу. Руки сами тянутся к ним, Бродяга отпрыгивает назад, когда старые бумаги падают ко мне на колени.

Это были документы на дом и небольшой серый конверт в придачу.

Времени нет, чтобы делать что-нибудь еще, кроме как узнать все здесь и сейчас. Плевать, что произойдет завтра или через три дня. Перечитывая документы, поражаюсь собственной матери снова и снова. Как она могла так поступить и при этом ничего мне не сказать?

В конверте лежало достаточно денег, чтобы купить весь штат, но я с ними, по крайней мере пока, ничего делать не желаю. Вдруг эти деньги присвоены кровью и пытками?

Мне не хотелось провести остаток жизни в казенном доме. Дочитав последние строки, падаю на обеденный стол, даже не поняв точно, уснула ли на самом деле.

Утром резко просыпаюсь, когда очередные цепкие лапы хотят забрать меня в бездну, но перед этим я слышала детский смех. Через тонкие красные шторы просвечивает слабый луч света, падая на обеденный стол. В голову врезаются слова ночного гостя.

У меня осталось три дня.

За эти дни я должна разобраться, что делать и куда следовать, а главное — что делать дальше.

Медленно сгребая со стола бумаги, собираю в одну кучу и закидываю в дальний ящик. В гостиной замедляю шаг, когда замечаю мамину шкатулку. Может это и глупо, но взять бы с собой ее не помешает. По крайней мере, я так думаю. Бродяги в комнате не было. Наверное, снова куда-нибудь улетел, хотя он сегодня мне не пригодится.

В школе на уроке химии все как обычно: те же лица, слова, задания... Все протекает как само собой разумеющееся. Никто не знает, что со мной произошло за эти дни. Питера не было, и я снова одна. Мэгги и Дженни так и не обмолвились со мной словечком, даже простым "привет".

На ланче тоже сидела одна, будто изгой. Все смутно косились в мою сторону, пока не прозвенел звонок. В коридоре, когда я шла на очередной урок, ко мне подошел Джейк — парень, который устраивал вечеринку в честь предстоящей недели экзаменов.

— Привет, Скилеф! — Парень чем-то стал махать перед моим лицом, пока не заметила знакомые бумаги. Откуда они у него?

— Ты ничего не забыла? — Он поочередно стал кидать документ за документом, те расстилались передо мной, словно листья клена. Начинаю поднимать в одну кучу, но чьи-то ловкие руки выхватывают их у меня.

Я поднимаю глаза и сощуриваюсь. По коридору проходит звонок, как приговор, а из аудиторий выходит толпа студентов, разбегаясь по всей школе.

— Так, и что тут у нас? — Джейк перелистывает лист и начинает зачитывать историю моей матери. Нет, он не сделает этого.

Я прыгаю на него, хватая то, что по праву принадлежало мне, но Джейк лишь смеется и сбрасывает меня, как ненужную вещь, на пол. Кажется, я содрала кожу на коленке и локте, но сейчас это не имеет никакого значения.

— Отдай! — Кричу я, поднимаясь. Но парень уверенно идет против меня, закидывая голову к потолку. Он громко смеется, что некоторые любопытные студенты озираются по сторонам и пристраиваются сбоку от нас, окружая.

— Итак, "Кара Рей Скилеф — урожденная ныне Салли Грин, была приговорена на семь лет, а то и пожизненно к каторге в Венеции. Однако, по последним данным, суд дает выбор Мисс Грин: остаться с семьей в Салеме или же начать свою собственную, новую жизнь.

В результате, юная девушка выбирает дать себе самой шанс — она начинает новую жизнь и покидает своих родных. Салли была приговорена к каторге за создание клана новой ведьмы на обрыве Квоша, когда-то старого города ведьм.

Дело рассмотрено и не подлежит изменению".

Джейк округляет глаза, заканчивая предложение и завершая приговор мамы, с которым я сама лично ознакомилась еще вчера ночью. И теперь, кто я на самом деле — понятия не имею. Толпа позади гулко завывает, Джейк, на долю секунды, извиняясь, глядит на меня, но быстро берет себя в руки.

— Не думал, Скилеф, что ты можешь быть такой, — хохочет он, медленно подходя ко мне.

— Ведьмам здесь не место, — выплёвывает Джейк мне в лицо. Я вырываю бумаги и, сжимая лямку рюкзака, прохожу мимо студентов, нагло тыкающих в меня пальцем. Здесь мне не место. Меня никто не поймет.

Единственное, в чем я была уверена, поиск собственной матери. Я хочу, наконец, узнать, что же случилось на самом деле. Начинаю бежать стремглав домой, надеясь встретить кого-нибудь, кто сможет помочь мне.

Но на крыльце снова никого не оказалось, лишь прикрепленная записка на двери. Я быстро срываю ее и читаю.

"Нам нужно встретиться. Ты знаешь, где меня найти.

Питер".

Сердце бешено стучится в груди, срываюсь с места, рюкзак падает, но я не успеваю даже опомниться.

Позади каркают птицы, по очереди начинают облетать над головой, заключая меня в круг. Внутренний голос подсказывал, что там, куда я отправляюсь, не сулит добро или скорая встреча не завершится благополучно. Я знала только одно место, где он будет меня ждать — обрыв. Именно туда я и направляюсь.

Деревья сбоку что-то тихо нашептывают, листья под ногами хрустят, а стая черных воронов слетает с места на место, хищно наблюдая за происходящим. Сейчас мне бы не помешал Бродяга, но его, как ни странно, не было. Еще пару шагов, и вот я уже здесь. На добром и старом месте, слушая тяжелый шум моря внизу и завывание ветра между деревьями.

— Керри! — кричит Питер позади меня. Вздрогнув, резко оборачиваюсь и иду к нему. Он выходит из теней деревьев, обхватывает меня за плечи и смутно качает головой. В глазах парня поселился жуткий страх, пальцы дрожат, ноги еле держат его.

— Что такое? Почему ты позвал меня именно сюда? — Спрашиваю, отходя на несколько метров от него ближе к обрыву. Он шагает ко мне и опускает голову.

— Ты не должна была сюда приходить, ты не должна... Они убьют тебя, Кер! — Взмолился Питер, падая на колени. Я качаю головой, теряясь в словах. Что он имеет в виду?

В чаще послышался шорох, может это олень? Питер встрепнулся, подходя ко мне ближе, заслоня спиной. Я схватила его за руку и крепко сжала.

— Что происходит, Питер? Кто меня хочет убить? — Шепчу ему в ухо. Но Питер, его плечи напряжены, одна рука сжата в кулак, закрыл глаза и медленно что-то считал.

Ветер утих, пока он приходил в себя, а шорох становился громче и яснее. Я сама уже начинала

волноваться, пока парень собирался с мыслями. Я начинаю отдергивать, но он не шелохнулся.

— Питер! — Уже кричу на него, однако парень только качнул головой и улыбнулся, открывая веки. Он оборачивается на меня, и по всему телу пробегают мелкие мурашки, как будто брызги от волн под ногами.

— Уже поздно что-либо объяснять, они уже здесь.

Он снова качает головой, дотрагивается до медальона на моей шее и осторожно гладит своими длинными пальцами.

— Не бойся смерти. Не показывай ей своего страха, а то она учует это. Помни, что ты не одна в этом мире, и рано или поздно мы встретимся с тобой.

— Что это значит, Питер? — Сипло прошу его, но парень только и делает, что качает головой. На небе уже собираются темные тучи. Одна секунда — и на нас безжалостно обрушивается ливень. Питер ухмыляется, пожимая одним плечом.

— Значит, что день настал, Кер. Они твердили мне выбрать. Они хорошие. Правда, не понимают, что такое любовь и справедливость.

Он начинает смеяться в голос, затем обхватывает мое лицо и нежно касается моего лба. Я закрываю веки, насыщаясь его запахом скошенной травы, листьями мяты и кусочком настоящего. Сердце бешено стучит в груди, я сжимаю его тонкую футболку, и притягивают парня к себе. До меня доходят его слова, но кажутся неправильными. Так не должно быть.

— Нет, Питер, пожалуйста... — прошу его, когда чувствую, как по щекам начинают течь слезы. — Не делай этого...

Питер на удивление резко отстраняет меня от себя и крепко зажимает рот, наглухо перекрывая кислород легким. Шорох позади наших спин приближается. Он близко и вот-вот настигнет, затопляя нас обоих. Тем временем парень, до нитки промокший, впрочем как и сама я, отходит на несколько шагов от меня и качает головой.

— Прости меня... — шепчет он, но я не понимаю, что имеет в виду Питер.

Не прошло и полсекунды, как из-за угла вышла чья-то темная тень, за ней еще две.

Когда первая тень вышла на свет — я поняла, кем она приходилась.

— Нет, этого не может быть... — говорю я, отходя на шаг назад. Тень под номером два улыбается мне и протягивает бледную руку, пока его седые локоны расплывались в дожде белым пятном.

— Идем с нами, Керри. Мы не сделаем тебе больно, — просит Она, по-детски шепелявя. Но в голубых, словно лед, глазах говорит совершенно иное.

"Она тебя обманывает, не слушай ее!" — повторяет внутренний голос. Я делаю еще шаг в сторону и качаю головой.

— Нет, нет, нет...

Я закрываю глаза, но не успеваю ринуться от них в безопасность, домой, как Тень под номером три хватает меня за талию и крепко зажимает в своих стальных руках.

— Тише, куда же ты убежишь? Тебе некуда, дорогая, — твердит он. Я озираюсь по сторонам, пытаюсь найти Питера и потребовать объяснений, но его не видно. А может слез слишком много, чтобы разглядеть его.

— Эй, отпустите ее! — Кричит Питер с левой стороны обрыва. Он перекрывает нам дорогу и дотрагивается до массивного плеча Похитителя. Но тот лишь хохочет, его слюни попадают мне в лицо.

— Нет, парень, ты сделал достаточно: ты привел ее сюда. За это благодарим тебя, а теперь иди и не оборачивайся! — Рывкает он, по-прежнему ухмыляясь. Питер фыркает, делает еще одну попытку, но его сильно отдергивает назад так, что он, ударяясь об ствол дерева, отключается.

— Нет! — Кричу я, самовольно вырываясь. Тень хватает меня за волосы и подносит к самому краю обрыва.

— Замолчи, у меня от тебя голова болит, дорогуша! — Рычит он, сжимая в кулак мои волосы, и я вскрикиваю.

— Прекрати и отпусти ее, Боби! — Повторяет чей-то детский голос. Боби оборачивается, я вместе с ним, внутренне истекая кровью, и хмурится.

— Но ты сама говорила, что она нам понадобится!

Передо мной появляется девочка из моего сна. Я, конечно, его смутно помню, но явный след оставить успел. Она нагибается и медленно проводит острым ногтем, на минуту мне показалось, что это нож, поэтому закрываю веки и сглатываю, по моей щеке и тихо смеется.

— Привет, Керри, — шепчет она, улыбаясь. — Я знаю, что ты меня знаешь, поэтому у меня всего лишь три вопроса, на которые, я уверена, ты ответишь без колебаний. — Она отрывает палец от меня и приседает на корточки. Я открываю глаза, крепко сжимая руки на волосах.

— Сначала пусть твой Боби, как ты назвала его, отпустит меня! — Рычу я, не в силах сдерживаться.

Она кивает головой, отдает приказ Боби и тот отпускает меня. Со вздохом падаю на колени и вытираю лицо. Я никогда не буду унижаться перед людьми, которые этого не заслуживают. Особенно они!

Медленно поднимаю решительный взгляд, но Девочка качает головой. На ней тонкое платье, локоны пружинят спиралью на ветру, а личико настолько чистое, что даже становится страшно. Она начинает раскачиваться и всматриваться в мои глаза. И тут я пропадаю.

Ее глаза гипнотизируют меня. Лед растапливается и превращается в раскаленную пламя внутри ее глаз. Она хищно улыбается и начинает допрос с пристрастиями.

— Первый вопрос: что ты почувствовала, когда ты поняла, что родная мать — ведьма?

Я удивленно хлопаю глазами и отскакиваю назад.

— Как ты узнала? — Она резко сменяется в лице и хлопает в ладоши, как если бы хлопнула по столу.

— Отвечай на вопрос!

Я сглатываю. Раз так, то давай поиграем. Я отвечу, объясню, но она никогда не узнает правды. Смиренно кивнув, бросаю ей вызов.

— Сейчас она в командировке, и я ее не видела.

Девочка супится и начинает краснеть, сжимая кулачки.

— Это неправда! — Капризничает она, мотая головой. Но я молчу. Тогда она сдается, но продолжает. Она обхватывает меня за запястье и сжимает.

— Ладно, тогда вот тебе второй вопрос: кто такие Будущие? — Спрашивает Девочка.

Я снова качаю головой. Девочка злится еще больше. Тогда она кому-то кивает позади меня и отходит на несколько ярдов. Меня обхватывают цепкие пальцы и зажимают горло. Я начинаю ерзать, но от этого только хуже. Она начинает смеяться, медленно кружась.

— Отпусти меня! — Кричу ей, но Девочка в обкусанном платице кружится сильнее. Меня обдаёт жгучий ветер, по макушке обливают струи дождя, как в душе. Однако, это не душ и я не дома.

— И, наконец, последний вопрос, дорогая. Как бы ты не ответила, я узнаю, где ложь. Если ты мне все-таки соврешь, то не видать тебе выпускного бала, как и твоего новоиспеченного любовника, Керри.

Девочка вприпрыжку нависает надо мной, и только сейчас понимаю, что ее босые ножки висят в воздухе. Она указывает на меня пальцем.

— Ты поняла меня?

Я быстро киваю. Хватка на горле ослабевает, но я все еще повисаю в воздухе. Кричать нет смысла. Если совру — нет мне жизни. "А была ли она у меня вообще?" — пробегает мысль. Девочка в воздухе поправляет платье и снова ярко улыбается.

— Итак, дорогая, скажи мне: где находится ящик с картами?

Я молчу, потому что тайна не моя. Я должна защитить его, даже если и сама толком в глаза этот ящик не видела. Я должна. Девочка кивает кому-то снова позади меня, и хватка на горле усиливается.

— Говори!

Страх пробирает до сердца, перед глазами пробегает вся жизнь, как один кадр. Мамины добрые объятия, пролитые слезы и отец... Как она там говорила:

"Если солгу — не видать не мне выпускного бала?" А что, если я скажу правду. Ради себя, а не других. Ради семьи.

Я тяжело сглатываю и закрываю веки, принимая неизвестность. И будет, что будет. В надежде смотрю на серые тучи и закрываю глаза.

— Ящик в доме, — хриплю я.

На лице бледнолицей появляется радостная улыбка. Она благодарно мне кивает, и рука на горле ослабевает. Желая сбежать из этого города, страны, однако земли под ногами не чувствую. Хватаюсь пальцами за края обрыва, начинаю кричать слова о помощи. Передо мной выскакивает Девочка и смачно посылает мне воздушный поцелуй.

— Спасибо за информацию, Керри. Спи крепко.

Девочка ступает на мои пальцы, и я громко вскрикиваю. Очередной шаг добивает меня. Собственных пальцев уже не чувствую. Меня охватывает озноб, легкие сжимаются при каждом вдохе, чувствую, как все готово треснуть. Однако Девочка ахает и падает на мокрую траву. Сначала кажется, что это конец и я принимаю его, но мужские руки ловят меня и тянут наверх. Я закрываю глаза и прижимаюсь к телу парня. Он часто дышит, убирая дрожащими руками с моего лица всю грязь.

— Идем домой, Кер, — шепчет он, и я киваю.

Ливень снова и снова барабанит по перепонкам, застилая вид и смывая тропы в лесу. Я совсем ослабла. Питер удерживает меня за плечи, и таким образом мы оба доходим до моего крыльца. Питер молча поднимает мой рюкзак, вешает себе на плечо и открывает дверь. Включив свет, тот слабо моргает и, наконец, погасает.

— Что в твоём доме происходит? — спрашивает глухо парень. Я шмыгаю носом и ухожу наверх.

— Оставь его в покое, Питер, все с ним нормально, — пытаюсь защитить единственное безопасное место в моей жизни. Он извиняется и помогает дойти до комнаты. В крошечной темноте, слушая лишь свое прерывистое дыхание и шум за окнами, падаю на кровать и закрываю с содроганием веки.

— Не переживай, Керри, все будет хорошо, — твердит он мне на ухо. Питер, слышу, встает и хочет уйти, но оставаться одной мне не хочется.

— Постой, Питер...

Парень замирает и оборачивается.

— Что?

— Побудь здесь... Мне страшно находиться одной в этом доме.

Питер кивает и осторожно ложится сбоку от меня. Я переворачиваюсь и утыкаюсь ему в грудь. Запах дождя дурманит голову, и я вздыхаю.

— Кто это был? — спрашиваю его, шмыгая носом. Питер легонько обнимает за плечи и начинает потирать их, чтобы не замерзла.

— Это была ловушка, — объясняет он, мрачно выдыхая. — Прости меня за это, Кер.

В темноте хмурюсь, но силы спросить "за что" иссякли.

Утром, открыв глаза, никого не замечаю. Внутри поселяется паника, овладевая мозгом в собственном желании. Спотыкаясь, бегу вниз, но останавливаюсь посередине входа в гостиную, когда замечаю Питера. Он оборачивается и улыбается.

— Что случилось? — спрашивает он, вставая и в одну секунду появляясь возле меня. Я выдыхаю и качаю головой.

— Ничего, думала, что ты ушел ночью, — говорю ему, но парень сильнее смеется. Он кивает и потирает меня за плечи.

— Ты думала, я исчезну, как твоя мама? — Я вздрагиваю, а Питер тут же застывает на месте.

— Как ты узнал? — спрашиваю его, сглатывая ком в горле и отходя назад. Он махнул в сторону столика возле дивана и кучи газет.

— Нашел одно письмо, подумал, что это важно. Прости, я хотел...

Я закрываю глаза и качаю головой.

— Уже неважно, откуда и как, Питер. Неважно, все пройдет. Это прошлое...

Питер выходит на кухню и наливает кофе, затем передает мне и кивает.

— Прошлое так прошлое. Кстати, ты не забыла, что сегодня выпускной?

Я вздыхаю.

"И последний день, когда нужно дать ответ" — напоминает внутренний голос.

Меня все еще передергивает после вчерашней встречи. Кто они были, за что просил прощения Питер? Решаюсь спросить его об этом, но парень подходит ко мне и качает головой.

— Кер, помнишь, что я говорил тебе насчет веселья? — спрашивает он, изгибая бровь. Я смутно помню тот день, но киваю.

— Я сказал, чтобы ты много не думала. Этот день нужно запомнить на всю жизнь, а чтобы запомнить, нужно хорошенько повеселиться, логично?

— Думаю, что это плохая идея... Что-то мне не хорошо и чувствую, что сегодня не тот день для веселья, — начинаю объясняться, но Питер мотает головой.

— Именно это день и как раз сегодня ты должна расслабиться, — уверяет он, ухмыляясь.

Не успела я моргнуть, через окна пробивается теплый лучик заката, освещая комнаты.

Питер ушел домой, чтобы переодеться, но он успел заверить, что вернется, и мы вместе поедem в школу.

Телефон оставался пуст: ни сообщений, ни звонков от Мэг или Дженни. Я понимала, что теперь связь между нами оборвалась.

И с сегодняшнего вечера их жизни для меня стали закрытыми. Однако я все еще помню наш спор и, видимо, сегодня я выиграла, потому что партнер для вечера имеется.

В последний раз вздохнув, рисую один штрих на веках и ресницах. Вдруг из лучика, пробивающегося через тонкую штору, появляется пыль. Сгусток пыли свертывается в комок, и из него выходит человек. Кисточка из рук падает и звонко соприкасается с полом.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно вопрошаю, косо смотря через зеркало. Дарк протирает руки и смахивает с плеч пыль.

— Привет, Керолайн. Я ненадолго. Ты решила?

Парень тихо перемещается ко мне, осторожно хватаясь за стены. Его лицо мертвенно-бледное, на глазах, к моему удивлению, большие мешки под глазами.

— Ответа нет, Дарк.

Он удивляется, но быстро пожимает плечами, что-то бурча себе под нос. Парень возвысился надо мной и посмотрел в глаза. Я замерла на месте, только лишь хлопая глазами. На его лице покоится странная умиротворенность и покой. Он будто знает ответ, возможно даже мое решение, но почему-то молчит. Склоняю голову и подхожу ближе.

— Кажется, я знаю, что ты знаешь ответ на решение, — сухо выговариваю, смотря ему в лицо. Дарк медленно улыбается и качает головой.

— Я ничего тебе не скажу, пока ты не сделаешь выбор сама, Кер. Какой бы ответ в конце не был, он будет верен.

Меня снова начинает колотить. Дарк, кажется, это замечает и обхватывает меня за плечи. Но и парня самого трясет, когда его холодные пальцы соприкасаются со мной. Его глаза закатываются, и мы вместе падаем на пол. Я от бессилия, он только через минуту просыпается, словно проспал целые сутки. Дарк озирается по сторонам и хмурится.

— Они приходили и делали тебе больно? — интересуется он, подходя ко мне ближе.

Гадать, о ком шла речь, не было смысла. Я помнила их. Помнила, что они делали.

Вернее, как. Поэтому просто киваю, но Дарк не изменяется в лице. Он медленно убирает закрученный мною локон за ухо и с горечью заявляет:

— Ты не должна идти туда, Керолайн. Это погубит твою душу.

Я мотнула головой и встала на ноги, отворачиваясь к зеркалу.

— Я уже обещала, Дарк.

Человек-Ворон ничего не говорит. Поправив сзади мое платье, купленное за деньги Мэгги, он исчезает в открытом окне.

В машине Питера тепло и приятно пахнет земляникой. В колонках играет местное радио, приглушая панику и легкое волнение внутри. Когда машина останавливается на парковке, Питер помогает мне выйти, галантно придерживая для меня дверь. Само здание было волшебным украшением от стен и окон, до самого леса, где напевали птицы.

Студенты толпились около входа, пытаюсь успеть словить момент, когда можно будет запечатлеть событие на камеру и на славу повеселиться. Мы с Питером прошли возле украшенной белыми розами арки, входя с остальными студентами в холл.

Была ли я удивлена, как украшена школа, когда увидела ее изнутри? Боюсь, что для этого точных слов не найдется. По середине холла висел баннер, на котором крупными буквами было написано из-за чего конкретно сюда все заявились. Как я и думала, наши труды были вознаграждены. Снеговики, радостно улыбаясь каждому, стояли на входе и возле возвышающейся сцены, где красиво рассыпался новогодний дождик, отдавая синевой. Пол усыпан снежными хлопьями и был похож на самый настоящий снег.

— Идем, — зовет Питер на сцену, полностью отдаваясь музыке, но не успевает парень проскочить мимо толпы, как на дороге появляется Мэг. Он замирает на месте и его рука ослабевает. Я улыбаюсь и шагаю к ней, но та слащаво улыбается, пока перед нашими глазами не встает высокий парень в кожаной куртке и весь обвешанный грязными цепями на ногах и плечах.

— Кто вы такие? — Грубо проговаривает он. Питер дружелюбно улыбается и протягивает руку. На нем сегодня роскошный атласный костюм с длинным черным галстуком под стать волосам, по-прежнему взъерошенным, как и всегда.

— Привет, мы друзья Мэгги, — говорит Питер.

Парень косо переводит взгляд с него на меня, затем оборачивается к моей подруге. Мэгги нервно улыбается, но молчит. Девушка одета по последнему писку моды: платье слоновой кости, на талии тонкий пояс, а подол платья полностью прикрывает ноги.

Я бегаю глазами по залу, но все никак не могу увидеть Дженни, которая обещала прийти, ещё когда школьные потолки были девственно белы.

— А где Дженни? — Спрашиваю, обходя Питера и обращаясь всецело к Мэгги. Она хлопает глазами и улыбается снова.

— Она заболела, и с ней остался Сэм, поэтому даже не ищи его, подруга, — лепечет она, тихо смеясь. Парни отошли в сторону, что-то обсуждая между собой. Мэг махает в сторону пышного стола с напитками и ловко огибает толпу, начавшую топтать в такт музыке.

— Что значит она заболела? А как же праздник? Дженни ведь так восхищалась им и готовилась как к последнему дню, — говорю я удивленно, когда мы отделились от парней на достаточное расстояние. Мэг повела пальцем возле лица и усмехнулась.

— Не знаю. Она написала мне, что заболела и прийти не сможет.

Мэгги отпила еще бокал красного пунша и перевела глаза за мою спину.

— Кстати, поздравляю, Кер. Однако я нисколечки не удивлена.

Она махнула рукой в сторону парней, и я обернулась. Питер громко посмеивался над чем-то с кавалером Мэг. На сцене засветились огоньки, и на трибуны вышел директор, переминаясь с ноги на ногу.

Мэгги обхватила мой локоть и с улыбкой на лице повела ближе к толпе. В голове все еще не укладывалось, как Дженни могла заболеть?

Рассматриваю светлое личико Мэгги, но она этого даже не замечает. Удар Бродяги исчез и ловко скрыт под тоннами тонального крема. Однако я видела каждый разрез на ее щеке, тянущийся к уголку глаза. Девушка крепко схватила локоть, я зашипела.

— Мэг! Отпусти меня! — Вскрикнула я и отпрыгнула на несколько шагов от нее. Мэгги улыбнулась шире, ее глаза заблестели огнем. Что-то с ней было явно не то...

Я принялась искать Питера. Я должна уйти отсюда. Мэгги совсем вышла из себя. Подруга легко прошла ко мне и склонилась перед моим ухом. От нее разило вялой розой и жимолостью, как когда я познакомилась с Горби. Запах был похожим, но на этот раз более резким и противным. Поморщившись, отхожу назад и качаю головой.

— Мэг, что с тобой происходит? После того, как, заметь, случайно, Бродяга тебя задел крылом, ты стала просто неузнаваемой. Объясни мне, — прошу ее, моля раскрыться. Но девушка хохочет, подрагивая плечами.

— В тот день твоя птица мне исцарапала все лицо. Я потом неделями сидела в своей комнате и ни с кем, как ты, наверное, заметила, не общалась. Шрам мне удалось скрыть косметикой, но его уже никогда не скрыть от самого себя. Теперь я урод, и все это благодаря тебе, подруга, — иронично шипит она, размахивая руками.

Не успеваю я что-то сказать в свою защиту, перед нами появляются парни. Питер приобнимает меня за талию и склоняется над ухом.

— Что у вас тут происходит? Тебя кто-то обидел? — Спрашивает он тихо. Я чувствую его улыбку на себе и пронизывающий до костей взгляд. Кавалер Мэг заслоняет ее собой и грозно смотрит в мою сторону. Я отворачиваюсь и качаю головой.

— Никто. Давай начнем веселье, Пит, — улыбаюсь я и увожу дальше от нее.

Директор собирается с мыслями, поправляет свой серый в черную полоску костюм и стучит по микрофону, проверяя, все ли работает.

— Раз, два. Раз, раз... — Он откашливается и натягивает улыбку до ушей. — Меня слышно?

Кто-то махает ему из толпы и мужчина кивает.

— Отлично. Итак, Дамы и Господа, приветствую вас на Зимнем Балу! Когда-то на этом месте, еще до постройки школы Бреймсберг, стоял величественный дом и обитала семья Медичи. Прямо в этом холе ежегодно проводились балы, пышные свадьбы, принимали нового члена семьи или человека, который бы смог украсить картинную галерею на стенах дома.

Проходили годы, перетекали в столетия... Мир менялся, а с ним и здания. Семья, жившая когда-то в этих окраинах, исчезала вместе с домом. Теперь 21 век — избы превратились в высокие здания, деревушки сменились на города. Каждый человек имеет свои права на собственные желания, и никто ему не помеха. И, по традиции, мы открываем ежегодный Зимний Бал.

В честь этого каждый может оставить след и дать пример следующему поколению.

Вдоль коридора мы установили стену памяти. Каждый из вас может что-нибудь написать или нарисовать. Включите свою фантазию и отдайтесь творчеству. Запомните этот день на всю жизнь.

Вся толпа обрушилась на него бурными аплодисментами. Кто-то вскрикнул: "Браво!", кто-то громко радовался окончанию учебного года и началу новой взрослой жизни. Директор махнул рукой диджею, тот кивнул и нажал какую-то кнопку. Все погасло.

Ричард — парень, который помогал нам с Уилом украшать помещение, вскрикнул, когда свет снова появился. Все студенты обернулись, подняли голову к потолку, украшенному фонариками, и в один голос ахнули. Питер сжал мою руку и потянул назад.

— Идем, Кер, нужно уходить... — Начиная парень, но я его еле слышала. Все внутри перевернулось, сжалось и в одночасье взорвалось.

Я бегаю глазами по ревушей толпе, ищущая выход из эпицентра бушующего пламени, пока не замечаю крошечный силуэт знакомой девушки. Сердце перестало стучать в груди. Зрение становится мутным, а дыхание прерывистым. Крики и возгласы уходят на второй план.

— Дженни...

Она висела на сцене, словно кукла. Как еще одна игрушка на рождественской елке. Вдруг кто-то прохрипел в микрофон. Я опускаю глаза и вижу под ногами Джен директора. Его лицо покраснело, и на шее вздулись вены, готовые выйти наружу. Питер снова потянул меня к выходу, но всей душой я стояла по-прежнему на месте.

— Выходите через черный вход, господа! Немедленно, если хотите жить...

Он снова откашливается и на секунду тишина обрушивается на многочисленные головы студентов. Казалось, к нам присоединились члены семьи Медичей. Хотя это было не так, но я чувствовала их присутствие. Медальон на шее потихоньку начинал прожигать кожу. Меня хватают за талию и силком начинают вытаскивать на свежий воздух.

В природе нет ничего красивее, чем туман, нависающий над влажной травой после дождя. Деревья колышутся позади тебя, и навевает тихий ветерок в лицо. Вдыхая аромат морского бриза, напрочь забываешь собственное местонахождение. Все плывет перед глазами.

Однако вместо аромата морского бриза в воздухе летал запах копоти и почвы под ногами. Некоторые студенты уже успели поделиться на несколько групп, пока остальных все еще выводили на улицу подальше от учебного здания.

— Ты в порядке? — спрашивает издали Питер.

Я молчу, смотря в одну точку. Перед глазами еще стоит образ Дженни. Я оборачиваюсь к нему и поднимаю глаза. Питер неуверенно улыбается и прячет руки в карманы джинсов. Озираюсь по сторонам, но кроме паникующей толпы и администрации, успокаивающей эту толпу, никого нет.

Туман медленно опускался на пожухлую траву, ветер становился с каждым разом сильнее и сильнее.

— Что ты выберешь, Питер: вечную жизнь или быструю смерть?

Глаза парня округляются, но лицо не изменяется. Он усмехнулся и пожал плечами, даже не удивляясь. Он подошел ближе и вскинул голову кверху. Ветер снова ударил по нашим лицам, и я поежилась.

— Скорее всего, смерть.

Я прохожу мимо парня и косо разглядываю его. Он ищет меня глазами и следит за каждым моим шагом.

— Почему?

— Вечность скучна, — говорит он. Его лицо вытягивается, глаза сощуриваются. — Если ты один. А зачем, скажи мне, жить на этом свете, если тебя окружают незнакомцы?

Я усмехаюсь, и через минуту Питер крепко притягивает меня к себе и выдыхает в изгиб шеи. Ветер снова завывает в стволах деревьев, но сейчас всё кажется по-другому. Я смотрю на толпу студентов, но возле черного входа никого, а окна здания наглухо забиты тупыми гвоздями.

— Питер? — спрашиваю тихо, но парень сжимает меня крепче. Я начинаю выгибаться, пока не замечаю в тумане, хоть и смутно, тень. Не успеваю сморгнуть пелену нахлынувших слез, тень размножается и приближается.

По коже пробегает холодок, над головой скапливаются темные тучи. И, кажется, что сейчас разразится гром. Мне все-таки удастся вырваться из объятий парня. Он растеряно бежит по моему лицу. Я показываю пальцем за его спину, и он замирает.

— Вот черт!

Он хватает меня за локоть, и мы снова убегаем в никуда. В голове возобновляются отголоски потерянных душ, будто они где-то близко, сливаются в один вопль. Мне страшно, но на теле этого не чувствую. Питер прячет меня за кустами, где растут волчьи ягоды, и начинает уходить, откуда пришел, на поляну. Я начинаю его звать обратно, но он только поднимает руку ладонью на меня и лукаво улыбается.

— Я скоро вернусь, не выходи наружу, — просит он и скрывается за кронами деревьев.

Каждый голос. Каждый крик. Каждое слово — я слышу. Слышу до самых мелких звучков. Сердце внутри не перестает биться. Я сжимаю руки в кулаки и начинаю выходить из кустов. И пусть он мне запретил, сейчас на кану жизнь человека. На кану моя жизнь. Жизнь Питера.

С каждым шагом становится не по себе. Платье превратилось в зеленовато-землянистый цвет. Пока ближе наступала к поляне, успеваю сто раз споткнуться, упасть и снова споткнуться. Теперь я воистину выглядела как жительница леса — дикая и одичалая.

Когда я, все-таки, замечаю Питера, перебегаю ближе к нему и скрываюсь за деревьями. Он был не один. От этого волосы встают дыбом, и пересыхает горло.

— Я знаю, что ты ее где-то спрятал, мальчик, — говорит прерывисто кто-то грубым голосом.

Я пытаюсь всмотреться через плечо Питера и замечаю Боби — парня, который только вчера чуть ли не прикончил меня на обрыве. Сбоку от него стояла Девочка в белом платице и милыми кудряшками, которые делали еще в пятидесятые годы. Она вольно разгуливает по поляне и играет с платьем, бегая глазами по деревьям.

Мне приходится резко развернуться и скрыться в тени, когда Девочка улавливает меня взглядом. Мурашки проходят по коже, я прикрываю руками рот и замираю на месте. Боби что-то шепчет Питеру за моей спиной, однако быстро переходит на крики.

— Я нашла ее, Бо.

Краем уха слышу Девочку и оборачиваюсь, разглядывая картину. Питер пожимает плечами и разводит ноги на ширине плеч. Боби заводит кулак в воздух, и он встречается с челюстью Питера. Он отшатывается в сторону и потирает ушибленное место, выплёвывая

красной слюной.

— Еще один удар и ты пожалеешь, — шипит Питер, сжимая кулаки. Уголки моих губ приподнимаются вверх, но я быстро возвращаюсь на землю, чувствуя, как медальон на шее начинает вибрировать. Я мотаю головой, вспоминая слова, которые говорила при Питере у себя дома, но что-то не дает мне этого сделать.

— Твои слова не помогут.

Я оборачиваюсь и вижу перед собой Дарка. Он скрыт темно-серым плащом и покрыт легкой дымкой. Его голова опущена, руки сложены в замок и заведены за спину. Дует морозный ветер и потихоньку с неба падают прозрачные снежинки, застилая траву целиком.

Снова слышу голоса Боби и Девочки, оборачиваюсь на их голоса и морщусь. С глаз катятся слезы, и в горле что-то сдавливают, перебивая путь кислороду.

— Это Будущие. Безжалостный народ, — объясняет Дарк, поглядывая на них. Я шмыгаю носом и качаю головой.

— Я обязана его спасти, слышишь? — шепчу я, не в силах сдерживаться.

Накал нарастает. Снежинки постоянно летят с небес, словно белоснежное покрывало. В платье становится холодно. Плечи подрагивают, но я не обращаю внимания. Девочка подпрыгивает в воздух и оказывается в паре шагов от меня. Сердце останавливается. Питер делает шаг в сторону, ледяная рука Дарка хватается за локоть и уволаскивает в сторону.

— Тише, Керри. Ты никому и ничего не должна. Каждому отдан определенный срок, понимаешь? У Питера собственный путь, ты здесь ничего уже не сможешь сделать.

Я вырываюсь от него, хочу бежать. Хочу кричать, но рывки только усугубляют ситуацию. Неожиданно Питер громко смеется и падает на колени. Глазами парень рыскает по лесу, я снова вырываюсь из рук Дарка. Но он шипит и сжимает меня сильнее.

— Отпусти меня! Я должна ему помочь... Он ведь умирает! — Кричу я в голос.

Девочка это слышит и оборачивается в мою сторону. Кровавые губы озаряются улыбкой, и она медленно начинает наступать.

Я наблюдаю, как Боби беспощадно вырывает силы из Питера и парень снова и снова падает на заснеженную землю. Я кричу, но мне с силой затыкают рот. Смех Боби разносится по всему лесу, а крик Питера расплывается в ушах, как сирена. По щекам текут слезы. Дыхание сбивается и мне снова трудно дышать.

— Эй, кто тут у нас? — Напеваает она.

Дарк отбрасывает меня дальше в сторону и замахивается рукавом. Тело обдаёт холодом и через минуту вокруг меня вырастает глыба льда. Дарк возвращается к Девочке в платице. Она усмехается и заворачивает свои кудряшки в пучок.

— Все равно это на время. Меня это не остановит, — напоминает она и делает шаг ко мне, вытягивая руку. Я зажимаю в руке медальон и закрываю глаза.

Боби снова смеется, и краем глаза вижу, как он поднимает Питера и склоняется перед ним.

— Есть последнее слово, Mortuus(мертвец)? — ехидно спрашивает Боби. Питер усмехается и плюет ему прямо в лицо.

— Вы никогда ее не получите. Она хорошо защищена, друг мой, — говорит Питер и Боби морщится.

Он зажимает ему горло и резко заводит нож в солнечное сплетение. Я раскрываю рот и бью кулаками по глыбе льда. Но ничего не происходит. По коже только проходят вибрации, и силы постепенно покидают меня. Я становлюсь вялой. Перед глазами мимолетно

пробегают лицо Дарка, радостная улыбка Девочки и, падающее ничком в снег, тело Питера.

Я теряю сознание, однако последнее, что слышу и еле чувствую, только как Дарк хватает меня в охапку, накрывает своим плащом и синий водоворот уносит нас на другую сторону.

— Теперь ты в безопасности, Саго. Ты дома, — шепчет он и перед глазами встает кромешная темнота.

Месяц спустя...

Здесь все по-другому. Внешний Мир изолирован от мира, где происходят вещи, неподвластные объяснению. Каждый день меня облачают в богатый шелк, каждый раз мое тело покрывают платья в пол, усыпанные лепестками белых роз. Эльза учит манерам и твердит, что нельзя выходить наружу. С каждым новым днем одни и те же правила, уроки, лица и слова. Но желания возвращаться назад нет. Сейчас я в том месте, где должна быть на самом деле.

Мои покои увешаны тонкими шторами, которые постоянно развиваются на легком ветерке из открытого панорамного окна. Теперь мой дом Красный Замок, а друзья — Бродяга.

Он все время рядом со мной. Однажды, я по случайности встретила человека из Внешнего Мира. Он расспрашивал, откуда я и куда направляюсь. Тогда я сжала кулаки, но спрятаться уже не смогла. Беседа продлилась недолго, Бродяга появился быстро, не успела я и глазом моргнуть. Ворон спугнул парня и тот потерял сознание, потому что птица ударила его своими крыльями.

На следующий день в мои покои постучалась Эльза и поставила большой крест между проходом на другую сторону. Там, где когда-то находилась моя семья. Эльза обняла меня и шепнула на ухо:

— Теперь мы — твоя семья. То, что с тобой случилось — прошлое. Ты должна забыть все, что видела.

Прошла неделя. В высокие, расписные двери постучали и, не дождавшись моего ответа, сразу вошли. Меня обдало легким жаром, и я посмотрела в сторону. Передо мной возвышался Дарк. Теперь его лицо окончательно прояснилось, и черты птицы превратились в человеческие. Острые скулы, пронзительные голубые глаза, с долей искорки внутри, кожа белоснежная. Казалось, что он просто привидение. Он попытался натянуть улыбку и поправил капюшон на голове.

Бродяга возле меня потянулся и взлетел в воздух. За окном посвистывали соловьи, несколько колибри залетали в комнату, а некоторые плескались в белом фонтане, нежась на теплом солнышке. Дарк протянул руку, но я отмахнулась и быстро обернулась в легкий халат, завязывая на узел. Он усмехнулся, но не успела я полностью насладиться его настроением, парень качнул головой.

— Идем, я покажу тебе кое-что, — говорит он и выходит из покоев.

"Питер Фостер. Ты навеки в наших сердцах" — гласила надпись на могиле парня. Дарк увел меня на самую вышку горы, откуда я бы смогла наблюдать, но и никому не попасться.

На глаза наворачиваются слезы. Я вздыхаю и смотрю на Дарка. Он тихо стоит в стороне, руки сжаты в кулаки. Сейчас он выглядит обыкновенным парнем, но с грустным лицом.

— Почему, Дарк? Ты знаешь, чем это тебе грозит?

Он усмехается и пожимает плечами.

— Мне плевать, что скажет Эльза. Я слушаю только собственный внутренний голос, — улыбается парень.

Я качаю головой и съеживаюсь. На могиле Питера стоят четыре фигуры. Одну я смутно

помню. Это, кажется, был Кевин. Но теперь на его лице поселился мрак. Мешки под глазами, недосып, мертвенно-бледное лицо, словно он только что вышел из комы, говорили об этом.

На холме поляны, где раньше я наслаждалась одиночеством, была вырыта свежая яма.

Кевин всхлипнул, а небольшого роста девушка с волнистыми волосами до поясницы прижалась к рыжему парню и просила его, чтобы он все вернул назад. Но тот лишь сильнее прижал ее к себе и молчал.

Дарк дернул меня за рукав и указал пальцем вдаль. Я прищуриваюсь и вижу Питера. Он лежит в красном гробу с закрытыми веками. Ноги сами начинают нести меня к нему, но рука Дарка перекрывает путь.

— Нет! Только наблюдать. Такие правила, Керолайн.

Выдыхаю и сжимаю кусок ткани на теле. Мне не холодно, хотя дует северный ветер и воют деревья в облаках. Меня не обдаёт потом и даже не бросает в дрожь. Мне никак, когда я вижу, как его переносят с одного места на другое. Когда душа покидает тело и летит ввысь далеко, за пределы небес. Кевин тяжело падает на колени и закрывает лицо руками.

— Это я во всем виновата, Дарк, — лепечу тихо в нос. Парень подходит ко мне и сжимает руку.

— Нет. Никогда так не говори, идет? Ты не должна винить себя в том, в чем не виновата. Я говорил тебе, это судьба. У Питера был свой путь. У каждого свой собственный путь, — говорит он.

— И что же мне делать теперь?

Дарк усмехается и соединяет наши руки в замок. На этот раз его не оттягивает назад и он не падает в обморок. Мы просто стоим на вершине и наблюдаем.

— Начать жизнь с новой страницы, — отвечает он.

Я молча наблюдаю за процессом. Кевина поднимает Рыжий и уводит за лес, где и жил когда-то сам Питер. На небе появляются тучи и скапливаются перед крестом над могилой. Через секунду на поляну медленно ложатся мелкие хлопья снега, накрывая крест сугробом.

Он мертв, но я осталась жива.

— Нам пора, — сообщает Дарк и без промедления снова накрывает меня своим плащом, и мы скрываемся в пучине наступающего снегопада.

Вернувшись в Красный Замок на крае подушки, обнаруживаю белый конверт. На нем нет подписи или адреса отправителя. Однако попытка ни пытка — я открываю его.

— Что... — шепчу вполголоса, когда заканчиваю дочитывать письмо от Незнакомца. В дверь, вероятно, постучались, но я не расслышала. Я очнулась, только когда Бродяга показался перед лицом, громко выкрикивая что-то на своем языке.

— Она в опасности, Саго.

В проеме двери появляется Эльза. На ней вишневого платья в пол, которое подчеркивало цвет ее глаз, а волосы были собраны в пучок, хотя две накрученные локоны нависали над лицом. Так она была похожа на лесного эльфа. Я моргаю и часто дышу, когда чувствую, что это только начало...

Больше книг на сайте - Knigolub.net